

СТИВЕН

КИНГ

под псевдонимом РИЧАРД БАХМАН

РЕГУЛЯТОРЫ

**СТИВЕН
КИНГ**

**под псевдонимом
РИЧАРД БАХМАН**

РЕГУЛЯТОРЫ

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
(Richard Bachman)
THE REGULATORS

Перевод с английского *В. Вебера*
Серийное оформление *А. Кудрявцева*
Художник *В. Лебедева*
Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Регуляторы [роман] / Стивен Кинг ; [пер. с англ. В. Вебера]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 448 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-101176-5

Прекрасный летний денек в маленьком американском городке, и все идет как всегда, но...

Тварь Тьмы, вселившаяся в восьмилетнего мальчика, высасывает из людей силы жизни...

Из ниоткуда возникает машина смерти — и воздух взрывается автоматной очередью, выпущенной по детям...

В одно мгновение привычный мир рушится и становится реальным все самое страшное — то, что можно представить, и то, что даже невозможно вообразить!

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-101176-5

© Richard Bachman, 1996
© Перевод. В. Вебер, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Предисловие издателя

Ричард Бахман, умерший от рака в конце 1985 года, опубликовал пять романов. В 1985 году при переезде в новый дом вдова писателя обнаружила в подвале большую картонную коробку, набитую рукописями романов и рассказов разной степени завершенности. От стенографических записей в блокноте (первоначальный вариант) до рукописей, отпечатанных на машинке и подготовленных к отправке в издательство. Именно в таком виде она нашла рукопись романа, приведенного ниже. Рукопись лежала в отдельной папке, перетянутой клейкой лентой. Вероятно, Бахман закончил роман перед тем, как пошел к концу период последней ремиссии.

Миссис Бахман принесла рукопись мне для оценки, и я пришел к выводу, что этот роман ни в чем не уступает другим романам, вышедшим из-под пера писателя. Я внес в текст минимальные изменения, дабы привести его в соответствие с нынешним днем (к примеру, заменил Роба Лоу* на Итана Хоука**

* Лоу, Роб (р. 17.03.1964) — киноактер, снимался у Фрэнсиса Копполы («Изгой») и Джоэля Шумахера («Огни святого Эльма»). — *Здесь и далее примеч. пер.*

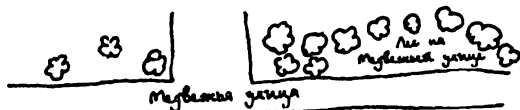
** Хоук, Итан (р. 6.11.1970) — популярный актер театра и кино, театральный режиссер, впервые вышел на сцену в 1983 г., снимается в фильмах с 1985 г.

в первой главе), но в основном оставил все так, как было. Роман этот предлагается читателю (разумеется, с разрешения вдовы автора) как надгробный камень Ричарду Бахману, чья писательская карьера была короткой, но небезынтересной.

Выражаю благодарность Клаудии Эшелман (ранее носившей фамилию Бахман), библиографу Бахмана Дугласу Уинтеру, Элейн Костер из «Новой американской библиотеки» и Кэролайн Стромберг, редактировавшей ранние книги Бахмана и подтвердившей, что роман написан им.

Вдова писателя говорит, что Ричард Бахман, насколько ей известно, никогда не путешествовал по Огайо, «разве что раз или два пролетал над этим штатом». Она также не знает, когда ее муж писал роман, хотя подозревает, что по ночам. Ричард Бахман страдал хронической бессонницей.

*Чарлз Веррилл,
Нью-Йорк*

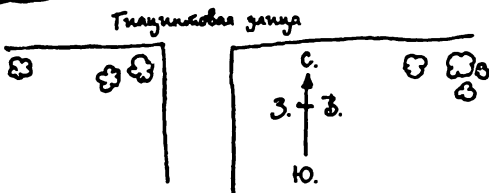

Трава и береза Дубрава		252
Трава и береза Сосна		242
Огонь и береза Телескоп		242
Камни и береза и Дубрава		245
Камни и береза Телескоп Дубрава		243
Еще 24		242

Тонкая зона

250		Дубрава береза
248		Копеек
246		Тон Дубрава
244		Тонкая и береза Дубрава
242		Хорошо (лучше всего)
240		Экспонат

Автомат

С.
3. 3.
10.

Почтовая открытка от Уильяма Гейрина его се-
стре Одри Уайлер:

Дорогая Оуди!

Мы в Карсон-Сити (Невада) и
были довольно разочарованы по за-
втрашнему поводу в Сан-Хосе. Я думаю,
мы совершили почти оптимальную
поиску, но этот вечер имел для нас
важное значение. СЕТ РАШИ-
ТЕЛЬНО ИЗМЕНИЛСЯ! Поужинать я
небыла, думаю, что из Сан-Хосе, а пока
мне очень нравится: «Голландия» в Сан-Хосе.
Видеокарта. Думаю, тебе понравится.

24 июля 1994 года

Билл

Милые Оуди

Уайлер

Томасина Джинджер
247

с Уоткинсом
43292, шоссе Огайо

Мистер, наш товар — свинец.

Стив Маккуинн.

Великолепная семерка

Глава 1

Тополиная улица,

15 июля 1996 года, 15.45

Лето.

Не просто лето, но апофеоз лета, пик лета в Огайо. Сочная зелень, ослепительное солнце на небе, напоминающем своим цветом вылинявшие джинсы, крики детей в лесу на Медвежьей улице, звонкие удары бит по мячу, доносящиеся с бейсбольной площадки по другую сторону леса, стрекотание газонокосилок, мерное гудение мощных моторов автомобилей, проносящихся по шоссе номер 19, поскрипывание роликов на бетонных тротуарах и гладком асфальте Тополиной улицы, включенные радиоприемники: репортаж с матча «Кливлендских индейцев»* (редкий случай — игра проходит днем) конкурирует с песней Тины Тернер «Ограничения города Намбаш», той самой, в которой сообщается, что предельная скорость — двадцать пять миль в час, а мотоциклистам вообще въезд запрещен, и мягкое, успокаивающее посвистывание поливальных распылительных головок на газонах.

* Бейсбольная команда, входящая в Восточное отделение Американской бейсбольной лиги.

Лето в Уэнтурте, Огайо, какое это чудо! Лето здесь, на Тополиной улице, которая прорезает эту легендарную, но уже слегка увядшую Американскую мечту, с запахом хот-догов в воздухе и бумажными обертками от использованных Четвертого июля пепард, еще валяющимися в водосточных канавах. Жаркий июль, настоящий июль, каким хотел его видеть Господь Бог, но и очень сухой июль, без дождей, которые могли бы стронуть с места китайские бумажки, пятнающие водосточные каналы. Сегодня, однако, возможны перемены. На западе погромыхивает, и те, кто смотрит «Погодный канал» (на Тополиной улице кабельное телевидение чуть ли не в каждом доме, будьте уверены), знают, что ближе к вечеру обещаны грозы. Вероятность торнадо невелика, но полностью не исключается.

А пока рука сама тянется к арбузу или к стакану «кулэйда». В центральной части Америки царит лето, о каком только можно мечтать. На подъездных дорожках стоят «шевроле», бифштексы в холодильниках ждут теплого вечера, когда их поджарят на гриле во дворе (наверное, после бифштексов придет время для яблочных пирогов). Огайо, земля аккуратно подстриженных зеленых лужаек и ухоженных цветочных клумб, королевство Огайо, где подростки носят бейсбольные кепки козырьком к затылку и полосатые рубашки поверх мешковатых шорт, а также отдают предпочтение похожим на галоши кроссовкам «Найк».

В квартале Тополиной улицы, что расположился между Медвежьей, на вершине холма, и Гиацинтовой, у его подножия, одиннадцать жилых домов и один магазин, универсальный американский магазин, где можно купить сигареты, кассеты и диски, дешевые сладости, все необходимое для пикника (бу-

мажные тарелки, пластмассовые вилки, чипсы, мороженое, кетчуп и горчицу) и многое, многое другое. В «Е-зет стоп 24» можно приобрести даже свежий номер «Пентхауса», если на то есть желание, но для этого необходимо обратиться к продавцу: в королевстве Огайо эротические журналы принято держать под прилавком. И это правильно. Главное ведь в том, что вы знаете, где взять такой журнал.

Продавщица сегодня новенькая, работает меньше недели, и в этот момент, в 15.45, обслуживает маленького мальчика и девочку. Девочка выглядит лет на одиннадцать и обещает вырасти красавицей. Мальчику, ее младшему брату, лет шесть, и в нем (во всяком случае, на взгляд новой продавщицы) уже проглядывают признаки отъявленного паршивца.

— Я хочу два шоколадных батончика! — заявляет брат-паршивец.

— У нас денег только на один, если мы выпьем по банке газировки, — отвечает красотка сестричка, проявляя, по мнению продавщицы, ангельское терпение. Будь это ее младший братец, думает продавщица, она дала бы ему такого пинка, что он без труда получил бы роль горбуна в школьной постановке пьесы «Собор Парижской Богоматери».

— Мама дала тебе утром пять баксов, я видел, — канючит паршивец. — Где остальные деньги, Мар-р-р-р-грит?

— Не зови меня так, ты же знаешь, что я этого терпеть не могу, — отвечает девочка. У нее длинные золотистые волосы, от которых продавщица просто балдеет. У самой продавщицы короткая стрижка, волосы завиты мелким бесом, причем на правой половине головы они оранжевые, а на левой — зеленые. Она полагает, что с такой экзотической окраской во-

лос не получила бы эту работу, если бы управляющий смог найти кого-то еще, согласного работать с одиннадцати утра до семи вечера. Ей, как говорится, повезло, ему — нет. Управляющий добился от нее обещания повязывать поверх разноцветных волос бандану или надевать бейсбольную кепку, но обещания для того и даются, чтобы их не выполнять. А теперь продавщица видит, с каким восторгом красотка сестричка взирает на ее волосы.

— Маргрит-Маргрит-Маргрит! — верещит паршивец с такой злобой, на которую способны только младшие братья.

— Меня зовут Эллен, — объясняет сестра, проявляя недюжинное хладнокровие. — Маргарет — мое второе имя. Брат зовет меня так, потому что знает, как я ненавижу это имя.

— Рада познакомиться с тобой, Эллен, — улыбается продавщица, выкладывая на прилавок покупки Элли.

— Рад познакомиться с тобой, *Мар-р-р-р-грит!* — кривляется брат-паршивец. Он морщит нос и закатывает глаза. — Рад познакомиться с тобой, Маргрит Придурастая.

— Мне нравятся твои волосы. — Эллен оставляет его ругань без внимания.

— Спасибо. — Улыбка продавщицы становится шире. — Но они не такие красивые, как твои. С тебя доллар сорок шесть центов.

Девочка достает из кармана джинсов маленький пластиковый кошелек. Его надо сжать, чтобы он открылся. В кошельке две смятые долларовые купюры и несколько центов.

— Спроси Маргрит Придурастую, где остальные три доллара! — Паршивец чуть не выпрыгивает из

штанов. Он вполне мог бы заменить собой систему громкой связи. — Она их потратила, чтобы купить журнал с И-и-и-и-и-итаном Хоу-у-у-у-у-ком на обложке!

Эллен по-прежнему игнорирует вопли брата, хотя щеки у нее начинают краснеть. Она протягивает продавщице два доллара и говорит:

— По-моему, раньше я тебя не видела.

— Скорее всего нет. Я начала работать в прошлую среду. Сюда искали такого человека, который согласился бы работать с одиннадцати до семи, а потом задерживаться еще на пару часов, на тот случай, если кто-то захочет вечером забежать в магазин.

— Очень приятно с тобой познакомиться. Я Элли Карвер. А это мой младший брат Ральф.

Ральф Карвер высовывает язык и издает неприличный звук. Мерзкая маленькая тварь, думает продавщица с двухцветными волосами.

— Я Синтия Смит. — Она через прилавок протягивает девочке руку. — Всегда Синтия и никогда Синди. Сможешь запомнить?

Девочка, улыбаясь, кивает.

— А я всегда Эллен и никогда Маргарет.

— *Маргрит Придурастая!* — визжит Ральф, от избытка чувств взмахивая руками и хлопая себя по бедрам. — *Маргрит Придурастая любит Э-э-э-э-э-тана Хоу-у-у-у-у-ка!*

Эллен бросает в сторону Синтии исполненный бесконечного смирения взгляд, который говорит: *Ви-ди-шь, что мне приходится сносить.* У Синтии тоже был младший брат, поэтому она точно знает, что приходится сносить красотке Элли. Ей хочется отпустить по этому поводу шутку, но она сдерживает-

ся, ведь в таком возрасте девочки воспринимают все всерьез. Элли дает братцу банку пепси.

— Батончик мы разделим пополам.

— Тогда ты прокатай меня на Бастере, — говорит Ральф, направляясь вместе с сестрой к выходу, навстречу яркому прямоугольнику, нарисованному на полу солнечным светом, падающим через окно. — Довезешь *до самого дома*.

— Черта с два, — отвечает Элен.

Когда же она открывает дверь, брат-паршивец поворачивается и бросает на Синтию самодовольный взгляд, истолковать который можно только так: *Посмотришь, чья возьмет, подожди, и ты все увидишь*.

Они выходят.

На дворе лето, но не просто лето. Мы говорим о пятнадцатом дне июля, когда лето на самом пике, когда оно безраздельно царствует в маленьком городке в штате Огайо, где большинство детей посещают Каникулярную библейскую школу или участвуют в Программе летнего чтения, проводимой местной библиотекой. В этом городке у одного мальчика есть маленький красный возок, который он назвал (только он знает почему) Бастером. Одиннадцать домов и один магазинчик купаются в сиянии летнего дня, девяносто градусов в тени, девяносто шесть* на солнце, воздух дрожит над асфальтом, как над жаровой.

Квартал идет с юга на север, нечетные дома на лос-анджелесской стороне, четные — на нью-йоркской. На холме, на углу Тополиной и Медвежьей улиц, расположен дом номер 251. Брэд Джозефсон поливает из шланга клумбы, разбитые вдоль дорож-

* По принятой в Америке шкале Фаренгейта, соответственно 32 и 35 градусов по шкале Цельсия.

ки, ведущей к тротуару. Ему сорок шесть лет, у него темно-шоколадная кожа, высокий рост, широкие плечи, грузная фигура. Элли Карвер думает, что выглядит он совсем как Билл Косби...^{*} Во всяком случае, Брэд похож на Билла Косби. Брэд и Белинда Джозефсон — единственные черные в квартале, и прочие жители квартала чертовски горды тем, что они живут рядом с ними. Выглядят Брэд и Белинда так, как и должны выглядеть, по мнению жителей пригородов, черные люди. Хорошая пара. Все соседи любят Джозефсонов.

Кэри Риптон, который, оседлав велосипед, по понедельникам развозит выпуск уэнтуртского еженедельника «Покупатель», огибает угол и на ходу бросает Брэду свернутую в трубочку газету. Тот ловко ловит ее свободной рукой, не сдвинувшись с места. Рука идет вверх — раз, и Брэд уже держит газету.

— Здорово, мистер Джозефсон! — кричит Кэри и катит дальше, брезентовая сумка с газетами лупит его по бедру. На нем форменная рубашка клуба «Орландские маги» с цифрой тридцать два, номером Шака.

— Да, хватка еще осталась, — отвечает Брэд и зажимает шланг под мышкой, чтобы развернуть еженедельник и посмотреть, что там на первой странице. Наверняка обычная ерунда, очередные распродажи, но все равно хочется посмотреть. Такова уж человеческая природа, философски думает Брэд. На другой стороне улицы, в доме номер 250, писатель Джонни Маринвилл сидит на крыльце, играет на гитаре и поет. Песенка из тех, что уже всем набили оскомины, но играет Маринвилл хорошо, хотя его не

^{*} Косби, Билл (р.12.07.1937) — известный комедийный актер, ведущий популярной телепередачи, лауреат премии «Эмми».

примешь за Марвина Гэя* (или, допустим, за Перри Комо**), но с ритма он не сбивается и поет в такт мелодии. Брэд музицирование Джонни воспринимает с неодобрением: человек, который преуспевает в одном занятии, должен им и ограничиться, оставив все прочие желания.

Кэри Риптон, ему четырнадцать лет, у него короткая стрижка, он играет в уэнтуортской команде Американского легиона*** («Ястребы», на текущий день — четырнадцать побед и четыре поражения, до конца чемпионата еще две игры), бросает следующую газету на крыльцо дома номер 249, в котором живут Содерсоны. Если Джозефсоны — черная пара Тополиной улицы, то Содерсоны, Гэри и Мэриэл, — пара божественная. На весах общественного мнения супруги Содерсон друг друга стоят. Гэри, мужчину видного, добродушного, всегда готового помочь, соседи любят, несмотря на то что он практически постоянно под градусом. Мэриэл... Пирожок**** Карвер как-то высказалась про нее: «Есть одно слово для таких женщин, как Мэриэл. Оно рифмуется с другим словом, каким называют собаку женского пола».

Бросок Кэри точен. «Покупатель» ударяется о парадную дверь Содерсонов и откатывается на коврик, но никто не выходит, чтобы взять газету. Мэриэл принимает душ (второй раз за день, она ненавидит такую жаркую погоду, когда не успеваешь смыть

* Гэй, Марвин (1939–1984) — одаренный чернокожий музыкант, популярный исполнитель церковных псалмов, в 1957 г. переклещившийся на эстрадные песни.

** Комо, Перри (1912–2001) — исполнитель баллад и народных песен.

*** Молодежные соревнования, которые проводятся под патронажем Американской бейсбольной лиги.

**** Ласковое прозвище миссис Карвер.

с себя липкий пот), Гэри во дворе набивает гриль торфяными брикетами, словно собирается поджарить целого телятенка. На Гэри фартук с надписью: «ПОВАРА МОЖНО И ПОЦЕЛОВАТЬ». Жарить мясо еще рано, но готовиться к этому действию никогда не поздно. Посередине двора под большим цветастым зонтом стоит раскладной столик, на нем — переносной бар Содерсона: банка с оливками, бутылка джина и бутылка вермута. Бутылка вермута еще не распечатана. Перед ней стакан с двойным martin. Гэри закладывает в гриль последний брикет, подходит к столу и допивает то, что оставалось в стакане. Мартини он обожает, прикладывается к стакану достаточно часто и к четырем часам может и отключиться. Обычно так и случается в те дни, когда ему не надо вести занятия. И нынешний день — не исключение.

— Отлично, — говорит Гэри, — переходим к следующему вопросу повестки дня. — После этого он приступает к приготовлению «martини Содерсона». Процесс состоит из трех этапов:

- 1) заполнить стакан на три четвертиджином «Бомбей»;
- 2) добавить одну оливку;
- 3) чокнуться с нераспечатанной бутылкой вермута.

Среди обычных летних звуков: криков детей, гудения газонокосилок, стрекотания насекомых — Гэри слышит перезвоны гитары писателя, нежные и чистые. Мелодию он ухватывает сразу и танцует под нее в тени зонта со стаканом в руке, громко напевая: *«Так поцелуй меня и улыбнись мне... Скажи, что ждал меня... Обними крепко, словно никогда не отпустишь».*

Хорошая песня, Гэри помнит ее еще с тех времен, когда у Ридов, что живут через дом от него, близнецов не было и в помине. На мгновение Гэри задумывается о том, как скоротечно время, как быстро оно проносится мимо. Но грустные мысли в голове у Содерсона не задерживаются. Он делает изрядный глоток, прикидывая, готов ли гриль к работе. Среди прочего он слышит и шум льющейся в душе воды и думает о Мэриэл. Сучка, конечно, но она не забывает следить за своим телом. Гэри думает о том, как Мэриэл намыливает грудь, круговыми движениями лаская кончиками пальцев соски, чтобы они затвердели. Разумеется, ничего этого Мэриэл не делает, но такой образ отогнать трудно, а сам по себе он не уйдет. И Гэри воображает себя святым Георгием, но современным, живущим в двадцатом столетии. Он отражает дракона вместо того, чтобы убить. Гэри ставит стакан на раскладной столик и направляется к дому.

О Господи, летнее время, веселое летнее время, как легко живется в это время на Тополиной улице.

Кэри Риптон смотрит в зеркало заднего обзора, убеждается, что мостовая пуста, и переезжает на восточную сторону улицы, к дому Карверов. Дом мистера Маринвилла он пропускает, потому что в самом начале лета мистер Маринвилл дал ему пять долларов за то, чтобы он не снабжал его «Покупателем». «Пожалуйста, Кэри, — в глазах мистера Маринвилла застыла мольба, — я не могу читать об открытии еще одного супермаркета или о распродаже в аптеке. Я просто умру, если это прочту». Кэри абсолютно не понимает мистера Маринвилла, но человек он хороший, а пять баксов — это пять баксов.

Миссис Карвер открывает входную дверь, когда Кэри легонько бросает ей газету «Покупатель». Она

пытается поймать, но неудачно. Миссис Карвер разительно смеется. Кэри смеется вместе с ней. У миссис Карвер нет ни хватки, ни рефлексов Брэда Джозефсона, но женщина она симпатичная и очень общительная. Ее муж, в плавках и резиновых шлепанцах, моет автомобиль на подъездной дорожке. Краем глаза Кэри замечает, что Дэвид Карвер вытягивает руку, наставляя на подростка палец. Тот отвечает тем же, и они притворяются, будто стреляют друг в друга. Кэри нравится эта игра. Дэвид Карвер работает на почте, и Кэри приходит к выводу, что он в отпуске. Мальчик дает себе зарок: если уж ему придется работать с девяти до пяти, когда он вырастет (Кэри знает, что с некоторыми это случается, как диабет или почечная недостаточность), он никогда не будет проводить отпуск дома, тратя свободное время на мытье автомобиля.

«Да и автомобиля у меня не будет, — думает Кэри. — Куплю себе мотоцикл. И не какой-то там японский. Большой старый «харлей-дэвидсон». Вроде того, что стоит у мистера Маринвилла в гараже. Из американской стали».

Кэри смотрит в зеркало заднего обзора и замечает что-то ярко-красное на Медвежьей улице, за домом Джозефсона, похоже, фургон, припаркованный на юго-западном углу перекрестка. Затем Кэри вновь пересекает улицу и на сей раз оказывается перед домом номер 247, где живет Одри Уайлер.

Из всех домов улицы, в которых живут (а пустует только дом старика Хобарта, номер 242), этот единственный неухоженный. Маленький коттедж, который давно следовало бы покрасить. Не мешало бы и добавить гравия на подъездную дорожку. Над газоном вертится поливальная распылительная го-

ловка, но трава тем не менее местами пожелтела и пожухла, такого нет ни на одной другой лужайке, даже перед домом Хобарта.

Она не знает, что одного полива недостаточно, думает Кэри, сунув руку в мешок за очередным свернутым в трубочку «Покупателем». Ее муж знал на-верняка, но...

Тут до него доходит, что миссис Уайлер (Кэри полагает, что, обращаясь к вдовам, надо все равно говорить «миссис») стоит за сетчатой дверью*, и, хотя он видит только ее силуэт, ему становится как-то не по себе. На мгновение Кэри застывает на педалях, а когда бросает газету, его прицел сбивается. В результате «Покупатель» приземляется не на крыльцо, а на куст, растущий рядом. Кэри ругает себя последними словами, он напоминает себе разносчика газет из глупой кинокомедии, где какой-нибудь «Дейли Багль» забрасывается на крышу или в самую середину розового куста. В другой день (и в другом доме) он мог бы слезть с велосипеда, вернуться, достать газету, положить ее на крыльцо, а может быть, с улыбкой отдать даме в руки. Но не сегодня. И не здесь. Что-то ему во всем этом определенно не нравится. Что-то в ее позе: она стоит понурившись, руки болтаются как плети. Похоже на игрушку, в которой села батарейка. А может, дело не в этом. Кэри не может разглядеть ее, мешает сетка, но ему кажется, что миссис Уайлер до пояса голая и стоит в прихожей в одних лишь шортах. Стоит и смотрит на него.

Если так, то сексуального в этом ничего нет. Только мурашки бегут по коже.

* Рама с натянутой на нее сеткой для защиты от насекомых, которая навешивается в проеме входной двери. Характерная принадлежность большинства американских домов.

И этот мальчишка, что живет с ней, ее племянник, от него тоже мурашки бегут по коже. Сет Гарланд или Гарин, что-то в этом роде. Он никогда ничего не говорит, даже если ты обращаешься к нему: «Эй, как поживаешь? Тебе тут нравится? Как по-твоему, «Индейцы» опять выиграют?» — лишь смотрит на тебя глазами цвета тины. Смотрит так, как сегодня смотрит на него, Кэри это чувствует, миссис Уайлер. «Заходи ко мне в гостиную», — сказал паук мухе. Вот такой у нее сейчас взгляд. Ее муж умер в прошлом году (как раз в то время, когда у Хобартов случилась беда и они переехали), и людская молва утверждает, что причина — не несчастный случай. Люди говорят, что Херб Уайлер (он коллекционировал марки и однажды подарил Кэри старое пневматическое ружье) покончил с собой.

Большушие мурашки еще бегут у него по коже, когда Кэри, в очередной раз взглянув в зеркало заднего обзора, пересекает улицу. Красный фургон все так же стоит на углу Медвежьей и Тополиной улиц (какой он нарядный, думает Кэри). Кэри видит, что по мостовой движется автомобиль, синяя «акура», которую он узнает сразу. Это мистер Джексон, еще один учитель, живущий в этом квартале. Только преподает он в университете Огайо. Джексоны живут в доме номер 244, повыше дома старого Хобарта. У них самый красивый дом с просторными комнатами. Участок по склону холма огорожен зеленой изгородью, а от старика ветеринара его отделяет высокий забор из штакетника.

— Привет, Кэри! — Питер Джексон тормозит рядом с подростком. На нем вылинявшие джинсы и футболка с большой улыбающейся желтой рожи-

цей на груди. «ДОБРОГО ВАМ ДНЯ!» — говорит мистер Лыба-Улыба. — Как дела, плохиш?

— Отлично, мистер Джексон, — улыбается Кэри. А сам в это время думает: *Только мне кажется, что миссис Уайлер стоит в прихожей по пояс голая.* — Все в лучшем виде.

— Ты уже начал играть?

— Участвовал в двух матчах. Думаю, дальше дело пойдет лучше. Вчера выходил на поле в двух периодах*. Хотелось бы отыграть пару и сегодня вечером. Это все, на что я могу надеяться. Но для Френки Альбертини это последний год в Легионе. — Он протягивает Питеру газету.

— Понятно. — Питер берет газету. — И в следующем сезоне взойдет звезда месье Кэри Риптона.

Юноша смеется, эта идея ему очень нравится.

— В этом году вы опять преподаете в летней школе?

— Да. Две дисциплины. «Исторические хроники Шекспира» и «Джеймс Дики и новая южная готика». Какая-нибудь показалась тебе интересной?

— Думаю, я пропущу обе.

Питер кивает.

— Пропусти, и тебе не придется ходить в воскресную школу, плохиш. — Он тычет пальцем в улыбающуюся рожицу. — С июня этого года преподавателям сделали послабление в вопросах одежды, но летняя школа — это камень на шее. По большому счету ничего не изменилось. — Питер бросает газету «Покупатель» на сиденье и переводит ручку переключения скоростей с нейтральной на первую. — Как бы тебе не получить солнечный удар. Развозить в такую жару газеты — удовольствие ниже среднего.

* Бейсбольный матч состоит из девяти периодов.

— Не получу. К тому же скоро, видимо, пойдет дождь. Вроде бы уже погромыхивает.

— Как говорится... Берегись!

Что-то большое и шерстистое пролетает мимо, преследуя красный диск. Кэри отклоняется к автомобилю мистера Джексона, но все-таки Ганнибал, большая немецкая овчарка, задевает его хвостом, спеша за фризби*.

— Вот кого надо предупреждать о тепловом ударе, — говорит Кэри.

— Скорее всего ты прав, — кивает Питер, и «аккура» медленно набирает ход.

Кэри наблюдает, как на другой стороне улицы Ганнибал хватается фризби зубами и поворачивается. На шее у пса повязана цветастая бандана, на морде написана собачья улыбка.

— Неси ее сюда, Ганнибал! — кричит Джим Рид. Ему тут же вторит его близнец, Дэйв:

— Сюда, Ганнибал! Не капризничай! Тащи! Быстро!

Ганнибал стоит у дома номер 246, почти напротив дома Уайлер, с фризби в пасти, медленно виляет хвостом и улыбается все шире и шире.

Близнецы Риды живут в доме номер 245, рядом с миссис Уайлер. Сейчас братья стоят на границе лужайки, один темноволосый, другой блондинистее, оба высокие и симпатичные, в футболках с обрезанными рукавами и одинаковых шортах, и смотрят на

* «Летающая тарелка» — пластиковый диск для спортивной игры, назван по имени старинной коннектикутской компании «Фризби пай», продававшей всевозможные пироги и пирожки, упакованные на бумажных тарелочках. В начале века студенты местного колледжа любили соревноваться в том, кто дальше сумеет закинуть такую тарелку.

Ганнибала. За ними — две девушки. Первая — Сюзи Геллер, их соседка. Миленькая, но, чего уж там, не красотка. А вот вторая, рыженькая, с длиннющими ногами... ей самое место на иллюстрации в словаре рядом со словом «красавица». Кэри с ней не знаком, но у него сразу возникает желание познакомиться, узнать, о чем она думает, о чем мечтает, какие у нее планы, фантазии. Особенно фантазии. Но ничего ведь не выйдет, думает он. Она матерая «киска». Лет семнадцати, не меньше.

— Ну, красавчик! — Джим Рид поворачивается к своему черноволосому двойнику. — Теперь твоя очередь.

— Как бы не так, фризби вся в слюне, — отвечает Дэйв Рид. — *Ганнибал, будь хорошим псом и бь-стренько тащи сюда фризби!*

Ганнибал стоит, где стоял, и по-прежнему улыбается. Нет-нет, беззвучно говорит он, вернее, говорят его улыбка и хвост. Нет-нет, у вас девушки и шорты, а вот у меня ваша фризби, и я залил ее слюной, но, по моему разумению, никуда вы не денетесь, придете как миленькие.

Кэри лезет в карман и достает пакетик с семечками подсолнуха. Он открыл для себя, что с ними время летит куда быстрее, когда сидишь на скамье запасных. Кэри научился ловко шелкать семечки зубами, отправляя вкусную сердцевину в рот, а шелуху — на бетонный пол.

— Сейчас я с ним разберусь, — кричит он близнецам Ридам, надеясь, что на рыжеволосую произведет впечатление его умение приручить животное. Кэри, конечно, понимает, что мечтать о таком может только подросток, перешедший из первого класса средней школы во второй, но девушка выглядит

такой соблазнительной в белых, с отворотами, шортах. Разве такие мечты могут ему навредить?

Руку с пакетиком он опускает на уровень собачьей морды и хрустит целлофаном. Ганнибал тут же подходит с красной фризби в зубах. Кэри высыпает несколько семечек на ладонь свободной руки.

— Смотри, Ганнибал, — говорит он. — Видишь, какие они хорошие. Семечки подсолнуха любят собаки во всем мире. Попробуй их. Не прогадаешь.

Ганнибал пристально смотрит на семечки, ноздри его подрагивают, потом он бросает фризби на мостовую Тополиной улицы, и семечки с ладони Кэри перекочевывают в его пасть. А юноша в этот момент наклоняется, подхватывает фризби (по краям она действительно в слюне) и бросает ее Джиму Риду. Бросок идеально точный, Джим ловит фризби, не сходя с места. И, о Господи, рыжеволосая *аплодирует* ему, радостно подпрыгивая рядом с Сюзи Геллер, а ее буфера, приличного, между прочим, размера, отплясывают джигу под топиком. О, слава Тебе, Господи, премного Тебе благодарен, теперь будет что вспомнить, перед тем как «погонять шкурку». На неделю по крайней мере воспоминаний хватит.

Улыбаясь, не ведая о том, что он умрет девственником, так и не войдя в основной состав «Ястребов», Кэри бросает «Покупатель» на крыльцо дома, в котором живет Том Биллингсли (он слышит жужжание газонокосилки дока: старик косит траву за домом), потом вновь поворачивается к Ридам. Дэйв переправляет фризби Сюзи Геллер, чтобы поймать «Покупатель», когда Кэри бросит ему газету.

— Спасибо за вызволение фризби, — улыбается Дэйв.

— Не стоит благодарности. — Кэри кивает в сторону рыженькой. — Кто это?

Дэйв смеется.

— Не твое дело, малыш. Даже не спрашивай.

Кэри, конечно, хочется спросить, но он приходит к выводу, что настаивать как раз и не стоит: он уже показал себя в лучшем виде, отнял у собаки фризби, девушка ему аплодировала, от танца ее буферов под топином встала бы и переваренная макаронина, ему вовсе не хочется сейчас выглядеть канючащим мальчишкой. Вообще-то для такого жаркого дня впечатлений уже более чем достаточно.

А у них за спиной, на вершине холма, красный фургон трогается с места и медленно огибает угол.

— Придешь сегодня на игру? — спрашивает Кэри Дэйва Риды. — Мы принимаем «Колумбусских неслухов». Будет на что посмотреть.

— Ты примешь участие?

— Два периода отыграю обязательно, может, даже три.

— Тогда скорее всего не приду. — Дэйв залившись смеется.

Эти близнецы Риды в своих футболках с обремененными рукавами выглядят как молодые боги, думает Кэри, а вот когда они открывают рты, то становятся больше похожи на дьяволов.

Кэри смотрит на дом, который расположен на углу Тополиной и Гиацинтовой улиц, напротив магазина. Последний дом слева, совсем как в фильме ужасов под тем же названием*. Автомобиля на подъездной дорожке нет, но это ничего не значит: он может стоять в гараже.

* «Последний дом слева» — выпущенный в 1972 г. фильм режиссера Уэса Крэйвена.

— Хозяин дома? — спрашивает Кэри Дэйва, указывая взглядом на номер 240.

— Не знаю, — отвечает подошедший Джим. — Это довольно странный человек. Зачастую оставляет автомобиль в гараже, а сам через кусты уходит на Гиацинтовую. Наверное, садится на автобус и едет, куда ему нужно.

— Ты его боишься? — спрашивает Дэйв Кэри. В голосе слышится издевка.

— Да нет же, — отвечает Кэри, глядя на рыженькую и думая о том, каково держать в объятиях такую крошку, да не просто держать, а... Нет, приятель, ты для нее слишком молод, одергивает он себя.

Кэри машет рукой рыжеволосой красотке, его распирает от счастья, когда он видит ответное движение ее руки. Кэри берет курс на дом номер 240. Он забросит «Покупатель» на крыльцо, в этом сомнений быть не может, а потом, если чокнутый эксп-коп не выбежит из двери с пеной у рта и безумными глазами, может, даже размахивая револьвером или мачете, и не набросится на него, Кэри отправится в «Е-зет стоп», чтобы стаканом газировки отметить очередное успешное прохождение маршрута: с Андерсон-авеню на Колумбус-Броуд, с Колумбус-Броуд на Медвежью, с Медвежьей на Тополиную. А там и домой, надевать униформу, и вперед, на бейсбольную войну.

Но сначала визит в дом номер 240 по Тополиной улице, где проживает бывший полицейский, который потерял работу, забив до смерти двух парней из Норт-Сайда, заподозренных им в том, что они изнасиловали маленькую девочку. Кэри не знает, так ли это, в газетах он про эту историю точно не читал, но он видел глаза этого полицейского, в них была пу-

стота, которая обычно заставляет вас тут же отвести взгляд.

На вершине холма красный фургон поворачивает на Тополиную улицу и наращивает скорость. Кэри слышит мерный рокот мощного двигателя. Интересно, что это за хромированная железяка на крыше фургона.

Джонни Маринвилл перестает играть на гитаре, взгляд его прикован к фургону. Он не может увидеть, что там внутри, так как стекла тонированы, но железяка на крыше больно уж похожа на хромированную антенну радиолокатора. Неужели ЦРУ высадилось на Тополиной улице? И Брэд Джозефсон на противоположной стороне улицы застыл на лужайке перед своим домом, со шлангом в одной руке и «Покупателем» в другой. Брэд таращится на медленно катящийся фургон (фургон ли?), а на лице у него застыло недоуменное выражение.

Солнечные лучи отражаются от ярко-красного борта и хромированных металлических полос под темными окнами. Джонни даже щурится — так все блестит.

Сосед Джонни, Дэвид Карвер, все еще моет свой автомобиль. Моет с энтузиазмом, тут ничего не скажешь: «шеви» по самые дворники в мыльной пене.

Красный фургон проезжает мимо него, урча мотором и поблескивая на солнце.

На другой стороне улицы близнецы Риды и их подружки перестают перебрасываться фризби, чтобы посмотреть на приближающийся к ним фургон. Стоят они как бы в углах прямоугольника, на пересечении диагоналей которого с высунутым языком сидит Ганнибал, дожидаящийся очередного шанса броситься за фризби.

Тополиная улица уже живет в другом ритме, только никто об этом еще не знает.

Издали доносится погромыхивание.

Кэри Риптону нет дела ни до красного фургона, который он видит в зеркале заднего обзора, ни до ярко-желтого «райдера»*, сворачивающего на асфальтированную площадку у магазина «Е-зет стоп», где младшие Карверы все еще решают, повезет Эллен братца на Бастере или нет. Наконец Ральф соглашается идти пешком и молчать о купленном журнале с Итаном Хоуком на обложке при условии, что дорогая сестра Маргрит Придурастая отдаст ему весь батончик, а не половину.

Дети замолкают, заметив белый дымок, который, словно дыхание дракона, со свистом вырывается из радиаторной решетки грузовика. А вот Кэри Риптона нисколько не заботят проблемы грузовика. Он целиком сконцентрирован на самом для него важном: доставить чокнутому экс-копу очередной номер «Покупателя» и выйти из этой переделки с минимальными потерями. Зовут экс-копа Колльер Энтрегьян, и он единственный во всем квартале поставил на лужайке табличку «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Маленькая такая табличка, скромненькая, но она есть.

Если полицейский убил двух парней, то почему он не сидит в тюрьме, гадает Кэри уже не в первый раз и приходит к выводу, что ему без разницы. Продолжающееся пребывание экс-копа на свободе — не его дело. Думать ему надо о другом: как выжить?

* «Райдер» — грузовик, взятый напрокат. Компания «Райдер систем» первой предложила подобную услугу. Название стало нарицательным.

Неудивительно, что поглощенный своими мыслями Кэри не замечает ни «райдера», из радиаторной решетки которого вырывается пар, ни двух детей, на мгновение прервавших сложные переговоры, касающиеся журнала, шоколадного батончика «Три мушкетера» и способа передвижения от магазина к дому. Не замечает он и красного фургона, спускающегося с холма. Кэри озабочен лишь тем, чтобы не стать следующей жертвой чокнутого экс-копа. По иронии судьбы Кэри и не подозревает, что смерть накатывает на него сзади.

Одно из боковых окон фургона опускается.

Из него высовывается дробовик какого-то странного цвета, не серебряного, но и не серого. А концы обоих стволов черные.

Вдали, за сверкающим безоблачным горизонтом, все гремит и гремит.

*Заметка из «Колумбус диспетч» от 31 июля
1994 года:*

СЕМЬЯ ИЗ ТОЛИДО РАССТРЕЛЯНА В САН-ХОСЕ

**Четыре жертвы бандитского нападения.
В живых остался лишь шестилетний ребенок.**

САН-ХОСЕ, Калифорния, 30 июля. Семейный отпуск в Северной Калифорнии вчера закончился трагедией: четверо членов приехавшей из Толидо семьи расстреляны в упор. Полиция Сан-Хосе подозревает, что они по ошибке стали жертвами гангстерской разборки. Погибли Уильям Гейрин (42 года), Джун Гейрин (40 лет) и двое их детей: двенадцатилетний Джон Гейрин и десятилетняя Мэри Лу Гейрин. Гейрины приехали в гости к Джозефу и Роксане Калабризи, своим друзьям по колледжу. Когда началась стрельба, Калабризи находились во дворе за домом и не пострадали. Уцелел также шестилетний Сет Гейрин, который играл во дворе в песочнице. По словам Джозефа Калабризи, чета Гейринов и их старшие дети играли на лужайке в крокет, когда загремели выстрелы.

«Не могу поверить, что мы живем в обществе, где такое может случиться, — заявил потрясенный Джозеф Калабризи. — Это спокойный район. Ничего подобного здесь никогда не бывало».

Свидетели показали, что незадолго до происшествия видели в непосредственной близости от дома Калабризи красный фургон. Один мужчина заявил, что фургон оснащен специальными средствами мониторинга. «На крыше стояла тарелка-антенна радиолокатора, — говорил он. — Если эти мерзавцы не уберут ее, отыскать фургон не составит труда».

Полиция не нашла загадочный фургон, не арестован ни один подозреваемый. На вопрос, какое оружие использовали бандиты, лейтенант Роберт Альварес ответил, что баллистическая экспертиза не дала однозначного ответа.

Глава 2

1

Стив Эмес увидел результаты выстрела только потому, что двое детей о чем-то яростно спорили перед магазином. Сестричку не на шутку рассердил младший братец, и на мгновение Стиву показалось, что она сейчас крепко врежет мальчишке... отчего он перелетит через красную игрушечную повозку и угодит аккурат под колеса его грузовика. Что ж, задавить ребенка в Огайо — достойный венец этого гребаного дня.

Поскольку Стив остановил грузовик на достаточно большом расстоянии (береженого Бог бережет), он заметил, что пар, вырывающийся из радиатора, отвлек ребят от предмета их спора. И тут уж Стив не мог не обратить внимания на ярко-красный (таких ему видеть еще не доводилось) фургон, высившийся позади детей. Но заинтересовала его не столько окраска, сколько сверкающая хромированная штуровина на крыше фургона.

Выглядела она словно тарелка радиолокатора из фантастического фильма и вращалась по короткой дуге, как обычно и вращаются антенны радиолокаторов.

На противоположной стороне улицы ехал на велосипеде подросток. Фургон чуть вильнул к нему, словно водитель (или кто-то внутри) хотел что-то спросить у подростка. Тот фургона не замечал. Он как раз достал из брезентового мешка, что висел у его бедра, свернутую в трубочку газету и замахнулся, чтобы бросить ее на крыльцо дома.

Стив автоматически повернул ключ зажигания, выключая двигатель. Он не слышал свиста вырывающегося из радиатора пара, не видел детей, стоящих

на асфальте между ним и ярко-красным фургоном, не думал о том, что скажет, позвонив по телефону, который дали ему в пункте проката «Райдер систем» на случай неполадок с двигателем. Раз или два в жизни его озаряло: сейчас что-то должно случиться. И что-нибудь действительно случилось. Причем отнюдь не самое приятное. Такое вот предчувствие он испытывал в тот самый момент.

Стив не видел двойного ствола, высунувшегося из бокового окна фургона, так как находился с другого борта, но, услышав выстрел дробовика, он сразу понял, что сие означает. Вырос Стив в Техасе, поэтому не мог спутать грохот выстрела с громом.

Подростка сбросило с седла, бейсбольная кепка свалилась с его головы, рубашку на спине разодрало в клочья. Стив увидел и то, без чего вполне мог бы обойтись: полетевшие во все стороны брызги крови и ошметки плоти. Выстрел поймал подростка на замахе, поэтому, когда его пальцы разжались, газету силой инерции вынесло за спину подростка, на мостовую, а сам он повалился на лужайку перед маленьким домиком, последним в квартале.

Фургон остановился посреди мостовой, самую малость не доехав до пересечения Тополиной улицы с Гиацинтовой, двигатель чуть слышно мурлыкал на нейтральной передаче.

Стив Эмес еще сидел с открытым ртом за рулем взятого напрокат грузовика, когда открылось маленькое окошечко в правой части заднего борта фургона: электромотор утянул стекло вниз, как на «кадиллаке» или «линкольне».

Интересно, когда же успели освоить эту технологию, подумал Стив, а потом в голову ему пришла другая мысль: откуда вообще взялся этот фургон?

Краем глаза он увидел, что кто-то вышел из магазина. Это была девушка в голубом переднике, униформе магазинов «Е-зет стоп». Одну руку она приложила ко лбу, прикрывая глаза от слепящего солнца. Девушку Стив видел, а вот разносчика газет нет — тело закрывал фургон. И тут взгляд Стива поймал стволы дробовика, высывающиеся из только что открывшегося окна.

А двое детей, стоявших рядом с красным возком и смотревших в том направлении, откуда раздались первые выстрелы, являлись идеальной мишенью.

2

Пес Ганнибал увидел только одно: свернутую в трубочку газету, которая выпала из руки Кэри Риптона, когда двойной заряд дробы сбросил его с велосипеда и, разворотив спину, отправил в мир иной. Ганнибал, радостно лая, сорвался с места.

— Ганнибал, стой! — закричал Джим Рид.

Он понятия не имел, что происходит (вырос Джим не в Техасе и принял грохот первых двух выстрелов за раскат грома, правда, звук этот не слишком походил на гром, однако Джим и представить себе не мог, что кто-то может начать стрелять на Топлиной улице — очень уж все было хорошо в тот летний день), но ситуация ему не нравилась. Не думая о том, почему он это делает, Джим бросил фризби вдоль тротуара в сторону магазина, надеясь, что летающая тарелка привлечет внимание Ганнибала и тот изменит курс. Но план не сработал. Пес предпочел не замечать фризби и мчался к свернутому в трубочку экземпляру «Покупателя», который ле-

жал перед капотом красного фургона, замершего с работающим на холостом ходу двигателем.

3

Синтия Смит сразу поняла, что на улице стреляют. Когда она была маленькой, ее отец-священник увлекался спортивной стрельбой по тарелочкам и чуть ли не каждую субботу брал девочку с собой на стрельбище.

Впрочем, на сей раз никто не кричал: «Пли!»

Синтия отложила книжку в бумажном переплете, которую она читала, обежала прилавок, выскочила за дверь, остановилась на бетонной площадке, поднятой над асфальтом автостоянки на три ступени, прикрыла глаза рукой от слепящих лучей солнца.

Она увидела стоящий посреди улицы фургон, стволы дробовика, торчащие из его заднего борта, и поняла, что наведены эти стволы на детей Карверов. У тех на лицах отражалось недоумение, но не испуг.

Мой Бог, подумала Синтия, сейчас же застрелят детей.

На мгновение она окаменела. Мозг требовал от ног, чтобы они немедленно пришли в движение. Однако ноги не подчинялись.

Беги! Беги! БЕГИ! — крикнула она себе, и крик этот растопил лед, сковавший нервы. Синтия едва ли не кубарем скатилась со ступенек, подбежала к детям, схватила их и прижала к себе. Стволы огромными черными дырами уставились на нее. Синтия поняла, что опоздала. Задержка у двери стала фатальной. Синтия добилась лишь одного: теперь нажатие на спусковые крючки дробовика принесет смерть не

только двум невинным детям, но и много чего повидавшей девице двадцати одного года от роду.

4

Дэвид Карвер бросил губку в ведро с мыльной водой, стоявшее у правого переднего колеса его «шеви», и по подъездной дорожке направился к улице, чтобы посмотреть, что происходит. Джонни Маринвилл, живущий в следующем доме, ближе к вершине холма, последовал его примеру, прихватив с собой гитару. На другой стороне улицы Брэд Джефсон положил шланг на траву и зашагал к тротуару. С «Покупателем» в руке.

— Что это было? — спросил Джонни. — Обратная вспышка? — Однако он уже понял, что автомобильный двигатель тут ни при чем. В свое время, когда он считал себя «серьезным писателем» (сродни «очень хорошей проститутке»), то есть до того, как начал писать о Китти-Кэте, Джонни побывал во Вьетнаме, где написал серию отличных репортажей. Грохот, только что долетевший до его ушей, ничем не отличался от грохота, то и дело слышавшегося в джунглях. Только после того грохота на земле оставались трупы.

Дэвид покачал головой и вскинул руки, показывая, что не знает. Позади него раскрылась сетчатая дверь, и босые ноги зашлепали по дорожке. Это была Пирожок, в джинсовых шортах и блузке, застегнутой не на те пуговицы. С прилипшими к голове волосами. Выскочившая из-под душа.

— Это что, обратная вспышка? Господи, Дэйв, совсем как...

— Выстрел, — закончил за нее Джонни, а потом добавил: — По-моему, действительно стреляли.

Кирстен Карвер, Кирсти для друзей и Пирожок для мужа (по причинам, ведомым, вероятно, только мужу), посмотрела вдоль улицы, вниз по склону. Лицо ее перекосилось от ужаса, а глаза широко раскрылись. Дэвид проследил за ее взглядом и увидел стоящий на месте фургон и два ствола, торчащие из правого окошка в заднем борту.

— *Эли! Ральф!* — крикнула Пирожок. Вопль этот прорезал воздух, достигнув даже двора дома Содерсонов, и Гэри замер, не донеся стакан с «мартини Содерсона» до рта. — *Господи! Эли и Ральф!*

И Пирожок помчалась вниз по склону к фургону.

— *Кирстен, не делай этого! Нельзя!* — заорал Брэд Джозефсон и побежал следом, надеясь перехватить ее между домами Джексонов и Геллеров. Для мужчины его габаритов бежал он быстро, но уже через десяток шагов понял, что Кирсти ему не догнать.

Дэвид Карвер тоже побежал за женой, его толстый живот качало из стороны в сторону над плавками, шлепанцы грозили в любой момент слететь с ног. Тень Дэвида бежала по улице вместе с ним, куда более высокая и стройная, чем почтовый служащий Дэвид Карвер.

5

Я покойница, решила Синтия, падая на одно колено рядом с детьми, обхватывая их плечи руками, притягивая их к себе. И толку в этом никакого. Я покойница, покойница, абсолютная покойница. Однако

она не могла оторвать взгляд от двух стволов, двух дыр, черных, как бездонная пропасть.

Дверца кабины желтого грузовика со стороны пассажирского сиденья распахнулась, и Синтия увидела долговязого мужчину в синих джинсах и футболке с чьей-то физиономией на груди, с седыми, до плеч, волосами и изрезанным морщинами лицом.

— Тащите их сюда, мэм! — закричал он. — Скорее, скорее!

Синтия подтолкнула детей к грузовику, зная, что уже опоздала. А потом, когда она все еще старалась подготовить себя к встрече с пулей или с роем дробы (как будто к такой встрече можно подготовиться), стволы, торчащие из окошка, переместились, найдя себе другую цель, выше по склону. Громыкнули выстрелы, словно шар для боулинга запрыгал по бетонному желобу. Синтия увидела язык пламени, вырвавшийся из стволов. Собаку Ридов, на всех парах мчавшуюся к лежащей на мостовой газете, отбросило вправо, и она упала на асфальт, словно тряпичная кукла.

— Ганнибал! — в унисон крикнули Джим и Дэйв. Действительно близнецы, подумала Синтия и с такой силой толкнула детей к раскрытой двери кабины, что брат-паршивец упал, мгновенно заревев во весь голос. Девочка (всегда Элли и никогда — Маргарет, Синтия это помнила) в изумлении оглянулась на фургон. Но мужчина с длинными волосами схватил ее за руку и потащил в кабину.

— На пол, ложись на пол! — крикнул он и потянулся за визжащим мальчишкой. Коротко бибикнул клаксон «райдера»: водитель зацепился ногой за руль, чтобы не вывалиться из кабины. Синтия подхватила

паршивца сзади и передала его мужчине. Она слышала приближающиеся голоса, мужской и женский, выкрикивающие имена детей. Отец и мать, поняла она, и, если они не поберегутся, их застрелят точно так же, как собаку и разносчика газет.

— В кабину! — рявкнул мужчина.

Второго приглашения Синтии не потребовалось: мгновением позже она забралась на ступеньку и нырнула в переполненную кабину.

6

Гэри Содерсон, не выпуская из руки стакан с мартини, решительно шагал к углу дома (правда, его уже покачивало), когда гроыхнуло вновь. Наверное, у Геллеров взорвался газовый гриль, подумал Гэри. Обогнув угол, он увидел Маринвилла, разбогатевшего в восьмидесятые годы на детских книжках, героя которых звали Пэт Китти-Кэт. Писатель стоял посреди улицы и, прикрыв от солнца глаза рукой, смотрел в сторону магазина.

— Что случилось, брат мой? — обратился к нему Гэри.

— Я думаю, кто-то из того фургона застрелил Кэри Риптона, а потом — собаку Ридов, — ровным, лишенным всяких эмоций голосом ответил Джонни Маринвилл.

— Что? Но почему?

— Понятия не имею.

Гэри увидел мужчину и женщину, вроде бы это были Карверы. Они бежали к магазину, и их догонял чернокожий господин. Брэд Джозефсон, больше некому.

Маринвилл повернулся к Гэри:

— Не нравится мне все это. Я звоню в полицию. А пока настоятельно советую уйти с улицы. Немедленно.

Маринвилл поспешил в дом. Однако Гэри его совет проигнорировал и остался там, где был, со стаканом в руке, глядя на фургон, застывший напротив дома Энтрегьяна, и жалея о том, что уже успел крепко набраться (подобная мысль приходила в голову Гэри крайне редко).

7

Дверь дома номер 240 по Тополиной улице распахнулась, и Колли Энтрегьян выскочил из нее таким же манером, как он выскакивал в кошмарных снах Кэри Риптона: с револьвером в руке. Прочего, правда, не наблюдалось: ни пены у рта, ни налитых кровью выпученных глаз. Высокий (шесть футов четыре дюйма роста), с начавшим заплывать жирком животом, но широкими и мускулистыми, как у футболиста*, плечами. В брюках защитного цвета и без рубашки. Одна щека белела пеной для бритья, на плече висело полотенце. Пальцы сжимали рукоять револьвера тридцать восьмого калибра, того самого служебного револьвера, который часто представлял себе Кэри, подъезжая к угловому дому.

Колли взглянул на подростка, лежащего лицом вниз. Его одежда уже успела напиться водой (поливальная распылительная головка была установлена неподалеку), газеты, вывалившиеся из брезентовой сумки, потихоньку превращались в грязно-серую мас-

* Имеется в виду американский футбол.

су. Потом Колли перевел взгляд на фургон и поднял револьвер, обхватив левой рукой запястье правой. В этот момент фургон тронулся с места. Колли уже решил было нажать на спусковой крючок, но в последний момент передумал. Осторожность не повредит. В Колумбусе есть люди, в том числе очень влиятельные, которые запрыгают от радости, услышав, что Колльер Энтрегьян применил на улице Уэнтуорта оружие... которое по закону ему следовало сдать.

Этому нет оправданий, и ты это знаешь, подумал он, поворачиваясь вслед за фургоном. *Стреляй! Стреляй, черт побери!*

Но Колли не выстрелил, а когда фургон поворачивал налево, на Гиацинтовую, бывший полицейский заметил, что задняя пластина с номерным знаком отсутствует. Интересно, что это за серебристая штукавина на крыше? Что это вообще было?

На противоположной стороне Тополиной улицы мистер и миссис Карвер вбегали на автостоянку у магазина. Джозефсон их почти догнал. Глянув налево и увидев, что красного фургона нет (он как раз исчез за деревьями, скрывающими ту часть Гиацинтовой улицы, что находится к востоку от Тополиной), Брэд остановился, а затем согнулся, уперевшись ладонями в колени и тяжело дыша.

Колли направился к нему, на ходу сунув револьвер за пояс, но не на животе, а на спине, и положил руку на плечо Джозефсона.

— С тобой все в порядке?

Брэд поднял голову и кисло улыбнулся. По лицу его тек пот.

— Возможно.

Колли подошел к желтому грузовику, не упустив из виду и красный детский возок. Внутри возка ле-

жали две неоткрытые банки пепси, рядом с одним из задних колес — шоколадный батончик «Три мушкетера». Кто-то наступил на него и раздавил.

Сзади раздались крики. Колли повернулся и увидел близнецов Ридов. Их лица побледнели, несмотря на летний загар. Смотрели они не на собаку, а на подростка, который лежал на лужайке перед домом номер 240. Близнец со светлыми волосами (это Джим, подумал Колли) заплакал. Черноволосый отступил на шаг, лицо его перекосилось, он наклонился вперед, и его вырвало прямо на босые ноги.

Громко плача, миссис Карвер вынимала сына из кабины грузовика. Мальчишка вопил во весь голос, он обхватил шею матери руками, вцепившись в нее, как пиявка.

— Тихо, тихо, — говорила женщина в джинсовых шортах и застегнутой не на те пуговицы блузке. — Успокойся, дорогой, все кончено. Плохой дядя ушел.

Дэвид Карвер помог дочери вылезти из кабины, обнял ее и поднял на руки.

— Папочка, ты меня всю намылишь, — запротестовала девочка.

Карвер поцеловал ее в лоб.

— Пустяки. Все нормально, Элли?

— Да. Что случилось?

Она попыталась оглядеть улицу, но отец прикрыл ей глаза рукой.

Колли шагнул к женщине с маленьким мальчиком.

— Все в порядке, миссис Карвер?

Она посмотрела на Колли, не узнавая его, затем вновь повернулась к визжащему мальчишке. Мать гладила его рукой по волосам, пожирала глазами, словно не могла им налюбоваться.

— Да, думаю, что да. С тобой все в порядке, Ральфи? Правда?

Мальчик глубоко вдохнул и выдал:

— Маргрит обещала отвезти меня до дома! Мы договорились!

Тут уж Колли понял, что маленькому паршивцу его помощь не требуется, поэтому можно сосредоточиться на жертвах. Собака лежала в медленно расплывающейся луже крови. Блондинистый Рид осторожно приближался к телу несчастного разносчика газет.

— Не подходи! — резко одернул его Колли.

Джим Рид обернулся.

— А если он еще жив?

— Ну и что из того? У тебя есть волшебный излечивающий порошок? Нет? Тогда держись подальше!

Джим шагнул к брату и поморщился.

— Дэйви, посмотри на свои ноги, — бросил он, и его тут же вырвало.

Колли Энтрегьян неожиданно вернулся к работе, с которой, как ему казалось, он раз и навсегда распрощался в прошлом октябре, когда его выгнали из Департамента полиции Колумбуса после того, как проверка на содержание наркотиков в крови дала положительные результаты. Кокаин и героин. Ловкий трюк, поскольку к наркотикам Колли не прикасался никогда в жизни.

Приоритеты действий полицейского в кризисной ситуации: первое — обеспечение безопасности граждан, второе — помощь раненым, третье — охрана места преступления, четвертое...

Насчет четвертого он будет волноваться после того, как разберется с первыми тремя.

Новая продавщица, тощая деваха с двухцветными волосами, от которых у Колли заболели глаза, вы-

скользнула из кабины грузовика и теперь управляла голубой передник, сильно помявшийся в переделке. За продавщицей последовал водитель грузовика, с длинными, до плеч, волосами.

— Вы — коп? — обратился он к Колли.

— Да. — Проще ответить так, чем объяснять. Карверы все знали, но сейчас их интересовали только дети. Брэд Джозефсон еще приходил в себя, никак не мог отдышаться. — Вы все идите в магазин. Брэд? Парни? — На последнем слове Колли чуть высил голос, чтобы близнецы Риды поняли, что обращается он к ним.

— Нет, я лучше пойду домой. — Брэд выпрямился, взглянул на тело Кэри, лежащее по другую сторону улицы, и повернулся к Колли. Чувствовалось, что решение принято окончательное. По крайней мере дыхание у Брэда восстановилось, подумал Энтрегьян, теперь не придется вспоминать то, чему обычно учат полицейских на занятиях по оказанию первой помощи. — Белинда там одна и...

— Да, но для вас же лучше хотя бы какое-то время побыть в магазине, мистер Джозефсон. На случай, если фургон вернется.

— А чего ему возвращаться? — спросил Дэвид Карвер. Свою дочь он все еще держал на руках и смотрел на Колли поверх ее головы.

Колли пожал плечами:

— Не знаю. Я не знаю, как он вообще здесь появился. Но побережься все же стоит. Заходите в магазин.

— Вы тут не начальник? — В голосе Брэда не слышалось вызова, он лишь показывал, что ему известно об увольнении Энтрегьяна.

Колли сложил руки на голой груди. Депрессия, в которую он погрузился после увольнения из полиции, в последние несколько недель вроде бы ослабила свою хватку, но теперь Колли почувствовал, что она вот-вот вновь навалится на него. После короткой паузы он покачал головой. Нет. Он не начальник.

— Тогда я лучше пойду к жене. Не подумайте, что я хочу оскорбить вас, сэр.

Колли не мог не улыбнуться. Ему говорили открытым текстом: не трогай меня, и я тебя не трону.

— У меня и мыслей таких не было.

Близнецы переглянулись и нерешительно посмотрели на Колли.

Он понял, чего они хотят, и вздохнул.

— Хорошо. Но идите с мистером Джозефсоном. На участке не оставайтесь, идите в дом. Вместе с вашими подружками. Хорошо?

Блондин кивнул.

— Джим... ты ведь Джим, так?

Кивок.

— Мать дома? Или отец?

— Мама. Отец еще на работе.

— Хорошо, парни. Идите. Только быстро. И вы, мистер Джозефсон.

— Постараюсь, — ответил Брэд, — но боюсь, что на сегодня я уже свое отбегал.

Эта троица двинулась вверх по склону по западной стороне улицы, где располагались нечетные дома.

— Я бы тоже хотела отвести своих детей домой, мистер Энтрегьян, — подала голос Кирстен Карвер.

Колли со вздохом кивнул. Конечно, почему нет, отводите их куда вашей душе угодно. Хоть на Аля-

ску. Ужасно хотелось курить, но сигареты остались дома. Колли не курил целых десять лет, пока эти мерзавцы сначала не указали ему на дверь, а потом пинком не вышибли его. И вредная привычка тут же вернулась. Теперь же ему хотелось закурить, потому что он нервничал. Причем отнюдь не из-за того, что на его лужайке лежал труп. Причина явно заключалась в чем-то другом. Но в чем именно?

В том, что на улице слишком много людей, сказал он себе, вот в чем.

Правда? Но чем *это* грозит?

Он не знал.

Что с тобой не так? Слишком долго сидел без работы, а теперь подпрыгиваешь при каждом шорохе? *Это* тебя пугает, приятель?

Нет. Серебристая шутовина на крыше фургона. Вот что меня пугает, приятель.

Да? Правда?

Может, и нет... но зацепка хорошая. Или предлог. На худой конец интуиция. А уж это твое дело, доверять интуиции или нет. Энтрегьян всегда ей доверял, и такая мелочь, как увольнение, не могла изменить его отношения к собственной интуиции.

Дэвид Карвер поставил дочь на асфальт и взял сына из рук жены.

— Я посажу тебя в возок, и ты поедешь в нем до самого дома. Не возражаешь?

— Маргрит Придурастая любит Итана Хоука, — доверительно сообщил ему сын.

— Неужели? Это возможно, но все равно не стоит так называть ее. — По тону чувствовалось, что Дэвид готов простить своему ребенку, любому из своих детей, все, что угодно. А его жена смотрела на сына, как смотрят на святого. И только Колли Энтрегьян

уловил обиду в глазах девочки, когда мальчишку усаживали в возок. Ему было о чем подумать, но девочка очень уж выразительно посмотрела на брата, так что взгляд этот не мог остаться незамеченным.

Колли повернулся к девушке с разноцветными волосами и стареющему хиппи, водителю грузовика.

— Полагаю, уж вы-то можете вернуться в магазин и оставаться там до приезда полиции?

— Да, конечно, — кивнула девушка. — Вы коп, так?

Карверы уходили (Ральф, скрестив ноги, сидел в возке), но они могли услышать его ответ... А кроме того, зачем ему врать? Нет нужды ступать на эту дорожку, кто знает, как далеко она может завести. Колли, конечно, мог бы назваться частным детективом, хотя вряд ли дело дойдет даже до подачи заявки на лицензию. Но можно так называть себя и десять, и пятнадцать лет, как женщина, которой далеко за тридцать, но которая ходит в мини-юбке и не признает бюстгалтеров, дабы убедить людей (большинству из которых на это глубоко наплевать), что она по-прежнему молода.

— Служил в полиции, — ответил он. Продавщица кивнула. Длинноволосый водитель с любопытством оглядел его. Но уважительно. — Вы спасли детей. — Колли смотрел на продавщицу, но обращался к ним обоим.

Синтия обдумала его слова, потом покачала головой:

— Их спасла собака. — Она двинулась к магазину. Колли и стареющий хиппи последовали за ней. — Парень в фургоне, с дробовиком, уже готовился выстрелить в детей. — Синтия посмотрела на длиноволосого. — Вы это видели? Вы со мной согласны?

Мужчина кивнул.

— И мы не могли остановить его. — Выговор у него не местный, подумал Колли. Наверное, он техасец. Или из Оклахомы. — Потом собака отвлекла его, и он выстрелил в нее. Только поэтому дети и остались живы.

— Именно так, — кивнула Синтия. — Если бы не собака... думаю, сейчас на ее месте лежали бы я и дети. Как он. — Продавщица мотнула головой в сторону Кэри Риптона, которого по-прежнему поливало водой на лужайке Колли.

А потом они втроем вошли в «Е-зет стоп».

Из книги «Кинофильмы на телеэкране», составитель Стивен Х. Шуэр, издательство «Бантам букс»:

фигуры
вом (реж. Билли Рэнкорт, «Америкен-Интернейшнл Пикчерс», 105 мин., ч/б).

РЕГУЛЯТОРЫ (1958): Джон Пэйн, Тай Хардин, Карен Стил, Рори Колхун. Низкосортная мелодрама-вестерн о молодежной банде. Некоторые сцены на удивление жестоки для кино конца 50-х годов. Горняцкий городок в штате Колорадо терроризирует возглавляемая Колхуном банда подростков, которых поначалу принимают за сверхъестественных существ, но на поверку они оказываются заурядными бандитами. Пэйн в своем привычном амплуа, но ~~иногда~~ ~~сглажен~~, Стил подчеркивает достоинства ~~фигуры~~ ~~портрета~~ ~~ми~~ с глубоким вырезом (реж. Билли Рэнкорт, «Америкен-Интернейшнл Пикчерс», 81 мин., ч/б).

в
д
ш
Н
ре
ок
го
ш
ни
ко
ри
не
ел
ва
м
д
к
т
ва
по
это

Глава 3

*Тополиная улица,
15 июля 1996 года, 15.58*

1

Колли, Синтия и длинноволосый водитель «райдера» заходят в магазин, а несколько мгновений спустя фургон останавливается на пересечении Тополиной и Гиацинтовой улиц, напротив «Е-зет стоп». Цвет — синий металлик, стекла тонированы. На крыше нет ничего лишнего, зато борта в многоцветных разводах, словно это не фургон, а машина времени, прибывшая из далекого будущего волею режиссера фантастического фильма. Рабочая поверхность покрывок совершенно гладкая, никаких протекторов, она напоминает только что вымытую классную доску. За тонированными стеклами смутно видны ритмично мигающие лампочки.

Гремит гром, теперь уже ближе и сильнее. Летняя яркость неба внезапно начинает тускнеть, лилово-черные облака наползают с запада, добираются до июльского солнца и заглатывают его. Температура воздуха мгновенно падает.

Синий фургон мерно гудит. На другом конце квартала, на вершине холма, ярко-желтый фургон подъезжает к пересечению Медвежьей и Тополиной улиц, останавливается там и мерно гудит.

Резкий удар грома, и тут же яркая молния вновь прорезает небо. В ее свете на мгновение вспыхивает правый глаз Ганнибала.

Гэри Содерсон еще стоял на улице, когда к нему присоединилась его жена.

— Какого черта ты тут торчишь? — поинтересовалась она. — Застыл, словно в трансе.

— Ты не слышала?

— Слышала — что? — раздраженно бросает она. — Я была в ванной, что я могла слышать? — Гэри женился девять лет назад и теперь отлично знает, что раздражительность — доминирующая черта характера Мэриэл. — Ридов с их фризби слышала. Как и лай их чертовой собаки. Гром. Что еще мне следовало услышать? Хор Нормана Дикерснекла?

Гэри указал сначала на собаку (больше Мэриэл не придется жаловаться на Ганнибала), потом на тело подростка, лежащее на лужайке перед домом номер 240.

— Полностью я в этом не уверен, но, думаю, кто-то застрелил парнишку, который развозит газету «Покупатель».

Мэриэл проследила за пальцем мужа, прищурилась, хотя солнце уже исчезло за облаками (Гэри показалось, что температура упала градусов на десять). К ним направлялся Брэд Джозефсон. Питер Джексон стоял перед своим домом, глядя в сторону магазина, как и Том Биллингсли, ветеринар, которого все звали Старина Док. Семья Карверов пересекала улицу. Дэйв Карвер (со своим нависшим над плавками животом и покрасневшей от солнца кожей он показался Гэри сваренным лобстером) вез сына на маленьком красном возке. Мальчик сидел, скрестив ноги, и пренебрежительно поглядывал вокруг. Эда-

кий маленький паша. Этого мальчишку Гэри давно уже считал капризным говнюком.

— Эй, Дэйв! — окликнул старшего Карвера Питер. — Что происходит?

Прежде чем тот успел ответить, Мэриэл стукнула Гэри по плечу ребром ладони, да так сильно, что остатки мартини выплеснулись из стакана на его старые кроссовки. Возможно, это и к лучшему. Может, стоит оказать печени небольшую услугу и взять выходной от выпивки.

— Ты оглох, Гэри, или у тебя что-то с головой? — пожелала знать его ненаглядная.

— Наверное, всего понемногу, — ответил он, думая о том, что сможет бросить пить лишь после развода с Мэриэл. По крайней мере после того, как перережет ей голосовые связки. — Что ты сказала?

— Я спросила, зачем кому-то потребовалось застрелить разносчика газет?

— Может, на прошлой неделе он кого-то оставил без любимого «Покупателя», — ответил Гэри.

Молния прорезала надвинувшиеся облака. К западу от них громыхнул гром.

3

Джонни Маринвилл, который стал лауреатом Национальной книжной премии за пропитанный сексом роман «Радость», а теперь писал детские книжки о кошачьем частном детективе по имени Пэт Китти-Кэт, стоял в гостиной, глядя на телефонный аппарат, и боялся снять трубку. Вокруг творилось что-то странное. С одной стороны, похоже на пара-

нойю, бред преследования, но с другой... что-то явно не так.

— Возможно, — пробормотал он.

Да, конечно. *Возможно*. Но телефон...

Маринвилл поставил гитару в угол, подошел к телефонному аппарату, снял трубку и набрал 911. Последовала необычно долгая пауза, он уже хотел нажать на рычаг и снова набрать номер, когда в трубке послышался детский голос. Голос этот не столько удивил, сколько испугал Джонни. И он даже не стал убеждать себя, что страх этот — от неожиданности.

— Маленький кусачий крошка Смитти, что же ты кусаешь мамку за титти?

В трубке шелкнуло, и раздался длинный гудок свободной линии. Нахмурившись, Джонни набрал тот же номер. Вновь длинная пауза, щелчок и звук, который Джонни угадал сразу: на том конце провода дышали ртом. Может, у ребенка простуда, заложило нос? Впрочем, это не важно. Важно другое — провода где-то закоротило, и теперь вместо полиции он попадает...

— Кто говорит? — резко спросил Джонни.

Нет ответа. Только дыхание через рот. Отчего этот звук ему знаком? Это же нелепо. Откуда ему может быть знаком этот звук в трубке? Да ниоткуда, но тем не менее...

— Немедленно положите трубку! — потребовал Джонни. — Мне надо позвонить в полицию.

Дыхание оборвалось. Джонни протянул руку к рычагу, когда опять послышался голос, но теперь уже насмешливый:

— Маленький кусачий крошка Смитти, что же ты кусаешь мамку за титти? — Тут тон изменился,

и Джонни прошиб холодный пот. — Больше не звони, старый козел. Тэк!

Очередной щелчок, и мертвая тишина, никаких гудков — ни длинных, ни коротких. Раскат грома донесшийся с запада, еще далекий, но уже достаточно громкий, заставил Джонни подпрыгнуть.

Он положил трубку и прошел на кухню, отметил, что быстро темнеет, облака словно пожирают свет. Джонни напомнил себе, что надо закрыть окна наверху, если пойдет дождь... вернее, когда пойдет дождь, дело шло именно к этому.

На кухне тоже был установлен телефонный аппарат, который висел на стене рядом со столом, чтобы Джонни мог снять трубку, если звонок застава его во время еды. Впрочем, звонили нечасто. Разве что его бывшая жена. Нью-Йоркские издатели сами никогда Маринвилла не беспокоили: зачем отрывать человека от дела, которое приносит им кучу денег?

Джонни снял трубку, поднес к уху и прислушался к тишине. Ни потрескивания помех, ни коротких гудков, свидетельствующих о неполадках на линии. Ничего. Он попробовал набрать 911, но не услышал даже пиканья, которое обычно бывает при нажатии кнопок. Джонни повесил трубку и огляделся.

— Маленький кусачий крошка Смитти, — пробормотал он, и по его телу пробежала дрожь. Возникло ощущение, что он не один. Мерзкий стишок, который Джонни никогда раньше не слышал.

К черту стишок, подумал он. А как насчет голоса? Вот голос ты вроде бы слышал... не так ли?

— Нет, — вырвалось у Джонни. — Во всяком случае... Не знаю.

Правильно. Но дыхание...

— Чушь собачья, невозможно узнать чье-то дыхание, — объявил Джонни пустой кухне. — Если только это не твой дедушка с эмфиземой легких.

Он зашагал к входной двери, желая знать, что творится на улице.

4

— Что случилось внизу? — спросил Дэвида Питер Джексон, когда семейство Карверов добралось до восточного тротуара. Он наклонился к Дэvidу и понизил голос, чтобы его не услышали дети: — Там кого-то убили?

— Да, — так же тихо ответил Дэвид. — Кэри Риптона. Так, кажется, его зовут. — Он посмотрел на жену в ожидании подтверждения, и Кирстен кивнула. — Парнишку, который по понедельникам развозит «Покупатель». Это сделал какой-то парень в фургоне. Не выходя из него.

— Застрелили Кэри? — Это же невозможно. Как могли застрелить человека, с которым Питер только что разговаривал? Но Карвер кивнул. — Святое дерьмо!

— Да уж, такого не представишь себе и в страшном сне.

— Прибавь ходу, папка, — скомандовал со своего места Ральфи.

Дэвид посмотрел на него, улыбнулся, затем вновь повернулся к Питеру и перешел на шепот:

— Дети были в магазине, покупали колу. Я в этом не уверен, но вроде бы тот парень едва в них не выстрелил. Однако в это время подбежала собака Ридов. Так что пристрелили ее.

— Господи! — выдохнул Питер. Ганнибал, добрейший, веселый пес, с банданой на шее гонявший — за фризби. Его-то за что? Такого просто не могло произойти... но это все же случилось. — Господи Иисусе!

Дэвид снова кивнул.

— Если бы Иисус побольше приглядывал за нашим миром, такого в нем было бы поменьше. Не так ли?

Питер подумал о миллионах людей, которых убили во имя Иисуса, но тут же отогнал эту мысль и согласно кивнул. Сейчас не время для теологического спора с соседом.

— Я хочу увести их в дом, Дэйв, — пробормотала Кирстен. — Увести с улицы, понимаешь?

Дэвид в очередной раз кивнул, двинулся было дальше, но остановился и взглянул на Питера.

— Где Мэри?

— На работе. Она оставила записку, что по пути домой может заехать в торговый центр «На перекрестке». Должна быть с минуты на минуту. Понедельник у нее короткий день. А что?

— Пусть сразу заходит в дом, больше ничего. Этого парня, должно быть, уже и след простыл, но кто знает? А человек, который может застрелить разносчика газет...

Питер кивал и кивал. Над головой опять громыхнуло. Элли прижалась к матери, а вот сидящий в возке Ральфи рассмеялся.

Кирстен потянула Дэвида за руку.

— Пошли. И не останавливайся, чтобы поговорить с Доком. — Она метнула взгляд на Биллингсли, который стоял в сухой ливневой канаве, глубоко засунув руки в карманы, и смотрел вдоль улицы. Ярко

блестели его синие глаза, две экзотические рыбки, пойманные в сеть плоти.

Дэвид вновь потянул возок за собой.

— Как дела, Ральфи? — спросил Питер, когда мальчишка проезжал мимо него. Он заметил на борту возка слово «БАСТЕР». Белая краска, которой его написали, поблекла и местами облупилась. Ральфи высунул язык, потом надул щеки, и с его губ сорвался неприличный звук, издавать который мальчишке очень даже нравилось.

— Очаровательно, — усмехнулся Питер. — Когда подрастешь, девушки будут счастливы, если ты их вот так порадуешь. Можешь мне поверить.

— Бука-Дука, — прокричал маленький паршивец, и за неприличным звуком последовал неприличный жест: совсем по-взрослому мальчишка проимитировал движения руки при онанировании.

— На сегодня хватит, дорогой, — смиренно молвил Дэвид, не поворачивая головы. Его ягодицы мерно двигались под плавками, которые уже явно стали ему малы.

— Что случилось? — брюзгливым голосом поинтересовался Том Биллингсли, когда возок проезжал мимо.

Питер повторил слова Дэвида (сам Дэвид, помня о желании жены, молча прошепствовал мимо Дока) и посмотрел на вершину холма, надеясь увидеть там «лумину» жены. Но ни одного движущегося автомобиля ему не удалось углядеть. Лишь около дома Абелсонов на Медвежьей улице застыл фургон. Ярко-желтый. Возможно, яркость эту усиливала тень от надвинувшихся облаков, но все равно от этого цвета резало глаза. Должно быть, владельцы этого фургона — молодежь, подумал Питер. Кому еще могло

прийти в голову выкрасить его в такой цвет. Трудно представить себе этот фургон в реальной жизни, он словно из сериала «Стар трек» или...

Тут Питера осенило. Однако пришедшая ему в голову идея совсем его не порадовала.

— Дэйв!

Карвер обернулся. Обожженный солнцем живот нависал над плавками. На нем засыхала попавшая туда мыльная пена, в которой Дэвид перемазался, когда мыл машину.

— А на чем он приехал, тот парень, который застрелил Кэри?

— На красном фургоне.

— Совершенно верно, — подхватил Ральфи. — Красном, как «Стрела следопыта».

Однако Питер его не услышал. Сознание выхватило слово «фургон», и у Питера засосало под ложечкой.

— Ярко-ярко-красном, — добавила Кирстен. — Я тоже его видела. Выглянула в окно, когда он проезжал мимо. Дэвид, ты идешь или нет?

— Конечно, иду. — Дэвид двинулся дальше. Когда он отвернулся, Питер (мгновенная паника в его душе уже улеглась) неожиданно показал язык Ральфи, который в этот момент посмотрел на него. На лице паршивца отразилось изумление.

Старина Док подошел к Питеру, по-прежнему не вынимая рук из карманов. Прогремел гром. Они подняли головы и посмотрели на черные облака, уже захватившие кусок неба, отведенный Тополиной улице. Над центром Колумбуса сверкали молнии.

— Гроза будет знатная. — Волосы ветеринара совсем поседели. — Надеюсь, они успеют прикрыть тело убитого парня. — Он вытащил из кармана одну руку и провел ею по лбу, словно отгоняя начинаю-

щуюся головную боль. — Ужасное дело. Парень-то был хороший. Играл в бейсбол.

— Я знаю. — Питер вспомнил о том, как смеялся Кэри, когда он, Питер, говорил, что тот в следующем сезоне станет звездой, и ощутил, как у него сразу прихватило живот, орган (не сердце, как всегда заявляли поэты), быстрее всего реагирующий на человеческие эмоции. Внезапно ему стало ясно, что Кэри Риптону не сыграть в следующем сезоне за «Уэнтуортских ястребов», ведь уже сегодня Кэри Риптон не придет домой и не попросит поесть. Кэри Риптон отправился в мир иной, оставив за собой лишь тень воспоминаний. Пути Кэри Риптона и живущих на земле разошлись раз и навсегда.

В небе гроыхнуло так близко и резко, что Питер подпрыгнул.

— Послушайте, — он посмотрел на Тома, — у меня в гараже есть большой кусок синей пленки. Его хватит, чтобы накрыть автомобиль. Если я его принесу, вы спуститесь со мной вниз и поможете накрыть тело?

— Патрульному Энтрегьяну это может не понравиться, — заметил старик.

— И что? Патрульный Энтрегьян такой же коп, как и я. Его уволили в прошлом году за взятки.

— Другие полицейские тоже...

— Это их личное дело. — Питер не плакал, но в его голосе уже слышалась дрожь. — Кэри Риптон был хорошим парнем, действительно хорошим, а какой-то наркоман выстрелом сшиб его с велосипеда, как сшибают индейцев в фильмах Джона Форда. Вот-вот пойдет дождь, и Кэри весь промокнет. Я бы хотел сказать его матери, что сделал для ее сына все, что мог. Так вы поможете мне или нет?

— Раз вы так ставите вопрос, то помогу. — Том хлопнул Питера по плечу. — Пошли, учитель, займемся делом.

— Благодарю вас.

5

Ким Геллер все проспала. Она еще пребывала в глубоком сне, когда в ее спальню вбежали Сюзи и Дебби Росс, рыжеволосая девушка, так понравившаяся Кэри Риптону. Они и разбудили Ким, тряхнув ее за плечо. Она села, ничего не понимая, с больной, как при похмелье, головой (спать в жаркие дни нельзя, но иногда ничего не можешь с собой поделать), стараясь уловить смысл сказанного девчонками, но смысл этот все ускользал и ускользал. Вроде бы они утверждали, что кого-то застрелили, застрелили на Тополиной улице, но такого просто не могло быть.

Однако, когда девчонки подвели Ким к окну, ей стало ясно: на улице действительно что-то произошло. Близнецы Риды и их мать Кэмми стояли на подъездной дорожке у самого тротуара. Выпивоха и Шлюха, известные более широким кругам как чета Содерсонов, оказались посреди улицы, выше по склону... хотя Мэриэл теперь тянула Гэри к дому, а он не особо упирался. За ними на тротуаре застыли Джефсоны. А на другой стороне улицы Питер Джексон и старик Биллингсли выходили из гаража Джексон с большим куском синей пленки. Усилившийся ветер рвал пленку у них из рук.

Все высыпали на улицу. Все, кто сейчас дома. Куда они все смотрели, Ким не было видно. Дом но-

мер 241 и лужайка перед ним оставались вне поля ее зрения: мешал угол ее собственного дома.

Кимберли Геллер повернулась к девушкам и невероятным усилием воли попыталась очистить мозги от обволакивающего их тумана. Девочки переминались с ноги на ногу, словно им хотелось в туалет. Дебби, Ким это видела, разжимала и сжимала пальцы. Обе девочки бледные, взволнованные. Впрочем, Ким думала не об этом. Кого-то убили... нет, они наверняка ошибаются... А если не ошибаются?

— А теперь расскажите мне, что случилось. Только без выдумок.

— Кто-то убил Кэри Риптона, мы же тебе сказали! — нетерпеливо выкрикнула Сюзи, словно говорила не с матерью, а с каким-то дебилом... Хотя в тот момент именно дебилом Ким себя и чувствовала. — Пошли, мама! Посмотрим, как приедет полиция!

— Я хочу еще раз взглянуть на него, прежде чем его накроют! — воскликнула Дебби. Она повернулась и сбежала вниз по лестнице. Сюзи задержалась разве что на несколько секунд, а затем последовала за подругой.

— Пошли, мама! — обернувшись, позвала она и слетела вниз.

Ким медленно подошла к кровати и всунула босые ноги в сандалии. Она все еще ничего не понимала.

6

— Ты утверждаешь, что добежал отсюда до самого низа? — в третий раз спросила Белинда мужа. Эта часть истории просто не укладывалась у нее в голове. — Такой толстяк, как ты?

— Молчи, женщина, я не жирный. Просто большой.

— Дорогой, именно это и напишут в твоём свидетельстве о смерти, если ты еще пару раз рванешь на сотню ярдов. «Причина смерти — габариты». — Насмешка звучала только в словах, но не в тоне. Белинда погладила потную шею мужа.

Брэд вытянул руку.

— Смотри. Пит Джексон и Старина Док.

— И что они делают?

— Думаю, хотят прикрыть тело.

Брэд уже двинулся вниз, но Белинда остановила его, схватив за руку.

— Никуда ты не пойдешь, дружок. Там обойдутся без тебя. На сегодня твои прогулки по склону закончены.

В ответ она получила от него взгляд, говорящий: «Не лезь в мои дела, женщина». Белинда решила, что это получилось у него неплохо, учитывая, что вырос Брэд в Бостоне и гетто видел лишь на экране телевизора. Однако спорить Брэд не стал. Возможно, потому, что в этот самый момент Джонни Маринвилл вышел на тротуар перед своим домом. Гремел гром. Поднялся ветер. Как показалось Белинде, очень холодный. Над головой уже нависли лилово-черные тучи. Но пугали ее не столько тучи, сколько желтое небо на юго-западе. Только бы обошлось без торнадо, подумала Белинда. Впрочем, день выдался такой неудачный, что и смерч ее бы не удивил.

Белинда решила, что дождь разгонит народ по домам, но пока все высыпали на улицу и дружно глазели на лужайку перед домом Энтрегьяна. Вот появилась и Ким Геллер из дома номер 243. Она огляделась и направилась к Кэмми Рид, которая стояла

перед своим домом. Близнецы Риды (таких красавчиков, по разумению Белинды, рисуют в своих невинных фантазиях домохозяйки) находились там же, с Сюзи Геллер и роскошной рыжеволосой девицей, которую Белинда видела впервые. Дэйви Рид, присев на корточки, вытирал ноги футболкой, она уж не знала почему...

Разумеется, знала, поправила себя Белинда. У дома Энтрегьяна лежит труп, чего уж тут ходить вокруг да около, и Дэйви Рида вырвало, когда он увидел покойника. Его вырвало, а часть блевотины попала бедняжке на ноги.

Белинда видела, что народ высыпал на улицу из всех домов, за исключением пустующего дома Хобарта и дома номер 247, третьего по их стороне улицы, в котором жили Уайлеры. Семья, на которую так и валились напасти. Ни Одри, ни бедный сиротка, которого она воспитывала (хотя касательно Сета речь едва ли могла идти о воспитании, подумала Белинда), не вышли из дома. Куда-то уехали на весь день? Возможно, но Белинда видела Одри не далее как в полдень, та возилась на лужайке с распылительной головкой. Белинда порылась в памяти и решила, что не ошиблась со временем. Помнится, она еще отметила для себя, что Одри совершенно опустилась. Безрукавка и шорты грязные. А как ей могло прийти в голову покрасить свои темные волосы в этот ужасный пурпурно-красный цвет? Если Одри думала, что будет выглядеть моложе, то она жестоко ошиблась. И ей следовало бы помыть голову. Волосы какие-то сальные, слипшиеся.

В молодости Белинде иной раз хотелось стать белой: белые девушки жили веселее, не были такими зажатými, но теперь, когда дело шло к пятидесяти

и климаксу, она радовалась, что у нее черная кожа. Белым женщинам требовалось куда больше времени и сил, чтобы держать себя в форме. Возможно, у них иной обмен веществ.

— Я пытался позвонить копам. — Джонни Маринвилл сошел на мостовую, словно намереваясь подойти к Джозефсонам, но остановился. — Мой телефон... — Он замолчал, словно не зная, как закончить фразу. Белинде это показалось удивительным. Она-то полагала, что Маринвилл не полезет за словом в карман даже на смертном одре.

— Так что с вашим телефоном? — любопытствовал Брэд.

Джонни выдержал паузу, словно выбирая вариант ответа, и остановился на коротком.

— Он не работает. Не хотите попробовать позвонить по своему?

— Могу, конечно, но думаю, что Энтрегьян уже позвонил им из магазина. Он контролирует ситуацию.

— Правда? — Маринвилл задумчиво посмотрел вниз по склону. — Думаете, контролирует?

Если Джонни и увидел двух мужчин, которые тащили вырывающуюся у них из рук пленку, и понял, какие у них намерения, то говорить об этом не стал. Он с головой ушел в собственные мысли.

Краем глаза Белинда уловила какое-то движение на вершине холма. Она повернулась к Медвежьей улице, увидела оливково-зеленую «лумину», приближающуюся к перекрестку. Машина Мэри Джексон. Она миновала желтый фургон, припаркованный на углу, потом притормозила.

Хоть бы успеть вернуться домой до дождя, подумала Белинда. Ей нравилась Мэри, хотя они и не стали закадычными подругами. Забавная женщина, ост-

роумная... хотя в последнее время ушедшая в себя. И не поддается времени, не то что Одри Уайлер. Наоборот, Мэри сейчас как раз расцвела, словно засыхающая клумба после дождя.

7

Телефон-автомат находился рядом со стойкой для газет, на которой остались лишь один экземпляр субботнего выпуска «Ю-Эс-Эй тудей» да парочка экземпляров «Покупателя», залежавшихся с прошлого понедельника. Они вновь напомнили Энтрегьяну, что парнишка, который поставил бы на стойку сегодняшние газеты, лежит мертвый на его лужайке. А тут еще этот чертов телефон-автомат...

Колли в сердцах бросил трубку на рычаг и направился к прилавку, на ходу вытирая полотенцем пену с лица. Продавщица с разноцветными волосами и стареющий хиппи-водитель не сводили с него глаз, словно напоминая, что он без рубашки. То есть совсем не похож на копа.

— Чертов телефон не работает. — Он посмотрел на девушку и увидел табличку с ее именем, приколотую к переднику. — Ты не вызывала мастера, Синтия?

— Нет, но в час дня телефон работал. Парень из пекарни звонил своей подружке. — Она помолчала, а вот ее следующая фраза удивила Колли, учитывая сложившиеся обстоятельства. — Вы остались без четвертака?

Автомат действительно сожрал его четвертак, но стоило ли об этом упоминать, учитывая те самые обстоятельства. Колли глянул через дверь магазина и увидел Питера Джексона и ушедшего на пенсию

ветеринара, направляющихся к его лужайке с большим куском синей пленки. Несомненно, чтобы прикрыть тело. Колли двинулся было к двери, намереваясь сказать, чтобы они держались от тела подальше, ведь так можно уничтожить важные улики, а потом прогремел гром, да так громко, что Синтия даже вскрикнула.

Ну и хрен с ними, подумал Колли. Пусть укрывают. Все равно пойдет дождь.

Да, возможно, это наилучший выход. Дождь наверняка доберется до них быстрее, чем копы (Колли все еще не слышал воя сирен), поэтому на суде о многих уликах все равно говорить не придется. Так что лучше прикрыть тело... Однако неприятное чувство, что ситуация все быстрее выходит у него из-под контроля, крепло с каждой минутой. Хотя Колли и осознавал, что ситуацию эту он не контролировал с самого начала. В конце концов, он обычный гражданин, проживающий на Тополиной улице, один из многих. И в этом тоже были свои плюсы. Если ты что-то напутал с процедурой, за это ведь не влетит, так?

Колли открыл дверь, вышел наружу и сложил руки у рта рупором, чтобы перекричать поднявшийся ветер.

— Питер! Мистер Джексон!

Джексон обернулся с каменным лицом, ожидая, что ему сейчас прикажут прекратить самостоятельность.

— Не трогайте тело! — прокричал Колли. — *Не трогайте тело!* Расстелите пленку над ним, как покрывало. Вы меня поняли?

— Да! — ответил Питер. Кивнул и ветеринар.

— В моем гараже есть бетонные блоки, они сложены у дальней стены! — кричал Колли. — Ворота

не заперты! Возьмите блоки и придавите пленку, а не то ее сдует! — Теперь они оба кивали, и настроение у Колли чуть улучшилось.

— Мы можем растянуть пленку и укрыть также велосипед! — крикнул старик ветеринар. — Надо?

— Да! — ответил Колли, но тут ему в голову пришла другая идея. — У меня в гараже тоже есть пленка, в углу. Возьмите ее, чтобы укрыть собаку. Но придется тащить лишние блоки.

Джексон вскинул руку со сложенными в кольцо указательным и большим пальцами, и они с ветеринаром двинулись к гаражу, оставив пленку на мостовой. Колли оставалось надеяться, что они смогут как следует расправить и закрепить пленку. Сам Колли вернулся в магазин, чтобы спросить Синтию, есть ли здесь служебный телефон (должен быть, куда ж ему деться), и увидел, что девушка уже выставила аппарат на прилавок.

— Благодарю.

Энтрегьян снял трубку, услышал длинный гудок, четыре раза нажал на кнопки с цифрами, покачал головой и рассмеялся.

— Что-то не так? — озабоченно поинтересовался хиппи-водитель.

— Все нормально. — Если бы он сказал, что набрал четыре первые цифры дежурной части своего участка, словно старая лошадь, которая сама находит дорогу в конюшню, «водила» его бы не понял. Энтрегьян нажал кнопку сброса, а потом 911.

Телефон зазвонил сразу... зазвонил так, словно он попал в чей-то дом или квартиру. Колли нахмурился. Когда набираешь 911, если, конечно, в последнее время ничего не поменялось, в трубке должен слышаться пронзительный непрерывный гудок.

Наверное, поменяли сигнал, решил Колли. Чтобы не вызывать лишних отрицательных эмоций.

Еще звонок, потом трубку сняли. Однако вместо механического голоса автоответчика, объясняющего, какую кнопку надо нажать, чтобы связаться с отделом по расследованию убийств, в трубке послышалось влажное натужное дыхание. Какого черта?..

— Алло!

— Фокус или покус? — раздался в трубке детский, но очень странный голос. Такой странный, что у Колли по коже побежали мурашки. — Понюхай мне ноги, а потом дай поесть чего-нибудь вкусненького. Не хочешь, дело твое, можешь понюхать мои трусы. — Тут говоривший громко расхохотался. И по голосу, и по смеху чувствовалось, что нос у него забит.

— Кто это?

— Сюда больше не звони, парень. *Тэк!*

В трубке оглушительно щелкнуло, так громко что девушка услышала этот щелчок и вскрикнула. Щелкнуло не в телефоне, понял Энтрегьян. Гром. Она вскрикнула из-за грома. Но парень с длинными волосами рванул к двери, словно у него вспыхнули волосы. Энтрегьян стоял с трубкой в руке, которая молчала точно так же, как и трубка телефона-автомата, а когда громкий звук повторился, он сразу понял, что это не удар грома, а выстрел.

Колли тоже бросился к двери.

8

Мэри Джексон ушла из бухгалтерской фирмы где она работала неполный день, не в два, а в одиннадцать. И поехала не в торговый центр «На пере-

крестке», а в отель «Колумб». Там она встретилась с мужчиной, которого звали Джин Мартин, и следующие три часа делала для него все, что может делать женщина, разве что не подстригала ногти на ногах. А если бы он ее об этом попросил, наверняка подстригла бы. Теперь она почти дома и выглядит (насколько это можно сказать, взглянув в зеркало заднего обзора) как всегда... но ей надо побыстрее добраться до душа, до того, как Питер сможет приглядеться к ней. И надо взять трусики из верхнего ящика, напомнила она себе, и бросить в грязное вместе с юбкой и блузой. Трусики, в которых она уехала утром, вернее, то, что от них осталось, валялись под кроватью номера 203. Джин Мартин, волк в одежде бухгалтера, сорвал их с нее. О чудовище, он не пощадил бедную девушку.

Вопрос в том, что она делает. И что собирается делать. Мэри любила Питера все девять лет их совместной жизни, после выкидыша даже больше, чем до него, любила и сейчас. Любила, несмотря на то что ей уже хотелось быть с Джином, вытворять с ним такое, на что она никогда не решилась бы с Питером. Чувство вины морозило половину ее сознания, страсть поджаривала вторую, а посередине, в сжимающейся, как шагреневая кожа, пограничной зоне, оставалась здравомыслящая, остроумная, рациональная женщина, каковой Мэри всегда себя и считала. У нее роман на стороне, парень, с которым она закрутила любовь, женат, она возвращается домой, возвращается к хорошему человеку, который ничего не подозревает (она знала, что не подозревает, молилась о том, что не подозревает, конечно, не подозревает, с чего ему подозревать), с голой задницей под юбкой, еще не отошедшая от гимнастики на кроват-

ти. Мэри так и не могла внятно объяснить, как это началось и почему она хочет продолжения (у этого чертова Джина Мартина в голове опилки, а не мозги, да только интересовала ее не его голова, плевать она хотела на его голову). И вообще, что же ей теперь делать? Мэри не знала. Наверняка ей было известно лишь одно, что и роднило ее с наркоманами: никогда больше она от этого не откажется. Просто сказать «нет»? Что за глупость!

По пути эти мысли хаотично мелькали у нее в голове, улиц она не замечала и надеялась на то, что Питера не будет дома, когда она приедет, что он пойдет в кафе съесть мороженое (а может, отправится на две недели в Санта-Фе повидать мамочку, вот было бы хорошо, у нее появился бы шанс справиться с этой сексуальной лихорадкой). Мэри не обратила внимания на то, что небо потемнело, что многие машины на шоссе номер 290 едут с включенными фарами, она не слышала грома, не видела молний. Остался вне поля ее зрения и желтый фургон, припарковавшийся на углу Медвежьей и Тополиной улиц, хотя Мэри проехала мимо него.

В реальный мир она вернулась, лишь увидев Брэда и Белинду Джозефсон, стоящих перед своим домом. Компанию им составлял Джонни Маринвилл. Улица вообще кишела людьми: Дэвид Карвер в очень уж узких плавках упирался руками в свои мясистые бедра... близнецы Риды... Кэмми, их мать... Сюзи Геллер с подружкой на лужайке Ридов, там же Ким Геллер...

Дикая мысль прострелила Мэри: они знают! Все знают. Они ждут ее, чтобы помочь Питеру вздернуть ее на старой яблоне, а может, забросать камнями,

как забросали камнями женщину в рассказе Ширли Джексон, который Мэри читала в школе.

Не глупи, одернула Мэри та часть сознания, которая еще принадлежала ей. Часть эта стала совсем маленькой, но еще не сошла на нет. *Ты тут ни при чем, Мэри, с кем бы ты ни спала, все равно пупом земли тебе не быть, так зачем же преувеличивать важность своей особы? Ты бы стала соображать куда лучше, если бы перестала...*

О черт. Уж не Питер ли это в дальнем конце квартала? Точно Мэри сказать не могла, но вроде бы он. Питер и Старина Док из соседнего дома. Что-то они прикрывают на лужайке того дома, который стоит напротив маленького магазинчика.

Оглушительный раскат грома заставил ее подпрыгнуть. Первые капли дождя забарабанили по ветровому стеклу, словно металлическая дробь. Мэри поняла, что машина стоит на перекрестке с работающим двигателем уже... она не могла сказать сколько, но довольно-таки долго. Джозефсоны и Джонни, наверное, решили, что у нее поехала крыша. Да только Мэри действительно не была пупом земли: они не обращали на нее ни малейшего внимания. Мэри это поняла, обогнув угол. Лишь Белинда бросила на нее быстрый взгляд, но теперь и она смотрела вниз, на лужайку, где суетились Питер и старик Биллингсли. Что-то там прикрывали.

Стараясь понять, что же они там делают, ища кнопку включения дворников, поскольку дождевых капель на лобовом стекле заметно прибавилось, Мэри и не подозревала, что желтый фургон следовал за ней на Тополиную улицу. Не подозревала до того самого момента, как он врезался в задний бампер ее «лумины».

Отрывок из статьи Джона П. Мюллера «Обзор продажи лицензий в 1994 году», опубликованной в январском номере «Игрушек», международного торгово-производственного журнала индустрии игрушек (1994 год, № 2, с. 96):

Хотя торговый год только начался, построжественский чемпион уже известен. Обычно зимние месяцы характеризуются вялым рынком, но вышеуказанный лидер по продаже лицензий вот-вот заткнет за пояс и «Черепашек Ниндзя», и «Могучих рейнджеров» из «Энергетических войн». Внезапно родители всех детей (в том числе и девочек) в возрасте от двух до восьми лет захотели приобрести героев сериала «Мотокопы 2200» и их великолепные автомобили.

Начало производства героев мультипликационного сериала, который Эн-би-си показывала утром по субботам, вопреки всем канонам индустрии игрушек запоздало на три недели, не успев, таким образом, захватить рождественскую волну продаж. Джон Клейст, старший вице-президент «Гуд полц, инк.», фирмы, владеющей правом на производство игрушек и детской одежды «Мотокопы», признает, что такая задержка (вызванная трудовым спором, теперь уже улаженным, на заводе «Полц» в Толидо) обычно

смерти подобна, но в случае с «Мотокопами» более поздний выход на рынок принес компании успех. «Иной раз рынку куда яснее, что ты ему предлагаешь, если товар не вытаскивается из мешка Санта-Клауса», — с улыбкой говорит мистер Клейст.

Так или иначе, но полковник Генри, Охотник Снейк, Баунти, майор Пайк, робот Рутти и Кассандра Стайлз из «Мотокопов» станут хитом этого года вместе с их заклятыми врагами Безлицым и графиней Лили Марш. Соответственно уже сейчас стремительно растет число проданных лицензий на их производство.

А главной удачей для специалистов по маркетингу и производству компании «Полц» является феноменальный коммерческий успех дорогих транспортных средств «Мотокопов», так называемых космофургонов с утапливаемыми колесами и выдвигающимися крыльями. Желтый космофургон «Рука справедливости» полковника Генри, красный «Стрела следопыта» Охотника Сней-

ка, серебристый «Рути-Тути» робота Рути, розовый «Парус мечты» Касси Стайлз продаются, как горячие пирожки, несмотря на высокую цену. Но из всех восьми моделей наибольшей популярностью пользуется черный космофургон «Мясовозка», пилотируемый Безлицым. Джона Клейста лидерство черного космофургона несколько не удивляет. «Дети любят плохишей», — смеется он.

Некоторые группы родителей протестовали против, по

их определению, «высокого уровня насилия», свойственного сериалу «Мотокопы 2200», но, согласно Клейсту, в новых сериях «Мотокопов» (их показ Эн-би-си начнет в марте) упор будет сделан на «семейные ценности и мирное решение проблем». Какие бы ценности ни взяли верх среди поклонников «Мотокопов», в «штаб-квартире «Гуд полц» царит эйфория. Эта маленькая компания сумела вытащить счастливый билет.

Глава 4

*Тополиная улица,
15 июля 1996 года, 16.09*

Джонни Маринвилл видит все.

Долгие годы это его счастье и его беда. Мир предстает перед его глазами таким, каким видит его ребенок, — цельным, без изъятий, неделимым.

Он видит «лумину» Мэри на углу и знает, что она пытается разрешить вставшую перед ней загадку: почему на улице так много людей и почему все эти люди так странно себя ведут? Когда же «лумина» трогается с места, Джонни замечает, что пришел в движение и желтый фургон, припаркованный на углу. Раскат грома рвет его барабанные перепонки, он чувствует первые холодные капли, упавшие на его разгоряченные предплечья. Вот «лумина» начинает спуск, и Джонни видит, как желтый фургон внезапно наращивает скорость, он знает, что сейчас должно произойти, но все еще не может в это поверить.

Джонни пересекает мостовую, встает на тротуар перед домом Джозефсонов и смотрит в сторону Медвежьей улицы. Глаза его широко раскрыты. Он видит Мэри за рулем «лумины», но женщина его не замечает, ее взгляд устремлен в другой конец квартала. Возможно, она узнала мужа, ведь расстояние не слишком велико, и теперь гадает, что он там делает, но Мэри не видит Джонни Маринвилла, не видит необычного желтого фургона с тонированными стеклами, который уже навис над ней.

— *Мэри, берегись!* — кричит Джонни.

Бред и Белинда, которые уже стоят на ступеньках крыльца, поворачиваются. И в этот момент фургон

передним бампером таранит «лумину». Во все стороны летят осколки задних фонарей, отваливается задний бампер, сминается багажник. Джонни видит, как голову Мэри бросает назад, потом вперед, так мотается цветок на длинном стебле под резкими порывами ветра. Протестующе визжат шины «лумины», раздается громкий сухой хлопок — лопается правое переднее колесо. Автомобиль тащит налево, слувшаяся шина хлопает по асфальту, диск слетает с оси и катится по улице, словно фризби близнецов Ридов.

Джонни все видит, все слышит, все чувствует, поток информации захлестывает его, а мозг настаивает на том, чтобы разложить все по полочкам, представить происходящее вокруг как цепь событий, которые впоследствии можно было бы связно изложить на бумаге.

Грозовые небеса раскрываются, начиная опорожнять накрывший Тополиную улицу холодный резервуар. Джонни видит, как темнеет тротуар, чувствует, что все новые капли падают ему на шею, спину и грудь, слышит крик Брэда Джозефсона: «Господи, да что же это?»

Фургон все таранит «лумину», тащит ее вниз по улице, отвратительно скрежещет металл по металлу, со звонким шелчком открывается замок багажника, крышка взлетает вверх, открывая запаску, какие-то старые газеты, оранжевый цилиндр порошкового огнетушителя. Левое переднее колесо «лумины» переваливает через бордюрный камень. Фургон выталкивает легковушку на тротуар, теперь передним бампером она упирается в забор между домом Биллингсли и домом Мэри, стоящим ниже по склону.

Молнии сверкают совсем близко, окрашивая улицу фиолетовым цветом, раскаты грома наклады-

ваются один на другой, словно артиллерийская канонада, ревет ветер, пригибая к земле кроны деревьев, отдельные капли дождя сливаются в единый поток. Видимость быстро падает, но Джонни успевает заметить, как желтый фургон, расчистив путь, устремляется вниз, чтобы исчезнуть за стеной дождя, как открывается дверца со стороны водительского сиденья «лумины» и из машины появляется сначала нога, а потом вся Мэри Джексон. На лице ее написано полнейшее недоумение, словно она понятия не имеет, где находится и как сюда попала.

Бред уже сжимает локоть Джонни своей очень большой и очень мокрой рукой, спрашивая, видел ли он, как этот желтый фургон сознательно протаранил машину Мэри, но Джонни едва слышит его. Теперь Джонни видит другой фургон, цвета синий металлик, с разрисованными бортами. Его кабина вываливается из дождя, словно морда доисторического чудовища, потоки воды стекают по тонированному ветровому стеклу. Дворников нет. И внезапно Джонни осознает, что сейчас должно произойти.

— *Мэри!* — кричит он ошеломленной случившимся женщине, которую так и качает на высоких каблуках, но громовая канонада заглушает его крик. Мэри даже не смотрит в его сторону. Дождь сбегает по ее лицу, как текут слезы по щекам героинь латиноамериканских мыльных опер.

— *МЭРИ, ЛОЖИСЬ!* — Он орет так громко, что едва не рвутся голосовые связки. — *ЗАЛЕЗАЙ ПОД МАШИНУ!*

И тут ветровое стекло синего фургона соскальзывает вниз. Да, да, соскальзывает, закрывая радиаторную решетку, за стеклом открывается темнота, а в темноте — призраки. Призраки. Да. Двое. Это

именно призраки. Ярко-серые, четко выделяющиеся на темном фоне. Сидящий за рулем одет в форму Конфедеративных Штатов Америки*, Джонни в этом почти уверен, но это не человек. Под кавалерийской шляпой крутой лоб, странные миндалевидные глаза и торчащий вперед рот, напоминающий маленький хобот. А вот его спутник, такой же ярко-серый, несомненно, принадлежит к роду человеческому. Он в кожаной рубашке траппера. Уже неделю не брился, и каждый волос на лице торчит серебряной иголкой. Он стоит, этот охотник за пушным зверем, в руках его мощная двустволка большого калибра. Траппер поднимает двустволку и выглядывает в многоцветный, бурлящий мир, к которому он не имеет ни малейшего отношения. Губы его растягиваются в улыбке, открывая гнилые зубы, к которым не прикасалась рука дантиста. Призрак этот напоминает героя какого-то фильма ужасов о семейке кретинов, живущей посреди непроходимого болота.

Нет, я ошибся, думает Джонни. Действительно, в каком-то фильме был такой тип, но не в этом.

— *МЭРИ!* — кричит он, и ему тут же вторит Брэд:

— *ЭЙ, МЭРИ, ОГЛЯНИСЬ!*

Но оглянуться она не успевает. Парень в кожаной рубашке стреляет трижды, быстро перезаряжая двустволку и вновь упирая приклад в плечо. Первый выстрел уходит в «молоко». Второй сшибает наружную радиоантенну «лумины». Третий сносит левую половину головы Мэри Джексон. Она отталкивается от машины и бредет к дому Старины Дока, кровь хлещет на плечо и пропитывает ткань блузы, волосы на мгновение вспыхивают (Джонни видит, он все ви-

* Объединение рабовладельческих штатов (Конфедерация), отделившихся от Союза в декабре 1860 г. — мае 1861 г.

дит), но их тут же гасит дождь. Мэри поворачивается к Джонни, смотрит на него одним глазом, и блеск молний наполняет этот глаз огнем. Затем нога на высоком каблуке подгибается, и Мэри падает на спину, будто сраженная очередным громовым раскатом, ее волосы чуть дымятся, как не до конца затушенная в пепельнице сигарета. Мэри лежит на лужайке Биллингсли около керамической немецкой овчарки, к которой прикреплена табличка с его фамилией и номером дома. Ноги Мэри разбросаны в стороны, и Джонни, к полному своему изумлению, видит то, что нельзя принять ни за что иное. На ум ему приходит старая шутка про алкоголика, у которого все троится перед глазами: «Насчет тех, что по бокам, я сказать ничего не могу, но посередине точно Уилли Нелсон». Джонни громко смеется. Жену Питера Джексона только что убил призрак, стрелявший из фургона, за рулем которого сидел другой призрак (призрак инопланетянина в униформе конфедератов), и леди умерла без порток. Ни в том, ни в другом нет ничего смешного, но Джонни тем не менее смеется. Хотя бы для того, чтобы не закричать от ужаса. Он боится, что не сможет остановиться, если закричит.

И тут существо, что сидит за рулем синего фургона, поворачивается к Джонни, и на мгновение он чувствует на себе взгляд громадных миндалевидных глаз. Существо словно ставит на нем метку, а у Джонни такое ощущение, будто он *уже видел это чудовище*, конечно, это полное безумие, но от ощущения этого никуда не деться. Проходит мгновение, и существо отводит взгляд.

Но оно меня видело, это точно, думает Джонни. Существо в маске (это маска, не иначе) видело меня

и отметило точно так же, как загибают край книжной страницы, чтобы потом вернуться к ней.

Звучат еще два выстрела, и поначалу Джонни не видит, в кого стреляли, так как синий фургон закрывает собой другую половину улицы, но вроде бы он слышит звон бьющегося стекла. Потом фургон растворяется в потоках дождя, и взгляд Джонни падает на мертвого Дэвида Карвера, усыпанного осколками стекла: второй выстрел разбил рекламный щит. В животе Дэвида краснеет огромная дыра, окруженная венчиком белой плоти, и Джонни приходит к выводу, что для Дэвида работа на почте закончена. Не придется ему больше и мыть свой автомобиль.

Синий фургон быстро поднимается к перекрестку. К тому моменту, как он поворачивает направо, Джонни уже кажется, что ему все привиделось.

— *Господи, посмотрите на него!* — кричит Брэд и выбегает на улицу.

— *Брэдли, нет!* — пытается остановить его Беллинда, но не успевает.

Ниже по склону, на противоположной стороне улицы, переговариваются близнецы Риды.

Джонни на негнувшихся ногах сходит с тротуара на мостовую. Он поднимает руки, видит, что ногти уже побелели (видит все, да, конечно, и понимает, почему этот тип в маске инопланетянина из «Ближних контактов»* показался ему знакомым), и отбрасывает со лба мокрые волосы. Молнии прорезают небо — яркие трещины на черном стекле, в кроссовках уже хлюпает вода, в воздухе стоит запах пороха. Джонни знает: через десять или пятнадцать секунд запах пропадет, уйдет в землю, его смоем дождем, но

* Знаменитый фильм режиссера Стивена Спилберга «Ближние контакты третьей степени» (1977).

пока этот запах есть, словно для того, чтобы не дать Джонни поверить, будто все это галлюцинации... то, что его бывшая жена Терри называла «мозговыми судорогами».

Да, он видит «киску» Мэри Джексон, наиболее желанную часть женского тела, звавшуюся в его школьные годы «бородатой улиткой». Джонни не хочет думать об этом, не хочет видеть то, что видит, но не ему командовать парадом. Все барьеры в его мозгу рушатся, как они рушились, когда Джонни писал книги (это одна из причин, по которым он больше не пишет романов, и не просто одна из, но главная), ход времени замедляется по мере того, как усиливается восприятие, и вот он уже в фильме Серджио Леоне*, где люди умирают медленно, словно танцуют в подводном балете.

Маленький кусачий крошка Смитти, вспоминается Джонни голос в телефонной трубке, *что же ты кусаешь мамку за титти?* Почему этот голос напоминает ему о человеке в странном костюме, а еще больше о маске инопланетянина с миндалевидными глазами?

— Скажите мне, ради Бога, что здесь происходит? — спрашивает голос за спиной Джонни. Взгляды других прикованы к Дэвиду Карверу, а Гэри Содерсон припелся сюда, на лужайку Старины Дока. Бледное лицо, исхудавшее тело, он напоминает больного холерой. — Святое дерьмо, Джонни! Я видел Париж, я видел Францию, но я не вижу ее...

* Леоне, Серджио (1929—1989) — итальянский кинорежиссер, прославился в 60-е годы своими так называемыми «макаронными вестернами», в которых снимались такие знаменитости, как Клинт Иствуд и Роберт Де Ниро. Сын известного кинорежиссера немого кино Винченцо Леоне.

— Заткнись, пьянчуга, — отвечает Джонни и смотрит налево. Близнецы Риды и их мать, Ким Геллер и ее дочь, плюс рыжеволосая девушка, которую Джонни не знает, сгрудились вокруг Дэвида Карвера, словно команда, собравшаяся вокруг травмированного игрока. Шлюха, жена Гэри, тоже там, но она засекает своего мужа и уже плывет в сторону лужайки дока Биллингсли. Тут в доме Карверов распаивается дверь, и Кирсти вылетает в дождь, словно героиня старинного готического романа, выкрикивая имя мужа среди вспышек молний и раскатов грома.

Медленно, как глупый ребенок, которому предложили прочитать что-нибудь наизусть, Гэри произносит:

— Как ты меня назвал?

Он не смотрит на Джонни, не смотрит на толпу, собравшуюся на лужайке Карверов. Он не отрывает глаз от того, что открыла вздернувшаяся юбка мертвой женщины, запасая впечатления для будущих разговоров. Джонни с трудом подавляет желание со всего маху врезать Содерсону.

— Не важно, главное — молчи. И я не шучу.

Джонни поворачивает голову направо. К ним бежит Колли Энтрегьян. На ногах у него розовые пластиковые шлепанцы для душа. За Энтрегьяном следуют длинноволосый мужчина, которого Джонни видит впервые, и новая продавщица из магазина, ее зовут Синтия.

Позади них быстро отстающий от всех старый Том Биллингсли и нагоняющий Синтию Питер Джексон с безумными глазами, главный местный авторитет по Джеймсу Дики и новым южанам.

— *Папочка!* — слышится пронзительный, отчаянный вопль Эллен Карвер.

— Уведите отсюда детей! — Это твердый командирский голос Брэда Джозефсона. Благослови его, Господи, но Джонни даже не смотрит в сторону Джозефсона. Питер Джексон приближается, и негоже ему видеть то, что лицезреют сейчас они с Гэри Содерсоном, хотя Питеру это не в диковинку в отличие от них. Загадка английского учителя, если можно так выразиться, думает Джонни. Еще одна бородастая острота внезапно всплывает в памяти: «Эй, мистер, у вас падает знак». Он даже не может вспомнить, откуда взялась эта гребаная фраза. Джонни опять оглядывается и убеждается, что на Мэри никто не смотрит, за исключением, разумеется, Содерсона. Это, конечно, чудо, но все хорошее когда-нибудь кончается. Джонни наклоняется и пододвигает одну ногу Мэри (какая же она тяжелая, Господи) к другой. Вода стекает по белому бедру, словно по надгробному камню. Джонни одергивает подол юбки, предварительно повернувшись так, чтобы движений его рук не видели люди, стоящие выше по склону. Он уже слышит голос Питера: «Мэри! Мэри!» Должно быть, Питер увидел ее машину, действительно, «лумина» перегородила тротуар, уткнувшись передним бампером в забор.

— Зачем... — начинает было Гэри, но замолкает под яростным взглядом Джонни.

— Скажи что-нибудь еще, и я вышибу из тебя дух. Я серьезно.

На лице Гэри отражается сомнение, но потом он вроде бы начинает соображать, что к чему, кивает и прикладывает палец к губам. Когда-нибудь Гэри обязательно проговорится, но в данный момент Джонни Маринвиллу не до волнений о будущем. Он поворачивается к дому Карверов и видит, что Дэвид

Рид несет маленькую дочь Карверов (она кричит, бьется, вырывается) к дому. Пирожок Карвер, стоя на коленях, воет, как много лет назад были женщины во вьетнамских деревнях (только вроде бы случилось это и не так давно, о прошлом живо напомнил повисший в воздухе запах пороха). Кирстен обхватила руками шею мужа, и голова Дэвида мотается из стороны в сторону. Еще один ужасный момент: маленький мальчик, Ральфи, стоит рядом с матерью. В ординарной ситуации от него одни хлопоты, он не закрывает рта и не стоит на месте ни секунды, а тут превратился в статую и смотрит на мертвого отца широко раскрытыми глазами. Никто не уводит его, потому что на этот раз кричит и визжит его сестра, но увести мальчика надо.

— Джим, — обращается Джонни к другому близнецу Риду и выходит к автомобилю Мэри, чтобы юноша услышал его. Тот отворачивается от мертвого мужчины и воющей женщины. Лицо его — маска.

— Отнеси Ральфи в дом, Джим. Негоже ему тут стоять.

Джим кивает, поднимает мальчика и несет его к дому. Джонни ожидает протестующих криков, ведь даже в шесть лет Ральфи Карвер знает, что его предназначение — править миром, но мальчик обвисает на руках Джима, как кукла, глаза его по-прежнему широко раскрыты и не мигают. Джонни полагает, что влияние травмирующих событий, происшедших в детстве, на жизнь взрослых людей сильно преувеличено поколением, наслушавшимся в отрочестве грустных блюзов, но сейчас ситуация иная. Пройдет немало времени, думает Джонни, прежде чем поведение Ральфа Карвера перестанет определяться зрением мертвого отца, лежащего на лужайке, и скло-

нившейся над ним матери, которая обхватила мужа за шею и вновь и вновь выкрикивает его имя, словно надеется разбудить.

Джонни думает, а не оторвать ли Кирстен от трупа, рано или поздно придется это сделать, но, прежде чем он успевает принять решение, к участку Биллингсли прибывает Колли Энтрегьян вместе с продавщицей из «Е-зет стоп». Девушка далеко оторвалась от длинноволосого, который пытит следом. Теперь Джонни видит, что мужчина не так уж и молод, несмотря на молодежную прическу. Но кто поражает Джонни больше всего, так это Джозефсоны. Они стоят на подъездной дорожке Карверов, взявшись за руки, прямо-таки Ганзель и Гретель. Мэриэл Содерсон проходит за спиной у Джонни, направляясь к мужу. Если Джозефсоны — это Ганзель и Гретель, решает Джонни, то Мэриэл вполне тянет на злую колдунью.

Ситуация вообще смахивает на последнюю главу детектива Агаты Кристи, когда мисс Марпл или Эркюль Пуаро уже объяснили, что к чему, и даже рассказали, как убийца выбрался из запертого купе, сделав свое черное дело. Они все здесь, за исключением Френка Геллера и Чарли Рида, которые еще на работе. Жильцы квартала по-соседски собрались на вечеринку.

Впрочем, поправляет себя Джонни, он не прав. Нет Одри Уайлер и ее племянника. И тут же память услужливо воспроизводит *голос ребенка, у которого забит нос*. Но прежде чем Джонни успевает связать одно с другим, если вообще есть что связывать, Колли Энтрегьян подсказывает к нему, стоящему у машины Мэри, и хватается за плечо мокрой рукой. Крепко хватается, до боли. Смотрит он мимо Джонни, на лужайку Карверов.

— *Что... двое... как... Господи!*

— Мистер Энтрегьян... Колли... — Джонни пытается не повышать голоса и не морщиться от боли. — Вы сломаете мне плечо.

— Ой, извините. Но... — Взгляд Энтрегьяна мечется от застреленной женщины к застреленному мужчине. На животе Дэвида Карвера дождь смывает кровь с ошметков плоти, и они становятся похожи на белые щупальца. Колли не может решить, на ком сосредоточиться, поэтому глаза у него бегают, как у болельщика на теннисном матче.

— Ваша рубашка, — неожиданно для себя говорит Джонни. — Вы забыли надеть рубашку.

— Я брился, — отвечает Колли и проводит руками по мокрым волосам. Жест этот лучше любого другого выражает состояние Энтрегьяна, он понятия не имеет, что ему делать. Джонни находит это весьма трогательным. — Мистер Маринвилл, вы можете сказать, что здесь происходит?

Джонни качает головой. У него одна надежда: то, что происходило, уже закончилось.

Прибегает Питер, видит жену, лежащую на лужайке Биллингсли, перед керамической немецкой овчаркой, и начинает выть. От этого воя по мокрой коже Джонни вновь бегут мурашки. Питер падает на колени рядом с женой, совсем как Пирожок Карвер падала рядом с мужем, и... О Боже, неужели Джону Эдуарду Маринвиллу предстоит увидеть ту же вселенную скорбь, как и во Вьетнаме? Не хватает только Хендрикса* с его «Лиловым туманом».

* Хендрикс, Джимми (1942–1970) — рок-музыкант, композитор, лучший гитарист рок-н-ролла. Его стиль игры на гитаре стал школой для целого поколения гитаристов хард-рока. Умер в Лондоне от чрезмерной дозы наркотиков.

Питер хватает жену, и Джонни видит, что Гэри не в силах оторвать от них глаз, он ждет момента, когда Питер повернет тело в руках. Джонни может прочесть мысли Гэри, словно они пропечатываются на бегущей строке у него на лбу: *«И что же Питер об этом подумает? Когда перевернет ее, ноги ее разойдутся и он увидит то, что увидит? Какой он сделает вывод? А может, ничего особенного и нет, может, она всегда так ходит?»*

— МЭРИ! — кричит Питер. Он не поворачивает жену (спасибо Тебе, Господи, за маленькие радости), но поднимает верхнюю часть ее тела, усаживает ее. Кричит снова, теперь без слов, просто горестный вопль, словно он только теперь видит, в каком состоянии ее голова: половины лица нет, волосы наполовину сгорели.

— Питер... — подает голос Старина Док, но тут небо разрезает пополам громадная молния. Джонни круто разворачивается. Если его и ослепило, то лишь на мгновение, теперь он снова все видит, будьте уверены. Гром рвет улицу еще до того, как блекнет молния. У Джонни такое чувство, будто чьи-то руки одновременно ударили его по ушам. Джонни видит, как молния ударяет в брошенный дом Хобарта, как раз между участками копа и Джексонов. Она разваливает декоративную трубу, которую Уильям Хобарт поставил за год до того, как начались его трудности и он решил продать дом. Молния поджигает и крышу. Прежде чем стихает раскат грома, прежде чем Джонни успевает идентифицировать запах озона, покинутый дом приобретает огненную корону. Она яростно пылает под проливным дождем, хотя верится в это с трудом.

— Святое дерьмо! — вырывается у Джима Рида. Он стоит на пороге дома Карверов с Ральфи на руках. Ральфи, Джонни это видит, сосредоточенно сосет большой палец. И Ральфи единственный (за исключением Джонни), кто не смотрит на горящий дом. Его взгляд устремлен на вершину холма, и Джонни видит, как округляются глаза мальчика. Он вытаскивает палец изо рта и, прежде чем начать вопить от ужаса, произносит ясно и отчетливо два слова... которые опять же очень знакомы Джонни. Словно он уже слышал их во сне.

— «Парус мечты», — говорит мальчик.

И тут же, будто слова эти магические, от неестественной квелости Ральфи не остается и следа. Он кричит от страха и яростно дергается, вырываясь из рук юного Джима Рида. Джим захвачен врасплох, мальчишка выскальзывается из его рук и приземляется на задницу. Должно быть, ему очень больно, думает Джонни, направляясь к дому Карверов, но маленький паршивец вопит не от боли, а только от ужаса. Его вылезшие из орбит глаза смотрят все туда же, на вершину холма. Он начинает сучить ногами, уползая на заднице в глубь дома.

Джонни, уже стоя на подъездной дорожке Карверов, поворачивается и видит еще два фургона, огибающих угол Медвежьей и Тополиной улиц. Первым едет леденцово-розовый, с тонированными стеклами, на крыше — антенна радиолокатора в форме сердечка. При других обстоятельствах Джонни отметил бы изящность решения, но теперь это сердечко вызывает лишь тревогу. Из бортов торчат какие-то округлые выступы, то ли плавники, то ли короткие крылья.

За розовым фургоном, вроде бы «Парусом мечты», следует длинный черный фургон с черным же ветровым стеклом и черной, в форме поганки, надстройкой на крыше. Этот черный кошмар испещрен хромированными зигзагами, которые вызывают в памяти Джонни какие-то воспоминания, связанные с нацистами, да, точно, они напоминают стилизованные молнии на мундирах эсэсовцев.

Фуруны начинают набирать скорость, их двигатели урчат все громче.

Огромный люк открывается в левом борту розового фургона. А на крыше черного, похожего на катафалк, решивший трансформироваться в локомотив, часть «поганки» уползает в сторону. Джонни видит две фигуры с ружьями. Одна — человеческая, это бородач, одетый в униформу армии конфедератов, как и инопланетянин, сидевший за рулем синего фургона. Вторая фигура — существо в ином одеянии: черный цвет, воротник-стойка, серебряные пуговицы. В этом тоже есть что-то нацистское, как и в самом фургоне, но не одеяние привлекает внимание Джонни, не от его вида он теряет дар речи, а рвущийся крик застывает в горле.

Над воротником-стойкой нет ничего, кроме темноты. У него нет лица, успевает подумать Джонни, прежде чем бородач и тот, что в черном, открывают огонь. У него нет лица. Совсем нет лица.

И Джонни Маринвилла, который видит все, осеняет: он, наверное, умер, это, возможно, ад.

*Письмо Одри Уайлер (Уэнтворт, штат Огайо)
Джейнис Конрой (Плейнвью, штат Нью-Йорк) от
18 августа 1994 года:*

Дорогая Джейнис!

Большое тебе спасибо за звонок. Разумеется, письмо с соболезнованиями я тоже получила, но если бы ты знала, сколько радости доставил мне твой голос, услышанный вчера вечером в телефонной трубке. Я словно глотнула холодной воды в жаркий день. А может, просто приятно услышать нормальный голос, когда тебя засасывает в трясины.

Ты поняла хоть что-то из того, что я наговорила тебе по телефону? Уверенности в этом у меня нет. В последние дни я, можно сказать, не в себе. Хотя Херб и старается мне помочь, но для меня все встало с ног на голову. Начало этому положил звонок приятеля Билла, Джо Калабризи. Он сообщил, что мой брат, его жена и двое детей убиты, застрелены из проезжавшего мимо автомобиля. Человек, которого я никогда не встречала, плакал, случившееся так потрясло его, что он даже не мог подумать о том, как бы помягче донести до меня эту печальную весть. Он все твердил, как же ему стыдно за происшедшее в его доме. Кончилось тем, что я стала успокаивать его, думая при этом: «Это ошибка, Билл не может умереть, мой брат должен всегда быть рядом на случай, если мне понадобится его помощь». Я до сих пор просыпаюсь ночью с мыслью: «Это не Билл, меня разыгрывают, это не Билл». Такой потерянной я за всю жизнь чувствовала себя лишь однажды в детстве, когда вся семья свалилась с гриппом.

Херб и я полетели в Сан-Хосе за Сетом, потом вернулись в Толидо на одном самолете с телами убитых. Их возят в багажном отделении, ты об этом знала? Я тоже нет. И не хотела бы знать.

Похороны дались мне очень тяжело. Это такой ужас — четыре гроба, стоящие рядом, мой брат, моя невестка, моя племянница, мой племянник. Сначала в церкви, потом на кладбище. Хочешь услышать полный бред? На кладбище я думала о нашем медовом месяце на Ямайке. Там на дорогах делают специальные выступления, которые называются «спящими полицейскими». Чтобы остудить пыл лихачей. Так вот, уж не знаю почему, но эти гробы я воспринимала как спящих полицейских. Я же говорила тебе, что у меня поехала крыша, не так ли? В этом году меня можно смело провозглашать чемпионкой Огайо по количеству проглоченных таблеток валиума*.

На панихиде в церкви яблоку было негде упасть, друзей у Билла и Джун хватало, и все выли в голос. Кроме, разумеется, маленького Сета, который не мог выть. Или не хотел. Кто знает? Сет просто сидел между мной и Хербом с двумя игрушками на коленях: розовым фургоном, который он называет «Палус мсты», и прилагаемой к фургону фигуркой сексуальной рыжекудрой девчушки, которую зовут Кассандра Стайлз. Игрушки, сработанные под героев мультсериала «Мотокопы 2200», и названия этих чертовых мотокопых фургонов (простите великодушно, мотокопых космофургонов) присутствуют среди тех немногих слов и фраз, которые Сет произносит на понятном мне языке («Пончики хочу, купи их мне» — такая вот фраза, или «Сет хочет а-а», это означает, что я должна сопроводить его в туалет. Он все делает сам, но надо стоять рядом, за компанию).

Я надеюсь, мальчик не понимал, что панихида — это прощание с близкими, которые ушли от него навсегда. Херб в этом уверен («Ребенок понятия не имеет, что с его родными», — говорит он), а меня гложут сомнения. Очень уж глубокий аутизм**, не так ли? Мне кажется (конечно, точно

* Сильнодействующее снотворное на основе барбитуратов.

** Уход в себя, отрыв от реальности.

этого не знает никто), что они хотят общаться с нами, но Бог вставил в их передатчик скрамблер, и поэтому в приемнике слышится какая-то белиберда.

И вот что я тебе скажу, в последнюю пару недель я по-новому зауважала Херба Уайлера. Он позаботился ОБО ВСЕМ, начиная от билетов на самолет и кончая некрологами в «Колумбус диспетч» и «Толидо блейд». К тому же, не сказав ни слова, он согласился взять Сета, не просто сироту, а умственно отсталого сироту, это потрясающе. Или он это сделал из-за меня? Знаешь, бедняжка ему действительно безразличен. Иногда, когда Херб смотрит на мальчика, в его лице, в глазах читается любовь. Или зарождение любви.

Это тем более удивительно, когда осознаешь, как мало Сет может дать в ответ. Большую часть времени он сидит в песочнице, которую Херб сколотил для него, как только мы вернулись из Толидо, в плавках а-ля мотокопы, бормочет по-своему и играет с фургонами и куклами, особенно с сексуальной девчушкой в синих шортах. Эти игрушки немного тревожат меня, потому что (если ты еще не уверена, что я куку, следующий пассаж должен тебя в этом убедить) я не знаю, откуда они взялись, Джэн! У Сета точно не было таких дорогих игрушек, когда я в прошлый раз приезжала к Биллу и Джун в Толидо (я заходила в магазин и знаю, что цены на игрушечных мотокопов кусаются), и вот что я тебе скажу: Билл и Джун не из тех, кто одобрил бы покупку подобных игрушек. Их фантазия не простиралась дальше Барни из «Звездных войн» (к большому неудовольствию их детей). Бедняжка Сет не может сказать мне, откуда взялись игрушки, да это, я думаю, и не важно. Названия фургонов и кукол мне известны только потому, что я вместе с Сетом смотрю эти мультфильмы, которые показывают по утрам каждую субботу. От главного плохиша, Безлищега, мурашки бегут по коже.

Он такой странный, Джэн (Сет, разумеется, а не Безлицый). Я не думаю, что Херб чувствует то же, что и я, но знаю, что-то он чувствует. Иногда, когда я поднимаю голову и ловлю на себе взгляд Сета (глаза у него темно-карие, а время от времени они кажутся совсем черными), мою спину обдает холодом, а по коже бегут мурашки. Нужно тебе сказать, что после появления Сета в нашем доме там стали замечаться всякие странности. Не смейся, но некоторые случаи иначе как феноменом полтергейста не объяснить. Стаканы падали с полок, пару раз непонятно почему разбивались стекла, в песочнице по ночам возникают песчаные картины, изображающие каких-то крылатых тварей. В следующий раз пришлю тебе фотографию одной из них. Кроме тебя, я никому не могу рассказать об этом, поверь мне, Джейнис. Слава Богу, я знаю, что могу полностью тебе доверять!

В принципе забот с Сетом никаких. А вот что очень раздражает, так это его дыхание! Он буквально всасывает воздух, дышит только через рот, который всегда открыт, а подбородок чуть ли не свисает на грудь. Поэтому выглядит мальчик как деревенский идиот, хотя на самом деле это не так, пусть у него и есть проблемы с развитием. Мистер Маринвилл недавно заглянул к нам с банановым тортом, который он сам и испек (он такой душка, особенно если иметь в виду то, что однажды он написал книгу о мужчине, у которого был роман с собственной дочерью... и назвал ее «Радость»). Мистер Маринвилл провел какое-то время с Сетом, который оторвался от песочницы, чтобы посмотреть «Золотое дно». Помнишь этот сериал? Его повторяют по будним дням под названием «Возвращение на ранчо Пондероза», и Сет от этого сериала в восторге. «Вессен, вес-

* Телесериал в жанре вестерна («Bonanza»), передавался компанией Эн-би-си в 1959–1973 гг. Второй по популярности сериал в истории американского телевидения.

сен», — говорит он, как только на экране появляется заставка. Мистер Маринвилл, который предпочитает, чтобы его звали Джонни, посидел с нами, мы съели банановый торт, запили его шоколадным молоком, а когда я извинилась за шумное дыхание Сета, Маринвилл рассмеялся и сказал, что Сет в этом не виноват, раз у него такие аденоиды. Что такое аденоиды, я, честно говоря, не знаю, но, похоже, нам придется показать мальчика врачу.

И еще один момент тревожит меня, поэтому я и посылаю тебе ксерокс открытки, которую брат прислал мне из Карсон-Сити незадолго до смерти. Он пишет, что Сет изменился. Не просто изменился — разительно. Причем пишет большими буквами да еще с восклицательными знаками. Посмотри сама. Меня разобрало любопытство, поэтому я спросила об этом Билла, когда он мне позвонил. 27 или 28 июля, это был последний наш разговор. Билл отреагировал в высшей степени странно. Долго молчал, потом последовал вымученный смешок: «Ха-ха-ха». Я никогда не слышала, чтобы мой брат так смеялся. «Знаешь, Од, — наконец выдавил он из себя, — я, пожалуй, принял желаемое за действительное. Перегнул палку».

Ему определенно не хотелось продолжать эту тему, но я настаивала и услышала от него, что Сет вроде бы стал лучше соображать, начал более адекватно реагировать на происходящее вокруг, как только они въехали на территорию штата Колорадо и на горизонте появились Скалистые горы. «Ты же знаешь, что ему всегда нравились вестерны», — сказал мне брат. Тогда я этого не знала, но теперь вижу, что он был прав. Сет сходит с ума по ковбоям. Билл предположил, что Сет скорее всего понимал, что это не настоящий Дальний Запад, потому что вокруг полно автомобилей и кемперов, но, по словам брата, «ландшафт показался мальчику знакомым, и он заметно оживился».

Я бы на этом и успокоилась, но очень уж странно звучал его голос, так не похоже на него. Своих родственни-

ков-то знаешь. Или думаешь, что знаешь. Билл мог быть открытым и веселым или надутым и замкнутым. Безо всякой середины. А вот во время того телефонного разговора я почувствовала, что Билл на этой самой середине. Поэтому я и продолжала наседать на него, тогда как в обычной ситуации давно бы отстала. Я сказала, что «РАЗИТЕЛЬНО ИЗМЕНИЛСЯ» свидетельствует о чем-то из ряда вон выходящем. Билл ответил, что да, кое-что случилось, неподалеку от Эли, одного из немногочисленных больших городов к северу от Лас-Вегаса. Как раз после того, как они миновали указатель поворота к городку Безнадега (очаровательные там дают названия своим поселениям, так и хочется поехать туда), Сет «начал испытывать беспокойство». Билл определил его состояние именно такими словами. Ехали они по шоссе номер 50, прямому как стрела, и слева, к югу от дороги, увидели громадный вал.

Билла это творение рук человеческих заинтересовало, но не более того, а вот Сет, когда повернулся и увидел его, сразу же возбудился. Начал размахивать руками, выкрикивать что-то нечленораздельное на своем языке. Знаешь, когда он говорит, у меня возникает ощущение, что кто-то прокручивает магнитофонную ленту задом наперед.

Билл, Джун и двое старших детей постарались подыграть ему, так они поступали всегда, когда малыш впадал в такое состояние. «Да, Сет, — принялись твердить они, — конечно, Сет, потрясающе, Сет». А за этими разговорами вал уходил назад и уменьшался в размерах. Пока Сет не заговорил. Не на своем, птичьем, а на английском языке. «Остановись, папа, — сказал он. — Поедем назад, Сет хочет посмотреть на гору, Сет хочет увидеть Хосса и Маленького Джо». Хосс и Маленький Джо, на тот случай, если ты не помнишь, — главные герои «Золотого дна».

Билл сказал, что за всю свою жизнь Сет не произнес столько нормальных слов. И мое общение с ребенком под-

тверждает правоту Билла. Но... РАЗИТЕЛЬНО ИЗМЕНИЛСЯ? Я, конечно, ничего не хочу сказать, но слова эти — не Геттисбергское послание*, не так ли? Я не могла понять, что Сет говорил тогда, не могу понять его и сейчас. А по открытке Билла чувствовалось, что он вне себя от счастья. В телефонном же разговоре от этого счастья не осталось и следа. Опять же в открытке Билл обещал обо всем рассказать позже. Однако когда дошло до дела, мне пришлось клещами вытягивать из него каждое слово. Мягко говоря, это странно!

Билл еще сказал, что эпизод в автомобиле напомнил ему шутку о семейной паре, которая полагала, что их ребенок немой. Но однажды ребенок, уже лет шести, заговорил за обеденным столом. «Мама, тебя не затруднит положить мне еще жаркого?» Родители, когда пришли в себя от изумления, спросили, почему он молчал раньше. «Нечего было сказать», — ответил мальчик. Билл пересказал мне этот анекдот (я слышала его раньше, примерно в те времена, когда Жанну д'Арк сожгли на костре) и вновь искусственно рассмеялся: «Ха-ха-ха». Словно этим анекдотом он закрыл тему. Только я не считала, что тема закрыта.

— Так ты спросил Сета, Билл? — продолжила я.

— О чем?

— Почему он раньше не говорил?

— Но он говорил.

— Не так, как в автомобиле. Сет так не говорил, потому ты и послал мне открытку с радостной вестью, да? — Я уже начала злиться на брата. Не знаю почему, но начала. — Ты спросил его, почему раньше он не мог связно произнести десять или пятнадцать слов на английском?

* Короткая (всего десять предложений), но самая знаменитая речь Авраама Линкольна, которую он произнес 19 ноября 1863 г. на открытии национального кладбища в Геттисберге. Полностью высечена на пьедестале памятника Линкольна в Вашингтоне.

— Нет, — ответил он. — Не спросил.

— И вы вернулись? Вы отвезли Сета в Безнадегу, чтобы он осмотрел то, что принял за ранчо Пондероза?

— Мы не могли, Од, — наконец выдавил он из себя после очередной долгой паузы.

Впечатление такое, словно ждешь ответа шахматного компьютера после сильного хода. Нехорошо так говорить о собственном брате, которого я любила и которого мне будет недоставать всю жизнь, но я хочу, чтобы ты поняла, какой странный получился у нас разговор. Я словно говорила не со своим братом. Мне бы очень хотелось понять, что все это значит, но логичного объяснения найти не удается.

— Что значит не могли? — спросила я его.

— Не могли — значит не могли, — отрезал Билл. Я думаю, он тоже разозлился на меня, но мне это даже понравилось. Наконец-то в его голосе послышались знакомые интонации. — Я хотел добраться до Карсон-Сити до наступления темноты, а это бы не получилось, если бы мы развернулись и поехали в тот маленький городишко, куда Сет так рвался. Все говорили мне, как опасно ехать по шоссе номер 50 после наступления темноты, вот я и не хотел подвергать семью опасности. — Словно он пересекал пустыню Гоби, а не Центральную Неваду.

На том все и закончилось. Мы обменялись еще несколькими ничего не значащими фразами. «Успокойся, детка», — сказал он, как обычно, на прощание, и теперь мне уже больше с ним не поговорить... во всяком случае, в этом мире. Билл посоветовал мне успокоиться, а сам получил пулю от какой-то сволочи. Они все получили по пуле. За исключением Сета. Полиция не смогла даже определить калибр оружия, из которого убили Билла и его семью, можешь ты себе это представить? Жизнь посложнее книг и фильмов, это точно.

И все-таки я никак не могу забыть тот телефонный разговор. И дело не только в искусственном смехе Билла. Хотя он действительно никогда так не смеялся.

Не только я заметила, что Билл какой-то не такой. Его друг Джо, к которому они приехали в гости, сказал, что вся семья чувствовала себя не в своей тарелке, за исключением Сета. Я поговорила с Джо в похоронном бюро, пока Херб подписывал бумаги, необходимые для перевозки тел в другой штат. Джо несколько раз повторил, что ему казалось, будто Гейрины подхватили в дороге какую-то вирусную инфекцию, может, грипп. «За исключением малыша, — отмечал он. — Шустрый такой, все время копошился в песочнице со своими игрушками».

Ладно, я написала достаточно... пожалуй, даже слишком много. Но подумай об этом, хорошо? Напряги воображение, потому что «РАЗИТЕЛЬНО ИЗМЕНИЛСЯ» не дает мне покоя. Говорить с Хербом бесполезно, он считает, что все это высосано из пальца. Я думала о том, чтобы поговорить с мистером Маринвиллом, который живет на другой стороне улицы, он вроде бы такой добрый, отзывчивый, но я недостаточно хорошо его знаю. Остаешься только ты. Ты ведь понимаешь меня?

Люблю тебя. Скучаю. Иногда, особенно в последнее время, мне так хочется, чтобы мы вновь стали молодыми, когда все грязные карты, которые могла выбросить нам жизнь, еще лежали в колоде. Помнишь, какими мы были в колледже, когда думали, что нам жить вечно и только месячные могут застать нас врасплох?

Должна поставить точку, а не то снова разревусь.

Целую, Одри.

Глава 5

1

Голый по пояс, глядя на свое отражение в зеркале в ванной, как раз перед тем как привычный мир рухнул словно карточный домик, Колли Энтрегьян принял три важных решения. Во-первых, перестать ходить небритым по рабочим дням. Во-вторых, перестать пить, по крайней мере до тех пор, пока жизнь не войдет в норму. Он слишком уж налегал на спиртное, с этим следовало заканчивать. И в-третьих, перестать отлынивать от работы. В Колумбусе действовали три охранные фирмы, в двух работали люди, которые хорошо его знали, так что нечего больше валяться на диване. В конце концов, он же не умер. А потому хватит скулить, пора приниматься за дело.

Теперь же, когда дом Хобарта пылал, словно адский костер, а к нему приближались два странных фургона, Колли занимало только одно: как бы остаться в живых. Особенно его пугал черный фургон, ползущий следом за розовым. Фигуры у турели фургона он видел смутно, ему хватало и самого фургона. Катафалк из фантастического фильма, подумал он.

— В дом! — услышал Колли собственный крик. Должно быть, какая-то его часть все еще хотела командовать. — Все в дом! Немедленно!

В этот момент он уже отключился от людей, которые толпились вокруг убитого почтового служащего, — миссис Геллер, Сюзи и ее подружки, Джозефсонов, миссис Рид. Маринвилл, писатель, находился ближе, но Колли и его выбросил из головы. Он сосредоточился на тех, кто находился перед бунгало Старины Дока: Питере Джексоне, Содерсонах, про-

давшице, длинноволосом водителе и самом Старине Доке, который оставил ветеринарную практику год назад, не подозревая, что жизнь подложит ему такую свинью.

— В дом! — прокричал Колли в мокрую, с полуоткрытым ртом, пьяную физиономию Гэри. В тот момент ему хотелось убить этого человека, просто взять и убить, бросить в костер, вздернуть на суку. — Беги в этот гребаный ДОМ! — За его спиной Маринвилл кричал те же слова, только Колли подумал, что обращается он к тем, кто находится на лужайке Карверов.

— Почему... — начала говорить Мэриэл, подходя к мужу, но тут посмотрела на вершину холма, и ее глаза широко распахнулись. Руки поднялись к лицу, челюсть отвисла, Колли уж думал, что она сейчас упадет на колени и начнет петь «Мэмми», как Эл Джолсон*, но вместо этого Мэриэл закричала. Нападавшие словно ждали этого крика: тут же загремели выстрелы, которые никто не спутал бы с громом.

Хиппи схватил Питера Джексона за правую руку, попытался оторвать от мертвой жены. Питер не хотел с ней расставаться. Он все еще был, не ведая, что творится вокруг. Выстрел — звон разбитого стекла. Второй выстрел, еще более громкий, — вопль страха или боли. Колли поставил на то, что это был вопль страха на сей раз. Третий выстрел — и керамическая немецкая овчарка разлетелась на мелкие кусочки. Парадную дверь Старина Док оставил открытой,

* Джолсон, Эл (1886—1950), настоящее имя Эза Йолсон — уроженец Литвы, актер, певец, суперзвезда театра и кино. Вечером в день его смерти, 23 октября, на Бродвее были погашены огни. «Мэмми» (Mammy), одна из самых известных его песен, впервые исполнена в 1918 г.

прикрыв только сетчатую, с вензелем «Б» на ней, но находилась эта дверь в тысяче миль.

Колли побежал к Питеру. Вновь оглушительно грохнуло, Колли сжался, готовясь получить в спину заряд свинца, но тут до него дошло, что это был раскат грома. А вот за ним последовал выстрел. И Колли почувствовал, как что-то просвистело мимо его правого уха.

В меня выстрелили первый раз, подумал он. За девять лет работы в полиции никто ни разу не стрелял, и вот на тебе.

Еще выстрел. Одно из окон в гостиной Биллингсли разлетелось вдребезги, ветром тут же выдуло наружу тюлевые занавески. Выстрелы теперь гремели один за другим, и Колли почувствовал, как еще один заряд просвистел мимо, на этот раз слева, и черная дыра появилась под разбитым окном. Колли она показалась большим удивленным глазом. Пахнуло горелым деревом, и ему вспомнилось детство, октябрьские дни, когда отец жег во дворе листья.

Он бежал уже не один час, чувствуя себя мишенью в этом гребаном тире, но никак не мог добраться до Питера Джексона, который так и не тронулся с места, черт бы его побрал.

Стрельба началась пять секунд назад, информировала его более хладнокровная часть мозга. А может, и три.

Хиппи все дергал Питера за запястье, за ту же руку схватилась и Синтия, но Питер упирался. Колли видел, что Питер хочет остаться с женой, которая выбрала крайне неудачное время для возвращения домой.

Не сбавляя хода (а парень он был крепкий, хотя и много пил в последнее время), Колли подхватил

Питера под левую подмышку. Как крюком, подумал он. Питер рванулся назад, не желая покидать жену. Пальцы Колли начали скользить. *О черт*, подумал он, *ну и хрен с ним!*

За спиной раздался пронзительный крик. От Карверов. Уголком глаза Колли увидел, что розовый фургон уже проскочил мимо и мчится к Гиацинтовой улице.

— Мэри! — вопил Питер. — Она ранена!

— Я ей помогаю, Питер, не волнуйся, помогаю! — неожиданно бодро воскликнул Старина Док, хотя на самом деле никому он не помогал и пробежал мимо тела Мэри, даже не взглянув на него. Питер кивнул, разом успокоившись. Все дело в интонациях, подумал Колли. Бодрые нотки в голосе.

Хиппи тянул Питера к дому. Запаястье он отпустил, зато схватился за пояс, и это сработало.

— Давай, парень, — прохрипел он. — Осталось немного.

Питер не сводил глаз с Колли.

— Он ей помогает, так ведь? Старина Док помогает Мэри?

— Совершенно верно! — гаркнул Колли, пытаясь имитировать бодрые нотки Дока, но услышал в своем голосе только ужас. Розовый фургон скатился с холма, но оставался еще черный, который, наоборот, притормозил, чуть ли не остановился. Никуда не делись и стрелки на крыше.

Мэриэл Содерсон обежала Колли слева, толкнула, чуть не сбила с ног, торопясь к открытой двери. Гэри проскочил справа, с силой пихнув в плечо девушку-продащицу. Она даже припала на колено, вскрикнув от боли, наверное, подвернула ногу. Гэри не удостоил ее и взглядом: глаза его не отрывались

от черного прямоугольника двери. Продавщица тут же поднялась. Гримаса боли застыла на ее лице, но она крепко держала Питера за руку, помогая тащить его к дому. Колли проникся к ней уважением, не смотря на разноцветные волосы.

Расстояние до Содерсонов увеличивалось. Как только они поняли, что к чему, так забыли обо всем, кроме собственного благополучия, подумал Колли.

Выстрел. Длинноволосый вскрикнул от боли и схватился за правую ногу. Через его пальцы сочилась кровь, удивительно яркая в сером полумраке грозы. Девушка смотрела на длиноволосого, рот ее раскрылся, глаза округлились.

— Все нормально. — Хиппи двинулся дальше. — Только царапнуло. Вперед, вперед.

Питер наконец-то пошел сам.

— Что, черт побери... происходит? — обратился он к Колли. Казалось, его крепко хватили по голове.

Прежде чем Колли успел ответить, прогремел последний выстрел с черного фургона. Мэриэл Содерсон, которая как раз взбежала на крыльцо (Гэри уже исчез в доме, не выказав себя джентльменом), вскрикнула, и ее бросило на дверной косяк. Левая рука женщины дернулась, и на алюминиевую обшивку дома хлынула кровь. Колли услышал, как истерично вскрикнула продавщица, и ему тоже захотелось кричать. Пуля попала Мэриэл в плечо и буквально оторвала ей левую руку. Та осталась висеть на тонкой полоске кожи с родинкой на ней. Эту самую родинку, должно быть, очень любил целовать Гэри, когда они были помоложе, он меньше пил, а она меньше гуляла. Мэриэл, крича, стояла в дверном проеме, а рука болталась рядом с ней, словно дверь, сорванная с двух из трех петель. За ее спиной черный фур-

гон вновь набрал скорость, «поганка» на крыше за-крылась. Фургон исчез в дожде и дыме от пожара. Пустой дом Хобарта полыхал, несмотря на низвергающиеся с неба потоки воды.

2

Ей было куда уйти.

Иногда Одри почитала это за благо, иногда (потому что уход этот продлевал мучения, не давал поставить точку в дьявольской игре) — за зло, но так или иначе только благодаря этому убежищу ей удалось сохранить себя как личность, хотя бы на время, только благодаря ему ее не выели изнутри. Как Херба. В конце концов, Херб сумел стать самим собой. Ненадолго. Но этих мгновений хватило, чтобы пойти в гараж и застрелиться.

Во всяком случае, ей хотелось в это верить.

Иной раз, однако, ей верилось в другое. Она думала о бесконечных вечерах до того, как из гаража донесся выстрел, она видела Сета, сидевшего на своем стуле, том самом, который она и Херб переделали под седло, как только поняли, что мальчик без ума от «вессенов». Сет просто сидел, игнорируя телевизионный экран, если только не показывали вестерн или космический фильм, сидел, уставившись на Херба ужасными тинисто-какими глазами, глазами существа, прожившего всю жизнь в болоте. Сидел на стуле, который его тетя и дядя переделывали с такой любовью. В самом начале, до того, как начался этот кошмар. Во всяком случае, до того, как они поняли, что кошмар уже начался. Сет сидел и смотрел на Херба, но не на нее. Тогда не на нее.

На него. Высасывал его энергию, как вампир высасывает кровь в фильме ужасов. Впрочем, как еще можно назвать существо, живущее в Сете? Вампиром, и никак иначе. А жизнь их на Тополиной улице стала фильмом ужасов. Подумать только, на Тополиной улице, где в каждом доме наверняка есть хотя бы один альбом Карпентеров*. Прекрасные соседи, люди, которые могли бросить все дела, услышав по радио, что Красный Крест нуждается в сильной помощи. Никто из них не знал, что Одри Уайлер, тихая вдова, живущая между Содерсонами и Ридами, играет главную роль в своем собственном хаммеровском фильме**.

В хорошие дни она думала, что Херб, чье чувство юмора служило защитой от существа, засевшего в Сете, продержался достаточно долго, чтобы найти выход. В плохие она понимала, что это чушь собачья, Сет высосал из Херба все, что мог, а потом отправил его в гараж, заложив в голову программу самоуничтожения.

Конечно, речь идет не о Сете. Не о том Сете, который иногда (в первые дни) обнимал и целовал их. «Я — ковбой», — иногда удавалось сказать ему, когда он сидел на стуле-седле, нормальные слова прорывались сквозь поток нечленораздельных звуков, и тогда им казалось, что еще можно чего-то добиться. *Я ковбой*. Тот Сет вызывал любовь, несмотря на свой аутизм, а может, благодаря ему. Но при этом

* Ричард (р.1946) и Карен (1950–1983) Карпентеры — известные исполнители, чьи песни популярны среди представителей среднего класса и в конце 90-х годов.

** Кинокомпания «Хаммер студияс» с 1934 г. специализируется на фильмах ужасов, так что хаммеровский фильм — это синоним «ужастика».

тот Сет был и медиумом, как зараженная кровь, которая и кормит вирус, и переносит его.

Вирус этот, или вампир, звался Тэком. Маленький подарок из Великой американской пустыни. По словам Билла, семья Гейринов так и не побывала в Безнадеге, не заезжала туда, чтобы посмотреть, что скрывается за рукотворным валом, который они увидели с шоссе. Вал этот так подействовал на Сета, что он перестал лепетать и заговорил на чистом английском языке. А ведь Билл сказал ей по телефону, что они не смогли заехать туда, потому что он хотел прибыть в Карсон-Сити до наступления темноты. Но Билл ей солгал. Она это знала, так как получила письмо от Аллена Саймса.

Саймс, инженер-геолог, работавший в какой-то горнорудной компании, видел семью Гейринов 24 июля, в тот самый день, когда брат Одри послал ей открытку с воплями восторга. Саймс заверил ее, что ничего особенного не произошло, он просто устроил Гейринам экскурсию по открытому карьере, хотя инструкция по проведению вскрышных работ это и запрещала (Саймс так и написал), прочитал небольшую лекцию об истории карьера, и Гейрины отправились дальше. Обычное письмо, ни о чем. В другое время у Одри не возникло бы никаких вопросов, но она знала то, о чем понятия не имел Аллен Саймс из Безнадеги, штат Невада: Билл уверял ее, что в Безнадегу они не заезжали. Билл утверждал, будто они поехали дальше, потому что он спешил добраться до Карсон-Сити. А если солгал Билл, то мог солгать и Саймс.

Солгать насчет чего?

Остановись, папа, Сет хочет посмотреть на гору.

Почему ты солгал мне, Билл?

Вот на этот вопрос ответить она могла. Билл лгал, потому что Сет заставил его лгать. Она подумала, что Сет, возможно, стоял рядом, когда Билл говорил с ней по телефону. Сет наблюдал за человеком, которого он больше не считал своим отцом, тинистокарими глазами существа, вылезшего из какого-то болота. Так решал, что может сказать Билл, а что нет, и потому Билл говорил так, словно ему к виску приставили пистолет. Отсюда и неуклюжая ложь, и неестественный смех.

Существо, сидящее в Сете, заживо сожрало Херба и теперь старалось съесть ее, но она разительно отличалась от Херба тем, что ей было куда уйти. Возможно, убежище это она открыла случайно, возможно, с помощью Сета, *настоящего Сета*, и ей оставалось только молить Бога, чтобы Так никогда не догадался, что она делает и куда уходит. Чтобы это чудовище не последовало за ней в то единственное место, где она могла от него укрыться.

В мае 1982 года молодая (двадцать один год) и незамужняя Одри Гейрин и ее соседка по комнате в студенческом общежитии (а также самая близкая подруга) Джейнис Гудлин провели потрясающий уик-энд, по всей вероятности, лучший уик-энд в жизни Одри, в «Мохок маунтин-хауз», в северной части штата Нью-Йорк. Поездку эту им оплатил отец Джэн, получивший крупную премию от своей компании за организацию очень выгодной для нее сделки. Он также поднялся на несколько ступенек по иерархической лестнице, и ему хотелось разделить с кем-нибудь свою радость.

В субботу, первый день этого восхитительного уик-энда, девушки отправились на прогулку (ленч им упаковали на кухне в плетеную корзину) и бро-

дили несколько часов в поисках идеального места для пикника. Обычно найти то, что хочется, не удается, но в тот раз им повезло. Они попали на усыпанный цветами луг. Жужжали трудолюбивые пчелы, в теплом воздухе танцевали белые бабочки. А на границе луга они нашли маленькую беседку. Куполообразную крышу поддерживали тонкие столбы. Беседка давала тень и защищала от дождя, но не мешала обзору.

Девушки наелись до отвала, поговорили о чем только можно, трижды смехом доводя себя до слез. Одри никогда больше так не смеялась. И никогда не забывала ясный, чистый солнечный свет того дня, танцующих над травой белых бабочек.

Именно на этот луг уходила она, когда Тэк вылезал наружу и полностью брал контроль над Сетом. Здесь она пряталась с Джейнис, тогда еще Гудлин, а не Конрой, с молодой Джейнис. Иногда она рассказывала Джейнис о Сете, о том, как он появился у них, о том, что ни она, ни Херб не подозревали (во всяком случае, поначалу), кто затаился внутри Сета, а это существо наблюдало за ними, ничем не выдавая себя, выжидая удобный момент, чтобы застать их врасплох. Иногда Одри говорила, как ей недостает Херба и в каком она ужасе... оттого, что поймана, как муха в паутине или койот в капкане.

Но эти разговоры пугали ее, и она предпочитала другие темы. В основном ерундовые, пережевывание тех самых пустяков, о которых они говорили в давно минувший день, когда Рейган «отбывал» свой первый срок в Белом доме, а в магазинах еще продавались настоящие виниловые пластинки. К примеру, стоит ли рассматривать Рэя Соумса, тогдашнего ухажера Джейнис, в качестве потенциального жениха

(три недели спустя Джэн сообщила Одри, что знать не хочет этого самовлюбленного эгоиста), где они хотели бы работать, скольких иметь детей и кто из их общих друзей добьется, по их мнению, в жизни наибольшего успеха.

О чем они не упоминали, возможно, не решались упомянуть, чтобы не спугнуть, так это о переполнявшей их радости: они верили, что и дальше их ждут такие же прекрасные дни, которые они встретят в добром здравии и любви друг к другу. Вот на чем, а не на текущих тревогах сосредотачивалась Одри, когда чувствовала, что Тэк запускает в нее невидимые, но острые зубки, пытаясь кормиться ее жизненными силами. В сияние и счастье того дня уходила она, и до сих пор они укрывали ее от беды.

Потому она и жила.

Более того, она сохранилась как личность.

На том лугу, когда сгущавшиеся темнота и тревога отступали, Одри все видела ясно и отчетливо: тонкие серые столбы, поддерживающие крышу беседки (каждый отбрасывал тонкую тень на траву), стол, за которым они сидели напротив друг друга на деревянных скамьях, множество инициалов (вероятно, их оставляли влюбленные), вырезанных на поверхности стола, корзинка для ленча на полу, теперь набитая пластиковыми контейнерами и одноразовой посудой: они подготовились к возвращению в отель. Одри видела, как золотятся в рисующем свете волосы Джэн, видела нитку, торчащую из рукава ее блузы. Слышала щебетание каждой птички.

Только в одном видении отличалось от реалий. На столе, на том месте, где стояла корзинка, пока они не убрали ее на пол, красовался красный пластиковый телефонный аппарат. Точно такой пода-

рили Одри в пятилетнем возрасте, и она вела по нему долгие разговоры с Мелиссой Дорогушей, воображаемой подругой.

Случалось, что на телефонной трубке она видела слово «ПЛЕЙСКУЛ»*. В других случаях, когда выдавался особенно ужасный день, а такие в последнее время выпадали все чаще, на трубке появлялось более короткое и зловещее слово: имя вампира.

То был телефон Тэка, и он никогда не звонил. Пока не звонил. Одри предполагала, что зазвонить он может лишь тогда, когда Тэк обнаружит ее тайное убежище. Если бы он его обнаружил, жизнь Одри подошла бы к предельной черте. Какое-то время она еще могла бы есть и дышать, как это произошло с Хербом, но до окончательного расчета с жизнью оставалось бы совсем немного времени.

Бывало и так, что она заставляла телефон Тэка исчезнуть. Одри казалось, что Тэк и телефон взаимосвязаны, если она избавится от телефона, то в конце концов вырвется и из-под ига этого ужасного существа на Тополиной улице. Однако полностью выкинуть телефон из своих видений ей не удавалось. Да, он исчезал, но лишь когда она не смотрела на него или не думала о нем. Вот если она не сводила глаз со смеющегося лица Джейнис (Джейнис говорила о том, как ей иной раз хочется броситься в объятия Рэя Соумса и зацеловать его, или о том, с каким трудом она подавила желание прогнать того же Рэя после того, как застала его яростно ковыряющим пальцем в носу), а потом бросала быстрый взгляд на стол, красный телефон пропадал. Это означало, что Тэк ушел на какое-то время, что он спит (по край-

* Товарный знак игрушек и одежды для детей, выпускаем фирмой «Плейскул, инк.» (Playskool, Inc.).

ней мере дремлет) или что ему не до нее. Чуть ли не всякий раз, возвращаясь в этот момент в дом, она находила Сета сидящим на унитазе. И смотрел он на нее пусть странными, но все-таки человеческими глазами. Тэк, судя по всему, не показывался, когда его «хозяин» справлял большую нужду. Одри не переставала удивляться: безжалостная, жестокая тварь, и вдруг такая брезгливость.

Она посмотрела на стол: телефона нет.

Одри встала, и Джэн, юная Джэн, с грудью, не тронутой ножом хирурга, окинула подругу грустным взглядом.

— Так скоро?

— Извини. — Одри, впрочем, не отдавала себе отчета в том, скоро она уходит или, наоборот, припозднилась. Она это узнает, вернувшись домой и взглянув на часы, но здесь само понятие минут и секунд казалось нелепым. Залитый солнцем луг в Мохоке, каким она видела его в мае 1982 года, существовал вне времени, там никогда не тикали часы.

— Возможно, когда-нибудь ты сможешь избавиться от этого чертова телефона и остаться.

— Возможно, — согласилась Одри. — Хорошо бы.

Но так ли хорошо? Хорошо ли? Она не знала. Потому что на ее попечении был маленький мальчик, который требовал ухода. К тому же Одри окончательно не сдалась, а согласие на постоянное переселение в май 1982 года означало полную капитуляцию. Ведь неизвестно, как она будет воспринимать этот цветущий луг, зная, что никогда не сможет покинуть его. Как бы ее рай не стал адом.

Однако ситуация изменялась, и не в лучшую сторону. По прошествии времени Тэк не слабел, на что она по глупости надеялась. Тэк, судя по всему, на-

бирался сил. Телевизор работал постоянно, на экране мелькали те же фильмы и сериалы («Золотое дно», «Стрелок»... и, разумеется, «Мотокопы 2200»), снова и снова. Герои фильмов все больше напоминали ей лунатиков-демагогов, их жестокие голоса словно обрушивались на толпу, к чему-то призывая уже заведенных людей. Что-то должно случиться, и скоро. Она в этом не сомневалась. Так что-то готовил... если в отношении него годилось понятие «подготовка». Что-то не просто случится. Насколько она знала Тэка, пустячком дело не ограничится. Рванет как следует. А когда рванет...

— Беги. — Глаза Джэн сверкнули. — Хватит только думать об этом, Од. Открой входную дверь, когда Сет спит или сидит в туалете, и беги куда глаза глядят. Подальше от дома. Подальше от этой твари.

Впервые Джейнис решила дать ей совет, и Одри не могла не изумиться. Ответа у нее не нашлось.

— Я... я об этом подумаю.

— Долго не думай, подружка... я чувствую, что время твое на исходе.

— Я должна идти. — Одри вновь глянула на стол, дабы убедиться, что красного телефона нет. Действительно нет.

— Да, конечно. До свидания, Од. — Голос Джэн доносился издалека, образ ее таял. Теперь она больше напоминала женщину средних лет с одной грудью и весьма ограниченным кругозором. — Побystрее возвращайся. Может, поговорим о «Сержанте Пеппере».

— Хорошо.

Одри вышла из беседки, посмотрела на цветы, на пируэты белых бабочек. Громыхнул гром. Бог послал дождь, и Одри это ничуть не удивило: сколько

же может длиться этот рай на земле. «Тускнеет блеск золотой...» Кто из поэтов это сказал? Фрост? Не важно. Джейнис Гудлин убедилась, что такова жизнь, а не только поэтическая строка. Убедилась в этом и Одри Гейрин.

Она повернулась, чтобы взглянуть на весенние грозные облака над Кэтскиллз, но увидела собственную грязную гостиную, в которой давно не прибирались, с пылью под мебелью, стеклами, заляпанными грязными пальцами, жиром, пролитой колой. Пахло потом и жарой, а больше всего спагетти и жареными гамбургерами, которыми питался ее странный жилец.

Она вернулась.

И она замерзла. Опустив голову, Одри увидела, что на ней нет ничего, кроме шортов и кроссовок. Синих шортов, естественно, какие носила Кассандра Стайлз, любимица Сета. Кисти, запястья, колени, бедра — все в грязи. Белая блузка-безрукавка, которую она надевала утром (до того, как Тэк захватил над ней контроль, Одри то вырывалась, то вновь попадала под гнет, но большую часть времени власть принадлежала Тэку, а она становилась его движущейся игрушкой), теперь лежала на диване. Соски Одри затвердели.

Тэк опять заставил меня щипать соски, подумала она, направляясь к дивану и поднимая блузку. Почему? Потому что Кэри Риптон, парнишка, который развозит «Покупатель», увидел ее без блузки? Да, возможно. Даже вероятно. Почему, она не понимала, но сомнений не было. Тэк разозлился... последовало наказание... и она укрылась в спасительном счастливом прошлом. Как только он вернулся в свою берлогу, чтобы смотреть этот чертов телевизор.

Пощипывание ее пугало. Боль, конечно, опять же унижение, в этом Тэк был большой мастер, но и безусловное сексуальное возбуждение. Опять же она раздевалась... и одевалась. Все чаще Тэк заставлял ее раздеваться, когда он злился или просто скучал. Как будто Тэк (или Сет, или они оба) иной раз видел в ней несравненную Касси Стайлз. Ой, парни, посмотрите, какие буфера у вашей любимой мотокопши!

Одри не представляла себе сути отношений между хозяином и паразитом. Сета, по ее разумению, больше интересовали ковбойские пояса, нежели женская грудь, все-таки ему едва исполнилось восемь лет. Но сколько лет той твари, что сидит в нем? И что она хочет? Пощипывание сосков могло оказаться только началом, но Одри не хотелось об этом задумываться. Хотя незадолго до того, как умер Херб...

— Нет. Прочь эти воспоминания.

Она надела блузку, застегнула пуговицы, посмотрела на часы. Всего четверть пятого, Джэн права, она ушла слишком рано. Но погода определенно изменилась, и не в Кэтскиллз, а на Тополиной улице. Гремел гром, сверкали молнии, дождь яростно барабанил по окну гостиной, и вроде бы за стеклом стлался какой-то дым.

Телевизор работал. Сет, естественно, смотрел фильм. Ужасный, отвратительный фильм. Четвертая копия «Регуляторов». Херб купил первую в видеосалоне торгового центра за месяц до самоубийства. И этот старый фильм стал (хотя она до конца и не поняла как) последним кусочком в картинке-головоломке, последним звеном комбинации. Каким-то образом он освободил Тэка... или сфокусировал его, как увеличительная линза фокусирует свет, превращая его в огонь. Но откуда Херб мог знать, что такое

произойдет? Откуда они оба могли это знать? В то время они едва осознавали присутствие Тэка. Да, он обрабатывал Херба, теперь Одри это точно знала, но старался не привлекать к себе внимания, таился, как таится пиявка, когда присасывается под водой к ноге или к телу.

— Ты хочешь арестовать меня, шериф? — рычал Рори Колхаун.

Автоматически, не думая, что делает, Одри пробормотала:

— Почему бы нам просто не поговорить? Все обсудить?

— Почему бы нам просто не поговорить? — спросил с экрана телевизора Джон Пэйн. Одри видела, как мерцает свет в арке, соединяющей две комнаты. — Все обсудить?

Она на цыпочках подошла к арке, засовывая блузку в синие шорты (еще десять пар таких же шортов лежало в шкафу, все с белой полосой на боках, в чем в чем, а в шортах дом Уайлеров недостатка не испытывал), и заглянула в «берлогу». Сет в мотокопых плавках сидел на кушетке. В стенах, которые Херб отделал первоклассной вагонкой, торчали гвозди, найденные Сетом в мастерской. Многие дощечки пошли вертикальными трещинами. На гвоздях висели картинки, которые Сет вырезал из журналов. Ковбои, астронавты и, естественно, мотокопы. Среди них встречались и рисунки самого Сета, в основном зарисовки на местности, сделанные черными фломастерами. На кофейном столике стояли стаканы с остатками шоколадного молока (кроме него, Сет-Тэк ничего не пил) и тарелки с едой. Еда разнообразием не отличалась: спагетти, гамбургеры, томатный суп.

Одри сразу заметила, что глаза Сета пусты: он и Тэк отправились куда-то далеко-далеко, возможно, заряжать севшие батареи, а возможно, это был сон. Так спит ящерица, застывая с открытыми глазами на раскаленном солнцем камне. Может, оба слились с образами, мелькающими на экране. Или хотели слиться. Откровенно говоря, Одри было плевать на то, где они сейчас. Возможно, ей удастся поест в тишине и покое, что ее вполне устраивало. До окончания «Регуляторов» оставалось еще двадцать минут, фильм этот крутили в доме Уайлеров миллион раз, так что Одри точно знала, сколько времени в ее распоряжении. Вполне достаточно, чтобы перехватить сэндвич и черкнуть несколько строк в дневнике. Тэк мог бы убить ее за этот дневник, если бы представлял себе, что это такое.

Беги. Хватит только думать об этом, Од.

Она остановилась посреди гостиной, забыв про салями и салат, лежавшие в холодильнике. Голос такой ясный, будто пришел со стороны, а не из ее сознания. На мгновение Одри даже убедила себя в том, что Джейнис каким-то образом удалось последовать за ней из 1982 года и теперь она здесь, в этой комнате. Одри обернулась, широко раскрыв глаза, но никого не увидела. Только голоса из телевизора. Рори Колхаун говорил Джону Пэйну, что время разговоров прошло, а Джон Пэйн на это ответил: «Пусть будет так, раз ты этого хочешь». Очень скоро к ним подбежит Карен Стил, окажется между ними, крича, что они должны это прекратить. Ее убьет пуля из револьвера Рори Колхауна, предназначенная Джону Пэйну, а уж потом выстрелы будут греметь чуть ли не до последнего кадра.

Никого нет, кроме нее и ее мертвых друзей, при-
никших к телевизору.

Открой входную дверь и беги куда глаза глядят.

Сколько раз ее так и подмывало это сделать? Но что тогда будет с Сетом, таким же заложником, как и она, а может, оказавшимся в куда худшем положении? Ведь Сет был человечком, несмотря на аутизм. Одри не хотелось думать о том, что сделает с ним Тэк, если рассердится на него. А Сет оставался личностью, это Одри знала наверняка. Паразиты кормятся своими хозяевами, но не уничтожают их. Однако если паразитов разъярить...

Но ей пора подумать и о себе. Джейнис могла говорить о побеге, о том, чтобы открыть дверь и бежать куда глаза глядят, но Джейнис наверняка не понимает, что произойдет, если Тэк доберется до нее до того, как она успеет удрать. Вот тут ей точно не миновать смерти. А если она и выберется из дома, на каком расстоянии от него она может чувствовать себя в безопасности? На другой стороне улицы? В конце квартала? В Нью-Хэмпшире? В Микронезии? Едва ли она сможет спрятаться. Потому что существует мысленная связь. Доказательство тому — маленький красный телефон, телефон Тэка.

Да, она хотела выбраться отсюда. Да, еще как хотела. Но иной раз знакомый тебе дьявол куда лучше того, которого ты еще не знаешь.

Одри направилась к кухне, но остановилась перед большим окном, выходящим на улицу. Она-то думала, что это капли дождя бьют в стекло с такой силой, что разлетаются потом мельчайшими каплями, которые она и принимает за дым. Но ярость грозы уже слегка спала, а за окном по-прежнему был виден дым, настоящий дым.

Одри поспешила к окну, посмотрела вниз по улице и увидела, что горит дом Хобарта, посылая к серому небу клубы белого дыма. Рядом с горящим домом не было ни автомобилей, ни людей (дым скрыл от нее тела мальчика и собаки), поэтому Одри начала поворачиваться к Медвежьей улице. Где же патрульные машины? Пожарные? Их она не увидела, зато ей открылось зрелище, заставившее ее невольно вскрикнуть сквозь прижатые ко рту руки. Когда она успела их поднять, Одри не помнила.

Легковушка Мэри Джексон, Одри это ясно видела, ткнулась передним бампером в забор между домами Джексон и Старины Дока. Крышка багажника поднята, сам багажник смят от удара сзади. Но не разбитый автомобиль заставил ее вскрикнуть. На лужайке Дока, словно сброшенная с пьедестала статуя, лежало женское тело. Одри попыталась убедить себя, что это манекен, неизвестно как попавший из витрины магазина на участок Биллингсли, но быстро поняла, что надо верить своим глазам. Это именно женское тело. Перед ней Мэри Джексон, и она мертва... так же мертва, как и муж Одри.

Это сделал Тэк? Неужели он выходил из дома?

Ты же знала, что-то готовится, хладнокровно напомнила она себе. Ты знала. Чувствовала, что Тэк собирается с силами, не зря он все время играл в песочнице с этими чертовыми фургонами, смотрел телевизор, ел гамбургеры, пил шоколадное молоко и наблюдал, наблюдал, наблюдал. Ты этого ждала, как ждут грозы в душный, жаркий летний день...

Выше по улице, перед домом Карверов, еще два тела. Дэвид Карвер, который иногда по четвергам играл в покер с Хербом и его друзьями, лежал сейчас на ведущей к крыльцу дорожке, словно выбро-

сившийся на берег кит. Огромная дыра зияла у него в животе, над плавками, в которых он всегда мыл машину. А на крыльце Карверов лицом вниз лежала женщина в белых шортах. С длинными рыжими волосами. Капли дождя блестели на ее голой спине.

Да это не женщина, подумала Одри и вся похолодела, словно ее тело обложили льдом. Это девушка лет семнадцати, не больше. Та, которую я видела у Ридов, прежде чем отправилась в 1982 год. Подружка Сюзи Геллер.

Одри вновь посмотрела вниз в полной уверенности, что все это ей мерещится, но горящий дом Хобарта разом убедил ее в обратном. Над ним по-прежнему белели клубы дыма. А переведя взгляд выше, она опять увидела тела. Трупы соседей.

— Началось, — прошептала она, а из «берлоги» донесся дикий вопль Рори Колхауна: «Мы сотрем этот город с лица земли!»

Беги! — Это был голос Джэн, прозвучавший в мозгу Одри. *На размышления времени у тебя не осталось. Беги, Од! Беги! Скорее! Беги!*

Ладно. Она забудет о Сете и убежит. Потом ее, возможно, будет мучить совесть, но это будет потом, а сейчас...

Одри двинулась к входной двери и уже взялась за ручку, когда сзади раздался голос. Детский голос, потому что говорил ребенок. Да вот только слова прозвучали недетские.

Хуже того, в словах этих явственно слышалась издевка.

— Подождите, мэм, — произнес Тэк голосом Сета, имитирующего Джона Пэйна. — Почему бы нам просто не поговорить? Все обсудить?

Одри попыталась повернуть ручку, она зашла слишком далеко, чтобы дать задний ход. Сейчас она выскочит под дождь и побежит. Куда? Безразлично.

Но вместо того чтобы повернуть ручку, рука ее бессильно упала и повисла как плеть. Потом Одри начала поворачиваться, сопротивляясь этому изо всех сил, но все-таки поворачиваясь, чтобы оказаться лицом к лицу с существом, которое стояло в арке, ведущей в «берлогу». Она подумала, что за аркой самая настоящая берлога, без всяких кавычек.

Она вернулась из убежища.

Она вернулась, и демон, прячущийся в голове умственно отсталого сына ее мертвого брата, поймал ее при попытке к бегству.

Одри чувствовала, как Тэк забирается внутрь ее головы, подчиняет себе ее разум, чувствовала, но ничего не могла поделать, не могла даже закричать.

3

Джонни перескочил через лежащее лицом вниз тело рыженькой подруги Сюзи Геллер, в голове звенело от визга пули, пролетевшей у его левого уха... а пуля действительно провизжала. Сердце выскакивало из груди. Он продвинулся достаточно далеко к дому Карверов, поэтому, когда началась стрельба, оказался как бы на ничейной земле. И ему очень повезло, это он знал точно, что траектория его движения не пересеклась ни с одной из пуль. Джонни показалось, что пуля размером с могильный камень прошла буквально на волосок от его уха, и он нырнул во входную дверь дома Карверов. Жизнь упростилась до крайности. Джонни забыл Содерсона

и его похотливую пьяную ухмылку, забыл свои волнения о том, как бы Джексон не догадался, что его только что убитая жена вернулась домой со свидания, о каких написана масса песен, к примеру, поминается рожд, которой следует распрявиться, дабы сохранить тайну, забыл об Энтрегьяне, Биллингсли, обо всех. В голове сидела лишь одна мысль: ему суждено умереть на ничейной земле между двух домов, его убьют психи в масках и странных нарядах, которые светятся, как призраки.

А теперь, стоя в темном холле, Джонни радовался тому, что не надул в штаны или, того хуже, не обделался. За его спиной раздавались крики людей. Стену перед ним украшали статуэтки гюммельского фарфора. Каждая стояла на отдельной подставочке... такого он от Карверов не ожидал. Джонни разобрал смех, и он поднес руку ко рту, чтобы заглушить его. Ситуация не из тех, когда принято смеяться. Рука пахла потом и почему-то, так уж ему показалось, женской «киской». К горлу подкатила тошнота, Джонни понял, что потеряет сознание, если его вырвет, и невероятным усилием воли справился с приступом. Он убрал руку, и сразу стало легче. Не возникало больше и желания смеяться.

— *Папочка!* — кричала Эллен Карвер. Джонни попытался вспомнить, доводилось ли ему раньше слышать такой горестный вопль, исторгаемый из столь юной груди. Вроде бы нет. — *ПАПОЧКА!*

— Тихо, милая. — Это новоиспеченная вдова, Пирожок, как звал ее Дэвид. Сама еще рыдает, но уже пытается успокаивать. Джонни закрыл глаза, стараясь отстраниться от всего этого, но несносная память тут же напомнила ему, через что он переступил,

вернее, перепрыгнул. Подружка Сюзи Геллер. Аппетитная девушка с рыжими волосами.

Там ее оставлять нельзя. Вроде бы она мертва, как Мэри и бедняга Дэйв, но он перепрыгнул через нее, как через полено, в его голове стоял звон от пролетевшей впритирку пули. В таком состоянии поставить точный диагноз невозможно.

Джонни открыл глаза. Фарфоровая девушка в капоре и с пастушеским посохом в руке холодно улыбалась ему. Ну что, моряк, хочешь попрясть со мной шерсть? Джонни оперся о стену руками. Другая фигурка свалилась с подставки и разбилась, ее осколки лежали у его ног. Джонни решил, что он сам ее и свалил, когда боролся с приступом тошноты.

Он медленно повернул голову налево и увидел, что входная дверь по-прежнему распахнута. Приоткрыта и сетчатая дверь: рука рыжеволосой девушки, мертвенно-бледная, не дает ей закрыться. Снаружи серел пропитанный дождем воздух. Потоки воды с монотонным шипением, словно на улице работал громадный паровой утюг, обрушивались на землю. Тянуло запахом мокрой травы и дыма. Господи, благослови молнию, подумал Джонни. Горящий дом привлечет внимание полиции и пожарных. А пока...

Девушка. Аппетитная рыжеволосая девушка, какие очень нравятся мужчинам. Джонни перепрыгнул через нее, движимый инстинктом самосохранения. В тот момент он не мог поступить иначе, но теперь нельзя оставлять ее на крыльце. Нельзя, если, конечно, хочешь спокойно спать по ночам.

Он двинулся к двери, но кто-то схватил его за руку. Повернувшись, Джонни увидел перекошенное страхом лицо Дэйва Рида, темноволосого близнеца.

— Не ходите туда, — прохрипел он. Его кадык ходил вверх-вниз. — Не ходите, мистер Маринвилл. Вдруг они все еще там? Вы привлечете внимание.

Джонни посмотрел на руку юноши, лежащую на его предплечье, и мягко, но решительно снял ее. Из-за спины Дэйва на него смотрел Брэд Джозефсон, обнимавший свою жену за внушительных размеров талию. Белинда дрожала всем телом, так что дрожать было чему. Слезы текли у нее по щекам, оставляя блестящие полосы.

— Брэд, — обратился к нему Джонни, — отведите всех на кухню. Я уверен, что это самое удаленное от улицы помещение. Усадите их на пол, хорошо? — И он подтолкнул Рида в направлении кухни. Дэйв подчинился, но шел он медленно, ноги у него заплетались. Сейчас он напоминал Джонни заводную игрушку, у которой заржавели шестерни.

— Брэд?

— Все сделаем. Вы только не высовывайтесь, не то вам снесут полголовы. А этого нам на сегодня уже хватит.

— Не буду. Голова мне очень дорога.

— Вот и позаботьтесь о том, чтобы вам ее не оторвало.

Джонни смотрел, как Брэд, Белинда и Дэйв Рид пересекают холл, направляясь к остальным. В полумраке он едва различал их силуэты. Потом Джонни повернулся к сетчатой двери.

В верхней ее части зияла дыра размером с кулак, по краям загибались разорванные проволочки. Что-то большое пробило такую дыру, но, к счастью, никого не задело... он на это надеялся. Во всяком случае, никто не кричал от боли. Но, Господи, из

чего стреляли эти парни из фургонов? Какое ружье могло иметь такой большой калибр?

Джонни опустился на колени и пополз навстречу холодному влажному воздуху, которым тянуло с улицы. Навстречу приятному запаху дождя и травы. Уткнувшись носом в проволоку, он посмотрел направо, потом налево. Справа полный порядок. Джонни даже видел перекресток с Медвежьей улицей, пусть и нечетко, в пелене дождя. Ни фургонов, ни инопланетян, ни чокнутых, одетых так, словно они перенеслись на Тополиную улицу из армии Джексона Каменная Стена*. Он увидел собственный дом, вспомнил, как только что наигрывал на гитаре любимые мелодии, напевал любимые песни. Но как давно это было!

А вот вид слева его не порадовал. Забор и разбитая «лумина» перегораживали обзор. Улицы он не видел. Снайпер, возможно, в серой форме конфедератов, мог затаиться где угодно, дожидаясь следующей жертвы. На эту роль вполне мог подойти уже изрядно потрепанный писатель, пусть в его голове еще и оставались идеи, не выплеснутые на бумагу. Возможно, никакого снайпера и нет, эти идиоты из фургонов знали, что полиция и ФБР появятся здесь с минуты на минуту, но все равно высовываться не следовало. От этих типов можно было ждать чего угодно.

— Мисс, — обратился Джонни к массе рыжих волос по другую сторону сетчатой двери. — Эй, мисс! Вы меня слышите?

Джонни шумно сглотнул. В ухе больше не звенело, зато мерно гудело в голове. Джонни подумал, что

* Джексон, Томас Джонатан (1824—1863) — генерал армии конфедератов, герой Гражданской войны у южан.

с гудением этим ему придется жить довольно-таки долго.

— Если не можете говорить, пошевелите пальцами.

Ни звука, не шевельнулись и пальцы девушки. Она вроде бы и не дышала. Джонни видел, как струйки дождя текут по полоске кожи между топиком и шортами, больше никакого движения не замечалось. Только волосы казались живыми. На них, словно маленькие жемчужинки, блестели капли воды.

Громыкнуло, но уже не так громко, гроза уходила дальше. Джонни протянул руку к сетчатой двери, когда ударило куда громче. Он решил, что стрельнули из малокалиберной винтовки, поэтому приник к полу.

— Я думаю, это шифер, — прошептал голос рядом с ним, и Джонни вскрикнул от неожиданности. Повернувшись, он увидел Брэда Джозефсона. Брэд стоял на четвереньках. Белки ярко выделялись на темном лице.

— Какого черта вас сюда принесло? — спросил Джонни.

— Проверяю, чем развлекаются белые, — ответил Брэд. — Кто-то же должен убедиться, что они не перегибают палку. Сердечки у них слабенькие, могут и не выдержать.

— Вроде бы вы собирались перевести всех в кухню.

— Они уже там, рядом сидят на полу. Кэмми Рид попыталась позвонить по телефону. Он не работает, как и ваш. Наверное, из-за грозы.

— Возможно.

Брэд уставился на копну рыжих волос на крыльце Карверов.

— Она тоже мертва, не так ли?

— Не знаю. Думаю, что да, но... Я собираюсь открыть сетчатую дверь, чтобы убедиться в этом. Не возражаете?

Джонни надеялся, что Брэд возразит, выложит ему длинный список возражений, но тот лишь покачал головой.

— Опуститесь пониже, пока я буду открывать дверь, — предупредил Джонни. — Справа все в порядке, а вот слева ничего не видно: мешает машина Мэри.

— Сольюсь с полом, — пообещал Брэд. — Открывайте.

Джонни потянул сетчатую дверь и на мгновение замялся, решая, что делать дальше, потом взялся за холодную руку девушки, пощупал пульс. Поначалу ничего, потом...

— Мне кажется, она жива, — прошептал он Брэду. Голос его вибрировал от волнения. — Вроде бы пульс есть.

Забыв о том, что снаружи могут шнырять люди с ружьями, Джонни до упора распахнул сетчатую дверь, схватил девушку за волосы и поднял ее голову. Брэд на четвереньках уже подобрался к самому порогу: Джонни слышал его неровное дыхание, ощущал запах пота и лосьона после бритья.

Голова девушки поднялась, да только глянуло на них не лицо, а кровавое месиво с черной дырой вместо рта. На крыльце остались белые кусочки, которые Джонни поначалу принял за рисовые зерна. Лишь потом он понял, что это осколки зубов. Мужчины вскрикнули в унисон. Крик Брэда буквально пронзил гудящее ухо Джонни.

— Что там у вас? — крикнула из кухни Кэмми Рид. — Господи, что случилось?

— Ничего, — хором ответили мужчины и переглянулись. Лицо Брэда Джозефсона посерело.

— Не выходите из кухни, — крикнул Джонни. Хотел крикнуть, потому что с его губ сорвался едва слышный шепот. — Оставайтесь на кухне! — Теперь получилось громче.

Тут до него дошло, что он все еще держит девушку за волосы.

Пальцы разжались. Голова девушки упала на бетонное крыльцо. С чавкающим звуком, которого, подумал Джонни, он бы с удовольствием не услышал. Рядом застонал Брэд, прижав руку к губам, чтобы заглушить стон.

Джонни убрал руку, а когда сетчатая дверь закрывалась, вроде бы уловил движение на другой стороне улицы, в доме Уайлеров. Кто-то ходил по гостиной, за большим окном. Впрочем, какое ему до этого дело. Ему ни до кого нет дела, включая себя. Джонни хотелось только одного: услышать приближающийся вой сирен патрульных и пожарных машин.

Но слышал он лишь гром, потрескивание огня в доме Хобарта да шипение дождя.

— Оставим... — начал было Брэд, но у него перехватило дыхание. Спазм прошел, и он продолжил: — Оставим ее.

Да. А что еще они могли сделать в тот момент?

Они начали отступать, не поднимаясь с колен. Джонни замешкался, сдвигая к стене осколки фарфоровой статуэтки, поэтому Брэд первым добрался до столовой Карверов, где его, тоже стоя на коленях, поджидала жена. Внушительный зад Брэда качало из

стороны в сторону. При других обстоятельствах Джонни нашел бы это смешным.

Уголкем глаза он заметил нечто необычное и остановился. У двери столовой, где Дэвиду Карверу уже не резать индейку на День благодарения или гуся на Рождество, Джонни заметил маленький столик с еще десятком фарфоровых фигурок. Столик не стоял на всех четырех ножках, а привалился к стене, словно пьяница, решивший передохнуть у фонарного столба. Одну ножку у столика отшибло. Фарфоровые пастушки, молочницы, селяне лежали на животах и спинах, одна статуэтка свалилась на пол и разбилась. Среди осколков лежал какой-то черный предмет. В сумраке Джонни принял его за труп большого жука. Но, приблизившись, понял, что ошибся.

Обернувшись, он посмотрел на дыру в сетчатой двери. Если пуля, пробив ее, дальше летела по снижающейся траектории...

Да, пожалуй, она могла отшибить ножку, отчего столик повалился на стену. А потом, израсходовав запас энергии, пуля упала на пол.

Джонни осторожно протянул руку, стараясь не порезаться (рука сильно дрожала), и взял черный предмет.

— Что это у вас? — поинтересовался Брэд, он уже полз к Джонни.

— Брэд, вернись! — яростно прошептала Белинда.

— Молчи, женщина, — отмахнулся Брэд. — Что вы нашли, Джонни?

— Не знаю. — Он протянул к Брэду руку. В общем-то он знал, догадался, как только понял, что это не дохлый жук, но он никогда не видел таких пуль.

Не она лишила девушку жизни, в этом Джонни не сомневался: от удара пуля расплющилась бы и потеряла форму. А на этой не было ни царапинки, словно она не летела по стволу, не дырявила сетчатую дверь, не отшибала ножку столика.

— Дайте посмотреть, — попросил Брэд.

Подползла и Белинда, заглянула через плечо мужа.

Джонни сбросил пулю на розовую ладонь Брэда. Черный конус в семь дюймов длиной, с вершиной достаточно острой, чтобы поцарапать кожу, и цилиндрическим основанием. Диаметр, как прикинул Джонни, примерно два дюйма. Черный металл ровный и гладкий, ни концентрических насечек у основания, ни яркой точки от удара бойка, ни клейма изготовителя, ни калибровочного знака.

Брэд поднял голову.

— Что за черт? — В голосе его звучало недоумение.

— Дай посмотреть, — дернула его за рукав Белинда. — Мой отец часто брал меня на охоту, я всегда помогала ему перезаряжать ружье. Дай сюда.

Брэд передал ей пулю. Белинда покрутила пулю в пальцах, потом поднесла к глазам. Резкий раскат грома заставил их всех подпрыгнуть.

— Где вы ее нашли? — спросила Белинда Джонни.

Он указал на осколки фарфора под наклоненным столиком.

— Да? — скептически протянула Белинда. — А почему пуля не врезалась в стену?

Хороший вопрос, отметил Джонни. Пуля пробила лишь дыру в сетке да отшибла у столика ножку. Почему же она не долетела до стены?

— Я никогда не видела таких пуль, — продолжала Белинда. — Конечно, я видела далеко не все, но

могу сказать, что стреляли этой пулей не из револьвера, не из винтовки и не из ружья.

— Между прочим, я сам видел, что стреляли из ружей, — заметил Джонни. — Из двустволок. Вы уверены, что...

— Я даже не представляю себе, как можно выстрелить такой пулей. На торце нет следа от бойка, это раз. И еще форма. Только дети думают, что именно так выглядят пули.

Дверь между столовой и кухней открылась, ударившись об стену, и они вновь подпрыгнули. Показалась Сюзи Геллер с бледным как полотно лицом. Выглядела она, по мнению Джонни, лет на одиннадцать.

— В соседнем доме кто-то кричит. У Биллингсли. Похоже, это женщина, но точно сказать трудно. Дети боятся.

— Все понятно, дорогая, — ответила ей Белинда. Голос ее был ровен и спокоен, что вызвало восхищение Джонни. — Возвращайся на кухню. Через минуту мы будем с вами.

— А где Дебби? — спросила Сюзи. К счастью, Джозефсоны находились между ней и холлом, так что Сюзи не могла увидеть сетчатую дверь и тело за ней. — Она в соседнем доме? Вроде бы Дебби бежала следом за мной. — Девушка помолчала. — Вы думаете, кричит не она?

— Да, я уверен, что не она, — ответил Джонни, к ужасу своему, вновь едва не расхохотавшись. — Иди на кухню, Сюзи.

Она ретировалась, и дверь закрылась. Оставшаяся троица переглянулась. Затем Белинда вернула непонятную пулю Джонни и на короточках, переваливаясь, как утка, добралась до двери на кухню и от-

крыла ее. Брэд на локтях и на коленях последовал за ней. Джонни еще несколько мгновений смотрел на пулю, думая о том, что сейчас сказала Белинда: такой пулю представляют себе дети. Джонни не раз бывал в начальных классах с тех пор, как начал писать житие Пэта Китти-Кэта. Он навидался детских рисунков, больших улыбающихся папочек и мамочек, стоящих под ярко-желтым солнцем, ядовито-зеленых лугов, на которых росли коричневые деревья, и эта штуковина, которую он держал в руках, казалось, сошла с такого же рисунка, целенькая, новенькая, каким-то образом став настоящей.

Маленький кусачий крошка Смитти, прошелестел голос в его голове, а когда Джонни попытался вспомнить, знает ли он что-нибудь об этом голосе, память выдала чистый лист.

Джонни сунул пулю в правый передний карман и вслед за Джозефсонами пополз на кухню.

4

Стивен Джей Эмес жил по достаточно простому принципу — НЕТ ПРОБЛЕМ.

В течение первого семестра в МТИ* его оценки были чрезвычайно низкими, вероятно, из-за атмосферных флуктуаций, но, как говорится, НЕТ ПРОБЛЕМ.

Стив перевелся из электротехники на общетехнический факультет, однако и здесь уровень его оценок оставался прежним. В итоге Стив собрал вещишки и перебрался в Бостонский университет (благо

* Массачусетский технологический институт — один из самых престижных технических вузов США.

располагался он на другой стороне дороги), решив поменять стерильные холлы науки на зеленые поля английской литературы, поближе познакомиться с творчеством Колриджа, Китса, Харди, Т. С. Элиота. Поначалу все шло тип-топ, но в конце первого курса его вышибли за чрезмерное увлечение бриджем и выпивкой. Тем не менее — **НЕТ ПРОБЛЕМ.**

Стив перебрался в Кембридж, потерял там, играя на гитаре и трахаясь. С гитарой выходило не очень, зато в постели все получалось как нельзя лучше, так что действительно — **НЕТ ПРОБЛЕМ.**

Решив, что для Кембриджа он уже староват, Стив Эмес сунул гитару в чехол, вышел на шоссе и на путках доехал до Нью-Йорка.

В последующие годы чем он только не занимался: что-то продавал, поработал диск-жокеем на радиостанции в Фишбилле, транслировавшей тяжелый рок (к сожалению, скоро приказавшей долго жить), и электриком на телестудии, организовывал турне рок-групп (шесть концертов прошли удачно, а потом ему пришлось ночью бежать из Провиденса, задолжав крутым парням около шестидесяти тысяч долларов), но, как указывалось выше, — **НЕТ ПРОБЛЕМ.**

Потом Стив оказался в Уилдвуде, штат Нью-Джерси, где и выяснилось, что его призвание — ремонтировать и настраивать электрогитары. В этом деле он преуспел, в южной части штата Нью-Йорк и в Пенсильвании его услуги пользовались немалым спросом. Ему нравилось ремонтировать и настраивать гитары. Во-первых, это занятие его успокаивало. Во-вторых, настраивал гитары он лучше, чем играл на них. В это же время Стив перестал курить «травку» и играть в бридж, что еще больше облегчило ему жизнь.

За два года до описываемых событий, живя в Олбани, Стив познакомился с Дэком Эблесоном, которому принадлежал клуб «Улыбка». Располагался клуб на бойком месте, и в нем каждый вечер потчевали блюзами. Впервые Стив появился в «Улыбке» в качестве настройщика гитар, а потом ему доверили всю электроаппаратуру, потому что парня, который ведал пультавой, свалил инфаркт. Поначалу Стив пришел к выводу, что это проблема, возможно, первая за его взрослую жизнь, но он решил взяться за это дело, хотя и побаивался, как бы его не линчевала разгоряченная спиртным публика. До какой-то степени в этом была заслуга Дэка, разительно отличавшегося от других владельцев клубов, с которыми сводила Стива судьба. Дэк не воровал, не волочился за женщинами, не считал, что высшее в жизни наслаждение — втоптать в грязь другого человека, особенно подчиненного. Опять же Дэк любил рок-н-ролл, в то время как многие из знакомых Стиву владельцев клубов эту музыку презирали, предпочитая слушать какого-нибудь Янни* или Занфира с его флейтой. Дэк Стиву нравился, чувствовалось, что он из тех, кто тоже живет под девизом «НЕТ ПРОБЛЕМ». Приглянулась Стиву и жена Дэка Сэнди, большеглазая, остроумная, общительная, с роскошной грудью и без малейшего желания наставить мужу рога. А главное, Сэнди тоже излечилась от пристрастия к бриджу. Стив много раз обсуждал с ней причины возникновения неконтролируемого желания повышать и повышать ставку, особенно в игре на деньги.

В мае Дэк купил очень большой клуб в Сан-Франциско. Они с Сэнди уехали с Восточного по-

* Достаточно известный гитарист, выпустивший в 1986–1991 гг. несколько сольных альбомов.

бережья три недели назад. Дэк обещал Стиву хорошую работу, если тот упакует все их дерьмо (в основном альбомы, порядка двух тысяч, с такими реликтами, как «Хот Тюна», «Куиксилвер мессенджер севис» и «Кэннед хит»*) и привезет в Сан-Франциско на взятом напрокат грузовике. Стив ответил стандартно:

«НЕТ ПРОБЛЕМ, ДЭК».

Черт, ведь он не бывал на Западном побережье уже семь лет, так что перемена климата могла пойти ему только на пользу. Подзарядить старые батарейки.

Однако сборы, оформление документов на аренду грузовика и погрузка заняли больше времени, чем он предполагал. Дэк звонил неоднократно, последний раз голос его звучал излишне резко, а когда Стив упомянул об этом, Дэк признал, что злится, потому что настроение у человека не улучшается, если три недели спишь в спальном мешке и носишь все те же шесть футболок. Дэк поставил вопрос ребром: едет он или нет? «Еду, еду, — ответил Стив. — Остынь». И он таки выехал. Три дня назад. Поначалу все шло хорошо. Но сегодня днем лопнула или оторвалась какая-то трубочка, поэтому Стив свернул с автотрассы в Уэнтворт в поисках великого американского автосервиса, но потом... ба-бах... под капотом произошло что-то малоприятное, о чем немедленно доложили стрелки приборов. Стив надеялся, что где-то дало течь уплотнение, но в глубине души подозревал, что неисправность более серьезная, возможно, связанная с поломкой поршня. В любом случае «рай-

* Группы середины 60-х годов, из которых лишь последняя, меня состав, просуществовала до конца 80-х.

дер», который с момента отъезда из Нью-Йорка вел себя как кроткая овечка, внезапно превратился в чудовище. Но при этом — **НЕТ ПРОБЛЕМ**.

Всего и дел-то — найти мистера Умельца и вручить ему грузовик.

Впрочем, Стив ошибся с поворотом и вместо того, чтобы въехать в деловую часть города, оказался на окраине, где мистер Умелец мог пребывать разве что после работы. Из-под капота валил пар, давление масла падало, температура росла, из вентилятора тянуло запахом жареного... но в принципе — **НЕТ ПРОБЛЕМ**.

Ну... возможно, **ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКАЯ ПРОБЛЕМА**.

Но только для компании «Райдер систем», и Стив не сомневался, что компания не рухнет под ее тяжестью. Он увидел маленький магазинчик с синим значком на двери, указывающим на наличие телефона-автомата... а наклейка с номером, по которому следовало позвонить в случае неполадок с двигателем, украшала солнцезащитный щиток над сиденьем водителя.

АБСОЛЮТНО НИКАКИХ ПРОБЛЕМ — это стиль его жизни.

Однако теперь проблема возникла. Рядом с ней освоение пульта в клубе «Улыбка» казалось пустячком.

Стив очутился в маленьком домике, пропахшем табаком, где гостиную украшали фотографии животных, а перед телевизором стояло большое продавленное кресло. Он только что перевязал ногу банданой в том месте, где ее задела пуля. Всего лишь задела, но пуля. Вокруг кричали люди. Тощую женщину в безрукавке ранило, причем ранило серьезно, а снаружи

остались трупы. Вот вам и проблема в истинном смысле этого слова.

Его схватили за руку повыше запястья. Не просто схватили, а сжали изо всей силы. Стив повернулся и увидел девушку в голубом переднике, продащицу с разноцветными волосами.

— Нечего на меня таращиться, — сердито бросила она. — Женщине надо помочь, а не то она умрет. Поэтому нечего на меня таращиться.

— Нет проблем, булочка. — От этих слов, которые сами собой слетели с языка, Стив почувствовал прилив сил.

— Не зови меня булочкой, тогда я не стану звать тебя тортом, — окрысилась девушка.

Стив рассмеялся. Не вовремя, конечно, какой уж тут смех, но плевать он хотел на условности. Девушка, похоже, тоже. Ее губы растянулись в улыбке.

— Хорошо, — кивнул Стив. — Я не буду звать тебя булочкой, а ты меня — тортом, и мы не будем таращиться друг на друга. Договорились?

— Да. Что у тебя с ногой?

— Нормально. Больше похоже на ожог, чем на рану.

— Тебе повезло.

— Да. Надо бы продезинфицировать, но по сравнению с...

— Гэри! — рывкнул объект сравнения. Рука у раненой женщины, Стив это видел, держалась лишь на тоненькой полоске кожи. Ее муж, тоже тощий, но с уже начавшим формироваться животиком, беспомощно топтался рядом с женой, не зная, что предпринять. Он напомнил Стиву индейца из какого-то старого фильма, исполняющего ритуальный танец у каменного идола.

— Гэри! — вновь рявкнула женщина. Кровь ручьем текла из ее громадной раны, белое лицо блестело капельками пота, мокрые волосы прилипли к черепу. — Гэри, перестань изображать собаку, которая ищет, где бы отлить, и помоги мне...

Она, тяжело дыша, привалилась к стене между гостиной и кухней. Стив ожидал, что сейчас колени у нее подогнутся, но этого не случилось. Наоборот, женщина сжала левое запястье правой рукой и осторожно подняла практически оторванную руку. Стив уже хотел сказать ей, чтобы она не дурила, а не то рука отвалится, как ножка переваренной курицы.

А Гэри затанцевал уже перед ним. Его бледное лицо пошло красными пятнами.

— Помоги ей! — кричал Гэри. — Помоги моей жене! Она истечет кровью!

— Я не знаю... — начал Стив.

Схватив его за грудки, Гэри наклонился к Стиву. Глаза его блестели от страха и выпитого джина.

— Ты с ними? Ты один из них?

— Я не...

— *Ты заодно с теми, кто стрелял? Говори правду!*

Внезапно Стива охватила ярость (в принципе он чрезвычайно редко выходил из себя). Резким движением он оторвал руки мужчины от своей любимой футболки. Гэри отступил на шаг, его глаза сначала раскрылись, потом превратились в щелочки.

— Ладно, — процедил он. — Ладно. Ты сам на это напророчился. Ты на это напророчился, так что получишь сполна. — И он рванул вперёд.

Синтия встала между ними, коротко глянула на Стива, убедилась, что тот не рвется в бой, и повернулась к Гэри:

— У тебя что, крыша поехала?

Гэри усмехнулся:

— Он тут не живет, так?

— Господи, да я тоже тут не живу. Я из Бейкерс-филда, штат Калифорния. Значит, я тоже одна из них?

— Гэри! — Это было похоже на лай собачонки, которая долго-долго бежала одна по пыльной пустынной дороге и наконец почувствовала, что пора гавкнуть. — Перестань дурью маяться и помоги мне! Моя рука... — Женщина продолжала держать руку перед собой, и Стиву вспомнилась (он не хотел думать об этом, но получилось само собой) мясная лавка в Ньютоне. Мужчина в белой рубашке, белом колпаке и фартуке, перепачканном кровью, протягивал его матери кусок отрубленного мяса: «Зажарите этот кусок, миссис Эмес, и ваша семья больше смотреть не захочет на курицу. Это я вам гарантирую».

— Гэри!

Тощий мужчина, от которого пахло джином, шагнул к своей жене, но потом повернулся к Стиву и Синтии. Воинственность уступила место беспомощности.

— Я не знаю, что с ней делать.

— Гэри, ты безмозглая тварь. — Голос женщины слабел с каждым словом. — Тупоголовый баран. — Она побледнела еще больше. Стала блее белого. Под глазами обозначились темные мешки, а левая кроссовка из белой превратилась в темно-красную.

Она умрет, если ей сейчас не помогут, подумал Стив. Но речь-то могла идти только о профессиональной помощи. О парнях в зеленых халатах, хирургах, которые знают, как вогнать больной десять кубиков оживляющего эликсира. Но в данный момент парни эти отсутствовали, и вероятность их появления в ближайшее время равнялась нулю. Сирен

Стив не слышал, только грохот медленно уходящей к востоку грозы.

На стене висела фотография маленькой коричневой собачонки с умными глазами. Под снимком Стив прочитал: «Дэйзи, девять лет. Может считать. Обладает способностью складывать простые числа». Слева от Дэйзи, из-под запачканного кровью тощей женщины стекла, на Стива смотрела улыбающаяся в камеру колли. Ниже он прочитал: «Шарлотта, девять лет. Может различать фотографии и откладывать те, на которых изображены люди, находящиеся рядом с ней».

За Шарлоттой следовал попутай с дымящейся сигаретой в клюве.

— Ничего этого нет. — Голос Стива звучал обыденно, правда, в нем все же можно было различить веселые нотки. Он и сам не понимал, к кому обращается, к Синтии или к себе. — Видимо, я нахожусь в больнице. Влетел в аварию на трассе. Именно так я расцениваю то, что со мной случилось. Просто «Алиса в Стране чудес», только в варианте «Найн инч нейлз»*.

Синтия уже открыла рот, чтобы ответить, но тут появился старичок, должно быть, тот самый, который наблюдал, как Дэйзи, складывая два и шесть, получает восемь.

АБСОЛЮТНО НИКАКИХ ПРОБЛЕМ ДЛЯ ДЭЙЗИ.

Старичок нес черный саквояж. За ним следовал коп (*То ли его зовут Колли, то ли это моя фантазия,*

* Под этим названием скрывается талантливый певец, музыкант, аранжировщик Трент Резнор, тяготеющий к жесткому, мрачному року. Выступает с 1988 г., лауреат премии «Грэмми», продюсер музыки к фильму Оливера Стоуна «Прирожденные убийцы».

навешенная фотографиями, подумал Стив), который на ходу вытягивал из брюк ремень. Сзади плелся Питер, муж убитой женщины, оставшейся лежать на лужайке.

— Помогите ей! — закричал Гэри, сразу забыв про Стива и свои подозрения. — Помогите ей, Док, она истекает кровью, словно недорезанная свинья!

— Ты же знаешь, что я не врач, ведь правда, Гэри? Если я кого и лечил, то лишь лошадей и...

— Гэри, не смей называть меня свиньей, — прервала его Мэриэл. Говорила она еле слышно, но глаза ее, устремленные на мужа, мрачно сверкали. Она попыталась выпрямиться, но не смогла, а, наоборот, сползла по стене еще ниже. — Не смей... так называть меня.

Старик ветеринар повернулся к копу, голому по пояс и с ремнем в руке. Этот коп напомнил Стиву вышибалу из одного ночного клуба, где он работал с группой «Биг хром хоулз».

— Надо? — спросил голый по пояс коп, тоже бледный как полотно.

Биллингсли кивнул и поставил черный саквояж на большое кресло перед телевизором. Раскрыв саквояж, он принялся в нем рыться.

— И поспеши. Чем больше крови она потеряет, тем меньше у нее шансов. — Ветеринар распрямился. В одной руке он держал моток нити для сшивания ран, во второй — хирургические ножницы. — Мне это тоже не в радость. В последний раз я видел в таком состоянии пони, которого приняли за оленя и отстрелили ему ногу. Закрепляй жгут как можно выше. Пряжку поверни к груди и затягивай изо всей силы.

— Где Мэри? — спросил Питер. — Где Мэри? Где Мэри? Где Мэри? — С каждым повтором голос у него все поднимался и поднимался, пока не дошел до фальцета. Внезапно он закрыл лицо руками, отвернулся от всех и уткнулся в стену между снимками лабрадора по кличке Барон, знавшего буквы, из которых складывается его кличка, и козы Замарашки, которая умела извлекать какие-то звуки из гармоники. Стив подумал, что покончил бы с собой, если б услышал, как какая-нибудь коза наигрывает «Желтую розу Техаса»*.

Мэриэл Содерсон тем временем впиалась глазами в Биллингсли. Так вампир мог бы смотреть на человека, порезавшегося при бритье.

— Мне больно, — просипела она. — Дайте мне что-нибудь.

— Дадим, — кивнул Биллингсли, — но сначала надо наложить жгут.

Он нетерпеливо посмотрел на копа. Тот шагнул к Мэриэл. Кончик ремня он уже просунул в пряжку, образовав петлю. Когда коп приблизился к тощей женщине, светлые волосы которой заметно потемнели от пота, она вытянула здоровую руку и с силой оттолкнула его. Коп этого не ожидал. Он отступил на два шага, зацепился ногой за кресло старика и плюхнулся в него. Да так комично, что в иной ситуации вызвал бы смех зрителей.

Мэриэл даже не посмотрела на него. Она не сводила глаз со старика и черного саквояжа.

* Народная песня о любви негра к мулатке. Во время Гражданской войны стала любимым маршем северян. Новый виток популярности приходится на 50-е годы, когда песня стала хитом в исполнении хора Митча Миллера.

— Сейчас! — твякнула она. Действительно, голос ее очень походил на собачье твяканье. — Немедленно дай мне что-нибудь, старый козел, боль сводит меня с ума!

Коп выбрался из кресла, поймал взгляд Стива. Тот все понял и двинулся к женщине, которую звали Мэриэл, заходя справа. *Будь осторожен*, сказал себе Стив, *у нее поехала крыша, может и поцарапать, и кусить, будь осторожен.*

Мэриэл оторвалась от стены, покачнулась, но устояла на ногах и двинулась к старику. Руку она вновь держала перед собой, словно вещественное доказательство, представляемое в суде. Биллингсли отступил на шаг, переводя взгляд с копа на Стива.

— Сделай мне укол демерола! — потребовала Мэриэл. — Сделай, а не то я тебя задушу! Я...

Коп вновь кивнул Стиву и надвинулся на женщину слева. Стив подскочил справа и рукой обхватил Мэриэл за шею. Душить ее он не собирался, но опасался схватить женщину за плечи, боясь задеть раненую руку.

— Стойте тихо! — прокричал он.

У него и в мыслях не было кричать, он не хотел повышать голос, но так уж вышло. В этот момент коп накинул петлю на левую руку женщины и потянул ее выше, к самому плечу.

— Держи ее, приятель! — крикнул коп. — Держи крепче!

Секунду или две Стив и держал, а потом пот, теплый и жгучий, попал ему в глаз, и он ослабил хватку аккурат в тот момент, когда коп затянул ремень-жгут. Мэриэл рванулась направо, ее глаза все так же сверлили старика, а ее левая рука осталась в руках

голою по пояс копа. Стив видел ее часы, «Индигло», с минутной стрелкой, застывшей между четырьмя и пятью. Ремень продержался на плече мгновение-другое, а потом свалился на пол. Продавщица пронзительно закричала, не сводя глаз с левой руки Мэриэл. Разинув рот, смотрел на нее и коп.

— Положите ее в морозильник! — гаркнул Гэри. — Немедленно положите ее в морозильник! Немедленно... — Тут он наконец-то осознал случившееся. Понял, что держит коп. Его рот приоткрылся, он вывернул голову и вывалил содержимое желудка на фотографию курящего попугая.

Мэриэл ничего этого не заметила. Она плелась к застывшему в ужасе старому ветеринару, вытянув вперед оставшуюся руку.

— Сделай мне укол! Сейчас же! — прошептала она. — Ты меня слышишь? Сделай мне этот гребаный...

Она рухнула на колени. Голова упала на грудь. Затем с невероятным усилием она вновь вскинула голову. Ее взгляд остановился на Стиве.

— А ты кто такой? — ровным, нормальным голосом полюбопытствовала она, а затем повалилась на пол лицом вниз. Ее голова застыла в нескольких дюймах от каблуков Питера, который только что потерял жену. Джексон, внезапно вспомнил Стив. Его фамилия Джексон. Питер Джексон по-прежнему стоял, отвернувшись к стене и закрыв лицо руками. Если он сделает шаг назад, подумал Стив, то споткнется о Мэриэл.

— Святой Боже, — вырвалось у копа. Он посмотрел вниз и увидел, что все еще держит руку женщины. Нетвердой походкой коп направился со своей ношей на кухню. С улицы доносился шум дождя.

— За дело. — Первым пришел в себя старик ветеринар. — Мы еще не закончили. Надо наложить жгут, сынок. Сумеешь?

— Попробую, — ответил Стив и очень обрадовался, когда Синтия-продащица быстро подняла ремень с пола и опустилась на колени рядом с потерявшей сознание женщиной.

*«Силовой коридор», эпизод 55 сериала «МОТОКО-
ПЫ 2200», отрывок из сценария Аллена Смитти:*

ЧАСТЬ 2

ПЕРЕХОД ОТ ЧЕРНОГО К КАРТИНКЕ:

ИНТЕРЬЕР. КРИЗИСНЫЙ ЦЕНТР,
ШТАБ-КВАРТИРА «МОТОКОПОВ».

*Как всегда, доминирующий элемент — гигант-
ский ситуационный экран. Перед ним на ле-
тающей платформе полковник ГЕНРИ.
Он мрачен. За столом совещаний в форме под-
ковы сидят остальные мотокобы: ОХОТНИК
СНЕЙК, БАУНТИ, МАЙОР ПАЙК, РУТИ
И КАССИ.*

*На ситуационном экране мы видим ЧЕРНОЕ
ЗВЕЗДНОЕ НЕБО. Вдалеке Земля, сине-зеле-
ная монетка. Мирная и безмятежная.*

ОХОТНИК СНЕЙК
(как всегда, пренебрежительно).
Так в чем, собственно,
дело, полковник? Я не
вижу ничего... Что это?

*Внезапно на ситуационном экране появляет-
ся СИЛОВОЙ КОРИДОР, практически запы-
ляет его, закрывая звезды. Его появление на-
поминает прибытие дредноута Дарта Ваде-
ра в... короче, вызывает благоговейный
трепет!*

СИЛОВОЙ КОРИДОР состоит из двух длинных металлических пластин с большими квадратными выступами через определенные интервалы. КОРИДОР ЗЛОВЕЩЕ ГУДИТ, СИНИЕ МОЛНИИ ПРОСКАКИВАЮТ между выступами.

КАССИ СТАЙЛЗ ахает, глядя на ситуационный экран. ПОЛКОВНИК ГЕНРИ нажимает кнопку на пульте управления, и изображение на экране застывает. Мы можем видеть Землю, оказавшуюся между двумя металлическими полосами. Ясно, что ей грозит опасность: электрический заряд может распылить нашу планету НА МОЛЕКУЛЫ!

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ
(ОХОТНИКУ СНЕЙКУ).

Вот в чем дело! Силовой коридор, творение давно исчезнувшей инопланетной цивилизации. Несущий смерть и... направляющийся к Земле!

КАССИ
(с ужасом).
О Боже!

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ.
Успокойся, Касси, до него световых еще сто пятьдесят лет. Это мон-таж.

МАЙОР ПАЙК.

Да, но как быстро он движется?

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ. Достаточно быстро. Скажем так, если мы не сможем разрешить этот кризис в ближайшие семьдесят два часа, думаю, нам придется отменять намеченные на уик-энд планы.

РУТИ.

Рут-рут-рут-рут!

ОХОТНИК СНЕЙК.

Замолчи, Рут. *(Обращается к ПОЛКОВНИКУ ГЕНРИ.)*
Так какой у нас план?

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ *поднимает платформу повыше, чтобы лучом-указкой обвести пару выступов на внутренней поверхности металлических пластин.*

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ.

Автоматический зонд-разведчик докладывает, что длина Силового коридора двести тысяч миль, а ширина — пятьдесят тысяч. Полоса смерти, в которой уничтожается все жи-

вое. Но у него должно быть слабое место! Я думаю, что эти квадратные выступы — энергетические генераторы. Если мы сможем от...

БАУНТИ.

Вы говорите об атаке космофургонов, босс?

Крупным планом суровое лицо ПОЛКОВНИКА
ГЕНРИ.

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ.

Для Земли это единственный шанс.

ИНТЕРЬЕР. СТОЛ СОВЕЩАНИЙ, ВОКРУГ СИДЯТ МО-
ТОКОПЫ.

ОХОТНИК СНЕЙК.

Атака космофургонов в дальнем космосе может прямым путем привести нас в райские куши.

РУТИ.

Рут-рут-рут-рут!

ВСЕ ХОРОМ.

Замолчи, Рут!

ИНТЕРЬЕР. ХОЛЛ КРИЗИСНОГО ЦЕНТРА.

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ и КАССИ идут впереди, остальные мотокосы следуют за ними. РУТИ, как обычно, в одиночестве плетется в арьергарде.

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ.

Ты волнуешься, малышка.

КАССИ.

Разумеется, я волнуюсь. Охотник Снейк прав. Космофургоны не рассчитаны на ведение боевых действий в глубоком космосе!

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ.

Но тебя тревожит только это.

КАССИ.

Иногда я просто ненавижу твою телепатию, Хэнк.

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ.

Так выкладывай.

КАССИ.

Не нравятся мне эти выступы в Силовом коридоре. А если это не силовые генераторы?

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ.

А чем еще они могут быть?

Они подходят к сдвижной двери, ведущей в ангар космофургонов. ПОЛКОВНИК ГЕНРИ прикладывает ладонь к сканирующей пластине замка, и дверь уходит в стену.

КАССИ.

Не знаю,

ИНТЕРЬЕР. АНГАР КОСМОФУРГОНОВ.
МОТОКОПЫ СТОЯТ У ДВЕРИ.

КАССИ ахает от удивления, ее глаза широко раскрываются. ПОЛКОВНИК ГЕНРИ, помрачнев еще больше, обнимает ее за плечи. Остальные мотокопы придвигаются к ним.

РУТИ.

Рут-рут-рут-рут.

ОХОТНИК СНЕЙК.

Да, Руты, полностью с тобой согласен.

ОХОТНИК СНЕЙК злобно смотрит на плавающий между его «Стрелой следопыта» и серебристым «Руты-Туты» черный космофургон «Мясовозка». Последний МЯГКО ГУДИТ.

ИНТЕРЬЕР. МОТОКОПЫ КРУПНЫМ ПЛАНОМ.

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ.

Мотокопы, приготовиться к бою.

ОХОТНИК СНЕЙК
(парализатор он уже
вытащил из кобуры).

Готов, босс.

Остальные следуют примеру ОХОТНИКА.

ИНТЕРЬЕР. «МЯСОВОЗКА» КРУПНЫМ ПЛАНОМ.

Турель на крыше ПОВОРАЧИВАЕТСЯ, открывая БЕЗЛИЦЕГО, затянутого, как обычно, в черную униформу. За ним у пульта управления можно видеть сексапильную ГРАФИНЮ ЛИЛИ. Гипнокамень у нее на шее ПУЛЬСИРУЕТ, переливаясь всеми цветами радуги.

БЕЗЛИЦЫЙ.

Задействовать летающую платформу. Немедленно!

ГРАФИНЯ ЛИЛИ.

Да, ваше великолепие.

ГРАФИНЯ двигает какой-то рычаг. К турели подваливает летающая платформа, БЕЗЛИЦЫЙ встает на нее, и платформа мягко спускается на пол ангара. БЕЗЛИЦЫЙ не вооружен, поэтому ПОЛКОВНИК ГЕНРИ, направляясь к нему, убирает парализатор в кобуру.

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ.

Не слишком ли далеко вы подались от дома, Безлицый?

БЕЗЛИЦЫЙ.

Дом там, где сердце,
Хэнк.

БАУНТИ.

Сейчас не время для игр.

БЕЗЛИЦЫЙ.

В данной ситуации не могу с вами не согласиться. Приближается Силовой коридор. Вы, полковник Генри, планируете атаковать его космофургонами...

МАЙОР ПАЙК. Откуда вы это знаете?

БЕЗЛИЦЫЙ (*ледяным тоном*).

Потому что знать — моя профессия, идиот! (*Продолжает, обращаясь к ПОЛКОВНИКУ ГЕНРИ.*) Атака космофургонов — чрезвычайно рискованное предприятие, но это единственный шанс для Земли. Вам требуется помощь, а такого мощного космофургона, как «Мясовозка», у вас нет.

ОХОТНИК СНЕЙК.

Это с какой стороны посмотреть. Моя «Стрела следопыта»...

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ.

Отложим дискуссию. (*Обращаясь к БЕЗЛИЦЕМУ.*) Что вы предлагаете?

БЕЗЛИЦЫЙ.

Объединить наши усилия до разрешения этого кризиса. Забыть прежние обиды, хотя бы временно. Вместе атаковать Силовой коридор.

Он протягивает руку в черной перчатке. ПОЛКОВНИК ГЕНРИ уже тянется к ней рукой, но тут вперед выступает МАЙОР ПАЙК. Его миндалевидные глаза широко раскрыты, рот-хобот тревожно дрожит.

МАЙОР ПАЙК.

Не делай этого, Хэнк! Ему нельзя доверять! Это ловушка!

БЕЗЛИЦЫЙ.

Я понимаю ваши чувства, майор... Мы оба понимаем, не так ли, графиня?

ГРАФИНЯ ЛИЛИ.

Да, ваше великолепие.

БЕЗЛИЦЫЙ.

Но сейчас не время для
ловушек или тузов в ру-
каве.

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ

(МАЙОРУ ПАЙКУ).

И у нас нет выбора.

БЕЗЛИЦЫЙ.

Действительно нет. Счет
идет на минуты.

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ *пожимает руку* БЕЗ-
ЛИЦЕГО.

БЕЗЛИЦЫЙ.

Союзники?

ПОЛКОВНИК ГЕНРИ.

На данный момент.

РУТИ.

Рут-рут-рут-рут!

КАРТИНКА ТЕМНЕЕТ. КОНЕЦ ЧАСТИ 2.

Глава 6

1

Теперь Тэк говорил голосом Бена Картрайта*, патриарха пондерозы.

— Мэм, у меня такое ощущение, что вы собрались слинять.

— Нет... — Это был ее голос, но такой слабый, доносящийся издалека, словно радиотрансляция с Западного побережья в дождливый вечер. — Нет, я просто собралась в магазин. У нас закончился...

Что у нас могло закончиться? Что надо было сказать, чтобы это чудовище поверило? И наконец она догадалась:

— Шоколадный сироп! «Херши»!

Демон двинулся на нее, вернее, не двинулся — Сет Гейрин в плавках мотокопов (Одри видела, что пальцы его ног едва касаются ковра гостиной) плыл по воздуху, словно надувной шарик в форме мальчика. Тело с грязными руками и коленками принадлежало Сету, а вот глаза — нет. Абсолютно! Из глаз выглядывала та тварь, что жила в болоте.

— Слушай, она говорит, будто ей захотелось пробежаться до магазина, — произнес голос Бена Картрайта. Тэк, конечно, дерьмо, но в имитации он мастер. Тут нет никаких сомнений. — И что ты об этом думаешь, Адам?

— Думаю, она лжет, па. — Теперь это был голос Пернелла Робертса, актера, игравшего Адама Кар-

* Здесь и далее упоминаются герои и актеры «Золотого дна», «Регуляторов», «Мотокопов 2200», практически неизвестные российскому зрителю, а следовательно, и читателю.

трайта. Робертс за эти годы потерял все волосы, но ему повезло больше других: актеры, исполнявшие роли его братьев и отца, уже умерли, а «Золотое дно» все крутили и крутили как по обычному, так и по кабельному телевидению.

Вновь зазвучал голос Бена, тварь приблизилась к ней, до ноздрей Одри донеслись едкий запах пота и легкий аромат шампуня «Без слез».

— А что думаешь ты, Хосс? Говори, парень.

— Лжет, па, — раздался голос Дэна Блокера... и на мгновение плывущий по воздуху ребенок стал похожим на Блокера.

— Маленький Джо?

— Лжет, па.

— Рут-рут-рут-рут!

— Замолчи, Рути! — Это уже был Охотник Снейк. Какая-то фантасмагория. Охотник пропал, уступив место Бену Картрайту, этому суровому Моисею Сьерра-Невады. — Здесь, в Пондерозе, мы не жалеем лгунов, мэм. Не любим и тех, кто только и думает, как бы слинять. Так что прикажете с вами делать, мэм?

Не бейте меня, попыталась сказать Одри, но ни слова не сорвалось с ее губ, они даже не шевельнулись. Одри попыталась установить мысленную связь с Сетом, представила себе маленький красный телефон, только с именем СЕТ на трубке. Раньше она никогда не пыталась напрямую связаться с Сетом, но ведь и в такую передрыгу она еще не попадала. Если демон захочет ее убить...

Она увидела телефон, увидела, как говорит по нему: «Не позволяй Тэку бить меня, Сет. Поначалу ты был сильнее его, я знаю. Ненамного, но сильнее. Если у тебя осталась хоть капелька власти над ним,

пожалуйста, не позволяй ему причинить мне боль, не позволяй убить меня. Я несчастна, но не так несчастна, чтобы желать себе смерти. Я еще не хочу умирать».

Одри искала в глазах мальчика что-то человеческое, принадлежащее Сету, но не нашла.

Внезапно ее левая рука резко поднялась и вцепилась ей увесистую пощечину по левой же щеке. Кожа вспыхнула огнем. Словно кто-то поднес к щеке мощную лампу.

А тут и правая рука возникла у нее перед глазами, словно змея, подчиняющаяся свирели факира. На мгновение рука замерла, потом пальцы сложились в кулак.

Нет, попыталась вымолвить Одри, *пожалуйста, нет, пожалуйста, Сет, не позволяй этого*. Но все было напрасно, кулак с такой силой врезал ей по носу, что из глаз посыпались искры, а по губам и подбородку потекла теплая кровь. Одри отшатнулась.

— Эта женщина — позор двадцать третьего столетия, — сурово заявил полковник Генри, голос его с каждой новой серией этого гребаного мультфильма Одри ненавидела все больше. — Ей надо показать, что она не права.

Тут вмешался Хосс:

— Совершенно верно, полковник! Мы должны показать этой сучке, кто в доме хозяин!

— Рут-рут-рут-рут!

— Я согласна с Рут! — произнесла Касси Стайлз. — Для начала подсластим ей пиллюлю!

Одри уже шла, вернее, ее вели. Гостиная проплыла перед глазами, словно ландшафт за окном бегущего поезда. Щека горела. Болел нос. Во рту чув-

ствовался вкус крови. Теперь Одри попыталась представить себе телефон мотоциклов, с экранчиком, где видно лицо человека, с которым говоришь, попыталась представить, как она говорит с Сетом по этому телефону. «Сет, это я, твоя тетя Одри Уайлер. Ведь ты узнаешь меня, хотя мои волосы и другого цвета? Так заставил меня покраситься, чтобы я стала похожа на Касси. Выходя из дома, я должна затягивать волосы синей лентой, как Касси. Но это по-прежнему я, твоя тетя Одри, та, что заботится о тебе, во всяком случае, пытается заботиться. А вот теперь ты должен позаботиться обо мне. Не позволяй Тэку мучить меня, Сет, пожалуйста, не позволяй».

Свет в кухне не горел, сумрак вызвал у Одри панический страх, но ее втолкнули на желтый линолеум (такой веселенький, когда он чистый), и тут мозг Одри пронзила жуткая мысль: а с какой стати Сету помогать ей? Даже если он получил ее сообщение и мог помочь? Удрать от Тэка — все равно что бросить Сета, а ведь именно в этом и состояли ее намерения. Если мальчик еще здесь, он знает это не хуже Тэка.

Рыдание вырвалось из груди Одри, когда запятнанные кровью пальцы правой руки нащупывали выключатель на стене рядом с плитой. Нашли, повернули.

— Подсласти ей пилюлю, па! — прокричал Маленький Джо Картрайт. — Подсласти, клянусь Богом! — Этот голос внезапно сменился пронзительным смехом робота Рути. Одри уже мечтала о том, чтобы сойти с ума. Все лучше, чем такое. Наверняка лучше.

А вместо этого она наблюдала (беспомощный разум, у которого отняли тело), как Тэк развернул ее

и направил к шкафчику с бакалеей. Одна рука Одри открыла дверцу, вторая скинула с верхней полки желтую жестяную банку. Та грохнулась на пол, и макароны рассыпались по линолеуму. За первой жестяной последовала вторая, с мукой, которая обсыпала Одри ноги. Одна рука метнулась в глубину шкафчика, к пластиковому медведю с медом. Вторая схватилась за крышку, отвернула ее, отбросила. Мгновение спустя медведь висел горлышком вниз над открытым, жаждущим ртом Одри.

Рука, ухватившаяся за податливое брюшко медведя, начала ритмично сжиматься и разжиматься. Кровь из разбитого носа теперь текла в горло Одри. А мед, густой и тошнотворно сладкий, заполнял рот.

— Глотай! — прокричал Тэк уже своим, не заимствованным голосом. — Глотай, сука!

Одри глотнула. Раз, другой, третий. На третьем горло слиплось. Она попыталась вдохнуть и не смогла. Сладкий клей не пропускал воздух. Одри упала на колени и поползла по полу, выхаркивая окрашенный кровью мед. Он капал даже из ноздрей.

Еще несколько секунд воздух не мог попасть в легкие, перед глазами заплескали белые мухи. *Я сейчас утону*, подумала Одри, *утону в меде «Сью-Би»*.

Потом дыхательное горло чуть прочистилось, ровно настолько, чтобы воздух начал просачиваться в легкие, и Одри заплакала от ужаса и боли.

А Тэк присел перед ней, согнув ноги Сета, и начал орать ей в лицо:

— Даже не пытайся уйти от меня! Даже не пытайся! Ты поняла? Кивни, глупая корова, покажи мне, что ты поняла!

Его руки, те, которые Одри не могла видеть, так как они находились у нее в голове, схватили ее, и тут

же голова закачалась вниз и вверх, вниз — значит, ударяясь лбом об пол. А Тэк смеялся. *Смеялся*. Одри уж решила, что будет биться об пол, пока не потеряет сознание посреди макарон и муки.

Но экзекуция прекратилась так же внезапно, как и началась. Руки исчезли. Демон покинул ее мозг. Она осторожно подняла голову и вытерла нос тыльной стороной ладони, все еще жадно хватая ртом воздух. Лоб болел. Одри чувствовала, как он опухает.

Мальчик смотрел на нее. Она думала, что это мальчик, а не демон. Полной уверенности не было, но...

— Сет?

Какое-то мгновение он просто сидел на корточках, не кивая, не качая головой. Потом протянул грязную руку и стер мед с подбородка Одри. Она едва почувствовала его прикосновение.

— Сет, куда он ушел? Где Тэк?

Сет пожал плечами. Она увидела, как он пожимает плечами. Возможно, от страха, хотя Одри не знала, знакомо ли ему это чувство. Сет издал булькающий звук, какой слышится, если в трубы попадает воздух, и Одри подумала, что ему ничего не удастся сказать. Но когда она выпрямилась, не поднимаясь с колен, с губ Сета сорвались два слова:

— Ушел. Дом.

Одри посмотрела на мальчика, забыв про мед, который все еще мешал ей дышать. Затем сердце ее учащенно забилося. Ушел! Она это чувствовала, но...

— Он в доме, дорогой? Ушел в дом? Ты это хочешь сказать? В какой дом?

— Дом, — повторил Сет, потом вновь пожал плечами и мотнул головой. — Делает.

Ну конечно. Не «дом», а «строить»*. Не существительное, а глагол. Тэк строит. Тэк делает. Что же он делает?.. Впрочем, чего от него ждать, кроме новых бед?

— Он, — произнес Сет. — Он. Он. Он!..

Мальчик раздраженно стукнул себя кулаком по коленке, чего раньше Одри никогда не видела. Она взяла его ручонку, расправила пальцы.

— Не надо, Сет. — К горлу Одри подкатила тошнота, желудок не желал мириться с таким количеством меда, но она сумела взять свой организм под контроль. — Не надо, не надо. Расслабься. Говори мне только то, что можешь. Если что-то сказать не удастся, ничего страшного. — Ложь, конечно, но, если Сет начнет нервничать, то не сможет сказать и самой малости. Более того, может уйти от нее. Уйти в себя, дожидаясь возвращения Тэка.

— Он!.. — Сет потянулся к Одри, прикоснулся к ее ушам. Потом ладошками обхватил свои уши и согнул их вперед. Одри увидела, что и уши у него очень грязные, мальчик же целыми днями возился в песочнице. Глаза ее наполнились слезами. Но Сет продолжал пристально смотреть на нее, и она кивнула. Когда Сет старался, Одри могла его понять, а сейчас он старался.

Он слушает тебя, говорил мальчик. *Тэк слушает тебя моими ушами*. Разумеется, он слушал. Тэк Великолепный. Тэк с тысячью голосов (большинство из которых с техасским выговором) и всего с одной парой ушей.

Присел перед ней Тэк, а поднялся Сет, худенький, маленький мальчик в грязных плавках. Он на-

* Сет сказал «building». На английском это слово означает и существительное «дом», и глагол «строить».

правился к двери, но потом повернулся. Одри как раз думала, то ли ей вытянуть руки и опереться на столик, чтобы встать, то ли на коленях подобраться к этому столику поближе.

Она сжалась, увидев, как Сет оборачивается, и подумав, что Тэк вернулся, что сейчас она увидит холодный блеск его взгляда в глазах Сета. Но когда он вновь шагнул к ней, Одри поняла, что ошиблась. Мальчик плакал, и глаза его блестели от слез. Раньше она не видела его плачущим, даже если он обди-рал коленку или ударялся головой. До этого мгнове-ния она и не знала, способен ли он на слезы.

Мальчик обнял Одри за плечи и прижался лбом к ее лбу. Лоб болел, но Одри не отстранилась. На мгновение перед ее мысленным взором возник крас-ный телефон, только раздувшийся, огромных разме-ров. А когда этот образ пропал, в ее голове зазвучал голос Сета. Ей и раньше несколько раз казалось, что она слышит его, что он пытается наладить с ней те-лепатическую связь. Такое ощущение возникало, ко-гда она уже засыпала или только просыпалась. Голос звал ее издалека, а обладатель его скрывался за плот-ной пеленой тумана. Сейчас, однако, этот голос зву-чал совсем рядом. Голос ребенка, нормального, не умственно отсталого.

Я не виню тебя за то, что ты пыталась убежать, сказал голос. Одри почувствовала, что ребенок очень спешит. Торопится поделиться чем-то важным. Так перешептываются школьники за партой, думая, что учитель отвлекся и их не видит. *Уходи к другим, тем, что на противоположной стороне улицы. Тебе придет-ся подождать, но недолго. Потому что он...*

Слова оборвались, но Одри увидела новый, чуть размытый образ. Сет. В костюме шута и в колпаке

с колокольчиками. Он танцевал. Только место колокольчиков занимали куколки. Маленькие фигурки гюммельского фарфора. Одна упала и разбилась. Одри посмотрела на пол, на осколки, валяющиеся около красно-белого шутовского сапожка с загнутым кверху носком, увидела, что у разбитой куколки лицо Мэри Джексон. Одри стало ясно, что фигурки эти — ее соседи. Она догадалась, что скорее всего некоторые ассоциации навеяны ее собственными впечатлениями (Одри, наверное, тысячу раз видела статуэтки гюммельского фарфора, которые собирала Кирсти Карвер), но эти ассоциации не меняли того, что хотел сказать ей Сет. Новые пакости, которые готовил Тэк (кто знает, что он там строил, делал), не позволяли ему отвлекаться.

Правда, он отвлекся, когда я рванула к двери несколько минут назад, подумала Одри. Отвлекся, чтобы остановить меня. Может, в следующий раз он вместо меда насыплет мне в горло соли.

Или чистящего порошка.

Я скажу тебе когда, вновь зазвучал голос в ее голове. Прислушивайся ко мне, тетя Одри. После того как вновь появятся космофургоны. Прислушивайся ко мне. Ты должна вырваться отсюда. Это очень важно. Потому что...

На сей раз перед ней промелькнула чередой образов. Некоторые появлялись и исчезали слишком быстро, другие она опознала: пустая банка «Шефа Бойярди»*, лежащая в канаве, старый, разбитый унитаз, автомобиль без колес и без стекол. Разбитые вещи. И использованные вещи.

* Консервированные блюда, главным образом итало-американской кухни, выпускаемые фирмой «Америкэн хоум продакс» в стилизованных банках под товарным знаком «Блюда шефа Бойярди».

Последним, перед тем как контакт прервался, Одри успела увидеть свой портрет, стоящий на столике в холле. Глаза на портрете отсутствовали, их то ли выкололи, то ли выдрали.

Сет отпустил ее и отошел, наблюдая, как она хватается за край стола и тяжело поднимается. Желудок, набитый медом, который заставил ее проглотить Тэк, тянуло вниз. Сет выглядел как всегда: отстраненный, эмоционально опустошенный. Однако под глазами остались светлые полосы. Да, остались, так что его слезы ей не привиделись.

— О-и, — тупо буркнул он (они с Хербом полагали, что это могло означать «Одри»), повернулся и вышел из кухни. Вернулся в «берлогу», где все еще продолжалась стрельба. А когда она закончится? Наверное, он перекрутит пленку и пустит ее вновь, с самого начала.

Но он говорил со мной, думала Одри. Говорил вслух и телепатически. По своей модели игрушечного телефона. Только у него телефон этот очень уж большой.

Из кладовки она достала щетку, начала заматывать макароны и муку. В «берлоге» орал Рори Колхаун:

— Никуда ты не денешься, мягкотелый янки.

— Это не единственный выход, Джеб, — пробормотала Одри, подметая пол.

— Это не единственный выход, Джеб, — произнес Тай Хардин, по фильму помощник шерифа Лейн, и тут же старый бяка, полковник Мердок, застрелил его. Совершил свое последнее злодеяние, потому что самому ему оставалось жить всего тридцать секунд.

У Одри опять скрутило живот. Со щеткой в руке она подошла к раковине, наклонилась и попыталась расстаться с медом. Не получилось. Мгновение спу-

стя приступ миновал. Одри включила холодную воду, наклонилась еще ниже, к струе, сделала пару глотков, зачерпнула воду ладонью и плеснула на лоб. Ей сразу полегчало.

Одри завернула кран, прошла в кладовую и взяла совок. Тэк строит, сказал Сет. Тэк делает. Но что? Она присела у кучи мусора, со щеткой в одной руке и совком в другой. И тут перед ней встал более серьезный вопрос. Если она сбежит, что будет с Сетом? Что сделает с ним это чудовище?

2

Белинда Джозефсон придержала дверь, пока ее муж не прополз на кухню, потом выпрямилась и огляделась. Лампа под потолком не горела, но стало чуть светлее, чем раньше. Гроза слабела, и Белинда решила, что через час-другой они вновь увидят синее небо.

Она посмотрела на висевшие на стене над столом часы и не поверила своим глазам. Три минуты пятого. Неужели прошло так мало времени? Белинда пригляделась: секундная стрелка не двигается. Она потянулась к выключателю у двери, и в это время на кухне появился Джонни. Он закрыл за собой дверь и встал.

— Напрасный труд, — подал голос Джим Рид. Он сидел на полу между холодильником и плитой с Ральфи Карвером на коленях. Ральфи сосал большой палец. Глаза его остекленели. Белинда не питала к Ральфи особых симпатий (собственно, на всей улице если его кто и любил, так это родители), но тут не могла не пожалеть ребенка.

— Почему напрасный? — спросил Джонни.

— Нет электричества. Так что выключатель не поможет.

Белинда ему поверила, но на всякий случай пару раз шелкнула выключателем. Безо всякого результата.

В кухню набилось много народу, вместе с собой Белинда насчитала одиннадцать человек, но все сидели тихо как мышки, поэтому ощущения толпы не возникало. Эллен Карвер иногда всхлипывала, но она полулежала, уткнувшись лицом в грудь матери, и Белинда подумала, что девочка скорее всего спит. Дэвид Рид одной рукой обнимал за плечи Сюзи Геллер. С другой стороны сидела ее мать и тоже обнимала девушку. Счастливая, подумала Белинда. Кэмми Рид, мать близнецов, прислонилась спиной к двери с надписью «ВАША УЮТНАЯ КЛАДОВАЯ». Белинда видела, что в отличие от многих других Кэмми не в шоке. В ее взгляде читались хладнокровие и способность к адекватной оценке ситуации.

— Вы слышали, как кто-то кричал? — обратился Джонни к Сюзи Геллер. — Я никаких криков не слышу.

— Больше никто и не кричит, — ответила девушка. — Я думаю, кричала миссис Содерсон.

— Точно, она. — Джим Рид поудобнее посадил Ральфи. — Я узнал ее голос. Мы всю жизнь слышим, как она орет на Гэри. Правда, Дэйв?

Дэйв Рид кивнул.

— Я бы с удовольствием ее убил. Честное слово.

— К счастью, дальше мыслей дело у тебя не пошло. — Джонни шагнул к телефону, снял трубку, послушал, пару раз нажал на рычаг и положил трубку на место.

— Дебби мертва, да? — обратилась Сюзи к Белинде.

— Что ты, доченька, конечно, нет, — тут же вмешалась Ким Геллер.

Сюзи пропустила слова матери мимо ушей.

— Она же не побежала в соседний дом? Так ведь? Об этом тоже не надо лгать.

Белинда как раз хотела сказать, что Дебби в соседнем доме, но решила, что это не выход. По собственному опыту она знала, что ложь, даже во благо, не доводит до добра, только все усложняет. А на Тополиной улице сложностей и так хватало.

— Ты права, дорогая, — не стала кривить душой Белинда. — К сожалению, ее уже нет с нами.

Сюзи Геллер закрыла лицо руками и разрыдалась. Дэйв Рид притянул ее к себе, и Сюзи прижалась лицом к его плечу. Когда Ким попыталась оторвать ее, тело девушки напряглось: она не желала подчиняться матери.

Ким бросила на Дэвида Рида злобный взгляд, но юноша его даже не заметил. Тогда она повернулась к Белинде.

— Зачем вы ей это сказали? — зло прошипела Ким Геллер.

— Девушка лежит на крыльце, и с такой копной рыжих волос ее трудно не заметить.

— Тихо. — Брэд взял жену за руку и увлек к раковине. — Не расстраивай ее.

С этим предупреждением ты опоздал, подумала Белинда, но промолчала.

Через забранное сеткой окно над раковиной она увидела забор, разделявший участки Карверов и Старины Дока, и зеленую крышу дома Биллингсли. Об-

лака над Тополиной улицей стали уже не такими черными.

Обойдя раковину сбоку и повернувшись к ней спиной, Белинда уселась на нее. Затем она наклонилась к сетке, вдохнув запахи мокрого металла и травы, почему-то живо напомнившие ей о детстве.

— Эй! — крикнула она, сложив ладони рупором. Брэд схватил жену за плечо, вероятно, чтобы ее остановить, но Белинда энергично стряхнула его руку. — Эй, Биллингсли!

— Не надо, Би, — подала голос Кэмми Рид. — Это неразумно.

«А что разумно? — подумала Белинда. — Сидеть на полу и ждать, пока прискачет кавалерия?»

— Кричите, кричите, — поддержал Белинду Джонни. — Что в этом плохого? Если те, кто в нас стрелял, еще здесь, они прекрасно знают, где нас искать. — Тут ему в голову пришла интересная мысль, и он повернулся к вдове почтового служащего. — Кирстен, у Дэвида было оружие? Может, охотничье ружье или...

— Револьвер в ящике стола, — ответила Кирстен. — Во втором слева. Этот ящик заперт, но ключ в большом ящике, в том, что посередине. Завернут в зеленую тряпку.

Джонни кивнул.

— А стол? Где стол?

— В маленьком кабинете. Наверху, в конце коридора. — Кирстен говорила все это, не отрывая взгляда от колен, потом подняла на Джонни полные отчаяния глаза. — Дэвид лежит под дождем, Джонни. Не следовало нам оставлять их под дождем.

— Дождь скоро кончится, — ответил Джонни. Он знал, что говорит глупость, это читалось по его лицу, но Пирожок успокоилась хотя бы на время, и Белинда поняла, что главное не слова, а тон. Слова ничего не значили, а вот тон вселял спокойствие. Мол, волноваться не надо, ситуация под контролем. — Позаботьтесь о детях, Кирсти, а об остальном пока не волнуйтесь.

Джонни повернулся и направился к двери.

— Мистер Маринвилл, — обратился к нему Джим Рид, — можно мне пойти с вами?

Однако когда Джим попытался ссадить Ральфи с колен, мальчика охватила паника. Он вытащил палец изо рта, вцепился в Джима, забормотал:

— Нет, Джим, нет, Джим.

Он говорил так жалобно, что у Белинды по коже побежали мурашки. Наверное, подумала она, таким вот голосом заключенные в тюрьме просят не запира́ть их в одиночку.

— Оставайся на месте, Джим, — быстро сориентировался Джонни. — Брэд, как насчет вас? Не желаете прогуляться в заоблачную высь? Прочистить легкие?

— Конечно. — Брэд с любовью посмотрел на жену. — Вы действительно думаете, что эта женщина может орать во все горло?

— Повторяю, что не вижу в этом ничего плохого.

— Будь осторожен, — напутствовала мужа Белинда и ласково провела рукой по его груди. — Не высовывайся. Обещай мне.

— Обещаю не высовываться.

Она повернулась к Джонни:

— А теперь вы.

— Я? Да, конечно. — Он обворожительно улыбнулся, и Белинда поняла: вот она, та улыбка, которой мистер Джон Эдуард Маринвилл всегда одаривал женщин, если что-то им обещал. — Я обещаю.

Они вышли, чуть пригнувшись, а Белинда вновь повернулась к затянутому сеткой окну. Помимо запахов травы и металла, в воздухе чувствовался запах пожарища. Белинда слышала и потрескивание горящего дерева. Дождь не давал огню распространиться, но куда, черт побери, подевались пожарные машины? Ради чего все мы платим налоги?

— Эй, Биллингсли! Отзовитесь!

Мгновение спустя Белинда слышала незнакомый мужской голос:

— Нас тут семеро! Двое из дома, что стоит выше по улице...

Содерсоны, подумала Белинда.

— ...плюс коп и муж убитой женщины. Еще мистер Биллингсли и Синтия из магазина!

— Кто вы? — крикнула Белинда.

— Стив Эмес! Из Нью-Йорка. У меня возникли неполадки с грузовиком, я свернул с автострады и заблудился! Остановился у магазина, чтобы позвонить!

— Бедняга, — прокомментировал Дэйв Рид. — Вытянул лотерейный билет с бесплатным проездом в ад.

— Что происходит? — спросил голос с другой стороны забора. — Вы знаете, что происходит?

— Нет! — прокричала в ответ Белинда. Мысли налезали одна на другую. Спросить надо о многом, но с чего начать?

— Вы выглядывали на улицу? — вновь раздался голос Эмеса. — Как там на улице?

Белинда уже открыла рот, чтобы ответить, но ее внимание привлек паучок на другой стороне сетчатого экрана. Оконная коробка защищала его от дождя, но крошечные капельки все-таки висели на паутине сверкающими бриллиантиками. Хозяин располагался в центре. Не двигался. Может, и помер.

— Мэм? Я спросил...

— Не знаю! — ответила Белинда. — Джонни Маринвилл и мой муж выглядели, но сейчас они наверху... — Ей не хотелось говорить о том, что они пошли за оружием. Глупо, конечно, какие тут могли быть секреты, от кого, но не хотелось, и все тут. — Хотят посмотреть, что к чему. А как насчет вас?

— Мы занимались другими делами, мэм! Женщине, что живет ближе к вершине холма... — Пауза. — Телефон у вас работает?

— Нет! Не работает. И света нет!

Вновь пауза, а потом сквозь шелест дождя Белинда услышала, как мужчина сказал, разумеется, обращаясь не к ней, а к кому-то рядом: «Дерьмо!» И тут же раздался другой голос:

— Белинда, это вы?

— Да! — Голос она опознать не смогла и оглядела остальных, надеясь, что ей помогут.

— Это мистер Джексон. — Ее надежды оправдал Джим Рид, сидевший с Ральфи на коленях. Мальчик еще не спал, но чувствовалось, что дело идет к этому: палец уже начал выskalзывать у него изо рта.

— Я подходил к двери! — продолжал Питер. — Улица пуста! До вершины холма! Абсолютно пуста! Ни зевак, ни пожарных, ни полицейских. Ни на Гиацинтовой, ни в следующем квартале Тополиной. Вы понимаете, что это означает?

Белинда, нахмурившись, задумалась и огляделась. Одни лишь недоуменные взгляды да опущенные головы.

Питер расхохотался. Смех этот больно резанул по нервам Белинды и покрыл ее кожу мурашками, совсем как бормотание маленького Ральфи Карвера.

— Считайте, что мы в одной лодке! Я тоже ни шиша не понимаю!

— Да кто пойдет в наш квартал? — пробурчала Ким Геллер. — В здравом уме никто этого не сделает. Кому охота лезть под пули?

Белинда не нашлась с ответом. Вроде бы логично, но очень уж далеко от жизненных реалий. Ведь люди забывают о логике, когда приходит беда. Они толпятся вокруг и глазек. Обычно на безопасном расстоянии, но глазек.

— Вы уверены, что на перекрестке внизу тоже нет людей?

Пауза так затянулась, что Белинде пришлось повторить свой вопрос. Ответил ей голос, который она узнала без труда: Старина Док.

— Мы никого там не видим, но мешают дождь и вызванный им туман! Пока он не рассеется, ничего определенного мы не сможем сказать!

— Но сирен-то нет! — вмешался Питер. — С севера не доносятся сирены?

— Нет! — крикнула Белинда. — Должно быть, из-за грозы!

— Я так не думаю. — Кэмми Рид говорила скорее себе, чем остальным. Если бы раковина не находилась рядом с дверью в кладовку, Белинда ее бы и не услышала. — Нет, я так не думаю.

— Я собираюсь выйти, чтобы забрать жену! — крикнул Питер Джексон, и тут же раздались прот-

ствующие голоса. Слов Белинда не слышала, но по тону догадалась, о чем речь.

Внезапно паучок, которого она считаладохлым, зашевелил лапками, оседлал одну из шелковых ниточек, полез наверх и вскоре скрылся из виду. *Совсем он и не помер*, подумала Белинда. *Только изображал покойника.*

Тут Кирстен Карвер рванулась к сетке, едва не сбросив Белинду с раковины. Та едва успела ухватиться рукой за настенную полку. Лицо Кирстен было мертвенно-бледным, в глазах застыл страх.

— Не выходи из дома, Питер! — прокричала она. — Они вернутся и убьют тебя! Они вернутся и убьют нас всех!

Долгая-долгая пауза, после которой послышался голос Колли Энтрегьяна:

— С ним бесполезно говорить, мэм! Он ушел!

— Ты должен был его остановить! — взвизгнула Кирстен. Белинда положила руку ей на плечо и даже испугалась: такая дрожь била женщину. — Что ты за полицейский, если не смог остановить его!

— Он не полицейский, — пробубнила Ким. — Его уволили из полиции. Он возглавлял банду, занимавшуюся торговлей угнанными автомобилями.

Сюзи подняла голову:

— Я в это не верю.

— Что ты можешь об этом знать, в твоём-то возрасте? — фыркнула ее мать.

Белинда уже собиралась слезть с раковины, когда увидела нечто необычное, заставившее ее застыть. Это нечто зацепилось за стойку детских качелей и напоминало гигантскую паутину, усеянную каплями дождя.

— Кэмми!

— Что?

— Подойди сюда.

Кэмми должна знать, что это. На своем участке она разбила огород, комнатные растения превратили ее дом в джунгли, а книг по биологии там хватило бы на целую библиотеку.

Кэмми встала и подошла к сетчатому окну. К ней присоединились Сюзи и ее мать, а потом и Дэйв Рид.

— Что ты увидела? — Безумные глаза Кирстен Карвер уставились на Белинду. Эллен Карвер обнимала мать за ногу, уткнувшись лицом в ее джинсовые шорты. — Что?

Белинда проигнорировала ее вопрос, обратившись к Кэмми:

— Посмотри вон туда. На качели. Видишь?

Кэмми уже хотела сказать, что ничего не видит, но Белинда ткнула пальцем, и она увидела. Грозовой фронт уходил к востоку, внезапный порыв ветра ударил в окно. С паутины посыпались капельки. Непонятное, увиденное Белиндой, отцепилось от стойки качелей и покатилося через двор, к забору из штакетника.

— Это невозможно, — вырвалось у Кэмми. — Поташник не растет в Огайо. Но даже если бы рос... сейчас лето. Летом они укореняются.

— Что такое поташник, мама? — спросил Дэйв Рид. Его рука обвивала талию Сюзи Геллер. — Никогда о нем не слышал.

— Перекати-поле, — все тем же лишенным эмоций голосом ответила Кэмми. — Поташник — это перекати-поле.

Брэд всунулся в маленький кабинет Дэвида Карвера как раз в тот момент, когда Джонни доставал из ящика стола бело-зеленую коробочку с патронами. В другой руке писатель держал револьвер Дэвида. Барабан он откинул, чтобы убедиться, что все гнезда для патронов пусты. Убедился, но револьвер по-прежнему держал неловко, обхватив всеми пальцами предохранительную скобу у спускового крючка. Брэду он сейчас напоминал одного из тех парней, которые рекламируют по телевизору не пойми что. К примеру: *«Посмотрите, друзья, на эту красотульку, она не только может проткнуть любого незваного гостя, который ночью спутает ваш дом со своим, но еще чистит картофель и режет его на куски! А вы ведь любите жареную картошку, просто у вас нет времени готовить ее дома!»*

— Джонни.

Писатель вскинул голову, и тут Брэд в полной мере оценил, насколько он напуган. Брэд еще больше проникся к Джонни теплыми чувствами. Почему, он объяснить бы не смог, но проникся.

— Какой-то болван выбрался на лужайку Дока. Думаю, Джексон.

— Черт. Похоже, умом Бог его обделил.

— Это точно. Смотрите не застрелитесь из этой штуковины. — Брэд скрылся за дверью, но потом появился вновь. — Мы сошли с ума? Мне кажется, что это так.

Джонни вскинул руки ладонями вверх, показывая, что ответ ему неведом.

Джонни еще раз заглянул в гнезда барабана, словно в одном из них за то время, пока он смотрел в другую сторону, мог вырасти патрон, затем вернул барабан на место. Сунул револьвер за пояс, а коробку с патронами — в нагрудный карман.

Коридор Ральфи Карвер заминировал своими игрушками. Родители, похоже, еще не успели внушить малышу, что за собой надо прибирать. Брэд вошел в комнату девочки. Джонни последовал за ним. Брэд ткнул пальцем в окно.

Джонни посмотрел вниз. Питер Джексон, точно. Стоит на лужайке Дока на коленях у тела жены. Уже посадил ее. Одной рукой поддерживает спину, другую подсовывает под колени. Юбка закрывала бедра Мэри, и Джонни вновь подумал об отсутствующих трусиках. И что из этого? Кому какое дело? Джонни было видно, как дрожит спина Питера от сотрясающих его рыданий.

Подняв голову, Джонни увидел большой серебристый фургон, заворачивающий на Тополиную улицу с Гиацинтовой. За ним следовали красный фургон, из которого убили разносчика газет и собаку, и еще один, синий. Джонни посмотрел в другую сторону, на Медвежью улицу. С нее на Тополиную въезжали розовый фургон с радиолокационной антенной в форме сердечка, желтый, который протаранил автомобиль Мэри, и черный, с турелью-«поганкой».

Шесть фурунгов. Двумя колоннами по три. Джонни видел, как американские БТР выстраивались в такой же боевой порядок. Очень давно, во Вьетнаме.

Они создавали огневой коридор.

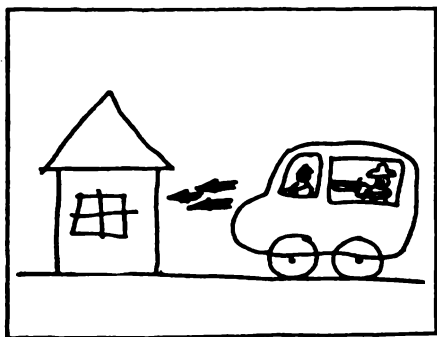
На мгновение Джонни застыл. Кисти рук превратились в гири, которые тянули его книзу. *Да как они смеют*, подумал он, и внезапно его охватила ярость, *как они смеют возвращаться, мерзавцы, как смеют!*

Бред их не видел, он смотрел на лужайку соседнего дома, на мужчину, который пытался встать с телом своей убитой жены на руках. И Питер тоже их не видел.

Джонни заставил правую руку двинуться. Он схватился за рукоятку револьвера и выхватил его из-за пояса. Стрелять нечем: барабан пуст. Заряжать револьвер некогда. Поэтому Джонни рукояткой разбил окно в спальне Эллен Карвер.

— *Беги в дом!* — крикнул он Питеру. Крик получился слабенький, Джонни сам едва расслышал его. Господи, что же это за кошмар, как такое могло с ними случиться. — *Беги в дом! Они едут вновь! Они вернулись! Они приближаются!*

Сложенный листок с этим рисунком найден в блокноте, который, судя по всему, является дневником Одри Уайлер. Хотя рисунок не подписан, по всей вероятности, он принадлежит Сету Гейрину. Если предположить, что местонахождение рисунка в блокноте соотносится со временем записей на страницах, между которыми он лежал, получается, что сделан он летом 1995 года, после смерти Херберта Уайлера и внезапного отъезда семьи Хобартов с Тополиной улицы. (Примечание издателя.)

Глава 7

*Тополиная улица,
15 июля 1996 года, 16.44*

Фургоны vyplывают из тумана, словно металлические динозавры. Окна опускаются. Вновь открывается люк в борту розового «Паруса мечты», ветровое стекло синего фургона «Свобода» Баунти соскальзывает вниз, за ним торчат три серых ствола.

И вновь гремят громовые раскаты, на сей раз рукотворные. Теперь грохот от выстрелов намного сильнее. Колли Энтрегьян, лежащий лицом вниз у двери между кухней и гостиной Биллингсли, первым отмечает этот факт, но вскоре это доходит и до остальных. Каждый выстрел напоминает разрыв гранаты и сопровождается долгим протяжным звуком, чем-то средним между жужжанием и свистом. Два выстрела из красной «Стрелы следопыта», и от трубы дома Колли Энтрегьяна остается лишь розовая пыль да куски кирпича, разбросанные по крыше. Выстрел подбрасывает вверх синий пластик, которым Питер Джексон и Биллингсли укрыли тело Кэри Риптона, а следующий разрывает заднее колесо велосипеда Кэри. Впереди «Стрелы» катит серебристый фургон, часть его крыши поднята под углом, в зазоре видна серебряная фигура: робот в форме конфедератов. Он трижды стреляет в горящий дом Хобартов. Каждый выстрел грохотом не уступает взрыву динамитной шашки.

Спускаясь вниз от Медвежьей улицы, «Парус мечты» и приблизившаяся к этому месту «Свобода» сосредоточивают огонь на домах номер 251 и 249, Джозефсонов и Содерсонов. Разбиваются окна. Вы-

летают двери. Один залп попадает в багажник старенького «сааба» Гэри. Прогибается металл, брызгают осколками задние фары, взрывается топливный бак, превращая автомобиль в огненный шар. Наклейки на заднем бампере «ВОЗМОЖНО, Я ЕДУ МЕДЛЕННО, НО Я ВПЕРЕДИ» и «ШТАБНОЙ АВТОМОБИЛЬ МАФИИ», чудом уцелев, мерцают в волнах горячего воздуха. Трио фургонов, движущихся на юг, и другое трио, которое держит путь на север, минуют друг друга и останавливаются, каждое напротив забора из штакетника, отделяющего участок Биллингсли соответственно от участков Карверов и Джексонов.

Когда вновь разгорается стрельба, Одри Уайлер ест на кухне сандвич, запивая его безалкогольным пивом. Она выходит в гостиную и широко раскрытыми глазами смотрит на улицу, забыв о том, что в руке у нее кусок ржаного хлеба с салатом и салями. Выстрелы гремят непрерывно, канонада разрывает барабанные перепонки, но она в безопасности: стреляют по двум домам на другой стороне улицы.

Одри видит, как взлетает в воздух покореженный красный возок Ральфи Карвера. Он шлепается колесами вверх на труп Дэвида Карвера, но следующий выстрел отбрасывает возок на цветочную клумбу слева от подъездной дорожки. Новые выстрелы срывают с петель сетчатую дверь и загоняют ее в холл. Еще два залпа со «Свободы» Баунти превращают в пыль большую часть гюммельских статуэток Пирожка.

Все новые дыры появляются в корпусе «лумины», наконец этот автомобиль тоже взрывается, и языки пламени охватывают его от покореженного багажника до переднего бампера. Пули срывают две

ставни на окнах дома Биллингсли. В почтовом ящике появляется дыра размером с бейсбольный мяч. Ящик падает на коврик и дымится: внутри горят рекламные проспекты и письмо Огайского общества ветеринаров. Еще выстрел, и дверной молоток в форме головы святого Бернарда исчезает, словно монета в руке фокусника. Не замечая ничего вокруг, Питер Джексон поднимается с телом жены на руках. Поблескивают круглые стекла его очков, залитые дождем. Взгляд отсутствующий. Связь с реальностью потеряна полностью. Но он стоит (Одри его видит), целый и невредимый...

Тетя Одри!

Это Сет. Очень издалека, но, несомненно, Сет.

Тетя Одри, ты меня слышишь?

Да, Сет, что происходит?

Не важно! Голос на грани паники. У тебя есть место, где ты можешь укрыться? Безопасное место?

Мохоx? Это он про Мохоx? Да, несомненно, про что же еще, решает Одри.

Да, я...

Скорее туда! — требует едва слышный голос. Немедленно туда! Потому что...

Фраза обрывается, но в общем-то уже все сказано. Одри отворачивается от тира-улицы, смотрит на арку, ведущую в «берлогу», где, как обычно, крутят кино. Нет, Кино. С большой буквы. Звук невероятно громкий, гораздо громче того, на что способен их «Зенит»*. Тень Сета мечется по стене, разросшаяся в высоту, ужасная, похожая на то страшилище, которого в детстве Одри боялась больше всего, на рогатого демона из «Ночи на Лысой горе», одного из

* Товарный знак фирмы «Зенит электроникс».

сюжетов «Фантазии»*. Словно Тэк беснуется в теле Сета, выгибает и растягивает его.

Но «берлогой» дело не ограничивается. Одри вновь поворачивается к окну, выглядывает из него. Поначалу ей кажется, что у нее непорядок с глазами, возможно, Тэк замутил ей хрусталики или сделал с ними что-то еще, но Одри поднимает руки и видит, что все нормально, руки как руки. Нет, что-то происходит с Тополиной улицей. Она непонятным образом заворачивается, изгибаются углы, стираются цвета. Меняется реальность, и Одри знает почему: долгий период подготовки и накопления сил закончился. Тэк делает, Тэк строит. Сет посоветовал ей выбраться отсюда, хотя бы на время, но куда сможет отправиться Сет?

Сет! Одри собирает волю в кулак, стараясь сконцентрироваться на Сете. *Сет, пойдем со мной!*

Я не могу! Уходи, тетя Одри! Уходи немедленно!

Душевная боль, звучащая в его голосе, рвет душу. Одри опять поворачивается к арке, той, что ведет в «берлогу», но видит луг, уходящий вдаль. Вдыхает запах шиповника, такой возбуждающе-манящий, наслаждается весенним теплом. Джейнис рядом, Джейнис спрашивает ее, какая песня из репертуара Саймона и Гарфункеля** нравится ей больше всего, и вскоре они горячо спорят о достоинствах и недостатках «Дороги домой» и «Я скала». Последняя начинается со слов: «Если б я не любил, то никогда бы не плакал».

* Музыкальный мультипликационный фильм (1940) Уолта Диснея, состоящий из восьми частей-сюжетов.

** Вокально-инструментальный дуэт, пользовавшийся большой популярностью в 60-е годы.

На кухне Карверов все лежат на полу, закрыв руками голову, вдавливаясь лицом в пол. Вокруг мир разваливается на куски.

Звенит разбивающееся стекло, падает мебель, что-то взрывается. Пули с чмоканьем пробивают стены.

Внезапно Кирстен Карвер чувствует, что не может больше выносить ухватившиеся за нее руки Элли. Она любит свою дочь, другого и быть не может, но сейчас ей нужен Ральфи, она должна обнять Ральфи, умненького, благоразумненького Ральфи, который так похож на отца. Кирстен грубо отталкивает Эллен, не обращая внимания на обиженный вскрик девочки, и бросается к нише между плитой и холодильником, куда Джим затолкал перепуганного, вопящего Ральфи, прикрыв ему голову рукой.

— Ма-а-а-а-мо-о-о-о-чка! — верещит Элли и пытается броситься за Кирстен.

Кэмми Рид отталкивается от двери кладовой, хватая девочку и валит на пол. В это самое мгновение что-то тяжелое с жужжанием летит через всю кухню, ударяет в кран и отлетает назад. Большая часть крана осколками вылетает через сетчатое окно и паутину во двор, из того, что осталось на трубе, бьет струя воды, поначалу чуть ли не до потолка.

Жужжание повторяется. На этот раз удар приходится в одну из медных сковород, что висят над плитой. Сковорода разлетается по кухне дождем шрапнели. И внезапно Пирожок начинает кричать, слов нет, один крик. Ее руки прижаты к лицу. Кровь хлещет между пальцев, заливает шею. Блузка Кирстен, застегнутая не на те пуговицы, вся в медных ошметках. Есть ошметки и в волосах, а довольно большой

кусок меди вибрирует, воткнувшись в лоб, словно лезвие ножа.

— Я ничего не вижу! — выкрикивает Кирстен и опускает руки. Естественно, не видит: глаз нет. Как и большей части лица. Кусочки меди валяются со щек, губ, подбородка. — Помогите мне, я ничего не вижу! Помогите мне, Дэвид! Где ты?

Джонни, лежащий рядом с Брэдом в комнате Эллен, слышит крики и понимает: случилось что-то ужасное. Пули посвистывают над его головой. На дальней стене фотография Эдди Веддера*. Как только Джонни начинает ползти по направлению к коридору, в груди Веддера появляется зияющая дыра. Следующая пуля разносит зеркало над туалетным столиком Эллен. Сверкающие осколки летят во все стороны. С улицы, перекрывая крики Кирстен Карвер, доносится вопль автомобильной охранной сигнализации. А стрельба продолжается.

Выползая в коридор, Джонни слышит, как Брэд ползет за ним, и думает о том, что с таким пузом подобная аэробика не в радость... но тут же эта мысль, крики женщины снизу, грохот выстрелов отсекаются от сознания. На мгновение у него такое ощущение, будто он повстречался с правой Майка Тайсона.

— Это он, — шепчет Джонни. — Клянусь Богом, это он.

— Ложитесь, идиот. — Брэд хватается за руку и дергает.

Джонни падает вперед, как автомобиль с плохо поставленного домкрата. Он не помнит, когда успел подняться на четвереньки, но, видно, поднялся, раз

* Вокалист рок-группы «Перл джем».

теперь рухнул на пол. Невидимые пули прошивают воздух над его головой. Стекло, прикрывающее от пыли свадебную фотографию в рамочке, разлетается. С грохотом падает и рамочка вместе с фотографией. Секунду спустя прямое попадание в деревянный шар, украшающий стойку лестницы, вызывает дождь щепок. Брэд приникает к полу, закрывая голову руками, а Джонни, забыв обо всем, таращится на какую-то вещь на полу.

— Что с вами? — спрашивает Брэд. — Захотелось умереть?

— Это он, Брэд, — повторяет Джонни, хватая себя за волосы и дергает, дабы убедиться, что не спит. — Па... — Громкое жужжание раздается над головами, светильник в коридоре разлетается вдребезги, осыпая стеклом Брэда и Джонни. — Парень, который управлял синим фургоном, — заканчивает фразу Джонни. — Был еще другой, который застрелил Мэри, но за рулем фургона сидел именно этот.

Джонни протягивает руку и поднимает с пола, забросанного щепками и осколками стекла, игрушку Ральфи Карвера. Инопланетянина с выпуклым лбом, огромными темными миндалевидными глазами и ртом-хоботом. Одет он в зеленую переливающуюся униформу. Голова лысая, если не считать жесткой полоски светлых волос. Полоска эта напоминает Джонни гребень шлема римского центуриона. Интересно, где его шляпа, думает Джонни. Стайка пуль пролетает над головой Джонни, чтобы вонзиться в обои. Фигурка чем-то напоминает инопланетянина Стивена Спилберга. *Так где же твоя кавалерийская шляпа, приятель?*

— Что вы там бормочете? — спрашивает Брэд, лежа на животе. Он берет семидюймовую фигурку из

руки Джонни и разглядывает ее. На щеке Брэда царапина. От осколка светильника, решает Джонни. Внизу уже не кричат. Брэд смотрит на странное существо в своей руке, потом поворачивается к Джонни. Глаза у него до смешного круглые.

— У вас что-то с головой.

— Нет, — отвечает Джонни, — с головой у меня все в порядке. Бог тому свидетель. Я никогда не забываю раз увиденного лица.

— О чем это вы? Хотите сказать, что люди, которые все это устроили, надели маски, чтобы выжившие не смогли их опознать?

Такая идея как-то не приходила Джонни в голову. Но вроде бы идея хорошая.

— Может, и так. Но...

— На маску не похоже. Вот и все. Не похоже на маску.

Брэд долго сверлит Джонни взглядом, потом отбрасывает фигурку и ползет дальше, к лестнице. Джонни подбирает игрушку, внимательно ее разглядывает и морщится, когда нечто увесистое влетает в окно в дальнем конце коридора, то, что выходит на улицу, и с жужжанием проносится над его головой. Он засовывает фигурку в карман, но не в тот, где уже лежит странная пуля, и устремляется за Брэдом.

На лужайке перед домом Старины Дока Питер Джексон все стоит с телом жены на руках, целый и невредимый посреди огненного шквала. Он видит фургоны с тонированными стеклами и фантастической раскраской, видит стволы, выплевывающие огонь, в зазоре между серебристым и красным фургонами видит старенький «сааб» Гэри Содерсона, пылающий на подъездной дорожке. Особых эмоций

происходящее вокруг у Питера не вызывает. Он только что вернулся с работы. По какой-то причине для него это главное. Он думает, что отсчет событий этого ужасного дня (мысль о том, что он этот день не переживает, не приходит ему в голову) должен начинаться с фразы: «Я только что вернулся с работы». Фраза эта становится для него магической. Это мостик в реальный мир, в котором Питер пребывал час назад и рассчитывал пребывать и дальше, годы и десятилетия.

Я только что вернулся с работы.

Он также думает об отце Мэри, профессоре Мертмонского стоматологического колледжа в Бруклине Генри Капнере. В глубине души Питер всегда знал, что Генри Капнер считает его недостойным своей дочери (и опять же в глубине души Питер в этом с ним соглашался). А теперь Питер стоял под шквальным огнем на мокрой траве, гадая о том, как он сможет сказать мистеру Капнеру, что невысказанные страхи тестя стали реальностью: недостойный зять не смог уберечь от смерти его единственную дочь.

Это не моя вина, думает Питер. Может, мне удастся убедить его в этом, если я начну со слов: «Я только что вернулся с ра...»

Джексон.

Этот голос обрывает его волнения, чуть не сбивает с ног, Питер едва сдерживается, чтобы не закричать. Словно чей-то рот открылся у него в мозгу, проделав там дыру. Тело Мэри так и норовит выскользнуть из рук, но Питер еще сильнее прижимает его к груди, стараясь не замечать боли в мышцах. Одновременно он начинает более адекватно восприни-

мать действительность. Фургоны приходят в движение, но катятся очень медленно, не прекращая огня. Розовый и желтый обрабатывают дома Ридов и Геллеров, сшибая кормушки для птиц, разбивая стекла, дырявя двери. Пули срезают головки цветов и ветви на кустах.

Питер замечает, что один фургон по-прежнему стоит на месте. Черный. Он припарковался на другой стороне улицы, чуть ли не полностью блокируя дом Уайлеров. Оболочка турели скользит в сторону, из нее, как черт из табакерки, выплывает светящаяся фигура, затянута в черное. Тут Питер замечает, что фигура эта на чем-то стоит. Это что-то напоминает подушку и гудит.

Человек ли это? Трудно сказать. Вроде бы форма нацистская, с серебряными молниями на воротнике, но человеческого лица над воротником нет. Собственно, никакого лица нет.

Просто чернота.

Джексон, иди сюда, партнер!

Он пытается сопротивляться, остаться там, где стоит, но, когда голос звучит вновь, в мозгу Питера уже не рот, а рыболовный крючок, который тащит его, распарывая мысли. Теперь он знает, что чувствует пойманная рыболовом форель.

Шевелись, партнер!

Питер проходит по расчерченным на тротуаре клеткам (их сегодня утром нарисовали Эллен Карвер и ее подружка Минди из соседнего квартала, чтобы поиграть в классы). Затем одна его нога попадает в ливневую канаву. Бегущая вода заливается в ботинок, но Питер этого не замечает. В голове его звучит музыка, кто-то играет на гитаре совсем как Дуэйн

Эдди*. Мелодию Питер знает, но вспомнить не может. Это его бесит.

Подушка со светящейся фигурой спускается на мостовую. Питер приближается к ней, надеясь увидеть, что лицо человека скрыто черной маской из нейлона или шелка, но не видит, и как раз в тот момент, когда рушится витрина магазина «Е-зет стоп», Питер осознает, что лица он не видит, потому что его нет. Человек есть, а лица у него нет!

— О Боже, — стонет он. — Боже, что же это?

Две другие фигуры смотрят вниз с турели черного фургона. Бородатый мужчина, вроде бы в потрепанной форме времен Гражданской войны, и черноволосая женщина с красивым, но жестоким лицом. Кожа у нее белая, как у вампира из комиксов. Ее наряд тоже черный, а-ля гестапо. На шее у нее висит драгоценный камень размером с перепелиное яйцо. Камень ритмично мигает, напоминая психоделические шестидесятые.

Эта женщина — карикатура, думает Питер. Первая сексуальная фантазия какого-то подростка.

По мере того как Питера подтягивает все ближе к человеку без лица, до него доходит нечто еще более ужасное: этого человека нет. Нет и той парочки, и самого черного фургона. Он вспоминает субботний утренник, ему тогда было шесть или семь лет, Питер в кинотеатре подошел к самому экрану и впервые понял, что все это понарошку. Экран-то ровный, белый и гладкий, каким и должен быть, чтобы иллюзия казалась явью. И сейчас Питер удивлен никак не меньше, чем в тот раз. *Я же вижу дом Херби Уайлера, думает он. Я вижу его сквозь фургон.*

* Эдди, Дуэйн (р. 26.04.1938) — знаменитый гитарист, создатель особого стиля игры на гитаре.

ДЖЕКСОН!

Но голос-то реален, как и пуля, оборвавшая жизнь Мэри. Питер кричит от пронзающей его боли, на мгновение прижимает тело жены к груди, а потом бросает его на мостовую, не отдавая себе отчета в том, что делает. Словно кто-то поднес к его уху рас-
труб переносного, на батарейках, громкоговорителя, перевел рычажок на максимальную громкость, а потом выкрикнул его фамилию. Кровь брызгает у Питера из носа, выступает в уголках глаз.

ТУДА, ПАРТНЕР!

Черно-серебряная фигура, эфемерная, но угрожающая, указывает на дом Уайлеров. Голос — единственная реальность. Ничего больше просто не существует. Питер дергает головой. Так сильно, что очки сползают с носа.

У НАС ЕЩЕ МНОГО ДЕЛ! ПОРА БЫ И НАЧИНАТЬ!

Он не идет к дому Херби и Одри Уайлеров, его туда тянут. Когда Питер проходит сквозь черную безликую фигуру, безумный образ возникает перед его мысленным взором: спагетти, красные, какие продаются в банках, и гамбургер. Все смешано в большой белой миске, а вокруг танцуют герои мультфильмов «Уорнер бразерз» — Багс, Элмер и Даффи*. Обычно даже мысли о такой еде вызывали у Питера приступ тошноты, а тут, пока он видит этот образ, чувство голода становится непереносимым. Страшно хочется съесть эти макароны, залитые неестественно красным соусом. На мгновение пропадает боль, разламывающая голову.

* Имеются в виду кролик Багс Банни, утенок Даффи Дак и незадачливый охотник Элмер Фадд, герои мультфильмов, появившиеся на экране в 1937 г.

Питер проходит через спроецированное изображение черного фургона, когда тот начинает двигаться, и шагает по бетонной дорожке к дому. Очки он так и не удосужился поправить, и они падают на землю. Питер слышит еще несколько выстрелов, но они доносятся издалека, из другого мира. Гитара все еще звучит в его голове, а когда дверь дома Уайлеров открывается сама по себе, к гитаре добавляются трубы. Вот теперь Питер знает, откуда эта мелодия. Это музыкальная заставка старого телевизионного сериала «Золотое дно».

Я только что вернулся домой с работы, думает он, заходя в темную комнату, где пахнет потом и несвежими гамбургерами. *Я только что вернулся домой с работы*. В это время дверь захлопывается за ним. *Я только что вернулся домой с работы*. Питер пересекает гостиную, направляясь к арке и работающему телевизору. «Зачем ты носишь эту форму? — спрашивает чей-то голос. — Война закончилась три года назад, или ты об этом не слышал?»

Я только что вернулся домой с работы, думает Питер, словно это объясняет все: его мертвую жену, стрельбу, человека без лица, затхлость маленькой комнаты за аркой. Затем существо, сидящее перед телевизором, поворачивается к нему, и мыслительный процесс у Питера обрывается.

На улице фургоны, образовавшие огневой коридор, набирают скорость, черный быстро догоняет «Парус мечты» и «Руку справедливости». Бородастый мужчина с турели стреляет последний раз. В синем почтовом ящике, что висит у магазина «Е-зет стоп», образуется дыра размером с футбольный мяч. Затем фургоны поворачивают на Гиацинтовую улицу и скрываются из виду. «Рути-Тути», «Свобода»

и «Стрела следопыта» уезжают по Медвежьей улице. Туман сначала скрадывает их контуры, а потом поглощает полностью.

В доме Карверов Ральфи и Элли вопят в голос, глядя на свою мать, которая лежит на пороге кухни. Она, однако, в сознании, ее тело сотрясают судороги. Кровь хлещет из ран на изувеченном лице, из горла вырывается рычание.

— Мама! Мама! — кричит Ральфи, и Джим Рид уже не в силах удержать его. Мальчишка вырывается и бежит к женщине, лежащей на полу.

Джонни и Брэд спускаются по лестнице на пятых точках. Когда Джонни видит, что произошло и продолжает происходить, он вскакивает и бежит, сначала откинув в сторону остатки сетчатой двери, потом топча ногами осколки любимых гюммельских статуэток Кирстен.

— Ложись! — кричит ему в спину Брэд, но Джонни не обращает внимания на этот крик. Он думает только об одном: надо как можно быстрее разъединить умирающую женщину и ее детей. Дети не должны видеть ее страданий.

— Ма-а-а-а-мо-о-о-чка! — визжит Элли, пытается вырваться из рук Кэмми. Из носа девочки течет кровь. Глаза безумные. — Ма-а-а-а-мо-о-о-о-чка!

Кирстен Карвер не слышит дочери, заботы о детях и муже, тайное стремление самой создавать статуэтки не хуже гюммельских (она думала, что ее сын будет вызывать не меньший восторг) для нее в прошлом. Кирстен дергается на полу, сучит ногами, поднимает и опускает руки, они то ложатся ей на живот, то взлетают, как испуганные птицы. Кирстен стонет и рычит, стонет и рычит, звуки, вырывающиеся из ее рта, не складываются в слова.

— Уберите ее отсюда! — кричит Кэмми, обращаясь к Джонни. Ее взгляд, брошенный на Кирстен Карвер, полон ужаса и жалости. — Ради Бога, уберите ее подальше от детей.

Джонни наклоняется, поднимает Пирожка, и тут же ему на помощь приходит Белинда. Они переносят Кирстен в гостиную и укладывают на диван, который тут же окрашивается кровью. Брэд идет следом за ними, бросая опасливые взгляды на вновь опустевшую улицу.

— Только не просите меня это зашить, — говорит Пирожок, а потом начинает смеяться.

— Кирстен. — Белинда наклоняется над ней, берет за руку. — Все будет хорошо. Ты поправишься.

— Только не просите меня это зашить, — повторяет лежащая на диване женщина. На этот раз тоном лектора. Кровавое пятно у ее головы расплзается все шире. Все трое смотрят на нее. Джонни это пятно напоминает нимб, которым художники эпохи Возрождения снабжали своих мадонн. Вновь начинаются судороги.

Белинда кладет руки на дергающиеся плечи Кирстен.

— Помогите мне! — шипит она Джонни и своему мужу, по ее щекам опять текут слезы. — Неужели вам не понятно, что одной мне с ней не справиться, помогите мне держать ее!

В соседнем доме Том Биллингсли боролся за жизнь Мэриэл даже под шквальным огнем, демонстрируя мужество полевого хирурга. Теперь рана уже зашита и кровь чуть сочится через бинт. Старый Док смотрит на Колли и качает головой. Его больше тревожат крики, доносящиеся из дома Карверов, а не проведенная операция. Мэриэл Содер-

сон ему безразлична, в то же время Док почти уверен, что это кричит Кирстен Карвер, а вот Кирсти он очень любит.

Колли оглядывается, чтобы убедиться, что Гэри не услышит его вопроса. Но Гэри сейчас на кухне Дока. Ему не до криков женщин и детей, он не знает, что операция закончена. Гэри открывает и закрывает дверцы шкафчиков и полки в поисках спиртного. В холодильник он заглянул лишь на секунду и не стал искать там ни охлажденного пива, ни холодной водки. Закрыв, как только увидел на второй полке руку своей жены. Туда ее положил Колли, сдвинув банки с майонезом, маринованными огурчиками и ветчиной. Коп не верил в то, что руку удастся пришить, но ему не хотелось оставлять это в кладовой Дока. Слишком тепло. Налетели бы мухи.

— Она умрет? — спрашивает Колли.

— Не знаю, — отвечает Биллингсли, смотрит на Гэри, вздыхает и проводит рукой по седым волосам. — Вероятно. Даже наверняка, если в ближайшее время не попадет в больницу. Ей нужна квалифицированная медицинская помощь. И переливание крови. Судя по крикам, кто-то ранен и в соседнем доме. Я думаю, это Кирстен. Но возможно, не только она.

Колли кивает.

— Мистер Энтрегьян, как вы думаете, что здесь происходит?

— Не имею ни малейшего понятия.

Синтия хватает газету (колумбусский «Диспетч», не уэнтуртский «Покупатель»), которая свалилась со стола, пока шла стрельба, сворачивает ее в трубочку и крадется к входной двери. Газету она использует для того, чтобы отметать в сторону осколки стекла: пол буквально завален ими.

Стив уже собирается остановить ее, спросить, не обуяла ли ее жажда смерти, но не произносит ни слова. Иногда его озаряет. Причем по-крупному. Однажды такое случилось, когда он гадал по руке в Уилдвуде. Тогда он тотчас же бросил это занятие. А могли он поступить иначе, если ему открылось, что у смеющейся семнадцатилетней девушки рак матки, причем уже неоперабельный. Неприятно, понимае-те ли, знать такое о симпатичной зеленоглазой выпускнице школы, особенно если твой жизненный принцип — НЕТ ПРОБЛЕМ.

Вот и теперь Стив твердо знает, что стрелявшие ретировались, по крайней мере на время. Откуда такая информация, он объяснить не может, но в ее достоверности нисколько не сомневается.

Поэтому вместо того, чтобы пытаться остановить Синтию, Стив присоединяется к ней. Входная дверь пробита в нескольких местах и изрядно покорежена (Стив сомневается, что ее удастся закрыть), ветерок холодит разгоряченную кожу. В соседнем доме все еще орут дети, зато женские крики затихли. Маленькое, но облегчение.

— Где же он? — В голосе Синтии слышатся изумленные нотки. — Смотри, вон его жена. — Она указывает на тело Мэри, которое лежит теперь на мостовой, у противоположного тротуара, головой чуть ли не в ливневой канаве, по которой несется водяной поток. — А где же мистер Джексон?

— В том доме, — отвечает Стив и тычет пальцем в дом напротив. — Скорее всего. Видишь его очки на дорожке?

Синтия прищуривается, потом кивает.

— Кто там живет? — спрашивает Стив.

— Не знаю. Я здесь недавно, так что...

— Миссис Уайлер и ее племянник, — раздается у них за спинами голос Колли. Они оборачиваются и видят, что он, присев на корточки, смотрит в зазор между ними. — Мальчик недоразвитый, у него то ли аутизм, то ли умственная отсталость, а может, все вместе. Ее муж умер в прошлом году, так что они живут там вдвоем. Джексон, должно быть... должно быть... — Фразу он не обрывает, но голос его затихает с каждым звуком, пока не выходит за пределы слышимости. Пауза длится долго. Когда же Колли вновь обретает дар речи, голос его переполнен недоумением. — Какого черта?

— Что? — переспрашивает Синтия. — Вы о чем?

— Вы что, не видите сами?

— Вижу что? Я вижу женщину, вижу очки ее му... — Теперь пришла очередь Синтии замолчать на полуслове.

Стив хочет полюбопытствовать, в чем, собственно, дело, но потом все понимает сам. Наверное, понял бы и раньше (хотя на этой улице он впервые), если б его внимание не отвлекали тело, очки и тревога за судьбу миссис Содерсон. Он знает, какая ей нужна помощь и что для этого надо сделать, отсюда и волнение.

Но теперь Стив просто оглядывает противоположную сторону улицы, от магазина «Е-зет стоп» переходит к следующему дому, потом к тому, где подростки перебрасывались фризби, когда он свернул на стоянку у магазина, затем к дому, расположенному напротив, в котором, судя по всему, укрылся Джексон в самый разгар стрельбы.

Дома эти уже не такие, какими были до появления фургонов со стрелками.

Насколько велики изменения, Стив сказать не может, он тут впервые и не знает этой улицы, опять же дым пожарища и туман создают такое ощущение, будто перед вами не настоящие дома, а мираж... но изменения имеют место.

Обшивка дома миссис Уайлер уступила место бревнам, вместо большого окна гостиной — три маленьких окошка, входная дверь сбита из вертикальных досок, скрепленных двумя поперечными и одной диагональной. Дом слева...

— Скажите мне, — Колли смотрит на тот же дом, — с каких это пор Риды живут в гребаном бревенчатом доме?

— С тех самых, как Геллеры поселились в гасиенде, — отвечает Синтия. Она разглядывает следующий дом, расположенный рядом с магазином.

— Вы меня разыгрываете, — говорит Стив, потом добавляет: — Или нет?

Ни Синтия, ни Колли не отвечают. Они словно загипнотизированы.

— Я не уверен, что действительно это вижу, — наконец произносит Колли. В голосе его слышится сомнение. — Это...

— Мираж, — вставляет продавщица.

Колли поворачивается к ней.

— Да. Так бывает, когда смотришь поверх жаровни и...

— Кто-нибудь поможет моей жене? — Это голос Гэри, который сейчас находится в гостиной. Он нашел бутылку (этикетки Стиву от двери не видно) и стоит, уставившись на фотографию Эстер, голубки, которая любила рисовать пальцами. Нет, поправляет себя Стив, у голубей пальцев нет. Гэри едва держится на ногах. Язык у него заплетается. — Кто-ни-

будь должен помочь Мэриэл! У нее на одну чертову руку меньше, чем у всех!

— Надо вызвать ей врача, — кивает Колли. — И...

— ...нам всем нужна помощь, — заканчивает за него Стив. Он рад, что эту простую истину понимает не только он, значит, ему, возможно, не придется идти за подмогой одному, а может, и вообще не придется. Мальчик в соседнем доме больше не плачет, а вот девочку Стив слышит, она рыдает взхлеб. Маргрит Придурастая, так называл ее братец. Маргрит Придурастая любит Итана Хоука, сказал он.

Внезапно Стиву очень захотелось пойти в соседний дом и найти эту маленькую девочку. Опустился перед ней на колени, обнять, прижать к груди и сказать, что она может любить кого угодно. Итана Хоука, Ньюта Гингрича, кого пожелает ее душа. Но вместо этого Стив вновь оглядел улицу. Магазин «Е-зет стоп» не изменился. То же функциональное здание конца двадцатого столетия, без изысков, построенное с определенной целью. «Райдер» по-прежнему на стоянке, синий значок телефона-автомата на месте, как и рекламный плакат «Мальборо», а вот...

...А вот стойки для велосипедов нет.

Вернее, она есть, но довольно сильно видоизменилась. Стала подозрительно похожа на коновязь из ковбойских фильмов.

Стив с усилием отрывает взгляд от улицы и поворачивается к копу, который тоже считает, что им всем нужна помощь. Тем, кто в доме Дока, и тем, кто у Карверов.

— За домами по этой стороне улицы — лесополоса, — говорит Колли. — По ней проложена тропинка. В основном ею пользуются дети, но я тоже

с ней знаком. За домом Джексонов тропа делится на две. Одна тропинка ведет на Гиацинтовую, к автобусной остановке, другая — на восток, к Андерсон-авеню. Если Андерсон, простите, в такой же жопе...

— С какой стати? — опять встречается Синтия. — Оттуда никаких выстрелов не доносилось.

Коп как-то странно смотрит на нее.

— С той стороны помощи ждать не приходится. И стрельба не главное, что происходит на нашей улице, говорю на тот случай, если вы этого не заметили.

— Понятно, — отвечает Синтия голосом маленькой девочки.

— Даже если на Андерсон-авеню такой же ад, как и на Тополиной улице, хотя я надеюсь, что это не так, под ней по крайней мере идет коллектор. До самой Колумбус-Броуд. А вот там должны быть люди. — Впрочем, по голосу и выражению лица Колли видно, что полной уверенности у него нет.

— Я пойду с вами, — заявляет Стив.

Коп с некоторым удивлением смотрит на него, потом долго думает.

— Вы уверены, что это хорошая идея?

— Да. Я думаю, плохиши отчалили, хотя бы на время.

— С чего вы так решили?

У Стива нет никакого желания рассказывать о своей короткой карьере предсказателя судеб, поэтому он говорит, что доверяет своей интуиции. Стив смотрит на вновь задумавшегося копа и знает, что тот согласится, еще до того, как Колли открывает рот. К чтению мыслей эта догадка отношения не имеет. В течение дня на Тополиной улице убиты четверо (не говоря о Ганнибале, собаке, которой нравилось бегать за фризби), несколько человек ране-

ны, сгорел дом (пожарные службы даже ухом не повели), по улицам носятся убийцы. Надо быть безумцем, чтобы в одиночку пробираться через лес в соседний квартал.

— А как насчет него? — Рука Синтии указывает на Гэри.

Колли морщится.

— Он едва стоит на ногах. Я бы с ним даже в кино не пошел, не то что в лес. Но если вы серьезно... мистер Эмес, так?

— Лучше Стив. Да, серьезно.

— Хорошо. Давайте спросим у Дока, не найдется ли у него в подвале пары ружей. Готов спорить, что ружья найдутся.

Пригнувшись, они пересекают холл. Синтия уже поворачивается, чтобы последовать за ними, но краем глаза ловит какое-то движение. Вновь выглядывает на улицу. Удивление уступает место отвращению, и Синтия подносит руку ко рту, чтобы заглушить крик. Сначала она думает о том, чтобы позвать мужчин, но потом отказывается от этой мысли. Что это изменит?

Стервятник (должно быть, это именно стервятник, хотя живого стервятника Синтия никогда не видела, только в книжке или в кино) возникает из дыма, поднимающегося над остатками дома Хобарта, и планирует на мостовую рядом с телом Мэри Джексон. Отвратительная лысая шея, неуклюжие движения. Он подбирается к трупу, оглядывает его, словно выбирая самое вкусненькое, затем наклоняет голову и клювом отщипывает большую часть носа женщины.

Синтия закрывает глаза, пытается убедить себя, что это сон, всего лишь сон. Как же ей хочется в это поверить.

10 июня 1995 г.

Сегодня вечером я испугалась. Очень испугалась. В последнее время с Сетом проблем не было, но внезапно все изменилось.

Поначалу мы не понимали, что случилось: Херб удивлялся не меньше моего. Мы вдвоем пошли есть мороженое в «Милли» на площади. Поход этот — часть нашего обычного субботнего ритуала, если Сет ведет себя хорошо (то есть если Сет — это Сет), и он нас только радовал. А вот по возвращении, когда мы свернули на подъездную дорожку, он начал нюхать воздух, как он это иногда делает: поднимает голову и втягивает воздух, словно собака! Мне это ужасно не по нутру, да и Хербу тоже. Наверное, фермеры испытывают те же чувства, когда по радио сообщают о приближении торнадо. Я читала, что родители эпилептиков подмечают у своих детей некие признаки, указывающие на скорый припадок, яростное почесывание головы, обильное потовыделение, даже ковыряние в носу. У Сета это нюхание воздуха. Только речь идет не об эпилептическом припадке. Такой припадок я бы сочла за счастье.

Херб спросил его, в чем дело, как только увидел, что делает Сет, но ничего от него не добился, ни единого слова. С таким же результатом закончилась и моя попытка. Сет ничего не говорил, только нюхал и нюхал воздух. А как только мы вылезли из машины, он зашагал, как страус, не сгибая ног. Прогулялся к песочнице, поднялся в свою комнату, спустился в подвал, и все это в зловещем молчании. Какое-то время Херб следовал за ним, спрашивал, в чем дело,

потом сдался. Когда я разгружала посудомоечную машину, Херб вошел в кухню, размахивая религиозным буклетом, который сунули в ящик для молока у двери черного хода. «Аллилуйя! Да здравствует Иисус!» — воскликнул он. Херб так мил, все время пытается развеселить меня, хотя, я знаю, ему очень нелегко. Он стал таким бледным, меня пугает, что он быстро худеет. Началось это где-то в январе. Херб потерял фунтов двадцать, а то и все тридцать. Когда я спрашиваю его об этом, он лишь отмахивается.

Так или иначе, буклет — обычная баптистская галиматья. На первой странице изображение мучающегося человека. Язык высунут, по лицу струится пот, глаза закатились. Наверху надпись: «Представьте себе — тысячу лет без глотка воды!» Под картинкой другая: «Добро пожаловать в ад!» Я взглянула на последнюю страницу. Все так, баптистская церковь завета Сиона. Послание от Старейшины. «Посмотри, — говорит Херб, — это мой папашка до того, как причешется поутру».

Я хотела рассмеяться, я знаю, Херб счастлив, когда я смеюсь, но не смогла! Я чувствовала, что Сет вокруг нас, буквально ощущала его присутствие. Такое случается при приближении грозы.

И тут Сет появился на кухне, хмурясь, как бывает всегда, когда происходит некое событие, которое не предусматривалось его долгосрочными планами. Только на кухню вошел не он, совсем не он. Сет — милейший, добрейший, замечательный ребенок. Но в нем живет и другая личность, проявляющаяся все чаще и чаще. Та, которая вышагивает на негнущихся ногах. Та, что нюхает воздух, как собака.

Херб вновь спросил Сета, что случилось, что у него на уме, и тут внезапно он, я про Херба, под-

нимает руку и хватает себя за нижнюю губу. Оттягивает ее и начинает крутить. Появляется кровь. На глазах у Херба выступают слезы, сами глаза от боли вылезают из орбит. При этом Сет, хмурясь, все смотрит на него, как бы говоря: «Я сделаю все, что захочу, и вы не сможете меня остановить». Мы и не можем, но мне кажется, что иногда Сету это по силам.

— Перестань заставлять его это делать! — кричу я. — Перестань немедленно!

Когда тот, другой, не-Сет, выходит из себя, его глаза из карих становятся черными. Такими вот глазами он смотрит на меня, и мгновенно моя рука взлетает вверх, и я бью себя по щеке. Так сильно, что начинает слезиться глаз.

— Заставь его остановиться, Сет, — говорю я. — Это несправедливо. Если что-то и не так, то мы тут ни при чем. Мы даже не знаем, что произошло.

Поначалу никакой реакции. Тот же черный взгляд. Моя рука вновь поднимается, а затем что-то в глазах Сета меняется. Ненамного, но меняется. Моя рука падает, а Сет поворачивается к раковине, к полкам над ней, на которых мы держим чашки и стаканы. А на верхней — мамин подарок, хрустальные бокалы, которые я ставлю на стол только по праздникам. Они стояли на верхней полке, пока Сет не посмотрел на них, потому что в следующее мгновение бокалы разлетелись на мелкие осколки, один за другим, словно тарелочки, по которым палят на стрельбище. Когда они разлетелись, все одиннадцать, Сет повернулся ко мне с мерзкой улыбкой, какая бывает у него, если ты скажешь или сделаешь что-то поперек, а он тебе за это отомстит. Глаза его по-преж-

нему черные и какие-то очень уж старые для такого юного личика.

Я заплакала. Ничего не могла с собой поделать, назвала его плохим мальчиком и велела уйти. Улыбка исчезла. Сет не любит, когда ему велят что-то делать. Я решила, что сейчас мои руки вновь начнут бить меня, но тут Херб встал между нами и сказал то же самое, уйди, мол, и успокойся, а потом возвращайся, и тогда мы попытаемся тебе помочь.

Сет ушел, но еще до того, как он пересек гостиную, я поняла, что другой или потерял, или теряет контроль над его телом. Потому что походка у него теперь была другая, не как у страуса (Херб называет эту походку «а-ля Рути-робот»). Сет поднялся по лестнице, и вскоре мы услышали, как он плачет в своей комнате.

Херб помог мне собрать осколки, а я продолжала реветь. Херб не пытался успокоить меня или развеселить какой-нибудь шуткой. Иногда он проявляет удивительную мудрость. Когда мы все убрали (ни один из нас не порезался, это похоже на чудо), Херб сказал, что Сет, должно быть, что-то потерял. Я ответила, что никакой он не Шерлок Холмс, но тут же пожалела о своих словах, обняла Херба, извинилась и сказала, что не хотела его обидеть. Херб заверил меня, что он в этом и не сомневался, затем взял этот глупый баптистский буклет и написал на нем: «Что будем делать?»

Я покачала головой. Мы зачастую боимся произнести хоть слово, опасаясь, что он нас подслушивает, я имею в виду не-Сета. Херби смял буклет и бросил его в корзинку для мусора. Я нашла это недостаточным, достала буклет и порвала на мелкие клочки.

*Но сначала взглянула на перекошенное мукой лицо.
Добро пожаловать в ад!*

*Это Херб? Или я? Хотелось бы сказать «нет», но
иной раз я пребываю в полной уверенности, что нахо-
жусь именно там. И это происходит довольно-таки
часто. Иначе с чего бы мне вести этот дневник?*

11 июня 1995 г.

*Сет спит. Наверное, совсем выдохся. Херби во дво-
ре заглядывает во все щели. Только я думаю, что Сет
уже туда заглянул. Теперь мы хоть знаем, что про-
пало. Космофургон «Парус мечты». У Сета есть все
мотокоповское дерьмо: фигурки главных героев, штаб-
квартира, Кризисный центр, ангар космофургонов, два
парализатора, даже «плавающие простыни» на кро-
вати. Но больше всего на свете он любит космофур-
гоны. Машинки на батарейках, довольно большие, ори-
гинальной формы. Большинство из них с крыльями, вы-
двигающимися при помощи поворота рычажка на
днище, с радиолокационными антеннами, которые мо-
гут вращаться, как настоящие (на «Парусе мечты»,
космофургоне Касси Стайлз, антенна в форме сердеч-
ка, и это после тридцати лет разговоров о том, что
однотипные игрушки не надо делить на мужские
и женские), мигающими огнями, сиренами, и так да-
лее и тому подобное.*

*Во всяком случае, из Калифорнии Сет прибыл со
всеми шестью космофургонами, что продавались на
тот день: красным («Стрела следопыта»), желтым
(«Рука справедливости»), синим («Свобода»), черным
(«Мясовозка», принадлежит плохишу), серебристым
(«Рути-Тути», мне кажется, кому-то заплатили за*

то, что он придумал такое идиотское название) и розовым, на котором ездит Касси Стайлз, любимая девушка моего юного племянника. Забавно, конечно, смотреть на его увлечение этой ерундой, да только происходящее сейчас далеко не забавно: «Парус мечты» пропал, отсюда и весь сыр-бор.

Херби разбудил меня в шесть утра, вытащил из постели. Руки у него были холодны как лед. Я спросила, в чем дело, но он ничего не стал говорить, просто подвел меня к окну и спросил, что я там вижу. Я поняла, о чем он спрашивает: вижу ли я то, что видит он?

Я видела, сомнений в этом быть не могло. «Парус мечты» как живой. Только не космофургон, принадлежащий Сету, не игрушка фута в два длиной и, возможно, в фут высотой. Мы смотрели на полноразмерный автомобиль длиной в двенадцать, а высотой в семь футов. С приподнятым люком на крыше и вращающейся антенной радиолокатора, совсем как в мультсериале.

— Господи Иисусе, — прошептала я, — откуда он взялся?

Я уж решила, будто он спланировал к нашему дому на своих выдвигающихся крылышках. Жуткое, знаете ли, ощущение. Все равно что, поднявшись с постели и продрав глаза, обнаружить у себя во дворе летающую тарелку. У меня перехватило дыхание. Словно кто-то врезал мне в солнечное сплетение.

Когда же Херб сказал мне, что никакого фургона здесь нет, я не поняла, что он имеет в виду. А потом солнце поднялось чуть выше, и до меня дошел смысл его слов: я увидела сквозь фургон наш забор. То есть настоящего фургона не было. Но в то же время он был.

— Сет показывает нам то, о чем не может сказать, — пояснил Херб.

Я спросила Херба, проснулся ли мальчик, и он ответил, что нет, он подходил к его комнате, проверял. Сет крепко спит. Внутри у меня все похолодело. Потому что слова Херба означали одно: мы стоим в пижамах у окна спальни и видим сон нашего племянника. Сон этот перед нами, во дворе, большой розовый мыльный пузырь.

Мы простояли у окна минут двадцать. Чего ждали — не знаю. Может, появления Касси Стайлз. Но ничего такого не произошло. Розовый фургон просто стоял, с приоткрытым люком и вращающейся антенной радиолокатора, а потом начал расплываться и терять цвет. Затем мы услышали, как Сет встал и пошел в туалет. Когда же послышался шум спускаемой воды, фургон исчез окончательно.

За завтраком Херб пододвинулся к Сету, как бы вало, когда он хотел поговорить с мальчиком. Я думаю, Херб гораздо смелее меня. Учитывая, что именно Херб...

Нет, этого я написать не могу.

Так или иначе Херби наклоняется к Сету, чтобы мальчику пришлось посмотреть на него, и начинает говорить тихим, ласковым голосом. Он говорит Сету, что мы знаем, почему он так расстроен, но волноваться не о чем, так как космофургон Касси наверняка где-нибудь в доме или во дворе. И мы его обязательно найдем. Все это время, пока Херб говорит, Сет ведет себя прекрасно. Ест овсянку, и лицо его не меняется. Иногда ты знаешь, что это он, Сет, внимательно слушает, возможно, что-то и понимает. Потом Херб говорит: «А если мы все-таки не сможем найти его, то купим тебе новый». И понеслось.

Миска Сета с овсянкой летит через всю кухню, оставляя за собой шлейф молока и хлопьев. Она ударяется об стену и разбивается. Ящик под плитой открывается, и оттуда вываливается все, что в нем хранится: сковороды, вафельницы, формы для пирожков. Поворачиваются краны на раковине. Посудомоечная машина не может включиться при откинутой крышке, но включается, и вода веером летит на пол. Ваза, стоявшая на полочке, повторяет путь миски с овсянкой и тоже разбивается об стену. Но больше всего меня напугал тостер. Он работал (я поджаривала пару гренков), но тут внезапно раскалился до красна, словно печь. Рычаг выброса резко пошел вниз, а гренки, черные и дымящиеся, подлетели до самого потолка. Приземлились они в раковину.

Сет поднялся и вышел из кухни. На негнущихся ногах. Мы с Хербом переглянулись, а потом он и говорит: «Думаю, гренки будут очень даже ничего, если положить побольше орехового масла». Сначала я в недоумении смотрела на него, а потом расхохоталась. Херб последовал моему примеру. Мы смеялись и смеялись, уткнувшись в кухонный стол. Не хотели, чтобы он слышал. Глупо, конечно. Сету частенько не надо слышать, чтобы знать. Я не уверена, что он читает наши мысли, но каким-то образом многое становится ему известно.

Когда же я наконец взяла себя в руки, смогла оторвать голову от стола и оглядеться, то увидела, что Херб уже достает тряпку из-под посудомоечной машины. Он все еще похихатывал и вытирал с глаз слезы. Как хорошо, что он смог отвести душу. Я поднялась, чтобы взять совок и щетку.

— Наверное, Сет очень привязан к старому «Парусу мечты», — только и сказал Херб.

Сейчас три часа пополудни, и мы перерыли весь дом. Сет пытался помочь как мог. У меня защемило сердце, когда я увидела, как он заглядывает под диванные подушки, словно его пропавший космофургон мог завалиться туда, как четвертак или корочка пиццы. Херб начинал поиски полный радужных надежд, говоря, что фургон слишком велик и ярко раскрашен, чтобы мы могли его не заметить. Я тогда подумала, что он прав. Откровенно говоря, я и сейчас думаю, что он прав, только почему мы не можем найти этот фургон? Дневник я пишу за кухонным столом и вижу отсюда, как Херб на коленях ползает вдоль живой изгороди у дальнего конца нашего участка, шебуршит под кустами рукояткой грабель. Меня так и подмывает сказать ему, чтобы он перестал, ведь Херб уже в третий раз обследует зеленую изгородь, но язык не поворачивается.

Шум наверху. Сет встает после дневного сна, так что с писаниной пора заканчивать. Убрать с глаз долой. Из мозга вон. И все будет хорошо. Я, правда, думаю, что Сет с большей легкостью читает мысли Херба, нежели мои. Почему, сказать не могу, но уверенность в этом у меня есть. А Хербу о дневнике я не говорю.

Тот, кто прочитает дневник, скажет: мы чокнутые. Только сумасшедшие могут держать мальчика в доме, зная, что с ним что-то не так. Очень даже не так, а мы понятия не имеем, в чем дело. Однако мы знаем: это «что-то» очень опасно. Так почему мы упираемся? Почему ничего не меняем? Трудно сказать. Потому что мы любим Сета? Потому что он контролирует нас? Нет. Иногда такое случается (Херб крутит губу, я бью себя по лицу), мы словно подпадаем под действие мощного гипноза, но это

бывает нечасто. Большую часть времени он — Сет, ребенок, заточенный в темницу собственного мозга. К тому же он — это все, что осталось у меня от старшего брата. Но главным образом, этого отрицать не приходится, дело в любви. И каждый вечер, когда мы ложимся спать, я вижу в глазах моего мужа то, что он, должно быть, видит в моих: мы прожили еще один день, а если мы смогли прожить этот день, то сможем прожить и завтрашний. Вечером так легко убедить себя, будто все это — особенность аутизма Сета, и поэтому не стоит устраивать трагедию.

Шаги наверху. Он идет в туалет. Потом спустится вниз в надежде, что мы нашли его пропавшую игрушку. Но который из них услышит плохую весть? Сет, на лице которого разве что отразится разочарование (может, он даже поплачет)? Или другой? Тот, что шагает на негнущихся ногах и бросает вещи, если что-то идет не так, как ему хочется?

Я думала о том, чтобы отвести его к врачу, конечно, думала, да, я в этом уверена, и Херб тоже... но дальше мыслей дело не шло. В последний раз мы убедились, что это бесполезно. Мы оба там были и оба видели, как другой, не-Сет, прячется. Как Сет позволяет ему спрятаться: аутизм — это чертовски большое прикрытие. Но настоящая проблема не в аутизме, и не имеет значения, что врачи понимают и чего не понимают. Это, если говорить откровенно, как на духу, я теперь знаю точно. Когда мы пытались говорить с врачом, пытались объяснить, в чем истинная причина нашего прихода к нему, ничего у нас не вышло. Если кто-то прочитает этот дневник, мне даже интересно, сможет ли он понять, как это ужасно — ощущать чью-то руку, которая разъединяет голосо-

вые связки и язык. НАС ПРОСТО ЛИШИЛИ ДАРА РЕЧИ.

Я так боюсь.

Боюсь того, кто вышагивает на прямых ногах, это несомненно, но боюсь и многого другого. Чего-то я просто не могу выразить, что-то могу, и очень даже хорошо. Но сейчас я больше всего боюсь того, что может с нами случиться, если мы не найдем его «Парус мечты». Чертов розовый фургон. Куда он девался? Если б мы смогли его отыскать...

Глава 8

1

В момент смерти Кирстен Карвер Джонни думал о своем литературном агенте, Билле Харрисе, и реакции Билла на Тополиную улицу: искреннем, неподдельном ужасе. Биллу удавалось сохранять невозмутимость, даже улыбаться по пути из аэропорта, но улыбка начала сползать с его лица, когда они въехали в Уэнтворт, пригород Колумбуса (по меркам штата Огайо — прекрасный городок), и окончательно исчезла, когда его клиент, которого, было время, упоминали в одном ряду с Джоном Стейнбеком, Синклером Льюисом и (после публикации «Радости») Владимиром Набоковым, свернул на подъездную дорожку ничем не примечательного дома на углу Медвежьей и Тополиной улиц. Билл подозрительно косился на поливальную распылительную головку на лужайке, алюминиевую сетчатую дверь, газонкосилку, стоявшую на подъездной дорожке, — бензинового бога, терпеливо ожидающего, когда ему воздадут должное. Потом Билл повернулся, уставился на подростка, который на роликах катил по асфальту, с наушниками на голове, тающим мороженым в руке и со счастливой улыбкой на прыщавой физиономии. Случилось это шесть лет назад, летом 1990 года, и когда Билл Харрис, влиятельный литературный агент, вновь посмотрел на Джонни, улыбки на его лице как не бывало.

«Это же несерьезно, Джонни», — в голосе Билла сквозило неверие. «Очень даже серьезно», — ответил ему Джонни, и по его тону Билл понял, что Джонни не разыгрывает его. «Но почему? — последовал во-

прос. — Святой Боже, почему Огайо? Я уже чувствую, как у меня падает ай-кью*, а я ведь только что приехал сюда. Мне уже ужасно хочется подписаться на «Ридерз дайджест» и послушать по радио какого-нибудь болтуна. Так что уж скажи мне почему. Я считаю, что ты просто обязан сказать. Сначала этот кошащий детектив, теперь местечко, где фруктовый коктейль до сих пор считается деликатесом. Скажи мне, в чем здесь цимес, хорошо?» И Джонни ответил, что хорошо, а цимес в том, что все кончено.

Нет, разумеется, нет. Это сказала Белинда. Не Билл Харрис, а Белинда Джозефсон. Только что.

Джонни с усилием вынырнул из воспоминаний и огляделся. Он сидел на полу в гостиной, держа руку Кирстен в своих ладонях. Холодную и застывшую. Белинда склонилась над Кирсти с полотенцем в руке. На плече Белинды висела белая салфетка. Белинда не плакала, но на лице ее читались любовь и печаль. Она вытирала залитое кровью лицо Кирстен.

— Вы сказали... — начал Джонни.

— Вы меня слышали. — Белинда, не глядя, отвела назад руку с измазанным в крови полотенцем, и Брэд взял его. Белинда сняла салфетку с плеча, развернула и накрыла ею лицо Кирстен. — Господи, упокой ее душу.

— Я — за, — поддержал Белинду Джонни. Он не мог оторвать глаз от проступающих на белой ткани красных точек: три на одной щеке, две на другой, с полдюжины на лбу. Джонни провел рукой по собственному лбу, вытирая пот. — Господи, как мне ее жаль.

* IQ — intelligence quotient — коэффициент умственного развития.

Белинда посмотрела на Джонни, потом на мужа.

— Полагаю, нам всем ее жаль. Вопрос в другом: кто следующий?

Прежде чем кто-то из мужчин успел ответить, в комнату вошла Кэмми Рид. Бледная, но решительная.

— Мистер Маринвилл.

Он повернулся к ней:

— Джонни.

Кэмми не сразу поняла, о чем речь (потрясения замедляют мыслительный процесс), но в конце концов до нее дошло, что его больше устраивает обращение по имени. Она кивнула.

— Джонни, конечно, как скажете. Вы нашли револьвер? Патроны к нему есть?

— Нашел. И револьвер, и патроны.

— Можете отдать их мне? Мои мальчики хотят пойти за подмогой. Я все обдумала и решила их отпустить. Если, конечно, вы разрешите им взять револьвер Дэвида.

— Разумеется, револьвер я им дам, — откровенно говоря, расставаться с оружием Джонни не хотелось, — но вы не думаете, что выходить из дома смертельно опасно?

Кэмми пристально посмотрела на него, ни в голосе ее, ни во взгляде не чувствовалось нервозности, но она теребила пальцами то место на блузке, где краснела капелька крови: отметина носа Эллен Карвер.

— Я понимаю, что опасность велика, и не отпустила бы их, если бы они хотели идти по улице. Но мальчики знают тропу, которая идет по лесополосе за домами по эту сторону улицы. По ней они смогут добраться до Андерсон-авеню. Там есть пустыющее

здание, которое раньше использовалось под склад компаний, занимающейся грузоперевозками...

— «Видон бразерз», — вставил Брэд.

— И коллектор, который под землей тянется от автостоянки до Колумбус-Броуд. Там они по крайней мере смогут найти работающий телефон и сообщить в полицию о том, что здесь творится.

— Кэм, а мальчики знают, что делать с револьвером?

Вновь спокойный взгляд, но в нем явно читался вопрос: «Так ли обязательно принимать меня за идиотку?»

— Два года назад они с отцом ходили на курсы безопасности. Конечно, основной упор там делался на ружья и правила поведения на охоте, но револьверы и пистолеты тоже не остались без внимания.

— Если Джим и Дэйв знают об этой тропе, бандитам, которые все это устроили, она, возможно, тоже известна. Вы об этом подумали? — спросил Джонни.

— Да. — Наконец-то в голосе Кэмми прозвучало едва заметное недовольство. — Но эти... лунатики... приезжие. Иначе и быть не может. Вы когда-нибудь раньше видели такие фургоны?

Возможно, и видел, подумал Джонни. Пока не могу вспомнить где, но если мне дадут время подумать...

— Нет, но мне кажется... — начал Брэд.

— Мы переехали сюда в 1982 году, когда мальчикам было по три года, — оборвала его Кэмми. — Они говорят, что об этой тропе знают только дети, потому что взрослые ею не пользуются, и они уверены насчет коллектора. Я им верю.

Конечно, верите, подумал Джонни, но не это главное. Значит, есть надежда, что они приведут подмо-

гу. Однако прежде всего вы хотите, чтобы они ушли отсюда. Разумеется, хотите, и едва ли кто-нибудь бросит в вас за это камень.

— Джонни, — она повернулась к нему, истолковав его молчание как возражение против высказанного ею предложения, — ведь не так уж давно мальчики чуть старше возрастом сражались во Вьетнаме.

— Некоторые и моложе, — ответил Джонни. — Я там был и видел их. — Джонни поднялся, вытащил одной рукой револьвер из-за пояса брюк, другой — коробку с патронами из нагрудного кармана. — Я с радостью отдам и то, и другое вашим мальчикам... но я хотел бы пойти с ними.

Кэмми глянула на животик Джонни, не такой большой, как у Джозефсона, но достаточно заметный. Она не стала спрашивать, почему он хочет идти, какой от этого будет прок. Она сформулировала вопрос иначе:

— Мальчики осенью играют в соккер, а весной бегают кроссы. Вы сумеете не отстать от них?

— Разумеется, отстану. В забеге на милю или четырехста сорок ярдов. Но не на тропе, которая проходит по лесополосе, или в коллекторе.

— Зачем тешить себя ложными надеждами? — резко произнесла Белинда. Обращалась она к Кэмми, а не к Джонни. — Неужели вы думаете, что мы сидели бы здесь в окружении мертвецов, рядом с пожарищем, если бы в округе работал хоть один телефон?

Кэмми посмотрела на нее, вновь коснулась кровавого пятна и повернулась к Джонни. За ее спиной в гостиной появилась Элли. Глаза ее были широко открыты от горя и перенесенного шока. На подбородке и губах запеклась кровь.

— Если мальчиков это устроит, я возражать не стану. — Кэмми предпочла не отвечать на вопрос Белинды. На данный момент дискуссия на тему «А что будет, если...» Кэмми Рид не интересовала. Потом, возможно, она приняла бы в ней участие, но не сейчас. Для себя Кэмми уже решила, что ее мальчикам делать тут нечего.

— Очень хорошо. — Джонни протянул ей револьвер и коробку с патронами, прежде чем пройти на кухню. Джим и Дэйв — хорошие мальчики, а это ему только на руку. Хорошие мальчики в девяти случаях из десяти делают то, чего хотят от них взрослые. На ходу Джонни коснулся фигурки, которая лежала в кармане его брюк. — Но прежде чем мы уйдем, мне нужно кое с кем поговорить. Это дело важное, не терпящее отлагательств.

— С кем? — спросила Кэмми.

Джонни поднял Эллен Карвер на руки, прижал к себе, поцеловал в щечку и обрадовался, когда ее ручонки обвилились вокруг его шеи. Искренне и доверчиво.

— С Ральфи Карвером, — ответил Джонни и унес сестричку Ральфи на кухню.

2

Как выяснилось, Том Биллингсли держал в доме оружие, но сначала он нашел одежду для Колли. Старую футболку, выдержанную в цветах «Кливлендских медведей»*, с зашитой подмышкой, но зато пятьдесят второго размера. Все лучше, чем пробираться на лесополосе голым по пояс. Колли достаточно часто

* Команда Национальной футбольной лиги.

бывал там, чтобы знать о кустах ежевики и шиповника.

— Спасибо, — поблагодарил он Старину Дока, когда они спустились в подвал и мимо стола для пинг-понга направились в дальний угол.

— Ерунда. — Биллингсли поднял руку и повернул выключатель. Под потолком вспыхнули флюоресцентные лампы. — Понятия не имею, как эта футболка ко мне попала. Я всегда болел за «Бенгальцев».

Старина Док присел над кучей рыболовного и охотничьего снаряжения: спиннинги, сапоги, оранжевые жилеты, чем-то набитые мешки и чехлы. Один чехол он и вытащил. С четырьмя ружьями. Двумя целыми и двумя разобранными. Биллингсли достал из чехла целые.

Колли взял себе винтовку «ремингтон», более уместную в лесном дозоре, чем его служебный револьвер (опять же будет меньше вопросов, если ему доведется кого-то пристрелить). Эмесу досталась винтовка меньшего калибра. «Моссберг».

— Она под патроны двадцать второго калибра, — в голосе Биллингсли слышались извиняющиеся нотки, — но чертовски хорошая. Бьет без промаха.

Эмес улыбнулся, показывая, что возражений у него нет.

— Я думаю, мы с ней поладим. — Стив взял «мossi» из рук Старины Дока.

Биллингсли рассмеялся, достал из настенного шкафчика патроны, и все трое поднялись наверх.

Синтия подложила подушку под голову Мэриэл. Лежала раненая на полу, под фотографией Дэйзи, псины с математическими способностями. Они не решились перенести ее на диван: Биллингсли боялся, что разойдутся швы. Мэриэл еще жила, это хо-

роший знак. Она пребывала в бессознательном состоянии, тоже неплохо, учитывая случившееся с ней. Но вот ее дыхание, резкое, отрывистое, совсем не нравилось Колли. Такое дыхание могло оборваться в любой момент.

Ее муж, душка Гэри, сидел на стуле в кухне, развернув его так, чтобы видеть жену. Теперь Колли разглядел ярлык на бутылке. «Мать Делукка», приторно-сладкий вишневый ликер, который использовался для приготовления тортов. Колли едва не вырвало.

Гэри почувствовал взгляд копа и повернулся к нему. Покрасневшие, опухшие глаза. Больной. Несчастный. Но особой жалости Колли к нему не испытывал.

— Пот... черт... ку. — Язык у Гэри заплетался. Он глотал то начала, то окончания слов. — Д... ей... пом...

Потеряла чертову руку, расшифровал Колли. Должен ей помочь. Или — да поможет ей Бог.

— Да. Мы собираемся сходить за помощью.

— Долж... уж... быть... есь! Потер... греб... руку! Жуть!

— Я знаю.

К ним присоединилась Синтия.

— Вы работали ветеринаром, не так ли, мистер Биллингсли?

Старик кивнул.

— Я так и думала. Вас не затруднит пройти со мной? Я хочу, чтобы вы выглянули за дверь.

— Вы думаете, это не опасно?

— Сейчас — нет. Там какая-то тварь... я бы хотела, чтобы вы взглянули на нее. — Синтия посмотрела на двух других мужчин. — Вам это тоже не повредит.

Через гостиную они проследовали к двери, ведущей на Тополиную улицу. На ходу Колли и Стив переглянулись. Стив пожал плечами, он не понимал, что движет Синтией. Колли же решил, что девушка хочет показать Биллингсли, как изменились дома на другой стороне улицы, хотя это не имело никакого отношения к ветеринарной практике старика.

— Святой Боже, — вырвалось у экс-копа, когда они подошли к двери. — Дома опять такие же, как всегда! Может, нам померещилось, что они изменились? — Колли смотрел на дом Геллеров. Десять минут назад, когда он, хиппи и продавщица выглядывали в ту же дверь, Колли мог поклясться, что этот дом превратился в гасиенду, каких хватало в Нью-Мексико и Аризоне, когда они еще не входили в состав Соединенных Штатов. Теперь же Колли видел перед собой обычный дом, обшитый алюминием.

— Нам ничего не померещилось, и дома не такие, как всегда, — ответил ему Стив. — Посмотрите вон туда.

Колли проследил за пальцем Стива и присмотрелся к дому Ридов. Современная алюминиевая обшивка вернулась, заменив бревна, Колли увидел и шифер крыши, и тарелку спутниковой антенны. Но фундамент дома остался деревянным, хотя у Ридов он был кирпичным, а окна наглухо закрывали ставни с бойницами, словно обитателям дома каждый день приходилось разбираться не только с адвентистами седьмого дня и страховыми агентами, но и с мародерами-индейцами.

— Ни-и-че-е-го себе, — протянул Биллингсли. Его глаза изумленно раскрылись. — Да ведь перед домом Одри Уайлер коновязь. Так ведь? Откуда она взялась?

— С этим разберемся позже. — Синтия обеими руками взялась за голову старика и развернула ее, словно камеру на подставке, в сторону тела Мэри Джексон.

— Мой Бог, — выдохнул Колли.

Большая птица сидела на обнаженном бедре женщины, вогнав в ее плоть желтые когти. Птица уже закусила лицом трупа и теперь занялась шеей, под подбородком. Колли неожиданно вспомнил, как Келли Эберхарт предупредила его, когда он начал целовать ее аккуратно в это самое место, что засос ставить нельзя, иначе ее старик прибьет их обоих.

Колли машинально поднял «ремингтон» и уже прицелился, когда Стив резким движением руки опустил ствол.

— Не надо. Лишний шум нам ни к чему.

Возможно, он и прав, но... Господи, надо же как-то остановить эту тварь.

— Пот... ову...уку! — возвестил на кухне Гэри, словно боялся, что они об этом забудут, если он им не напомнит. Старина Док его не услышал. Он словно забыл об убийцах, фургонах, трансформирующихся домах.

— Господи, вы только посмотрите на это! — В голосе его слышался чуть ли не благоговейный трепет. — Я должен это сфотографировать. Да! Извините меня... Я только возьму фотоаппарат...

Старик уже начал поворачиваться, но Синтия схватила его за плечо:

— Фотоаппарат подождет, мистер Биллингсли.

Ее голос помог Биллингсли восстановить связь с реальностью.

— Да... пожалуй... но...

Птица повернулась, словно услышав их, и уставилась на бунгало ветеринара красными глазами. На ее розовом черепе вроде бы чернели отдельные волосики. Клюв напоминал желтый крючок.

— Это гриф? — обратилась к Биллингсли Синтия. — Или стервятник?

— Гриф? Стервятник? — недоуменно переспросил Старина Док. — Господи, конечно же, нет. Я никогда в жизни не видел такой птицы.

— Вы хотели сказать, не видели в Огайо, — подал голос Колли, зная, что Биллингсли хотел сказать совсем другое, но желая услышать подтверждение из уст самого ветеринара.

— Я хотел сказать — не видел нигде.

Хиппи перевел взгляд с птицы на Биллингсли, потом вновь на птицу.

— Что же это? Новый вид?

— Какой вид, прости Господи! Это же какой-то гребаный мутант, извините за грубость. — Биллингсли, широко раскрыв глаза, смотрел, как птица захлопала крыльями, чтобы удержать равновесие, перемещаясь по бедру Мэри. — Посмотрите, какое большое тело и насколько малы в сравнении с ним крылья. Да рядом с этой птицей страус — чудо аэродинамики! У меня такое ощущение, что у нее и крылья-то разной длины!

— И мне так показалось, — согласился с ветеринаром Колли.

— Как же она может летать? — изумился Старина Док. — Как она вообще может летать?

— Не знаю, но она летает. — Синтия указала на густой туман, отрезавший от них Гиацинтовую улицу. — Она прилетела оттуда. Я видела.

— Я уверен, что вы это видели, едва ли кто-то прилетел сюда на... птицемобиле, чтобы доставить к нам эту пташку. Но как она может летать, я не представляю... — Биллингсли замолчал, не отрывая глаз от птицы. — Хотя я могу понять, почему вы решили, будто это стервятник. — Колли подумал, что Док рассуждает сам с собой, но все равно слушал его внимательно. — Птица действительно похожа на стервятника. Таким мог нарисовать его ребенок.

— Что-что? — переспросила Синтия.

— Таким мог нарисовать его ребенок, — повторил Биллингсли. — Возможно, тот, кто видел еще и лысого орла.

3

Когда Джонни взглянул на Ральфи Карвера, у него закололо сердце. Покинутый Джимом Ридом, который уже жил предстоящей вылазкой, Ральфи стоял между плитой и холодильником, сунув большой палец в рот. На его шортиках расплывалось большое мокрое пятно. Знакомый всем паршивец бесследно исчез. Глаза мальчика широко раскрылись да такими и остались. Чем-то он напоминал Джонни знакомых ему наркоманов.

В кухне Джонни поставил Элли на пол. Она не хотела отпускать его, но в конце концов он сумел осторожно расцепить ее руки. В глазах девочки тоже стоял ужас, но они не остекленели, как у ее маленького брата. Ким и Сюзи Геллер, обнявшись, сидели на полу. Мамочку это вполне устраивает, подумал Джонни, вспомнив, как эта женщина боролась с Дэйвом Ридом за право прижать девушку

к себе. Тогда Дэйв победил, но теперь перед ним стояла более высокая цель: добраться до Андерсена и, не останавливаясь, идти дальше. Двое маленьких детей, однако, после ленча стали сиротами, и успех или неудача Дэйва здесь ничего не могли изменить.

— Ким, — обратился к женщине Джонни, — не могли бы вы помочь...

— Нет. — Она даже не дала ему договорить. Спокойно оборвала. Ровным, без единой истерической нотки голосом. Лишенным всяких эмоций. Ким обнимала свою дочь, дочь обнимала ее, им хорошо вдвоем, они просто ждут, когда кончится дождь и они смогут выйти на улицу. Вроде бы эту женщину можно понять, но Джонни рассвирепел. Ким напомнила ему тех, у кого на лице отражалась скука, как только разговор заходил о СПИДе, бездомных детях или уничтожении тропических лесов. Она могла пройти мимо спящего на тротуаре бездомного, не удостоив его даже взглядом. Хорошо бы, подумал Джонни, поднять ее с пола, развернуть, а потом дать ей хорошего пинка под зад. Он знал, что не сделает этого, но сознание того, что такое желание у него возникло, грело душу.

— Нет, — повторил он, и ярость запульсировала у него в висках.

— Нет, — согласилась Ким, чуть улыбнувшись, как бы говоря: ты же отлично меня понимаешь. Потом она повернулась к Сюзи и начала поглаживать дочь по волосам.

— Иди сюда, дорогая. — Белинда протянула руки к Эллен. — Иди сюда, побудь с тетушкой Би. — Девочка подошла к Белинде с перекошенным от горя лицом, и та крепко прижала ее к груди.

Близнецы Риды наблюдали за этой сценой, но едва ли что увидели. Они стояли у двери черного хода с горящими от азарта глазами. Кэмми подошла к ним, остановилась и оглядела сыновей с ног до головы. Поначалу Джонни решил, что лицо у нее очень уж мрачное. Но потом он понял, в чем дело: Кэмми переполнял ужас, и скрыть его она смогла лишь частично.

— Итак, — произнесла Кэмми очень сухим, деловым голосом, — кто его возьмет?

Близнецы переглянулись, Джонни почувствовал, что прошел обмен информацией, мгновенный, доступный только близнецам. А может, подумал Джонни, это все выдумки. Плод разыгравшейся фантазии и перегревшихся мозгов. Им было от чего перегреться.

Джим протянул руку. У Кэмми задрожала верхняя губа, но лишь на мгновение. Она справилась с нервами и протянула сыну револьвер Дэвида Карвера. Дэйв взял коробку с патронами, открыл ее. Джим тем временем, повторив манипуляции Джонни, откинул барабан и посмотрел на просвет, дабы убедиться, что гнезда под патроны пусты. «Мы так осторожны, потому что понимаем потенциальные возможности этого револьвера, созданного, чтобы калечить и убивать, — думал Джонни, — но дело не только в этом. Еще мы знаем, на подсознательном уровне, что оружие — это зло. Порождение дьявола. Это чувствуют даже самые верные поклонники оружия».

Дэйв протянул брату патроны. Джим брал их по одному, заряжая револьвер.

— Действуйте так, словно с вами ваш отец, — наставляла близнецов Кэмми. — Если захочешь

что-то сделать, но поймешь, что он этого бы не разрешил, не делай. Понятно?

— Да, мама. — Джим вернул барабан на место и держал теперь револьвер мушкой вниз, положив указательный палец на предохранительную скобу спускового крючка.

Командный тон матери коробил юношей. Она напомнила им офицера из давнего романа Леона Юриса*, растолковывающего прописные истины зеленым рекрутам. Мыслями они уже были в лесополосе.

Кэмми повернулась к другому близнецу:

— Дэвид!

— Да, мама.

— Если увидите в лесу людей, незнакомцев, немедленно возвращайтесь назад. Хорошенько это запомните. Не задавайте вопросов, не слушайте их, не приближайтесь к ним.

— Мама, если они будут без оружия... — начал Джим.

— Не задавайте вопросов, не приближайтесь к ним, — повторила она тем же ровным голосом, но интонации подсказали близнецам, что дискуссия окончена.

— А если они увидят копов, миссис Рид? — спросил Брэд. — Полиция может решить, что лучше всего попасть на нашу улицу через лесополосу.

— Безопаснее всего держаться подальше. Копы, если мы на них наткнемся, будут... нервничать. Нервные копы, как известно, сначала стреляют, а потом думают. Причем стреляют зачастую в ни в чем не по-

* Юрис, Леон (1924–2003) — известный американский писатель. Речь идет о романе «Топаз», опубликованном в 1967 г.

винных людей. Разумеется, не по злему умыслу. Так что лучше держаться подальше и от них. Во избежание несчастных случаев.

— Вы идете с нами, мистер Маринвилл? — спросил Джим.

— Да.

Ни один из близнецов ничего не сказал, но Джонни понравилось облегчение, которое он увидел в их глазах.

Кэмми сурово глянула на Джонни, как бы спрашивая: «Вы закончили? Я могу вернуться к делу?» — а потом продолжила инструктировать сыновей:

— Идите к Андерсон-авеню. Если вам покажется, что там все нормально... — Она запнулась, словно осознав, что такого просто не может быть, затем продолжила: —...попросите у кого-нибудь разрешения воспользоваться телефоном и позвоните в полицию. Но если на Андерсон-авеню такая же ситуация, как здесь, если вы увидите, что хоть что-то...

— Не так, — вставил Джонни. Во Вьетнаме у них было много слов, обозначающих то, что она имела в виду, и, как это ни странно, все они вернулись, засветились, словно неоновые вывески в темной комнате. Еще немного, подумал он, и я повяжу себе бандану на лоб.

Кэмми все смотрела на своих мальчиков. Джонни оставалось лишь надеяться, что инструктаж скоро подойдет к концу. Сыновья взирали на мать с уважением (даже со страхом), но большая часть того, что она еще собиралась сказать, влетела бы у них в одно ухо, чтобы тут же вылететь из другого.

— Если вам не понравится то, что вы увидите на Андерсон-авеню, воспользуйтесь коллектором, о котором вы говорили. Доберитесь до Колумбус-Броуд.

Оттуда позвоните в полицию. Расскажите, что тут произошло. И даже не думайте о возвращении на Тополиную улицу!

— Но, мама... — вскинулся Джим.

Кэмми подняла руку и сжала ему губы. Не причинив боли, но твердо. Джонни без труда представил себе, как она проделывала то же самое десять лет назад, только тогда ей приходилось наклоняться.

— «Но, мама» побережем для другого раза. На сей раз вы слушаете маму. Доберетесь до безопасного места, позвоните в полицию и останетесь там, пока это безумие не закончится. Понятно?

Близнецы кивнули. Тогда Кэмми убрала руку. Джим смущенно улыбнулся («сами видите, такая уж у меня мамаша») и покраснел до ушей. Он прекрасно знал, что спорить бесполезно.

— И будьте осторожны, — закончила она. Что-то мелькнуло в ее глазах. Может, желание поцеловать сыновей или стремление просто побыстрее поставить точку в этом эпизоде. Мелькнуло и исчезло.

— Готовы, мистер Маринвилл? — спросил Дэйв, с завистью глядя на револьвер в руке брата. Джонни решил, что они не пройдут и десятка шагов по тропинке в лесополосе, как Дэйв попросит разрешения немного понести револьвер.

— Одну секунду, — ответил Джонни и присел на корточки перед Ральфи. Ребенок спиной вжался в стену и широко распахнутыми глазами смотрел на Джонни поверх большого пальца, который по-прежнему пребывал у него во рту. На уровне головы Ральфи запах мочи и страха едва не валил с ног.

Джонни достал из кармана фигурку, которую подобрал в коридоре наверху: инопланетянина с боль-

шими глазами и хоботом вместо рта, с полоской-гребнем желтых волос на лысой голове, — и показал мальчику.

— Ральфи, что это?

Он уже решил, что не получит ответа, но тут Ральфи протянул руку, ту, что не прилипла ко рту, и взял фигурку. Впервые с тех пор, как загремели выстрелы, лицо его оживилось.

— Это майор Пайк.

— Правда?

— Да. Он канопалиец. — Слово это Ральфи произнес ясно и четко, явно этим гордясь. — То есть он с другой планеты. Но друг землян. Не то что Безлицый. — Пауза. — Иногда он сидит за штурвалом космофургона Баунти. Среди них майора Пайка не было, правда? — Слезы наполнили глаза Ральфи, и Джонни энергично замотал головой и похлопал мальчика по плечу.

— Майор Пайк из фильма или телепередачи? — спросил Джонни, заранее зная ответ. Наконец-то все сложилось в стройную картину, хотя, пожалуй, могло сложиться и раньше. За последние несколько лет Джонни много времени провел в школах, где взрослым приходилось сгибаться в три погибели, чтобы попить из фонтанчика с водой, часто бывал в залах библиотек, где высота стульев не превышала трех футов. Он слушал разговоры детей, но не видел их телешоу, не смотрел их кинофильмы. Интуитивно Джонни чувствовал, что такие просмотры скорее мешают его работе, чем помогут. Поэтому знал он еще далеко не все, у него по-прежнему было много вопросов, но он уже начал догадываться, откуда растут ноги этого безумия.

- Ральфи?
- Из телепередачи, — ответил Ральфи, держа майора Пайка перед собой. — Он мотоцикл.
- А «Парус мечты»? Что это такое, Ральфи?
- Мистер Маринвилл, — позвал его Дэйв, — нам пора...
- Дай ему еще секунду, сынок, — пришел на помощь Брэд.
- Джонни не отрывал глаз от Ральфи.
- «Парус мечты»?
- Космофургон Касси. Касси Стайлз. Я думаю, она подружка полковника Генри. Мой друг Джейсон уверяет, что это не так, у мотоциклов нет подружек, но я думаю, он не прав. Откуда взялись космофургоны на Тополиной улице, мистер Маринвилл?
- Я этого не знаю, Ральфи. — Только он знал, пусть не наверняка, но знал.
- Почему они такие большие? И почему, если они хорошие, почему они застрелили моих папу и маму?
- Ральфи выронил майора Пайка на пол и ногой отшвырнул игрушку в дальний угол. Потом он закрыл лицо руками и разрыдался. Кэмми Рид уже хотела подойти к нему, но ее опередила Эллен. Вырвавшись из рук Белинды, она подбежала к брату и обняла его.
- Не плачь. Не плачь, Ральфи, я о тебе позабочусь.
- Велика радость, — пробормотал Ральфи сквозь слезы, и Джонни пришлось зажать рукой рот, чтобы не расхохотаться во весь голос.
- И почему, если они хорошие, почему они застрелили моих папу и маму?*

— Пошли, парни. — Джонни встал и повернулся к близнецам Ридам. — Пора осмотреть окрестности.

4

На Тополиной улице солнце покатилося к горизонту. По времени вроде бы рано, но покатилося. Оно зависло у западного края неба, как злой красный глаз, зажигая огнем лужи на мостовой и подъездных дорожках. Превращая осколки стекла в тлеющие угли. Глаза псевдостервятника сверкнули рубинами, когда он поднялся на своих крыльях, которые не могли оторвать его от земли, и полетел на лужайку Карверов. Он опустил на траву, переводя взгляд с тела Дэвида Карвера на подругу Сюзи Геллер. Вроде бы никак не мог решить, с кого начать. Так много еды, и вся в его распоряжении. Наконец он выбрал отца Эллен и Ральфа и неуклюжими прыжками приблизился к мертвому мужчине. Одна желтая птичья лапа оканчивалась пятью когтями, вторая — только двумя.

На другой стороне улицы, в доме Уайлеров, в запахе грязи, гамбургеров и томатного супа гремел телевизор. «Регуляторы», первая сцена в салуне.

— А ты у нас милашка, — говорил Рори Колхатун. В голосе его звучали похотливые нотки, означающие: *Крошка, я собираюсь съесть тебя, словно мороженое, до того, как закончится этот фильм, и мы оба знаем, что так оно и будет.* — Почему бы тебе не присесть и не выпить со мной? Ты принесешь мне удачу.

— Я не пью со всякой швалью, — холодно ответила Карен Стил, и все приспешники Рори Колхауна, те, кто не прятался за пределами города, дружно загоготали.

— Что-то мы сегодня не в духе, — проворковал Рори Колхаун под гогот своей банды.

— Хочешь «Доритос»*, Питер? — спросил Тэк голосом Лукаса Маккейна из телесериала «Стрелок».

Питер Джексон, сидящий в кресле перед телевизором, не ответил. Он широко улыбался. Тени с экрана бегали по его лицу, иногда превращая улыбку в безмолвный крик, но он улыбался, будьте уверены.

— Надо ему дать немного, все так, па. — Теперь Тэк имитировал голос Джонни Кроуфорда, который играл сына Лукаса. — Палочки вкусные. Берите, мистер Джексон, не отказывайтесь.

Мальчик зажал несколько палочек в грязной руке и помахал ими перед лицом Питера Джексона. Питер ничего не замечал. Он смотрел на телевизор, сквозь телевизор, глаза его пучились, как у глубоководной рыбы, внезапно поднятой на поверхность. И он улыбался.

— Вроде бы он не голоден, па.

— Думаю, что голоден, сынок. Голоден как волк. Ты голоден, не так ли, Пит? Ему просто надо помочь, ничего больше. *Так бери эти чертовы палочки!*

В комнате послышалось мерное гудение. По экрану, где Рори Колхаун как раз пытался поцеловать Карен Стил, побежали помехи. Она ударила его по щеке, шляпа свалилась на пол. Вот тут похотливая улыбка сползла с лица Колхауна. Никому, даже женщинам, не дано права валять его шляпу по полу.

* Хрустящие палочки со вкусом мексиканской тортильи.

Питер взял палочки, но пронес мимо распряленного в улыбке рта и начал тыкать ими в нос, превращая в труху. Часть крошек попала в ноздри. Неестественно выпученные глаза Питера не отрывались от экрана.

— Чуть выше, чем нужно. — Эти слова произнес голос Хосса Картрайта. Хосс был одним из любимчиков Сета до того, как в нем поселился Тэк, а теперь стал одним из любимчиков Тэка. Тут их вкусы совпадали. — Как насчет того, чтобы попробовать еще раз?

Рука Питера опустилась медленно, рывками, словно грузовой лифт. На этот раз палочки попали Питеру в рот, и он начал их механически жевать. Тэк улыбнулся ему ртом Сета. Демон надеялся (он был не чужд эмоций, пусть и нечеловеческих), что Питеру нравятся «Доритос», так как ничего другого в этой жизни ему уже не есть. Демон высосал из Питера немало жизненных сил, во-первых, чтобы возместить те гигантские затраты энергии, которых потребовала от него вторая половина этого дня, во-вторых, чтобы запасти энергию впрок. Подготовиться к следующему этапу.

Подготовиться к ночи.

Питер жевал и жевал, крошки «Доритос» падали на футболку, на счастливую физиономию мистера Лыбы-Улыбы на ней. Глазные яблоки Питера, которые так далеко вылезли из орбит, что, казалось, лежали на щеках, подрагивали при каждом движении челюстей. Левый глаз, похожий на выжатую виноградину, был поврежден, когда Тэк проник через него в мозг Питера и украл все нужное, но правым глазом Питер все еще видел. Видел достаточно, что-

бы самостоятельно пройти оставшуюся часть пути. А потом ему больше ничего не понадобится.

— Питер! Эй, Питер, ты меня слышишь, старина? — Тэк теперь говорил отрывисто, с интонациями Эндрю Кейза, заведующего кафедрой, на которой работал Питер. Как всегда, имитация голоса удавалась Тэку. Конечно, с голосами героев вестернов или телесериалов дело у него обстояло лучше (сказывалась практика), но и тут получилось неплохо.

А голос начальства всегда творит чудеса, даже с теми, у кого временно не все в порядке с головой. Питер оторвался от телевизора, повернулся, чтобы увидеть не Сета Гейрина в мотокопировских плавках, измазанных кетчупом, а Эндрю Кейза в элегантном пиджаке.

— Я хочу, чтобы ты пересек улицу, старина, и вошел в лесополосу. До дома бабушки идти тебе ни к чему. Только до тропинки. Ты знаешь о тропинке, которая идет по лесополосе?

Питер покачал головой. Его выпирающие глазные яблоки дрожали.

— Не важно, ты ее найдешь. С ней трудно разминуться. Когда ты подойдешь к развилке, можешь сесть рядом со своим... другом.

— Моим другом, — повторил Питер без вопросительной интонации.

— Да, совершенно верно.

В действительности же Питер никогда не встречался с человеком, к которому ему предстояло присоединиться у развилки, и никогда уже не встретится, но объяснять все это Питеру не имело смысла. Во-первых, у него не осталось мозгов, чтобы понять. А во-вторых, жить ему осталось самую малость. Он

умрет, как умер Херб Уайлер. Умрет, как умер мужчина с тележкой, тот самый, с кем Питеру предстояло вскорости встретиться.

— Мой друг, — вновь повторил Питер, уже более уверенно.

— Точно. — Заведующий кафедрой английского языка исчез, уступив место Джону Пэйну, пытающемуся уподобиться Гэри Куперу*. — Ползком ты доберешься туда вернее всего, партнер.

— Вниз по тропе до развилки.

— Именно так.

Питер поднялся на ноги, словно старая заводная игрушка, у которой заржавели шарниры и шестеренки. Его глазные яблоки подрагивали в серебряном отсвете телевизионного экрана.

— Лучше добираться туда ползком. А у развилки я могу сесть рядом с моим другом.

— Да, сэр, этого мы от тебя и ждем. — Это уже был похотливо-насмешливый голос Рори Колхауна. — Отличный он парень, твой приятель. Можно сказать, с него все и началось. Он запалил фитиль. А теперь трогай, партнер. Счастливого тебе пути, до новой встречи.

Питер миновал арку, даже не глянув единственным зрячим глазом на Одри, которая полулежала в кресле с чуть приоткрытыми глазами, пребывая то ли в трансе, то ли в коме. Дышала она медленно и равномерно. Ее ноги, длинные, красивые ноги (они, собственно, и привлекли внимание Херба, когда Одри Уайлер еще была Одри Гейрин) вытянулись

* Знаменитый голливудский актер Гэри Купер среди прочего создал в вестернах классический образ шерифа, на который равнялись прочие исполнители аналогичных ролей, в том числе и Джон Пэйн.

поперек комнаты, и Питер чуть не споткнулся об них, шагая, как лунатик, к входной двери. Когда он открыл дверь и свет заходящего солнца упал на его лицо, застывшая улыбка стала куда больше похожа на молчаливый крик.

Питер уже направлялся к тротуару, залитый красным светом, пробивающимся сквозь столб дыма, который поднимался над догорающим домом Хобарта, когда в его голове зазвучал голос Рори Колхауна: *Закрывай за собой дверь, партнер, или ты родился в амбаре?*

Питер скривился, но вернулся и исполнил то, что ему приказали. Закрыв гладкую, целехонькую дверь, единственную дверь в квартале, которая не была пробита пулями. Затем он вновь скорчил рожу, чуть не свалился с крыльца и направился к собственному дому. Сейчас он пройдет по подъездной дорожке и окажется во дворе. Потом останется перелезть через низкий сетчатый заборчик, отделяющий двор от лесополосы. Найти тропу. Найти развилку. Сесть рядом с другом.

Питер переступил через распростертое тело жены, застыл, услышав дикий вой, прорезавший жаркий, дымный воздух. *Ув-в, ув-в, ув-в-у-у-у...* У него по коже побежали мурашки. Что делает койот в Огайо? На окраине Колум...

Лучше всего ползком, партнер. Шевелись, времени у тебя мало.

Тело пронзила резкая боль. Питер застонал. Кровь брызнула из раны в глазу и потекла по щеке.

Он двинулся дальше, а когда вой повторился, когда к первому койоту присоединились второй, третий, четвертый, Питер уже не отреагировал. Он думал только о тропе, развилке, друге. Так в последний

раз проверил мозг Питера (сделал он это быстро, проверять было почти нечего) и ретировался.

Теперь оставались только он и женщина. Вроде бы демон знал, почему он сохраняет ей жизнь, живет же некая птичка в пасти крокодила. И бояться ей нечего, потому что она чистит крокодилу зубы. Но, с другой стороны, Тэк не собирался держать при себе женщину так долго. В определенном смысле мальчик был удачным хозяином, возможно, единственным хозяином, с которым мог ужиться Тэк, однако детское тело не могло сделать то, чего так хотелось Тэку. Он мог одевать женщину как ему хочется и заставлять ее красить волосы, мог раздевать догола, заставлять щипать соски и делать многое другое, если бы возникало такое желание. Но желания не возникало. Тэку хотелось совокупиться с женщиной, но сделать это он никак не мог. Впрочем, демон чувствовал, что контакт возможен, несмотря на физиологическую незрелость хозяина... но Сет по-прежнему пребывал в своем мозгу, и Сет этого не допускал. Тэк мог бы схлестнуться с мальчиком и наверняка вышел бы победителем, но он полагал, что пока лучше воздержаться от стычки. Демон после тысячелетнего заключения вырвался из черной дыры, погребенной под песками Невады, не для того, чтобы трахаться с женщиной, которая гораздо моложе Тэка, но старше тела его хозяина.

Тогда для чего он вырвался?

Ну... чтобы поразвлечься. И...

Смотреть телевизор, прошептал далекий голос. Смотреть телевизор, есть спагетти и творить. Строить.

— Ты хочешь арестовать меня, шериф? — спросил Рори Колхаун, и взгляд Тэка вернулся на экран

телевизора. Возможно, в лесополосе есть кто-то еще. Он мог бы в этом убедиться, но зачем? Пусть гуляют по лесополосе, если им этого хочется. Куда они денутся? Все равно вернутся по домам. Идти-то некуда. А он пока побережет энергию. Расслабится, посмотрит кино. Потому что скоро наступит ночь.

— Почему бы нам просто не поговорить? — спросил Джон Пэйн, и Тэк с Сетом вновь соединились. Вестерны, а этот вестерн особенно, всегда их объединяли. Тэк наклонился вперед, не отрывая глаз от экрана, взял со стола миску со спагетти и порубленным на куски гамбургером и начал есть, не замечая, что кусочки мяса иной раз вываливаются из рта на голую грудь, а потом падают на колени. До развязки оставалось совсем немного, и Тэк позволил себе раствориться в черно-белых образах, впитывая атмосферу насилия, наэлектризованную, как воздух перед грозой.

Сет Гейрин воспользовался этим, чтобы отделаться от Тэка с осторожностью Мальчика с пальчик, крадущегося мимо спящего великана. Сет глянул на экран и безо всякого удивления обнаружил, что «Регуляторы» ему больше не нравятся. Затем он повернулся, нашел один из тайных коридоров, которые прорыл после того, как Тэк поселился в его мозгу, и исчез в нем. Ушел в глубины собственного разума. Сначала шел, потом побежал. Он понимал этот мир ничуть не больше того, что окружал его, но мир этот был у него единственный.

«РЕГУЛЯТОРЫ», отрывок из сценария Крейга Гудца и Квентина Вулрича:

ЭКСТЕРЬЕР. ГЛАВНАЯ УЛИЦА, ДЕНЬ.

ШЕРИФ СТРИТЕР наблюдает, как его ПОМОЩНИК ЛЕЙН рывком поднимает КЭНДИ на ноги. Позади них здание, в котором расположена китайская прачечная Лушана. Несколько китайцев, сгрудившихся в двери, также наблюдают за происходящим.

КЭНДИ.

Чего тарашитесь, чинки?

На этот раз они не уходят.

КИТАЕЦ-РАБОЧИЙ.

На тебя! Твоя одесда нусдается в стийке, мо-
сес мне повеить.

Другие КИТАЙЦЫ смеются. Даже СТРИТЕР улыбается. КЭНДИ совершенно ошарашен. Он до сих пор не может поверить, что СТРИТЕР избил его среди бела дня, что эти чинки смеются над ним, не может поверить, что такое могло с ним произойти.

СТРИТЕР.

Принимайтесь за работу,
парни, нечего торчать
у двери.

КИТАЙЦЫ уходят, но тут же появляются в окнах.

СТРИТЕР (ЛЕЙНУ) .

Убедись, что шляпа при нем, Джош. Негоже нам отправлять его в тюрьму без шляпы.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЦЕНЫ.

Улыбаясь, ЛЕЙН поднимает с земли широкополую шляпу КЭНДИ, которая свалилась с головы бандита, когда СТРИТЕР перебросил его через бревно коновязи. Улыбка становится еще шире, когда ЛЕЙН нахлобучивает шляпу на голову побежденного врага. Поднимается облако пыли.

ЛЕЙН.

Пошли, капитан. Я приготовил тебе самую лучшую палатку во всем лагере. Сам в этом убедисься.

Он толкает КЭНДИ в сторону тюрьмы. ШЕРИФ СТРИТЕР с усмешкой наблюдает за ними и поначалу не видит, как раскрываются двери салуна «Леди Дэй» и на тротуар выходит МАЙОР МЕРДОК. Впервые привычная улыбка сползает с лица МАЙОРА.

МЕРДОК.

Вы думаете, шериф, что решите все свои пробле-

мы, посадив Кэнди в тюрьму?

СТРИТЕР *поворачивается к нему*. МАЙОР *откидывает полу запыленного камзола, высвобождая рукоятку армейского «кольта»*.

СТРИТЕР *(с улыбкой)*.

Возможно, я только что арестовал первого призрака. А где прячутся остальные регуляторы? В Десатойя-каньоне? В Скейт-Роке? Может, скажете?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЦЕНЫ.

МАЙОР МЕРДОК.

Да вы сошли с ума!

СТРИТЕР. Неужели? Ну с этим мы еще разберемся. Я готов предположить, что сегодня ночью призраки по городу разъезжать не будут, потому что капитан Кэнделл не сможет снабдить их простынями.

По-прежнему улыбаясь, СТРИТЕР поворачивается к тюрьме.

МЕРДОК.

Допустим, я скажу вам, что регуляторы гораздо ближе, чем Десатойя-каньон или Скейт-Рок. Допустим, я скажу, что они затаились у самой окраины города, дожидаясь первого выстрела. Как тебе это понравится, чертов янки?

СТРИТЕР.

Думаю, очень даже понравится.

Он смотрит вверх, всовывает два пальца в рот и свистит.

ЭКСТЕРЬЕР. КРЫШИ ДОМОВ ГЛАВНОЙ УЛИЦЫ.

Из-за каждой трубы, вывески, ложного фасада начинают появляться ЛЮДИ. Ранее перепуганные горожане, теперь суровые мужчины, все с ружьями. Они и на китайской прачечной Лушана, и на окружной лавке Оула, и на продуктовом магазине Уоррелла, и даже на похоронном бюро Крейвена. Среди них мы видим ПРЕПОДОБНОГО ЙОМЕНА и АДВОКАТА БРЭДЛИ. ЙОМЕН, не считающий более регуляторов сверхъестественными существами, призванными наказывать город за его грехи, поднимает руку, приветствуя шерифа.

ВНОВЬ ГЛАВНАЯ УЛИЦА, СТРИТЕР И МЕРДОК.

СТРИТЕР салютует ЙОМЕНУ, потом поворачивается к МЕРДОКУ, на лице которого написаны ярость и замешательство. Опасная комбинация!

СТРИТЕР.

Что ж, приводите их в город, если вам того хочется.

Лицо МЕРДОКА каменеет. Он опускает руку, пока та не зависает над рукояткой «кольта». Никто из них не видит ЛАУРУ, вышедшую следом за МЕРДОКОМ из салуна. На ней сверкающее платье. В руке «дерринджер».*

МЕРДОК.

Ты хочешь арестовать меня, шериф?

СТРИТЕР.

Почему бы нам просто не поговорить? Все обсудить?

Но он знает, что уже поздно, они с МЕРДОКОМ зашли слишком далеко. Поэтому и рука СТРИТЕРА зависает над рукояткой его револьвера.

* Короткоствольный крупнокалиберный карманный пистолет. Появился во время Гражданской войны. Назван по фамилии изобретателя.

МЕРДОК.

Время для разговоров
прошло, шериф.

СТРИТЕР.

Тогда пусть будет по-вашему.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЦЕНЫ.

МЕРДОК.

Ты мог бы отойти в сторону, тогда мы обойдемся без лишних жертв.

СТРИТЕР.

В здешних местах так не делается. Мы... *(Замечает ЛАУРУ.)*

СТРИТЕР.

Лаура, нет!

Он отвлекся только на секунду, но МЕРДОКУ этого оказалось достаточно, чтобы выхватить револьвер. ЛАУРА бросается между ними, наставляя «дерринджер» на МЕРДОКА. Она нажимает на спусковой крючок. Сухой щелчок. Осечка! Долю секунды спустя МЕРДОК стреляет из армейского «кольта», и пуля, предназначенная СТРИТЕРУ, попадает в ЛАУРУ. Она валится на землю.

ЭКСТЕРЬЕР. КРЫШИ.

ГОРОЖАНЕ *поднимают ружья, готовые от-
крыть огонь.*

ВНОВЬ ГЛАВНАЯ УЛИЦА ПЕРЕД САЛУНОМ.

МЕРДОК *видит, что сейчас произойдет, и ны-
ряет в относительную безопасность салуна
«Леди Дэй». СТРИТЕР бросается за ним, пару
раз стреляет, потом возвращается к ЛАУРЕ
и опускается рядом с ней на колени.*

ВНОВЬ КРЫШИ.

ФЛИП МОРАН, *трактирщик, нажимает на
спусковой крючок. Еще два выстрела, к сча-
стью, только два.*

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЦЕНЫ.

ГЛАВНАЯ УЛИЦА ПЕРЕД САЛУНОМ.

*Пуля отлетает от одной дверцы, выбивая
щепки.*

СТРИТЕР.

Не стреляйте, он сбежал!

КРЫШИ ДОМОВ.

*Мужчины опускают ружья. На лице ФЛИПА
МОРАНА читается стыд за собственную то-
ропливость.*

СТРИТЕР И ЛАУРА КРУПНЫМ ПЛАНОМ.

Железная броня ШЕРИФА временно пробита. Он смотрит на УМИРАЮЩЮЮ ТАНЦОВЩИЦУ и понимает, что любит ее.

СТРИТЕР.

Лаура!

ЛАУРА (кашляя).

Осечка... ты всегда говорил... никогда не доверяй... маленьким пистолетам...

Она заходится в кашле.

СТРИТЕР.

Ничего не говори. Я пошлю Джо Прудума за док...

ЛАУРА (кашляя).

Слишком... слишком поздно. Просто обними меня.

СТРИТЕР подчиняется. ЛАУРА смотрит на него.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЦЕНЫ.

ЛАУРА.

Шериф!.. Ты плачешь?

ЭКСТЕРЬЕР. ЧЕРНЫЙ ХОД САЛУНА «ЛЕДИ ДЭЙ».

Выскакивает МЕРДОК. Сержант МАТИС все еще там, с лошадьми.

СЕРЖАНТ. Что случилось?
Я слышал стрельбу.

МЕРДОК (*вскакивая на лошадь*).
Не важно. Пора ехать за
парнями.

СЕРЖАНТ.
Вы думаете...

Внезапно безумие МЕРДОКА прорывается наружу. Глаза сверкают, зубы обнажаются в зверином оскале. Это улыбка загнанного в угол животного.

МЕРДОК.
Мы сотрем этот город
с лица земли!

Они разворачивают лошадей и скачут туда, где их ожидают остальные регуляторы.

Глава 9

1

Стиву и Колли перелезть через заборчик в дальнем конце двора Старины Дока не пришлось. Там имелась калитка, которой они и воспользовались, предварительно освободив ее от вьюна. До того как попасть на тропу, они лишь дважды нарушили тишину. Первый раз заговорил Стив. Посмотрев на разлапистые, с густой кроной деревья, с листьев которых обильно капала вода, он спросил:

— Это тополя?

Колли, который как раз в этот момент обходил шипастый куст, оглянулся:

— Что?

— Эти деревья называются тополями? Мы же на Тополиной улице, вот я и подумал, что это тополя.

— Понятно. — Колли с сомнением оглядел деревья, перебросил «ремингтон» из правой руки в левую и вытер со лба пот. Что-то в лесополосе жарковато. — Не знаю. Может, тополя, а может, сосны или чертовы эвкалипты. Честно скажу, в ботанике я не силен. Вот это вот береза, — он указал на деревце с тонким стволом, — а больше я ничего не знаю.

Колли повернулся и двинулся дальше.

Пять минут спустя, когда Стив уже начал сомневаться, а есть ли в лесополосе тропа, Колли остановился, повернулся, уставился на что-то за спиной Стива. Тот, естественно, не мог не обернуться: хотелось знать, куда смотрит Колли. Но он не увидел ничего, кроме зелени. Ни дома Старины Дока, ни дома Джексонов. Разве что крошечную красную точку. Стив решил, что это верхушка трубы дома Карверов.

Они словно оказались в сотне миль от ближайшего человеческого поселения. От этой мысли по спине Стива пробежал холодок.

— В чем дело? — поинтересовался он, думая, что коп сейчас спросит, почему они не слышат шума проносющихся по трассе автомобилей, криков детей и музыки из открытого окна какого-нибудь дома. Почему вообще так тихо. Но услышал другое:

— Темнеет.

— Не может быть. Сейчас только... — Стив посмотрел на часы, но они остановились. Наверное, села батарейка. Стив ни разу не менял ее с тех пор, как сестра подарила ему эти часы на Рождество пару лет назад. Почему только они остановились в самом начале пятого, сразу после того, как он прибыл на эту «чудесную» улицу?

— Сколько?

— Точно сказать не могу, часы остановились, но сейчас примерно половина шестого, максимум шесть часов. А может, и меньше. Не зря же говорят, будто в кризисной ситуации кажется, что время идет быстрее.

— Я не знаю, кто это говорит, — ответил Колли, — но посмотри на небо. Какого оно цвета?

Стив посмотрел и понял, что коп знает, о чем говорит. Свет пробивался сквозь облака кроваво-красными пиками. Красный закат — к жаркому дню, подумал Стив, и внезапно все случившееся навалилось на него, смяло и раздавило. Он поднял руки, закрыл ими глаза, шваркнув себя при этом прикладом по голове, чувствуя, что его мочевого пузыря сейчас даст течь и он надует в штаны. Но на это, впрочем, ему было совершенно наплевать. Его качнуло вперед, потом бросило назад. Откуда-то издалека до него до-

несся голос Колли Энтрегьяна, спрашивающий, что с ним. Невероятным усилием воли Стив заставил себя ответить, что он в полном порядке, оторвать руки от глаз и вновь посмотреть в этот дьявольский красный свет.

— Позволь задать тебе личный вопрос. — Стив не узнавал свой голос. — Ты боишься?

— Очень. — Коп-здоровяк смахнул со лба пот. Действительно, в лесополосе было очень жарко, и, несмотря на капающую с листьев воду, Стиву показалось, что жара эта очень сухая, а не влажная, какой она должна быть в залитом дождем лесу. И запахи. Тоже сухие. Какие-то египетские. — Но не будем терять надежду. Думаю, я вижу тропу.

И точно, меньше чем через минуту они вышли на нее, и Стив с тихой радостью находил на тропе все больше свидетельств того, что использовали ее особи хорошо известной ему породы: пакетик от картофельных чипсов, обертка от набора фотографий бейсболистов, пара батареек для плеера, вырезанные на стволе дерева инициалы.

Но кое-что его, мягко говоря, не порадовало. По другую сторону тропы он заметил густо-зеленое растение с торчащими во все стороны отростками, потом еще два таких же растения. Они напоминали многоруких полицейских.

— Святое дерьмо, ты это видишь? — спросил Стив.

Колли кивнул:

— Похоже на кактусы. Но они какие-то странные.

Точно, подумал Стив, только не странные, а упрощенные. Словно женщины, какими их рисовал Пикассо, когда увлекался кубизмом. Эта упро-

щенность чем-то напоминала птицу с разными крыльями.

Как говорил Старина Док, эта птица только похожа на стервятника, словно ее рисовал ребенок.

В голове Стива начала оформляться некая идея. Отрывочные сведения постепенно складывались в общую картину. Фургоны, совсем как в детском субботнем мультсериале. Птица. Теперь эти кактусы, словно нарисованные первоклассником.

Колли подошел к ближайшему растению и осторожно протянул к нему руку.

— Не надо, ты с ума сошел? — крикнул Стив.

Колли проигнорировал предупреждение. Его палец еще больше сблизился с кактусом. Потом...

— Ой! Твою мать!

Стив аж подпрыгнул. А Колли отдернул руку и уставился на свой палец, словно мальчишка — на новую царапину. Потом он повернулся к Стиву и показал ему руку с аккуратной капелькой крови на подушечке указательного пальца.

— Они действительно колючие. Во всяком случае, этот.

— Естественно. А если он ядовитый?

Колли пожал плечами, как бы говоря, что после драки кулаками не машут, и двинулся по тропе. На юг, к Гиацинтовой улице. Красно-оранжевый солнечный свет падал сквозь листву справа, так что заблудиться они никак не могли. Шагали они вниз по склону. С восточной стороны тропы бесформенные кактусы встречались им все чаще. Кое-где числом они превосходили деревья. Кусты редели, и не без причины: менялась почва, она становилась более серой, песчаной, напоминая...

Едкий пот заливал Стиву глаза. Он смахивал его рукой. Как жарко, какой резкий красный свет. У него засосало под ложечкой.

— Смотри, — показал вперед Колли. В двадцати ярдах от них еще одна кактусовая роща охраняла развилку. Перед кактусами валялась перевернутая тележка, в каких развозят товары. В умирающем свете металлические прутья бортов казались кроваво-красными, словно залитыми кровью.

Колли побежал к развилке. Стив поспешил за ним, не желая оставаться в одиночестве. Едва Колли добежал до тележки, как воздух наполнил странный, жутковатый вой: «У-в-в-о-о-о! У-в-в-о-о-о! Ув-ув-в-в-о-о-о!» Короткая пауза, и вновь вой, с разных сторон, все более громкий, отчего кожа Стива покрылась мурашками. Здесь, в кустах, мог прятаться кто угодно. А уж с наступлением темноты Стиву совсем не хотелось встречаться с призраками или с разным зверьем.

— Господи! — вырвалось у Колли.

Стив подумал, что это восклицание относится к койотам, воющим где-то к востоку, там, где должны были стоять дома, магазины и закусочные «Макбургер», но коп смотрел не на восток, а вниз. Стив опустил глаза и увидел мужчину, сидящего рядом с перевернутой тележкой. Наколотого спиной на шипы кактуса, словно оставленного на развилке для того, чтобы они его нашли.

Ув-ув-ув-в-о-о-о...

Инстинктивно Стив протянул руку, нащупал пальцы копа. Колли тут же крепко сжал его руку.

— Черт, я же видел этого парня, — прошептал коп.

— С чего ты так решил?

— Его одежда. Тележка. Этим летом он два или три раза появлялся на нашей улице. Если б я увидел его снова, то предупредил бы, что делать ему тут нечего. Возможно, вреда от него никакого, но...

— Но что? — Стиву приходилось бродяжничать, и он не видел в этом ничего ужасного. — Что плохого мог сделать этот парень? Стибрить у кого-то дорогую картину? Или выцыганить у Содерсона стакан спиртного?

Колли пожал плечами.

Он все смотрел на мужчину, пришпиленного к кактусу. Брюки цвета хаки в заплатах, футболка, еще более старая, чем та, что Биллингсли нашел для Колли, и к тому же грязная, кроссовки, перетянутые изоляционной лентой. Одежда бродяги. И вещи, вывалившиеся из тележки, говорили о том же: пара старых сандалий, кусок веревки, кукла Барби, синий пиджак с вышитой на спине надписью «БУКИ ЛЕЙНЗ», ополовиненная бутылка вина, портативный радиоприемник, каких уже лет десять не изготавливали. Пластмассовый корпус склеен эпоксидкой. Около дюжины пластиковых мешков, аккуратно сложенных и перевязанных бечевкой.

Мертвый бродяга посреди лесополосы. Но как он умер! Его глаза вывалились из орбит и свисали на щеки на усохших оптических нервах. Глазные яблоки лопнули и съжились, словно сила, которая вышибла их из орбит, еще и раздавила их. Кровь из носа запеклась на губах и тронутой сединой щетине на подбородке. Кровь, однако, не залила бродяге рот, о чем Стив мог только пожалеть. Потому что этот рот застыл в широченной глупой улыбке. Уголки рта бродяги поднялись чуть ли не до мочек ушей. Некая сила

загнала его в кактусовые заросли и убила, вывалив глаза на щеки. И эта же сила оставила его улыбающимся во весь рот.

Колли сжимал руку Стива все сильнее. У него даже заныли пальцы.

— Может,пустишь? — взмолился Стив. — А не то...

Он посмотрел вдоль тропы, уходящей от развилки на восток, той тропы, что могла привести их на Андерсон-авеню, где они попытались бы найти подмогу. Десять ярдов, и растительность резко обрывалась, выводя тропу в ночную пустыню. Стивен даже не подумал о том, что такой пустыни просто быть не может в Огайо. Не подумал потому, что перед ним открылся ландшафт, которого он не видел никогда в жизни, даже в кошмарном сне.

Широкая равнина уходила к горам, вершины которых более всего напоминали зубья пилы. Однотонные, без расселин, без выступов. Черные горы, нарисованные ребенком.

Сама тропа не исчезала, а расширялась, превращаясь в дорогу, какие бывают в рисованных мультфильмах. Слева от нее валялась наполовину ушедшая в песок телега. За телегой виднелась низина, где уже царствовала ночь. Справа стоял столб с прибитой к нему доской. Черные буквы выцвели, но Стив прочитал надпись:

В ПОНДЕРОЗУ

На столбе красовался коровий череп, такой же бесформенный, как и кактус. Сама дорога чем-то напоминала Стиву афиши фильма «Близкие контакты третьей степени». В небе над горами уже сияли не-

вероятно крупные звезды. Они не мерцали, а мигали, как рождественская гирлянда. Вновь поднялся вой, на этот раз были не три или четыре койота, а целая стая. Койотов Стив не увидел. Только белесая пустыня, зеленые пятна кактусов, дорога, телега, низина и нарисованные горы на горизонте.

— Что это такое? — прошептал Колли.

Прежде чем Стив успел ответить, что это фантазия какого-то ребенка, из низины послышалось низкое рычание. Словно (Стиву, во всяком случае, так показалось) заработал мощный двигатель речного катера. Потом в тени вспыхнули два зеленых глаза. Стив отступил на шаг, во рту у него пересохло. Он поднял «моссберг» к плечу, но руки его не слушались, да и винтовка скорее напоминала игрушку. Глаза (они плавали в темноте, словно глаза в темной комнате из мультфильма) размерами не уступали футбольному мячу, и Стиву не хотелось даже думать о том, какому животному они могли принадлежать.

— Сумеет ли его убить? — обратился он к Колли. — Если оно бросится на нас, как ты думаешь...

— Оглянись! — оборвал его Колли. — Посмотри, что происходит!

Стив посмотрел. Зеленый мир отступал от них, а пустыня наступала. Трава под ногами сначала бледнела, словно что-то высасывало из нее хлорофилл, потом исчезала. Затем из черной земли уходила влага, она выцветала и крошилась гранулами. Бусинками. Почва замещалась мириадами бусинок. Справа деревья трансформировались на глазах. Стволы зеленели и обрастали шипами. Ветви сливались воедино, превращаясь в отростки кактусов.

— Знаешь, по-моему, нам пора сматываться отсюда, — прошептал Колли.

Стив не ответил: вместо языка заговорили ноги. Мгновение спустя они уже бежали по тропе к тому месту, где вышли на нее. Поначалу Стив думал только о том, как бы уберечь глаза от ветвей и не пробежать мимо пары батареек, лежащих там, где им следовало поворачивать к дому Биллингсли. А потом он вновь услышал рычание, и мысли о таких пустяках канули в небытие. Рычание приближалось. Тварь из низины, тварь, которой принадлежали эти огромные зеленые глаза, следовала за ними. Черт, она преследовала их. И догоняла.

2

Питер Джексон медленно повернулся на звук выстрела. Он понял (насколько был еще способен понимать), что стоит в углу двора и смотрит (насколько он еще мог куда-то смотреть) на столик. На столике лежали книги и журналы, многие с розовыми закладками. Питер работал над статьей «Джеймс Дики и новая южная реальность», полагая, что она должна поднять высокую волну в тихом академическом пруду. После публикации этой статьи он ожидал приглашения в дискуссионные клубы других колледжей. Причем с оплатой всех расходов (конечно, в разумных пределах). Как он об этом мечтал! И какими далекими и никчемными казались ему теперь эти мечты. Как этот выстрел в лесу и последовавший за ним крик. Как рычание... словно тигр удрал из зоопарка и спрятался в лесополосе. Мелко все это, ничтожно. Потому что главное сейчас...

— Найти моего друга, — сказал себе Питер. — Добраться до развилки и сесть рядом с моим другом. Лучше всего... добираться туда ползком.

Питер пересек двор по диагонали, по пути задев столик бедром. Несколько книг и журнал «Поэзия Джорджии» свалились со столика и упали на землю, но Питер даже не посмотрел в их сторону. Его слабеющий взгляд не отрывался от зеленой лесополосы, окаймляющей с востока Тополиную улицу. А «новая южная готика» Питера уже нисколько не интересовала.

3

Когда это произошло, Джэн говорила не о Рэе Соумсе. Она вопрошала, почему Бог создал мир, в котором тебя должны целовать и лапать мужчины с грязными коленками, которые моют голову четыре раза в месяц. А то и реже. Разумеется, она имела в виду Рэя, только опускала имя.

И впервые с тех пор, как Одри нашла здесь убежище, она почувствовала, как ее разбирает злость, свидетельствующая о том, что нежная дружба начинает давать трещины. Одри больше не желала выслушивать бесконечные рассуждения Джэн об ее отношениях с Соумсом.

Одри стояла у входа в беседку, смотрела на луг, вслушивалась в жужжание пчел и гадала, а что она здесь, собственно, делает. Люди нуждались в ее помощи, люди, которых она знала, более того, питала к ним симпатию. Часть ее, та, которая умела убеждать, твердила, что не стоит о них и думать, поскольку этих людей отделяют от нее четыреста миль

и четырнадцать лет, только Одри понимала: это ложь. Убедительная, но ложь. Вот луг этот — иллюзия. Луга этого в реальности не существует.

Но я должна побыть здесь, подумала она. Должна.

Возможно, но обсасывание любви-ненависти, испытываемой Джэн к Соумсу, внезапно до смерти ей наскучило. Одри ужасно хотелось развернуться на каблуках и бросить: *Слушай, не пора ли тебе перестать скулить и бросить его? Ты молода, красива, у тебя прекрасная фигура. Я уверена, ты найдешь мужчину с чистыми волосами и вымытыми частями тела, к которым ты равнодушна.*

Если б она сказала такое Джэн, ее бы точно унесло отсюда, как унесло из райского сада Адама и Еву, когда они слопали яблоко, которое не следовало трогать. Однако ее исчезновение не меняло главного. А если она сможет промолчать и позволит Джэн стрекотать и дальше, на что она переключится? В сто пятидесятый раз скажет, что, хотя Пол — самый красивый из «Битлз», она могла бы переспать только с Джоном? Словно группа «Битлз» не распалась, а Джона не убили.

Но прежде чем Одри успела что-то сказать или сделать, новый звук вторгся в уютный мир весеннего луга, где тишину нарушали лишь жужжание пчел, стрекотание кузнечиков в траве да говорок двух молодых женщин. Дребезжащий звук, похожий на звон колокольчика, с помощью которого в стародавние времена учительница созывала детей в классы после перемены.

Одри повернулась, поскольку больше не слышала голоса Джэн. Но удивляться тут было нечего: Джэн исчезла. А на дощатом столике, изрезанном инициа-

лами с датами, восходящими чуть ли не к Первой мировой войне, звонил телефон Тэка.

Звонил в первый раз.

Одри медленно подошла к столику (хватило трех шажков) и с гулко бьющимся сердцем посмотрела на телефон. Часть ее требовала, чтобы она не брала трубку, потому что звонок этот мог означать только одно: демон, поселившийся в теле Сета, нашел ее. Но что ей оставалось делать?

Беги, холодно предложил голос, возможно, голос ее собственного демона. Беги из этого мира, Одри. Вниз по холму, распуская бабочек, через каменную стену, к дороге на другой стороне. Она ведет в Нью-Полтц, эта дорога, и не важно, что тебе придется шагать весь день и ты натрешь мозоли на ногах. Нью-Полтц — студенческий городок, и где-нибудь на Главной улице тебе встретится витрина с табличкой «ТРЕБУЕТСЯ ОФИЦИАНТКА». Оттуда ты и сможешь начать свой путь наверх. Беги. Ты молода, тебе чуть больше двадцати, здоровье у тебя крепкое, ты привлекательна, этот кошмар даже не начинался.

Одри не могла этого сделать... или могла? В конце концов, все это иллюзия. Убежище, существующее только в ее сознании.

Звонок, звонок, звонок.

Звонки были тихие, но требовательные. «Сними трубку, — словно говорили они. — Сними трубку, Одри. Сними трубку, партнер. Мы должны скакать в Пондерозу, только на этот раз ты назад не вернешься».

Звонок, звонок, звонок.

Одри наклонилась над столиком, положив руки по обе стороны телефонного аппарата. Она почувствовала под ладонями сухое дерево, ощутила поду-

шечками пальцев вырезанные инициалы и поняла, что если она поранит кожу в этом мире, то вернется в другой мир с царапиной. Потому что этот мир тоже был реальностью, и она знала, кто его создал. Сет подарил ей это убежище, теперь в этом отпали последние сомнения. Он сотворил этот мир из ее лучших воспоминаний, заветных желаний, сладких снов. Здесь Одри могла укрыться, когда подступало безумие. А если иллюзия начала расползаться, как истертый ковер, то вины Сета в этом не было.

И она не могла оставить его одного. Не могла!

Одри схватила трубку. Маленькую, игрушечную, но Одри не обратила на это никакого внимания.

— Не смей его мучить! — прокричала она. — Не смей его мучить, чудовище! Если ты должен кого-то мучить, возмись...

— Тетя Одри! — Это, несомненно, был голос Сета, но он изменился. Ни заикания, ни поиска нужного слова, ни глотания звуков. Однако голос был испуганный, на грани паники. — Тетя Одри, слушай меня!

— Я слушаю! Говори!

— Возвращайся назад! Сейчас ты можешь уйти из дома! Можешь убежать! Так в лесу... но космофуры скоро появятся вновь! Ты должна убежать до их приезда!

— А как же ты?

— Со мной ничего не случится, — ответил телефон-голос, и Одри показалось, что она уловила в нем фальшь. Во всяком случае, неуверенность. — Ты должна добраться до остальных. Но прежде чем ты уйдешь...

Она внимательно выслушала все, что от нее хотел Сет, и с трудом подавила желание рассмеяться:

как же она не подумала об этом раньше? Это же так просто! Но...

— А ты сможешь спрятаться от Тэка? — спросила она.

— Да. Но тебе надо спешить!

— Что нам делать? Даже если я доберусь до остальных, что мы можем...

— Сейчас объяснять нет времени. Ты должна довериться мне, тетя Одри! Возвращайся сейчас же и верь мне! Возвращайся! ВОЗВРАЩАЙСЯ!

Последнее слово он прокричал так громко, что Одри оторвала трубку от уха и отступила назад. При этом она потеряла ориентацию, упала и ударилась головой об пол. Ковер ослабил удар, но из глаз все равно посыпались искры. Одри села, вдыхая запах гамбургеров и затхлости, какой бывает в доме, больше года не знавшем настоящей уборки. Она посмотрела на кресло, с которого свалилась, потом на телефонную трубку, зажатую в руке. Должно быть, трубку она сдернула с телефонного аппарата на столе в тот самый момент, когда хватала телефон Тэка во сне.

Только это был не сон, не галлюцинация.

Одри поднесла трубку к уху (черную, обычного размера), послушала. Разумеется, никаких гудков. Электричество в доме было, в единственном доме из всего квартала, иначе Тэк не смог бы смотреть телевизор, но с телефоном он разобрался.

Одри посмотрела на арку, ведущую в «берлогу», зная, что она там увидит: Сет в трансе, Тэк отсутствует. Услышала крики, выстрел на другой стороне улицы, окончательно поняла, что сейчас Тэк занят своими делами и она, возможно, сумеет удрать, толь-

ко медлить с этим нельзя. Но если она доберется до остальных, если расскажет все, что знает, если они ей поверят, что они сделают, чтобы вырваться из этого капкана? Что они должны сделать с Сетом, чтобы избавиться от Тэка?

Сет велел мне уходить, подумала Одри. Лучше мне ему довериться. Но сначала...

Сначала надо сделать то, о чем он просил. Сущий пустячок... но многое может измениться. Возможно, изменится все, если ей повезет. Одри поспешила на кухню, игнорируя крики и голоса на другой стороне улицы. Она приняла решение и теперь очень спешила выполнить порученное до того, как Тэк вновь обратит на нее свое внимание.

До того, как пошлет сюда полковника Генри и его друзей.

4

Если что-то идет наперекосяк, то происходит это с пугающей внезапностью. Потом Джонни снова и снова спрашивал себя, какова его доля вины в том, что случилось, но так и не смог прийти к однозначному ответу. Конечно, внимание его рассеивалось, но произошло это до того, как грянул гром.

Он шел следом за близнецами Ридами, пробирающимися к тропе, и думал о своем, потому что мальчики продвигались очень уж медленно, стараясь не задевать листьев и не наступать на сучья. Никто из троицы не подозревал, что в лесополосе они не одни. Когда Джонни и близнецы вошли в нее, Колли и Стив уже достигли тропы и направились к развилке.

Мыслями Джонни вернулся к тому давнему появлению Билла Харриса на Тополиной улице, которое произошло в 1990 году. Билл поначалу удивлялся переезду Джонни в такую глушь, а потом, видя, что тот поселился там осознанно, спросил о причинах. И Джонни Маринвилл, который теперь писал исключительно о приключениях кота-детектива, ответил: «Причина в том, что я еще не хочу умирать, а это означает, что пора становиться своим персональным редактором. Или, если угодно, создать второй вариант Джонни Маринвилла. И я могу это сделать. Во-первых, есть желание, что важно, во-вторых — средства, что необходимо. Ты можешь сказать, будто это всего лишь вторая версия уже сделанного мною. Я переписываю свою жизнь. Леплю ее заново».

А ведь это Терри, первая жена Джонни, подкинула ему эту идею, подсказала, что может стать его последним шансом, хотя Биллу он об этом не сказал. Билл даже не знал, что через пятнадцать лет общения исключительно через адвокатов Джонни и Тереза Маринвилл наладили личный контакт, иногда посылали друг другу письма, но большей частью разговаривали по телефону. Частота их общения возросла с 1988 года, когда Джонни окончательно завязал с выпивкой и наркотиками, во всяком случае, он надеялся, что окончательно. Однако душевного покоя Джонни так и не обрел, что-то ему мешало, давило на него, и весной 1989 года он говорил бывшей жене, которую однажды чуть не проткнул столовым ножом, что его трезвая жизнь лишена смысла. У него нет даже замысла нового романа. Огонь потух, и по утрам он просыпается не только без похмелья, но и без желания сесть за стол и загнать на бумагу те

мысли, что роятся у него в голове. С этим, похоже, покончено. И он готов смириться со своей участью. Не давало покоя другое. Старая жизнь, частью которой были его романы, что-то нашептывала ему из углов и из старенькой пишущей машинки, когда Джонни ее включал. «Я та, кем ты был, — тихонько жужжала машинка, — и кем всегда будешь. Я даже не образ и не твое второе «я», а генный код, сидящий в тебе с самого рождения. Убегй хоть на край света иними номер в последнем отеле в конце самого дальнего коридора, но я буду ждать тебя на столе, когда ты откроешь дверь, я буду жужжать, как всегда жужжала по утрам, когда ты поднимался после тяжелого похмелья, около твоих записей будет стоять банка пива, а в верхнем ящике комода будет лежать понюшка кокаина. Потому что и в конце ты должен оставаться самим собой».

— Ты должен написать детскую книжку, — врывалась в его монолог Терри.

— Какую детскую книжку? Я никогда...

— Разве ты не помнишь Пэта, детектива Китти-Кэта?

Джонни потребовалась минута, но он вспомнил.

— Терри, эту маленькую историю я сочинил для твоего паршивца-племянника, потому что подумал, что у твоей сестры случится нервный срыв, если он не утормо...

— Однако она тебе понравилась, раз ты не поленился ее записать?

— Я не помню, — ответил Джонни, хотя, конечно, помнил.

— Ты знаешь, что записал, и где-то она у тебя лежит, так как ты никогда ничего не выбрасываешь. Я знаю, что ты ее где-нибудь хранишь. В какой-ни-

будь потайной коробочке, возможно, с блеснами для рыбалки.

— Потому что это хорошие блесны, и я не хочу, чтобы их украли, — механически ответил Джонни, думая о том, где же может быть эта маленькая, на восемь или девять машинописных страниц, история. В «Библиотеке Маринвилла» в Фордхэмском университете? Возможно. В доме в Коннектикуте, который когда-то он делил с Терри, где теперь жила Терри и откуда, собственно, она с ним и разговаривала? Тоже возможно. В данный момент его отделяло от этого дома всего десять миль.

— Ты должен найти эту историю, — гнула свое Терри. — История-то получилась. Ты написал ее в то время, когда даже не знал, сколько в тебе было хорошего. — Пауза. — Ты слушаешь?

— Да.

— Я всегда знаю, когда говорю то, что тебе не нравится. Только тогда ты и замолкаешь. Надуваешься.

— Я не надуваюсь.

— Надуваешься, надуваешься. — А потом Терри произнесла самую важную фразу. Напоминание о той глупой истории, которую Джонни написал для ее отвратительного племянша, воплотилось в двадцати миллионах долларов, которые принесли ему тысячи и тысячи книг о приключениях Пэта, но эта фраза значила куда больше, чем баксы или книги. Как тогда, так и теперь. Вроде бы говорила Терри вполне буднично, но слова эти поразили Джонни в самое сердце, словно предсказание дельфийской пророчицы.

— Тебе надо вернуться назад, — произнесла женщина, когда-то Терри Маринвилл, а теперь Терри Олви.

— Что? — переспросил Джонни, вновь обретя дар речи. Он не хотел, чтобы Терри поняла, как потрясли его эти четыре слова. Не хотел, чтобы она знала, какую сохранила над ним власть, несмотря на прошедшие годы. — Что ты хотела этим сказать?

— Надо вернуться в то время, когда тебе было хорошо. Очень хорошо. Я помню того парня. Нормального парня. Не совершенного, но нормального.

— Нельзя вернуться назад, к себе домой, Терри. Ты, должно быть, болела в ту неделю, когда Томаса Вулфа вернули в американскую литературу, и не знаешь, что из этого вышло.

— Слушай, давай обойдемся без банальностей. Для таких игр мы слишком давно знаем друг друга. Ты родился в Коннектикуте, вырос в Коннектикуте, стал знаменитым в Коннектикуте, спился в Коннектикуте. Тебе не надо возвращаться к себе домой, тебе надо уехать из дома.

— Тогда это не возвращение в прошлое, а географическая пилюля, как называем твоё лекарство мы, «Анонимные алкоголики». И оно не помогает.

— Тебе надо вернуться в прошлое духом, а не плотью, — ответила Терри, терпеливо, словно объясняя ребенку очевидные истины. — Да и твоему телу нужна новая территория для прогулок. Опять же, ты больше не пьешь. И не балуешься наркотиками. — Короткая пауза. — Или я ошибаюсь?

— Нет. Ну, может, только героином.

— Ха-ха.

— И куда мне, по-твоему, следует уехать?

— В то место, которое может прийти тебе в голову в последнюю очередь. Акрон или Афганистан, особой разницы нет.

Этот звонок озолотил Терри, потому что доходы от Китти-Кэта Джонни поделит с ней пополам, цент на цент. И этот звонок привел его сюда. Не в Акрон, а в Уэнтворт, процветающий пригород административного центра Огайо. Место, где он никогда не бывал. Нашел его Джонни просто, закрыв глаза и ткнув пальцем в настенную карту Соединенных Штатов. И хотя все вышло, как и предсказывала Терри, Билл Харрис все же пришел в ужас. А вот нынче лирическое времяпрепровождение обернулось...

Глубоко задумавшись, Джонни наткнулся на спину Джима Рида. Парни остановились у самой тропы. Джим поднял револьвер и направил его на юг. Лицо его побледнело.

— Что... — начал Джонни, но Дэйв Рид прикрыл ему рот рукой.

5

Раздался выстрел, потом крик. Это словно послужило сигналом, потому что тут же Мэриэл Содерсон открыла глаза, выгнула спину, с губ ее сорвался долгий, протяжный стон, она задрожала всем телом, а ноги ее забарабанили по полу.

— Док! — крикнула Синтия, бросившись к Мэриэл. — Док!

Гэри подскочил первым. Он вывалился из кухни, благоухая сладким запахом шерри, и наверняка угодил бы коленом в живот жены, если бы Синтия не оттолкнула его.

— Сто сучилось? — спросил Гэри. — Сто с оей еной?

Голова Мэриэл моталась из стороны в сторону. Она ударилась об стену. Фотография Дэйзи, гения математики, сорвалась с гвоздя и упала на грудь Мэриэл. К счастью, стекло не разбилось. Синтия схватила фотографию и отшвырнула в сторону. При этом она увидела, что повязка на культе краснеет на глазах: швы, если не все, то некоторые, разошлись.

— Док! — взвизгнула Синтия.

Биллингсли поспешил к ней. Он стоял у входной двери, загипнотизированный происходящими на его глазах изменениями. Из лесополосы донеслись рычание, крики, новые выстрелы. По меньшей мере два. Гэри глянул в сторону лесополосы, глаза его округлились.

— Сто сучилось? — повторил он.

Мэриэл перестала дрожать всем телом. Шевелились только пальцы, словно женщина хотела сжать их в кулак, потом застыли и они. Глаза слепо уставились в потолок. Из левого скатилась единственная слезинка. Док взял Мэриэл за запястье и попытался нащупать пульс. Его глаза не отрывались от лица Синтии.

— Полагаю, если ты хочешь работать на прежнем месте, тебе понадобится не фартук, а платье для танцев. «Е-зет стоп» теперь салун. «Леди Дэй».

— Она умерла? — спросила Синтия.

— Да. — Старина Док опустил руку Мэриэл на пол. — Думаю, шансов у нее не было. Спасти ее могли хирурги-реаниматоры, а не старый ветеринар с трясушимися руками.

Крики, вопли. Что-то происходило в лесополосе. Кто-то кричал, что его надо остановить, остановить, остановить. Синтию внезапно осенило: Стив,

парень, который уже успел ей понравиться, мертв. Те бандиты, которые стреляли по домам, теперь за-
таились в лесу, и они убили Стива.

— Сто случилось? — в третий раз спросил Гэри.

Ни старик, ни девушка ему не ответили. И хотя Гэри стоял на коленях рядом с женой, он так и не понял, что случилось, пока Старина Док не сдернул с дивана покрывало и не накрыл им тело Мэриэл. Вот тут до Гэри наконец дошло, несмотря на все выпитое. Лицо его сморщилось. Он нашел под покрывалом руку жены, вытащил наружу, поцеловал. Потом прижался к ней щекой и заплакал.

6

Когда Джим Рид увидел быстро приближающиеся тени, от переполнявшего его азарта не осталось и следа. Место его занял ужас. Впервые до него дошло, что идея этой вылазки не из лучших.

Если увидите незнакомцев в лесу, немедленно возвращайтесь. Так велела им мать. Но Джим не мог даже пошевелиться. Он остолбенел. А тут еще это ужасное рычание, рычание хищника. Джим запаниковал. Он не видел Колли Энтрегьяна или Стива Эмеса, когда они появились на тропе. Он видел убийц, которые покинули свои фургоны, чтобы подкрасться к домам через лесополосу. Он не услышал сдавленного крика Джонни, не видел, как Джонни вырывается из рук Дэвида.

— Стреляй, Джимми! — выкрикнул Дэйв. Фальцетом, с дрожью в голосе. — Стреляй, это они!

Джим выстрелил, и один человек, тот, что слева, повалился, схватившись за голову, которая взорва-

лась фонтаном крови, волос, костей. Винтовка полетела в сторону. Кровь хлынула между пальцев, заливая лицо.

— Пристрели второго! — кричал Дэйв. — Пристрели, пока он не прикончил нас!

— Не стреляйте! — закричал второй мужчина, вскидывая руки. В одной он держал винтовку. — Пожалуйста, не убивайте меня!

Но Джим пристрелил бы его. Он уже вскинул револьвер, ничего не слыша, потому что сам орал, всячески обзывая оказавшегося перед ним мужчину: членосос, мерзавец, гомик. Ему хотелось лишь одного: пристрелить его и вернуться к матери. Вместе с Дэйвом. Они допустили чудовищную ошибку, покинув дом.

7

Джонни изо всей силы врезал Дэйву Риду в живот, мускулистый, но не ожидавший удара. Дэйв отшатнулся с удивленным «О-о-о-х», Джонни вырвался и успел вывернуть Джиму руку до того, как тот второй раз нажал на спусковой крючок. Юноша закричал от боли. Пальцы разжались, и револьвер Дэвида Карвера упал на тропу.

— Что вы делаете? — проорал Дэйв. — Он же нас убьет! Вы сошли с ума?

— Твой братец только что подстрелил Колли Энтрегьяна, который живет на нашей улице, — отрезал Джонни. — Так что еще неизвестно, кто из нас сумасшедший. — Да, мальчишка подстрелил Колли, но кто в этом виноват? Джонни ведь пошел с ними. Ему следовало отобрать у них револьвер, как только они

покинули Кэмми Рид с ее деловыми советами. Следовало, но почему он этого не сделал?

— Нет, — прошептал Джим, поворачиваясь к нему и мотая головой. — Нет! — Но его глаза уже все знали, огромные, наполняющиеся слезами.

— Как он здесь оказался? — спросил Дэйв. — Почему не предупредил нас...

Низкое рычание, не прерывавшееся ни на секунду, перешло в рев. Мужчина, который остался невредимым благодаря вмешательству Джонни, водитель взятого напрокат грузовика, повернулся навстречу этому реву, инстинктивно подняв руки. Винтовка казалась совсем маленькой. С такой охотятся на воробьев, а не на крупную дичь.

Тварь, которая гналась за Колли и Стивом, высочила на тропу. Способность Джонни мыслить логично, связывая события в единую цепочку, внезапно покинула его, когда он увидел, кто перед ними. Правда, глаза не подвели его и на этот раз.

Светло-коричневая кожа, злобные зеленые глаза, пасть, полная оранжевых зубов. Не дикая кошка, а какая-то пародия на нее. Тварь прыгнула, схватилась за «моссберг» огромными лапами и вырвала винтовку из рук Стива. А потом, рыча, нацелилась на его горло.

12 июня 1995 г.

Это случилось вновь. Дневной сон. Иначе не назовешь. Третий или четвертый раз вообще, но первый (я думаю) после того, как я начала вести этот дневник, и пока самый яркий, живой. Так происходит всегда, когда жизнь дает сбой, но, клянусь Богом, сбои у нас происходят постоянно!

В это утро Херб встал вместе с Сетом, они приняли душ (таким образом экономится масса времени и сил), но, когда спустились вниз, Сет дулся, а под глазом Херба начал наливаться «фонарь». Спрашивать я ничего не стала. Сама поняла, что Сет заставил его ударить себя точно так же, как заставлял крутить губу, когда мы вернулись из кафе-мороженого и Сет обнаружил пропажу своего чертова космофургона. Я посмотрела на Херба, и он чуть качнул головой, советуя мне не поднимать шума. Что я и сделала. Я на собственном опыте убедилась, что всегда можно найти за что благодарить Бога или судьбу. В данном случае Сет ограничился лишь тем, что Херб посадил себе фингал (хотя все гадости на совести не Сета, а другого, ходящего на негнущихся ногах, я его зову Прямоногим Маленьким Мальчиком). Сет любит стоять в ванной и смотреть, как Херб бреется по утрам. ПММ может заставить Херба перерезать горло обычной безопасной бритвой. Страшно записывать такое, но иногда лучше изложить все на бумаге, чем носить в себе. Все равно что выдавить гной из царапины.

Прямоногий Маленький Мальчик появился еще до того, как я поставила завтрак на стол. Я всегда

знаю, что это он, а не Сет, потому что глаза у него почти черные, а не карие.

— Где мой «Палус месты»? — спросил он.

— Мы еще не нашли твой «Парус мечты», — ответила я, — но уверена, что обязательно найдем.

— Я хосю мой «Палус месты»! — заорал ПММ во весь голос, и Херба аж передернуло. Меня — нет. Если он кричит, то ничем не бросается. — Я хосю мой глебанный «Палус месты»!

— Не смей ругаться в присутствии тети Одри! — одернул его Херб, и меня испугал взгляд ПММ, брошенный на Херба, очень испугал, но Херб даже не отвел глаз. Он такой смелый. И ПММ отступил, уткнулся носом в стол.

— Я хосю мой «Палус месты», — канючил он мерзким голосом, который я не выношу. — Я хосю мой «Палус месты», вы его найдите.

Я поджарила Сету французский гренок, его любимый, но он есть не стал. Просто ушел (естественно, на негнущихся ногах) в «берлогу». Вскоре я услышала, как включился видеомагнитофон и пошла одна из его пленок с «Мотокопами». У него их четыре или пять, каждая с разными сериями. Я уже возненавидела глупые голоса героев, а особенно голос Касси. Иной раз мне так хочется, чтобы Безлицый наконец-то убил ее и закопал в какой-нибудь канаве на безлюдной планетке. Господи, я бы хотела сказать, что это шутка, но не могу.

Когда в «берлоге» закудахтали мотоциклы (ПММ всегда включает звук на максимум, иногда нам это на пользу), я спросила Херба, как он будет объяснять на работе свой фингал. Он пожал плечами и ответил: «Скажу ребятам, что не смог разминуться с дверью,

дорогая». Как обычно, Херб попытался обратить все в шутку, но не получилось.

День выдался, мягко говоря, неудачным. Да, Сет ничем не бросался, как накануне, когда Херб предложил купить ему новый «Парус мечты». Сегодня не бросался. Но я уже мечтала о том, чтобы начал бросаться. Сегодня он просто ходил из комнаты в комнату на прямых ногах, сердито глядя по сторонам и оттопырив нижнюю губу. По-прежнему искал пропавший космофургон. Иногда удалялся в «берлогу», чтобы посмотреть телевизор, но даже любимое «Золотое дно» не удерживало его надолго. Я пыталась втянуть его в разговор, но у меня ничего не вышло. Дело в том... о, я бы хотела написать об этом доходчиво, чтобы тот, кто будет читать мой дневник (я, правда, не уверена, что его прочтут), понял меня. Он, я имею в виду ПММ, когда злится, генерирует какую-то субстанцию, что-то вроде электричества. Излучает его телом. Точно так же из паука исторгается нить, а из грозовых облаков — молнии. Субстанции этой становятся все больше и больше, и тебе уже хочется бегать по комнатам и биться об стены головой. Субстанция эта реальная, не иллюзия, она существует. Заставляет тебя потеть (липким потом, как при высокой температуре), мышцы начинают дрожать, во рту пересыхает. Я сейчас напишу о том, чего никогда не говорила Хербу. Иногда, когда напряжение все нарастает, я ухожу в ванную, запираю дверь и мастурбирую как бешеная. Это единственное, что позволяет хоть немного расслабиться. Оргазмы такие яростные, что это просто пугает. Как взрывы бомб!

Я чувствовала все это и раньше, когда Прямоногий Маленький Мальчик, сидящий внутри Сета, зли-

ся, но никогда еще это не продолжалось так долго и не зашкаливало до такой степени. Где-то после полудня у меня возникло ощущение, будто дом наполнен газом и остается только зажечь спичку, чтобы он взлетел на воздух. Я была на кухне, бесцельно слонялась из угла в угол, голова раскалывалась от боли, глаза чуть ли не вылезали из орбит, и мне все время хотелось улыбаться. Не знаю почему, ничего забавного я в происходящем не находила, но чем больше болела голова, чем сильнее пучило глаза, чем явственнее ощущала я копящееся в доме напряжение, тем шире расходились мои губы, Господи!

Я подошла к раковине и выглянула через окно во двор. Сет сидел в песочнице, играл с остальными космофургонами. Если б кто-то еще, кроме меня, увидел, как он играет, я уверена, что еще до вечера Сета отправили бы в специальное заведение, где государство изучает детей с уникальными способностями.

У космофургонов есть крылья, но летать они не могут. А вот у Сета космофургоны летают. Он сидит на песке, положив руки на колени, а фургоны кружат вокруг песочницы. «Стрела следопыта», «Рутитутти», «Мясовозка» и остальные взмывают, подныривают один под другой, садятся и взлетают с песчаной полосы, которую Сет подготовил для них, а иногда облетают двор в особом порядке. Я знаю, кто-то может подумать, что я свихнулась, но, клянусь Богом, все это чистая правда. Случалось, Сет бросал космофургоны на Ганнибала, соседского пса, и тогда пес убегал, поджав хвост.

Любой ребенок, увидев, что выделяют космофургоны мотокопков, смеялся бы, бил в ладоши, прыгал от восторга, но только не Прямоногий Маленький

Мальчик. Он просто сидел в песочнице, выпятив нижнюю губу, с застывшей в глазах злобой.

Сет наблюдал за фургонами, я наблюдала за ним, чувствуя, как эта гадость прет и прет из него, наполняя воздух гудением, от которого не находишь спасения. Мне уже хотелось выпрыгнуть из кожи, я чувствовала, что начну мастурбировать прямо здесь, у раковины, когда это случилось. Дневной сон, как я его называю, хотя на самом деле это нечто другое. Реальное. Я словно перенеслась в тот весенний полдень, который провела со своей подругой Джэн в «Мохок маунтин-хауз». В 1982 году, еще до того, как мы обе вышли замуж. Мы сидели и разговаривали, уж не знаю, как долго. Она говорила о своем дружке, который редко мыл голову, я — о том, как бы мне хотелось после окончания учебы месяца три поездить по стране.

Так мирно, так чудесно было в Мохоке. Мы поели, наслаждаюсь теплым днем. Джэн выглядела великолепно. Я знала, что все это иллюзия, что скоро мне возвращаться туда, где все идет кувырком, но пока мне было хорошо, и суровая действительность нисколько меня не волновала. Мы с Джэн болтали, солнце грело мне кожу, я наслаждалась запахом цветов. Чудо, да и только. Я не знаю, что это было и каким образом мне удалось туда попасть, но как противоядие от выходов ПММ это путешествие в десять раз лучше, чем мастубация в ванной. Остается только гадать, приложил к этому руку Сет или нет.

Как бы я хотела, чтобы Херб имел такое же убежище, но не думаю, что оно у него есть. Бедняжка, боюсь, ему негде укрыться, кроме как за этими глупыми шутками. Я бы с радостью рассказала ему

о том, где прячусь, возможно, взяла бы его туда с собой, но знаю, что делать этого не стоит. Я думаю, ПММ с легкостью читает мысли Херба, а вот со мной у него так не получается. Херб выглядит таким уставшим. Нам обоим не повезло, что такое выпало на нашу долю. Но Хербу не повезло еще больше, потому что ему некуда бежать от этого чудовища.

13 июня 1995 г.

«Палус месты» вернулся. Только что. Даже не знаю, что я должна чувствовать, страх или облегчение.

С одной стороны, естественно, я ощущаю безмерное облегчение, другого просто быть не может, ведь этот дом с субботы напоминает концентрационный лагерь. Но что за этим последует? Как отреагирует ПММ? Слава Богу, что он спал, когда к нам пришли, и, слава Богу, Херб в это время был на работе, так как ПММ подслушивает через мозг Херба, я знаю, что подслушивает. Я не думаю, что такое у него получается и со мной, если только я сама не пускаю его в свой мозг или он не застаёт меня врасплох.

Боже! Я только что перечитала написанное и теперь вижу, что это полная галиматья. Что ж, наберем полную грудь воздуха и начнем все с самого начала. Время-то у меня есть. Сет с пятницы спит по ночам плохо, он отсыпается днем и, если мне повезет, не встанет раньше половины пятого. То есть у меня примерно час.

Примерно около трех, когда я пылесосила, в дверь кухни постучали. Я открыла. На пороге стояли мистер Хобарт, который живет на нашей улице, и его

сын, рыжий толстячок в очках с толстыми стеклами и с прыщавой кожей. Отвратительный мальчишка, если хотите знать. Глаза б мои на него не глядели. Парень держал в руках «Парус мечты». Безусловно, тот, что принадлежал Сету. Я бы узнала его, даже если б не увидела разбитого фонаря на заднем борту и царапины на боку, но я видела и то и другое. Меня аж качнуло. Я хотела что-то сказать, но не смогла: перехватило дыхание. И хорошо, что не смогла, одному Богу известно, что бы они услышали, если б у меня не пропал дар речи!

День выдался жаркий, но мистер Хобарт прибыл в строгом черном костюме и черных же туфлях. Прямо-таки служитель культа (я уверена, что так оно и есть). И на мальчишке был такой же наряд, а под глазом светился «фонарь». Я могла бы поставить последний цент, что этим «фонарем» его наградил папаша.

Наверное, я бы и не смогла сказать ни слова, потому что старший Хобарт наверняка подготовился к нашей встрече и не позволил бы мне перехватить инициативу.

— Мой сын хочет вам кое-что сказать, миссис Уайлер, — начал он и тут же посмотрел на сына, как бы говоря: «Ну, теперь твоя очередь, не подкачай». — Хью?

Хью забубнил, что он поддался Искушающему Голосу Сатаны (то есть ИГС, точно так же, как Прямоногий Маленький Мальчик — ПММ) и украл игрушку Сета. Говорил он быстро, и с каждым словом из его глаз все сильнее текли слезы. А потом последовало: «Вы можете обратиться в полицию, и я во всем сознаюсь. Вы можете выпороть меня ремнем, или меня выпорот мой отец». Говорил он на одной ноте, и мне

вспомнился автоответчик службы прогноза погоды. Когда набираешь номер этой службы, то слышишь: «Если вы хотите узнать погоду на сегодня, нажмите на рычаг один раз. На завтра — два раза. Если вас интересует состояние дорожного покрытия — три раза». Наверное, это и к лучшему, что я еще не успела прийти в себя. Иначе я бы рассмеялась им в лицо, хотя в них не было ничего смешного, потому что стояли они такие подавленные, а на их лицах читался стыд. Пожалуй, они меня даже пугали, особенно отец, пугали больше, чем Сет.

И я боялась ЗА них.

— Мне очень, очень жаль, — лепетал мальчишка. — Я просил прощения у папы, я просил прощения у Господа нашего Иисуса Христа, и теперь я прошу вас простить меня.

К этому моменту я более или менее оклемалась и взяла у него космофургон. Но руки дрожали, и я едва не уронила его себе на ноги. А потом сказала Хобартам, что мы обойдемся без порки.

— Мальчик должен также извиниться перед вашим сыном, — добавил мистер Хобарт. Такой же благообразный, как Моисей, только с гладко выбритым подбородком и аккуратной стрижкой, если можно представить себе Моисея в двубортном костюме. Впрочем, после всего увиденного мною за последние несколько месяцев я могу представить себе что угодно. В этом, наверное, моя беда. — Если вы проводите нас к нему, миссис Уайлер...

И этот наглый сукин сын едва не вперся в дом. Можно сказать, начал отталкивать меня! Но я стояла как скала, доложу я вам (при этом опять едва не выронила «Парус мечты»). Меньше всего мне хотелось, чтобы этот маленький воришка оказался перед Пря-

моногим Маленьким Мальчиком. Я мечтала о том, чтобы эта парочка как можно скорее покинула мой дом. До того, как их голоса или эмоциональные волны (Хобарт-старший не плакал, но чувствовалось, что расстроен он не меньше сына, а то и больше) смогут разбудить ПММ.

— Сет мне не сын, а племянник, — ответила я, — и сейчас он спит.

— Очень хорошо. — Хобарт чуть кивнул. — Мы вернемся позже, если вам это удобно. Если нет, я могу привести Хью завтра днем. Мне, конечно, будет сложно отпроситься второй день подряд, я работаю в штамповочном цеху, знаете ли, но дело Господа всегда должно идти впереди дел человеческих.

Голос его крепчал с каждым словом, наверное, точно так же он произносил и проповеди, и пастве это очень нравилось, но я действительно испугалась, что он разбудит Сета. И все это время, клянусь своим здоровьем, мальчишка оглядывался вокруг, словно высматривал, что здесь можно спереть. Я готова спорить, что придет день, когда Хью попадет на кушетку психоаналитика. Хотя такие люди, как Хобарты, не верят в психоаналитиков, не так ли?

Я быстренько вытолкала их за дверь и повела к тротуару. Мальчишка все спрашивал: «Вы меня простите?» Повторял этот вопрос словно заведенный. К тому времени как мы добрались до улицы, я поняла, что смертельно зла на них обоих. Не только потому, что из-за них мы прожили несколько дней как в аду. Дело в том, что они вели себя так, будто на мне лежала ответственность за спасение бессмертной души этого маленького засранца. К тому же я помнила, как бежали его глазки, выискивая то, чего не было у него дома.

Я уверена, более того, знаю наверняка, что «странные способности» Сета имеют ограниченный радиус действия, как радиопередатчики в кинотеатрах для автомобилистов, способные доносить звук только до радиоприемников автомобилей, стоящих на территории кинотеатра. Поэтому, когда мы вышли к тротуару, я почувствовала себя в некоторой безопасности (разумеется, относительной) и решила поинтересоваться, каким образом Хью Хобарту удалось украсть космофургон Сета.

Папаша и сынок при этом переглянулись. Обменялись забавным таким взглядом, однозначно указывающим на то, что ни один из них не возражал против порки, даже против визита полиции, но вот к разговору о краже душа не лежала. Не лежала, и все тут. Неудивительно, что фундаменталисты так не любят католиков: сама идея покаяния вызывает у последних сладостный трепет.

Однако я загнала их в угол, и в конце концов все прояснилось. Говорил в основном Уильям, а ребенок к тому времени решил, что я ему не по нутру. Сощурился, да и слезы куда-то подевались.

Кое о чем я могла догадаться сама. Хобарты принадлежали к баптистской церкви завета Сиона и среди прочего как добрые прихожане несли в массы «слово Божие». Сие подразумевало распространение буклетов, вроде того, что Херб нашел в ящике для молока на кухонном крыльце. С изображением грешника, которому миллион лет не давали глотка воды. Уильям и Хью разносили буклеты вместе, обеспечивая преемственность поколений. Совсем как, к примеру, Национальная бейсбольная лига курирует соревнования детских и молодежных команд. Заглядывать они предпочитали в дома, которые временно пустовали,

поскольку хотели «распространять слово Божие и сеять зерна истины, но не вступать в дискуссию» (слова Уильяма Хобарта). Или подсовывали буклеты под дворники припаркованных автомобилей.

К нам они, должно быть, пришли как раз после того, как мы уехали в кафе-мороженое. Хью забежал во двор и сунул буклет в ящик для молока. Разумеется, он увидел «Парус мечты» там, где оставил его Сет. Позднее, после того как отец объявил, что на сегодня его долг выполнен, но прежде, чем мы вернулись из торгового центра, Хью отправился гулять на улицу, где и поддался ИГС (Искушающему Голосу Сатаны). Его мать нашла космофургон только вчера, в понедельник, когда Хью был в школе, а она убирала в его комнате. Вечером они провели «семейный совет», затем обратились к их пастору, позвонив ему по телефону, вместе помолились, не кладя трубку, и вот они здесь.

Как только в рассказе была поставлена последняя точка, мальчишка вновь заканючил: «Вы меня простите?» Но я быстренько его одернула: «Хватит об этом талдычить».

Он посмотрел на меня так, словно я отвесила ему оплеуху. И у его отца закаменело лицо. Но мне было плевать на это. Я присела так, чтобы смотреть прямо в пороссячьи глазки Хью. Далось мне это нелегко, мешали толстые, не очень-то чистые стекла очков.

— Насчет прощения ты будешь договариваться с твоим Богом, — продолжила я. — Что же касается меня, то я обещаю помалкивать насчет того, что ты сделал, и советую всем Хобартам последовать моему примеру. — Я знала, что они ему последуют, для этого мне хватило одного взгляда на синяк под глазом

Хью. Матери этого маленького говнюка я не видела, но отца он своим проступком достал.

Хью отступил на шаг, и по выражению его лица я поняла, что отступила от заранее написанного ими сценария и за это мальчишка меня ненавидит. Я не возражала. Потому что в определенном смысле я его тоже ненавидела. Это неудивительно, если вспомнить, чего мы натерпелись в этот уик-энд благодаря его шаловливым ручкам.

— Если вы закончили, миссис Уайлер, то мы уходим, — подал голос Хобарт-старший. — Хью есть о чем поразмыслить у себя в комнате. На коленях.

— Но я еще не закончила, — остановила его я. — Не совсем. — Папашу я взглядом не удостоила. Не отрывала глаз от мальчишки. Пыталась заглянуть под маску ненависти и стыда, разобраться, что же передо мной за человек. Разобралась? Не знаю. — Хью, тебе известно, что люди просят прощения, лишь когда делают что-то нехорошее, не так ли?

Он осторожно кивнул... словно свидетель, дающий показания в зале суда и опасющийся, что адвокат заманивает его в ловушку.

— Значит, ты понимаешь, что поступил нехорошо, украв игрушку Сета?

Хью вновь кивнул, однако очень неохотно. К этому времени он уже спрятался за папину ногу, словно трехлетний малыш, а не десятилетний школьник.

— Миссис Уайлер, я не уверен, что вам так уж необходимо читать нотации моему сыну, — вступился за своего отпрыска отец. Ну и лицемер! Если бы я перекинула этого паршивца через колено и крепко отшлепала по заднице, он бы не возражал, даже приотвечивал бы мое деяние. Когда же я захотела, что-

бы мальчишка вслух признал свою вину, папаша сразу встал на дыбы.

— Я не читаю ему нотации, но хочу, чтобы вы знали, что последние несколько дней нам пришлось очень тяжело. — Отвечала я отцу, но обращалась к сыну. — Сет очень любит свои космофургоны. И вот что я хочу, Хью. Я хочу услышать от тебя, что ты поступил неправильно, поступил нехорошо и сожалеешь об этом. На том мы и расстанемся.

Хью сверкнул глазами. Если бы взгляды убивали, я бы не писала эти строки. Испугал ли он меня? Помилуйте. Если уж ранжировать рассерженных детей, то Сет, вернее ПММ, любому даст сто очков форы.

— Миссис Уайлер, вы считаете, что это необходимо? — пожелал знать Хобарт-старший.

— Да, сэр. И нужно это скорее вашему сыну, чем мне.

— Папа, я должен это говорить? — заверещал маленький поросенок. Он все еще сверлил меня взглядом из-под заляпанных жиром очков.

— Да, скажи то, что она хочет от тебя услышать, — ответил папаша. — Горькое лекарство лучше пить одним глотком. — Затем он похлопал сына по плечу. Мол, злая она, настоящая сука, но мы должны выполнить ее желание.

— Я-поступил-неправильно-я-поступил-нехорошо-извиняюсь, — протараторил мальчишка. При этом он испепелял меня взглядом. Какие там слезы или дрожь в коленках. Я подняла голову и увидела, что точно так же смотрит на меня и его отец. Выглядели они ну прямо как близнецы, одного из которых уменьшили в размерах. Все-таки люди — удивительные существа. Приходят, с одной стороны, испуган-

ные, а с другой — в сладостном предвкушении того, что их распнут на кресте, как распяли их босса. А вместо этого я заставляю мальчишку признавать, что он вор, а это больно, вот они меня и ненавидят.

Но куда существеннее другое. Во-первых, «Парус мечты» вернулся, во-вторых, Хобарты не станут трепаться об этом. Иногда стыд — единственный кляп, который может заткнуть людям рот. А мне придется придумывать, куда мог завалиться космофургон, убеждать в существовании этого удивительного тайника сначала Сета, потом Херба. Иногда правда небезопасна.

Шаги наверху, в направлении ванной. Он проснулся. Пожалуйста, Господи, не дай мне ошибиться в том, что он не может читать мои мысли.

Позже

Какое счастье. Тишина и покой. Кризис позади, потери минимальные (несколько разбитых тарелок да мой прекрасный хрусталь, мамин подарок). Сет и Херб спят. Я тоже пойду спать, как только все запишу (вести дневник опасно, учитывая сложившиеся обстоятельства, но, клянусь Богом, это так упокаивает) и положу блокнот на кухонный буфет, где я его храню.

Сет проснулся до того, как я смогла придумать, каким образом объяснить ему находку фургона. Поэтому, когда спустился вниз с опухшими от сна и слез глазами, я просто протянула ему «Парус мечты». Что произошло потом, трудно описать словами. Лицо Сета раскрылось в радости и изумлении, словно цветок навстречу солнцу. Ради такого зрелища, пожа-

луй, стоило и помучиться несколько дней. В этом счастливом взгляде я увидела их обоих — и Сета, и ПММ. ПММ радовался возвращению космофургона, а Сет, как мне кажется, по другой причине. Возможно, я ошибаюсь, возможно, нахожу в нем то, чего нет, но я думаю, правда на моей стороне. По-моему, Сет радовался, зная, что теперь ПММ от нас отстанет. Пусть и на короткое время.

Бывали моменты, когда я думала (не зря же меня учили в колледже), что ПММ — одна из сторон личности Сета, аморальная сторона, которую последователи Фрейда называют «ид», но теперь уверенности в этом у меня нет. Я все думаю о той последней поездке Гейринов по стране, когда застрелили Билла, Джун и двоих старших детей. А также о советах, которые в юности давал нам отец — сначала Биллу, а потом мне — перед тем, как мы получили водительские удостоверения. Речь шла о том, чего делать нельзя ни при каких обстоятельствах: не ездить со спущенным колесом, не садиться за руль выпивши, не подсаживать попутчиков.

Может, дело в том, что Билл подобрал в пустыне попутчика, даже не зная об этом? И этот попутчик все еще едет в мозгу Сета? Безумная идея, но я заметила, что большинство безумных идей возникает поздно вечером, когда дом затихает и все спят. К тому же безумная — не синоним неверной.

Так или иначе, поскольку на сложную ложь времени у меня не хватило, я ограничилась простой. Сказала, что нашла космофургон в подвале, куда спустилась за мешочком для сбора пыли, какие стоят в пылесосе. Разумеется, подвал мы тоже осматривали, но я сказала, что фургон завалился за лестницу. Сет не задал ни единого вопроса (для него, как я поняла, местона-

хождение фургона особого значения не имело, он радовался тому, что игрушка вновь при нем, но рассказывала я все это не столько Сету, сколько ПММ). Херб лишь спросил, каким образом «Парус мечты» мог оказаться в подвале. Действительно, Сет никогда туда не ходит, думает, что там живут какие-то бяки, и Херб это знает. Я ответила, что понятия не имею, и (чудо из чудес) на этом тема была исчерпана.

Весь вечер Сет просидел в «берлоге» на своем любимом стуле с «Парусом мечты» на коленях, как маленькая девочка со своей любимой куклой. Смотрел телевизор. Херб приобрел кассету в видеосалоне. Какой-то старый черно-белый фильм, но Сету он очень нравится. Вестерн, естественно, конца пятидесятих годов. Сет уже дважды смотрел его.

Одну из главных ролей исполняет Рори Колхаун. Называется фильм «Регуляторы».

19 июня 1995 г.

Думаю, у нас неприятности.

Сегодня утром пришел Уильям Хобарт. Он был в ярости. Херб уехал на работу за двадцать минут до его появления, слава Богу, а Сет в это время играл во дворе.

— Я хочу задать вам вопрос, миссис Уайлер, — начал он. — Вы или ваш муж имеете какое-либо отношение к тому, что произошло с моим автомобилем этой ночью? Достаточно ответить «да» или «нет». Если «да», то лучше сказать об этом прямо сейчас.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — ответила я, и искренность моего голоса его убедила, потому что он заметно успокоился.

Мистер Хобарт подвел меня к тротуару (я пошла с радостью: чем дальше от Сета, тем лучше) и указал на подъездную дорожку у своего дома, ниже по улице. Ездит он на внедорожнике с приводом на все четыре колеса, вроде бы «эксплорере». Он и стоял на подъездной дорожке, все колеса были спущены, а стекла разбиты, включая лобовое и большое заднее.

— Господи, какой ужас. Я очень сожалею. — Я действительно сожалею, но не по тем причинам, о которых он мог подумать.

— Прошу прощения за ложное обвинение, — отчеканил Хобарт-старший. — Я, собственно, подумал... игрушка, которую взял Хью... если вы все еще сердились...

Естественно, какая еще мысль могла прийти ему в голову: автомобиль за автомобиль, как око за око.

— Для меня инцидент исчерпан, мистер Хобарт, — заверила я его. — Я не мстительна и не злопамятна.

— Ибо написано «Мне отмщение, и Аз воздам, говорит Господь»*, — процитировал Уильям Хобарт Библию.

— Совершенно верно, — ответила я. Не знаю почему, но в тот момент мне очень хотелось побыстрее избавиться от мистера Хобарта. Он вызывал у меня неприязнь.

— Должно быть, какие-то вандалы, — предположил он. — Пьяные. Уж конечно, никто из проживающих на этой улице такого сделать не мог.

Я надеюсь, что это вандалы. Вандалы, и никто другой. Да и как это мог сделать Сет или, если хотите, Прямоногий Маленький Мальчик, когда его спо-

* Послание к Римлянам святого Апостола Павла, 12:14.

способности имели малый радиус действия? А вдруг его способности усиливаются? И соответственно расширяется радиус действия?

Я не решаюсь рассказать об этом Хербу.

24 июня 1995 г.

Утром, спустившись вниз, чтобы приготовить завтрак, я увидела Ридов, стоявших в халатах на своей подъездной дорожке. Я вышла из дома. Было жарко, но ночью прошел дождь, так что пахло мокрой травой.

Если бы не суббота, на улицу высыпали бы все. Патрульная машина стояла перед домом Хобартов, в котором не осталось ни одного целого окна. Зато всюду поблескивали на солнце осколки: на крыльце, на лужайке, на бетоне дорожек. Уильям Хобарт и его жена Ирен, в пижамах, объяснялись с копами. Маленький ворышка застыл на крыльце, сунув в рот большой палец. В его возрасте сосать пальцы уже не принято, но, должно быть, у Хобартов выдалось плохое утро. Еще бы, ни одного целого окна ни на первом, ни на втором этаже.

Кэмми рассказала, что произошло это без четверти шесть. Она как раз проснулась и все слышала.

— Не так громко, как можно ожидать от бьющегося стекла, — пояснила она, — но достаточно громко, чтобы понять, что происходит. Странно, правда?

— Очень. — Голос у меня вроде бы звучал как обычно, но продолжать я не решилась, боясь, что он задрожит.

Кэмми добавила, что выглянула из окна, как только услышала шум, но люди, которые бросали в окна

камни, уже убежали (если полиция найдет эти «камни», я согласна съесть их с кетчупом).

— Кто бы их ни бросал, люди эти шустрые. — Кэмми ткнула локтем в бок Чарли. — А мой муженек все проспал.

— Сначала автомобиль, теперь окна. — Чарли покачал головой. — Вандалы, что там говорить. Кому-то Билл Хобарт крепко насолил.

— Должно быть, — согласилась я.

Позже

Я вытащила шлепанцы Сета из-под кровати, куда полезла за носком. Шлепанцы мокрые, розовая меховая оторочка — хоть выжимай, на подошвах трава. Он выходил из дома ночью. Или ранним утром. И я знаю, куда и зачем. Не так ли?

Плохо... но, с другой стороны, слава Богу, что радиус его действия, чего я так опасалась, не расширился. Иначе было бы еще хуже.

26 июня 1995 г.

Я подождала, пока Херб уйдет на работу (мне не хотелось, чтобы он туда шел, Херб выглядел таким бледным и больным, но он сказал, что должен закончить важный отчет и у них в этот день большая презентация), а потом отправилась во двор поговорить с Сетом.

Он сидел в песочнице и спокойно играл с фигурками мотокотов, Кризисным центром и с макетом, как говорил Херб, Пондерозы. Макет этот, дом и загон

для скота, Херб увидел на какой-то распродаже по пути домой, то ли в марте, то ли в апреле. И купил за два бакса. Конечно, это не ранчо Пондероза из «Золотого дна», но дом, сложенный из бревен, похож на тот, что показан в телесериале. Имеется и конюшня (крыша, правда, в одном месте провалилась, а в остальном полный порядок), и пластмассовые лошади, некоторые, к сожалению, на трех ногах. Макет этот сразу стал любимой игрушкой Сета. Просто удивительно (и странно), как быстро и безо всяких усилий он встроил ранчо в свои игры с мотокосами. Наверное, все дети такие — временные и пространственные несоответствия их не волнуют, во всяком случае, когда они играют, но все-таки режет глаз, когда Касси или Безлицый скачут на трехногих лошадях по коралю.

Разумеется, в то утро я об этом не подумала. Меня переполнял страх, сердце колотилось как барабан, но, когда мальчик посмотрел на меня, мне немного полегчало. Потому что я увидела перед собой Сета, а не другого. Каждый раз, когда я вижу его бледное милое личико, я люблю его все больше. Может, это тоже безумие, но это правда. Я хочу защитить его и еще сильнее ненавижу другого.

Я спросила Сета, что произошло у Хобартов (уже не имело смысла тешить себя надеждой, будто он не знает, почему мы несколько дней не могли найти «Парус мечты»), но он не ответил. Сидел и смотрел на меня. Я спросила его, выходил ли он из дома утром и бил ли им стекла. Вновь ответа не последовало. Тогда я спросила, чего он хочет, что должно произойти для того, чтобы он уговорился. Я думала, что не получу ответа и на этот вопрос. Но он ответил, причем для Сета очень уж ясно и четко:

— Они должны уехать скоро. Я не смогу долго сдерживать его.

— Сдерживать кого? — спросила я, но больше ничего от него не добила. А потом, когда он ел ленч (как обычно, спагетти с гамбургером и шоколадное молоко), я поднялась наверх, села на кровать и задумалась. После смерти моего брата и его семьи свидетели говорили о каком-то красном фургоне с радиолокационной антенной или еще с каким-то сложным телекоммуникационным устройством на крыше. Загадочный фургон, как написали о нем газеты.

Космофургон «Стрела следопыта» красный. А на крыше у него радиолокационная антенна.

Я сказала себе, что это уж совсем бред, но потом подумала о «Парусе мечты», который мы вместе с Хербом видели в нашем дворе. Не настоящий, разумеется, но полноразмерный... И Сет спал, когда мы его видели. Может, он не развернулся на полную мощь?

Допустим, ПММ надоест бить стекла. Допустим, он пошлет «Стрелу следопыта» (или «Парус мечты», или «Руку справедливости», или «Свободу»), чтобы разобраться с Хобартами.

«Я не смогу долго сдерживать его», — сказал Сет.

27 июня 1995 г.

Большую часть дня провела в Мохоке с Джэн Гудлин. Я знаю, что это нехорошо, это то же самое, что уходить от действительности с помощью наркотиков или алкоголя, но так трудно устоять. Мы говорили о наших родителях, о тех неприятностях,

которые случались с нами в школе. Обычная болтовня. Тривиальная, ни к чему не обязывающая. И так продолжалось чуть не до самого конца. Я увидела, как исчез маленький телефон, это означало, что пора возвращаться, и тут Джэн спросила меня: «Ты знаешь, где он берет энергию, чтобы посчитаться с Хобартами, не так ли, Од?»

Разумеется, я знала: от Херба. Высасывает из него жизненную силу, как вампир — кровь. И я думаю, что Херб тоже об этом знает.

28 июня 1995 г.

Утром, когда я сидела за столом на кухне и составляла список предстоящих покупок, раздался вой сирены «Скорой помощи». Я подошла к окну и увидела, что остановилась она, не выключая мигалок на крыше, перед домом Хобартов. Врач и санитары поспешили в дом. Я бросилась к окну, выходящему во двор. Сета не было.

Космофургоны стояли в песочнице в рядок, так он их всегда ставил, когда уходил надолго. Увидела я и макет Пондерозы с пластмассовыми лошадьми в корале, и Кризисный центр у качелей... но не Сета. Если б я сказала, что меня это не удивило, считайте, что я солгала.

Когда я выскочила из дома, люди уже стояли на тротуаре, глядя на дом Хобартов. Я спросила Дэйва и Джима Ридов, которые вышли на подъездную дорожку, не видели ли они Сета.

— Он там, миссис Уайлер, — ответил Дэйв и показал на магазин. Сет стоял у стойки для велосипедов

и, как все, смотрел на противоположную сторону улицы. — Наверное, пошел за шоколадным батончиком.

— Да, — ответила я, зная, что: а) денег у Сета нет; б) Сет худо-бедно может объясниться со мной и Хербом, но никак не с продавцами; в) Сет никогда не покидает двор.

Сет не покидает, но вот Прямоногий Маленький Мальчик, похоже, покидает. Чтобы выйти на исходную для атаки позицию.

Пять минут спустя санитары помогли Ирен Хобарт выйти из дома. Хью, ее сын, держал мать за руку и плакал. Я ненавидела этого паршивца, все так, но теперь ненависти во мне нет. Теперь я только жалею его, боюсь за него. Платье Ирен залито кровью. Она прижимает к носу компресс, а один из санитаров держит другой компресс у ее затылка. Женщину загружают в машину «Скорой помощи», туда же залезает Хью, и все отбывают.

Она возвратилась два часа спустя, к тому времени Сет уже сидел в «берлоге» и смотрел по кабельному телевидению старые вестерны. Ким Геллер заглянула ко мне на чашечку кофе и рассказала, что заходила к Хобартам, чтобы спросить, не надо ли чем помочь Ирен. Ким — единственная во всем квартале, кто поддерживает с Хобартами дружеские отношения. Она сказала, что там все в порядке, только Ирен сильно напугана. У нее очень тонкие сосуды. Ирен принимает лекарства, но они не слишком помогают. Так что носовое кровотечение для нее не редкость. Но такого, как в этот раз, никогда не было. Она рассказала Ким, что кровь буквально хлынула из ноздрей и никак не останавливалась, хотя Ирен приложила к носу лед. Хью перепугался и позвонил в полицию, а уж там

его соединили со службой «Скорой помощи». Врачи настаивали на госпитализации, хотели выяснить, что у нее с носом, хотя кровотечение практически прекратилось к тому времени, как подъехала машина «Скорой помощи».

*После отъезда «Скорой помощи» я сразу затащи-
ла Сета в дом и начала трясти как грушу. Сказала
ему, что он должен это прекратить. Сет только смо-
трел на меня, и губы его дрожали. Я сама отпустила
его, покраснев от стыда. Естественно, я трясла не
того, кого следовало.*

*Однако я его увидела, клянусь, увидела. Он пря-
тался за глазами Сета и смеялся надо мной. А самое
ужасное заключается в том, что ПММ сознательно
не трогает Хью Хобарта. За его преступление он ка-
рает близких мальчика.*

29 июня 1995 г.

*Я проснулась в три часа ночи и увидела, что вто-
рая половина кровати пуста. И в ванной никого. В ис-
пуге я сбежала вниз. Никого нет ни в гостиной, ни
в «берлоге», ни на кухне. Я пошла в гараж, где и на-
шла Херба. Он сидел у верстака в одних трусах и пла-
кал. Свет он зажег, и я увидела, как же он исхудал.
Выглядел Херб ужасно. Словно морил себя голодом.
Я обняла его, а он продолжал плакать, словно ребенок.
Говоря при этом, как он устал, как устал. Я сказала,
что утром мы первым делом поедem к доктору Эвер-
су. Херб горько рассмеялся и сказал, что причина его
болезни известна мне и без доктора.*

Все так.

1 июля 1995 г.

Во второй половине дня к дому Хобартов вновь подкатила «Скорая помощь». Как только я увидела ее, сразу побежала наверх, на второй этаж, где вроде бы спал Сет. Сета не было. Окно открыто, а Сета нет. Выскочив из дома, я увидела его на другой стороне улицы. Он стоял, держа за руку старого Тома Биллингсли. Я перебежала улицу и схватила Сета.

— Не бойтесь, с ним все в порядке, Од, — успокоил меня Том. — Он просто решил немного погулять. Правда, Сетти?

— Никогда не переходи улицу один! — сказала я Сету. — Никогда! — И вновь потрянула его. Глупо, конечно. С тем же успехом я могла трясти кусок воска.

На этот раз санитары использовали носилки. Вынесли на них мистера Уильяма Хобарта.

— Такое ощущение, что в последнее время Хобартам фатально не везет, — заметил Биллингсли.

На эту неделю мистер Хобарт взял отпуск, но, похоже, ему предстояло провести его в центральной окружной больнице. Он упал с лестницы и сломал ногу и шейку бедра. Потом Ким сообщила мне, что мистер Хобарт любитель выпить, несмотря на то что прихожане баптистской церкви завета Сиона выбрали его дьяконом. Может, он действительно пьет, но не спиртное явилось причиной его падения с лестницы.

3 июля 1995 г.

Нет никакого Прямоногого Маленького Мальчика. И никогда не было. Есть существо, живущее в Сете, — не ид, не другая сторона его личности, не по-

путчик, а нечто, больше похожее на глиста. Оно может думать. И говорить. Сегодня оно говорило со мной. Оно называет себя Тэк.

6 июля 1995 г.

Прошлой ночью кто-то застрелил ангорского кота Хобартов. От него ничего не осталось, кроме крови и шерсти. Ким говорит, что Ирен Хобарт в истерике, она считает, что все соседи только и думают о том, как бы выжить их с улицы, потому что знают: Хобарты отправятся на небеса, тогда как все остальные — в ад. «Вот они и устраивают нам ад на земле», — пожаловалась она Ким. Ирен умоляла Ким сказать ей, кто это сделал, сообщила, что Хью вне себя от горя, не выходит из комнаты, лежит на кровати, плачет и говорит, что во всем виноват он, так как согрешил. Когда же Ким ответила, что не знает, кто это мог сделать, и считает, что никто из живущих на Тополиной улице не стал бы убивать кота Хобартов, миссис Хобарт заявила Ким, что та ничем не лучше остальных, а потому они больше не подруги. Ким очень расстроилась, но меньше, чем я.

Что же мне делать? Тэк пока ограничивается разбитыми стеклами и котом, но...

8 июля 1995 г.

Слава Тебе, Господи! В начале десятого утра на Тополиную улицу завернул фургон Компании грузовых перевозок и остановился перед домом Хобартов. Они уезжают с Тополиной улицы.

16 июля 1995 г.

Гребаный маленький мерзавец, говнюк. Как ты посмел! О, если бы я только могла добраться до тебя. Если бы ты отпустил Сета и я могла добраться до тебя. О Боже, Боже, Боже!

Моя вина? Да. Вопрос лишь в том, КАКОВА СТЕПЕНЬ моей вины. Дорогой Иисус, как я смогу жить без него? Как я смогу с этим жить? Я знала, что в этом мире может быть столько боли, но я не знаю, КАКОВА СТЕПЕНЬ моей вины. Ты мерзавец, Тэк, мерзавец. Больше я писать ничего не буду. Кому это может принести пользу?

О, Херб, мне так жаль, я люблю тебя, мне так жаль.

Я получила ответ на свое письмо, уже полностью потеряв надежду, что он когда-нибудь придет. Написал мне инженер-геолог Аллен Саймс. Он работает в карьере, который называется Китайская шахта, в городе Безнадеге, штат Невада. Саймс пишет, что видел Билла и его семью, но ничего особенного не происходило, он просто показал им карьер, и они поехали дальше. Ничего там не произошло.

Он лжет. Наверное, я никогда не узнаю, почему он это делает, не узнаю и о том, что там в действительности случилось, но одно я знаю наверняка. Он лжет.

Господи, помоги мне!

Глава 10

1

Все действительно происходило очень быстро, но Джонни не утратил своей удивительной способности фиксировать события и расставлять их в строгой последовательности.

Энтрегьян, умирающий, но не осознающий этого, полз к кактусу по левую сторону тропы, не поднимая головы и оставляя за собой кровавый след. Оголившийся на макушке череп цветом напоминал потускневшую жемчужину. Копа словно скальпировали.

А на самой тропе двое кружились в смертельном вальсе. Тварь из низины, гротескная пума с острыми оранжевыми зубами, поднялась на задние лапы, при этом ее передние лапы лежали на плечах Стива Эмеса. Если бы Стив опустил руки, когда пума выбила у него мелкокалиберную винтовку, он бы уже умер. Но он скрестил их перед грудью и теперь упирался локтями в грудь пумы.

— *Застрелите ее!* — прокричал Стив. — *Ради Бога, застрелите ее!*

Ни один из близнецов не бросился к валяющемуся на земле револьверу. Они не были однойцевыми близнецами, но на лицах обоих застыло одинаковое выражение ужаса.

Пума (Джонни мутило от одного взгляда на нее) пронзительно, по-женски, взвизгнула, и ее треугольная голова рванулась вперед. Стив откинул свою голову назад и попытался сбросить животное вбок. Но оно удержалось, крепко вцепившись в плечи Стива. Они продолжали кружиться, когти пумы все глубже

впивались в человеческую плоть, и теперь Джонни видел, как на футболке, вокруг когтей, черных, а не оранжевых, как зубы, ширились кровавые пятна. Хвост пумы яростно колотился об землю.

Они сделали еще полукруг, и тут ноги Стива зацепились одна за другую. Он едва не потерял равновесие, удерживая рычащую пуму на скрещенных руках. Энтрегьян тем временем добрался до кактуса, уперся в колючки кроващей головой, громко застонал и перекатился на бок. Он напомнил Джонни машину, выработавшую свой ресурс. Выли койоты. На глаза они не показывались, но чувствовалось, что они совсем рядом. Пахло дымом пожара.

— *Застрелите эту гребаную тварь!* — повторил Стив. Ему удалось удержаться на ногах, но пятиться было уже некуда: он стоял на самой границе тропы. Шаг-другой среди кактусов и ошетилившихся шипами кустов, и чудовище точно доберется до его шеи. — *Пожалуйста, застрелите ее, она меня разорвет!*

Джонни никогда не испытывал такого ужаса, но тем не менее понял, что даже в такой ситуации труден только первый шаг. Как только тело приходит в движение, ужас особого значения уже не имеет. В конце концов, убить Джонни — это максимум, на который способно это жуткое животное. Но умереть — значит избавиться от урагана, бушующего в голове.

Джонни склонился над винтовкой Энтрегьяна, куда более внушительной, чем мелкашка, которую пума выбила из рук длинноволосого, схватил ее, снял с предохранителя, передвинув рычажок, а затем ткнул дуло «ремингтона» в голову пумы.

— *Толкай!* — проревел он, и Стив толкнул. Голова животного подалась назад, подальше от шеи

Стива. Обильно смоченные слюной зубы блестели, словно кораллы. Свет заката отражался в зеленых глазах, отчего они горели огнем. Джонни успел подумать, а дослал ли Энтрегьян патрон в казенник (если нет, ему уже не написать следующую историю о Пэте Китти-Кэте), чуть отвернул голову и нажал на спусковой крючок. Громыкнуло (значит, дослал), из ствола выскочил язычок пламени, пахло жженым волосом. Пума повалилась на землю, от ее головы практически ничего не осталось, шерсть на шее обуглилась. А на месте снесенного черепа они увидели не кровь, мозг и раздробленные кости, а губчатый розовый материал, чем-то напоминавший Джонни теплоизоляцию, которой он утеплял второй этаж своего дома на Тополиной улице.

Стива шатнуло, он взмахнул руками, стараясь устоять на ногах. Маринвилл протянул руку, чтобы удержать его, но силы в этой руке не было. Так что Стив повалился в кусты у тропы, рядом с подрагивающими задними лапами пумы. Джонни наклонился, схватил его за запястье и потянул. Черные мушки закружились у него перед глазами, он уже подумал, что сейчас лишится чувств. Но потом Стив поднялся, а черные мушки исчезли.

Ув-ув-ув-в-о-о-о...

Джонни нервно огляделся. Ничего не было видно, но нутром он чуял, что койоты все ближе.

2

Дэйв Рид продолжал думать о том, что он вот-вот проснется. Запах пота и крови, долетавший до его ноздрей, — ерунда, так же как и тяжелое дыхание

копа (впрочем, и ему каждый вдох давался не легче), умирающий глаз и серое пульсирующее вещество мозга, которое он видел в разломе черепа. Это сон, только сон. Уж конечно, его брат не мог застрелить соседа, продажного копа (хотя этот коп подсказал Кэри Риптону, как повесить точность броска).

Похоже, он еще и обделался, подумал Дэйв, и внезапно к его горлу подкатила тошнота. Но он с ней совладал. Дэйв не хотел снова блевать, даже во сне.

Коп протянул руку и вцепился в рубашку Дэйва.

— Больно, — прохрипел он. — Больно.

— Не... — Дэйв шумно сглотнул и откашлялся. — Не надо вам говорить.

Он слышал, как за его спиной Джонни Маринвилл и этот хиппи обсуждают, следует ли идти дальше. Они, должно быть, рехнулись. И Маринвилл... Где был Маринвилл? Как он мог такое допустить? Он же, черт побери, взрослый!

Из последних сил Колли Энтрегьян приподнялся на локте. Его единственный уцелевший глаз не отрывался от лица юноши.

— Никогда, — прошептал он. — Никогда...

— Сэр... мистер Энтрегьян... вам бы лучше...

Ув-ув-УВ-В-В-О-О-О!

Вой раздался буквально над самым ухом Дэйва Рида. Он сам едва не завыл. Так захотелось броситься на Джонни Маринвилла. Но глаз копа удерживал его, как жука на булавке, а пальцы руки умирающего вцепились в рубашку. Дэйв, конечно, мог вырваться, мог, но...

Ложь. Он — жук на булавке, куда ему вырываться.

— Никогда не принимал наркотики... не продавал их... — шептал Колли. — Никогда не брал взятки. Все подстроено... И я выяснил кем.

— Вы... — начал Дэйв.

— Я выяснил! Ты понимаешь... что я говорю? — Он вытянул вторую руку, ту, что не держала рубашку Дэйва, разжал пальцы и посмотрел на ладонь. — Руки... чистые.

— Да, конечно, — кивнул Дэйв. — Но вам лучше не говорить. У вас... ну, на голове рана, и...

— Джим, нет! — вскрикнул за его спиной Маринвилл. — Не смей!

И тут Дэйв открыл для себя, как легко ему было оторваться от умирающего.

3

— Так что будем делать? — спросил Джонни длинноволосого, когда на другой стороне тропы темноволосый близнец склонился над человеком, которого застрелил его брат. Джонни слышал бормотание Энтрегьяна: тот, похоже, хотел исповедаться перед смертью. Джонни вновь столкнулся с тем, о чем и так хорошо знал: люди умирают трудно, уходят, до конца не веря в то, что происходит это именно с ними.

— Делать? — переспросил Стив, проведя рукой по волосам, смешивая красное с седым. Кровь все сильнее пропитывала футболку там, где когти пумы вонзались в его тело. — Что значит — делать?

— Идти дальше или возвращаться? — пояснил Джонни хриплым, надрывным голосом. — Что там, впереди? Что вы видели?

— Ничего. Нет, беру свои слова назад. Хуже, чем ничего. Это... — Тут глаза его округлились.

Джонни обернулся, думая, что хиппи увидел койотов, которые все-таки появились, но глазам его предстало иное зрелище.

— Джим, нет! — вскрикнул он. — Не смей!

Но Джонни уже знал, что опоздал, видел по бледному лицу Джима Рида, что для того пути назад нет.

4

Юноша простоял с револьвером, прижатым к виску, достаточно долго, чтобы в Стиве Эмесе затеплилась надежда, что, может, он этого не сделает, передумает в последний момент, и тут Джим нажал на спусковой крючок. Лицо исказилось, словно в глаза плеснули паралитическим газом, кожа отделилась от черепа, левая щека раздулась. А потом голова вспухла и разлетелась, как разбитый арбуз. Прощайте, честолюбивые надежды писать великолепные эссе (не говоря уже о такой прозе, как залезть в трусики к Сюзи Геллер). Красное желе выплеснулось на соседний кактус. Джим шагнул вперед, колени его подогнулись, револьвер выскользнул из руки, и юноша повалился на землю. Стив в ужасе повернулся к Джонни, думая: «Я не мог видеть того, что видел. Прокрутите пленку назад, проиграйте ее вновь, и вы увидите это сами. Я не видел того, что только что видел. Никто из нас не видел. Нет, никогда. Нет».

Да только он видел. Видел, как юноша, сокрушенный угрызениями совести и ужасом от того, что застрелил соседа по улице, у него на глазах покончил с собой.

— *Вы должны были остановить его!* — взревел Дэйв Рид, бросаясь на Джонни. — *Вы должны были остановить его, так почему не остановили? Почему вы не остановили его?*

Стив попытался перехватить парня, но боль в плечах не позволила ему поднять руки. Поэтому Стиву осталось лишь наблюдать, как Дэйв Рид кинулся на Джонни и повалил его на землю. Они покатались по тропе. Джонни оказался наверху, во всяком случае, на какое-то мгновение.

— Дэйв, послушай меня...

— *Нет! Нет! Вы должны были его остановить! Должны были остановить!*

Юноша ударил Джонни по лицу сначала левой, потом правой. Он рыдал, слезы катились по белым как мел щекам. Стив попытался вмешаться, но только отвлек Джонни, который пытался прижать руки Дэйва коленями. В итоге Дэйв, рванувшись, сбросил с себя Джонни. Тот вытянул руку, чтобы смягчить удар, но схватился за кактус и вскрикнул от боли.

Стив сжал за плечо Дэйва Рида правой рукой, той, что хоть как-то слушалась, но юноша легко стряхнул ее, даже не оглянувшись, прыгнул на широкую спину Джонни, сжал руками шею и начал душить. А вокруг в быстро меркнушем свете выли койоты. Такого воя Стив в детстве не слышал, хотя родился и вырос в Техасе.

Так койоты выли только в кино.

5

Оба мужчины хотели пойти с ней, но Синтия отказалась от услуг обоих: один стар, второй пьян. Ка-

литку в заборе, отделявшем двор от лесополосы, Стив и Колли оставили открытой. Миновав ее, Синтия сразу оказалась среди густой растительности. Увидела несколько кактусов, прежде чем добралась до тропы (на самом деле их было куда больше, они вытесняли кусты и деревья), но не обратила на них внимания. Впереди слышался шум борьбы: напряженное, прерывистое дыхание, крик боли, глухой удар тела. И вой койотов. Синтия их не видела, но были они со всех сторон.

Когда она выскочила на тропу, мимо пробежала миниатюрная блондинка в джинсах. Она даже не взглянула на девушку. Синтия ее узнала, это была Кэмми Рид, мать близнецов. За ней, пыхтя как паровоз, спешил Брэд Джозефсон. Пот струйками стекал по его щекам. В темно-красных лучах заката казалось, что Брэд плачет кровью.

Солнце заходит, подумала Синтия, пристраиваясь им в затылок. Если мы по-быстрому не выберемся отсюда, можем и заблудиться. А вот этого совершенно не хотелось.

Впереди раздался крик. Не крик — вопль. Полный ужаса и горя. Кричала Кэмми. «О черт!» — выдохнул Брэд, догоняя ее.

Какое-то время Синтия ничего не видела, кроме необъятной спины Джозефсона, потом он наклонился рядом с Кэмми, и глазам Синтии открылись два распростертых на тропе тела. В сгустившихся сумерках она не могла понять кто есть кто, лишь видела, что тела мужские, и, похоже, ни один из мужчин не умер естественной смертью. Тут же Синтия заметила Стива, стоящего слева от тропы, и сердце у нее радостно забило. У его ног лежала туша ка-

кого-то ужасного, бесформенного зверя со снесенной головой.

Кэмми Рид стояла на коленях у одного из трупов, не касаясь его, но сложив перед грудью дрожащие руки, и рыдала. Лицо ее перекошилось от невыносимой боли. По шортам Синтия догадалась, что это один из ее сыновей.

У них были идеальные зубы, почему-то подумала Синтия. Должно быть, обошлись ей и ее мужу в целое состояние.

Бред тем временем пытался оторвать другого близнеца (Дэйва, вспомнилось Синтии, а может, Дуга) от Джонни Маринвилла. Здоровяк-негр подсунул руки под локти юноши, завел их за его шею и начал, как рычагом, поднимать парня. Тот не сдавался.

— *Отпусти меня!* — вопил он. — *Отпусти меня, сукин сын! Он убил моего брата! Он убил Джимми!*

Миссис Рид больше не смотрела на убитого сына. Она вскинула голову. Выражение ее бледного лица напугало Синтию до полусмерти.

— Что? — Кэмми говорила тихо, словно сама с собой. — Что ты сказал?

— *Он убил Джимми!* — вопил Дэйв, тыча пальцем в поднимающегося с земли Джонни. Бреду удалось-таки оторвать от него обезумевшего от горя юношу.

— Нет, нет, — покачал головой Джонни. Синтия ясно видела, что женщина его не слышит, это читалось на ее окаменевшем лице, но Джонни ничего не замечал. — Я понимаю, какое у тебя сейчас состояние, Дэвид, но...

Женщина посмотрела вниз. Ее примеру последовала и Синтия. Обе одновременно увидели лежа-

ший на земле револьвер, и обе попытались его схватить. Синтия упала на колени и первой прикоснулась к нему, но это ей не помогло. Пальцы, холодные, как мрамор, и крепкие, словно когти орла, сомкнулись на ее руке и вырвали револьвер.

— ...это же несчастный случай, — бормотал Джонни, обращаясь к Дэйву. Выглядел он совсем больным, на грани потери сознания. — Ты не должен так говорить. Ты же...

— Берегись! — крикнул Стив и тут же добавил: — Святой Боже, женщина, не надо! Не надо!

— Ты убил Джимми? — ледяным голосом спросила Кэмми Рид. — Почему? Почему ты это сделал?

Но ответ, судя по всему, ее не интересовал. Она подняла револьвер, целясь Джонни Маринвиллу в лоб. Синтия несколько не сомневалась, что Кэмми решила его убить. И убила бы, если б не появление нового действующего лица, которое возникло между Кэмми и ее целью за мгновение до того, как она нажала на спусковой крючок.

6

Брэд узнал этого зомби, несмотря на перекошенное лицо и скачущую походку. Он только не мог понять, какая сила превратила веселого, остроумного преподавателя английского языка, с которым они жили в одном квартале, в то, что он видел перед собой. И не хотел знать. Достаточно того, что ему пришлось на это смотреть. Некто, отличающийся не только недюжинной силой, но и садистской жестокостью, должно быть, зажал голову Питера Джексона между ладонями и надавил. Его глаза вылезли из

орбит, левый лопнул и теперь лежал на щеке. Но больше всего ужаснула Брэда улыбка во весь рот, от уха до уха. Поневоле вспомнился Клоун из комиксов о Бэтмене.

Все замерли. Брэд почувствовал, как разжимаются его пальцы на шее Дэйва Рида, но Дэйв не попытался вырваться. Длинноволосый в запятанной кровью футболке загораживал Питеру путь, и на мгновение Брэд подумал, что они сейчас столкнутся. Но в последнюю секунду хиппи ушел в сторону, освобождая дорогу. Питер повернул к нему перекошенное лицо. Последние лучи света поблескивали на выпученных белках глаз и оскаленных зубах.

— Сесть... рядом... с моим другом.

— Конечно, парень, как тебе надо, так и делай. — Голос хиппи заметно дрожал, он подался назад, отстраняясь от лыбящегося мужчины. Хиппи, похоже, был ранен. Каждое движение наверняка причиняло ему боль, но он все равно подался назад. Брэд его очень хорошо понимал. Он бы тоже не хотел, чтобы зомби прикоснулся к нему, даже проходя мимо.

Зомби двинулся дальше, пнул ногой лапу убитого животного, вроде бы дикой кошки, и тут Брэда поджидал очередной сюрприз: туша животного разлагалась с невиданной скоростью, шкура чернела, от нее уже поднимались струйки вонючего дыма или пара.

Какое-то время все они напоминали скульптурную группу: хиппи с поникшими окровавленными плечами, девушка-продащица на одном колене, Кэмми, целящаяся из револьвера в Джонни, Джонни с поднятыми руками, словно приготовившийся поймать пулю, Брэд и Дэйв Рид в борцовской позе.

А Питер все дальше уходил от них по тропе, ни разу не обернувшись. Воздух застыл, от дневного света осталось совсем ничего, приумолкли даже койоты.

Затем Дэйв почувствовал, что держащие его руки ослабли, и вырвался из объятий Брэда. Джонни его больше не интересовал. Он набросился на мать.

— *Ты тоже!* — выкрикнул он. — *Ты тоже убила его!*

Кэмми повернулась к сыну, а на лице ее отразились ужас и недоумение.

— Почему ты послала нас сюда, мама? Почему?

Дэйв выхватил револьвер из руки матери, секунду-другую подержал перед собой, а потом зашвырнул в окружающие тропу кусты... только кустов уже не было. Вокруг все менялось с невероятной быстротой. Они уже стояли среди кактусов. И запах пожара изменился: теперь пахло горящим мескитовым деревом, может, даже горящей полынью*.

— Дэйв... Дэйви, я...

Кэмми замолчала, глядя на сына. Он смотрел на нее, бледный как мел. Брэду подумалось, что совсем недавно он видел этого самого юношу на лужайке, где он смеялся и перебрасывался фризби с братом и двумя девушками. Лицо Дэвида сморщилось, губы задрожали, на подбородок выплеснулись капельки слюны. Он зарыдал. Мать обняла его и начала качать из стороны в сторону.

— Все хорошо. — Глаза Кэмми сухо блестели, как камешки на дне пересохшей реки. — Все хорошо, дорогой, все хорошо. Мама с тобой, и все хорошо.

Джонни вернулся на тропу. Он бросил быстрый взгляд на мертвое животное. Воздух над тушей дро-

* В Америке Невада зовется Полынным штатом.

жал, словно над жаровней, из нее текли ручейки густой розовой жидкости. Потом Джонни посмотрел на Кэмми и ее оставшегося сына.

— Кэмми. Миссис Рид. Я не стрелял в Джима. Клянусь, не стрелял. Произошло следующее...

— Замолчите, — ответила она, не глядя на Джонни. Дэйв возвышался над матерью на полтора фута, превосходил ее весом на семьдесят фунтов, но она качала его с той же легкостью, как в далеком прошлом, когда ему было восемь месяцев и у него болел животик. — Я не хочу знать, что тут случилось. Мне без разницы, что тут случилось. Давайте вернемся домой. Ты хочешь вернуться домой, Дэвид?

Плача, не поднимая головы, он кивнул над ее плечом.

Сухие глаза Кэмми, переполненные горем, обратились к Брэду.

— Принесите другого моего мальчика. Мы не можем оставить его рядом с этим. — Она бросила взгляд на разлагающуюся, вонючую тушу пумы и вновь посмотрела на Брэда. — Принесите его. Вы меня понимаете?

— Да, мэм, — ответил Брэд. — Разумеется, я вас понимаю.

7

Том Биллингсли стоял у кухонной двери, всматриваясь сквозь сгущающиеся сумерки в лесополосу, начинающуюся за открытой калиткой, и вслушиваясь в доносящиеся оттуда звуки и голоса. Когда по его плечу забарабанили чьи-то пальчики, старика чуть не хватил удар.

В свое время он бы стремительно развернулся и двинул незваному гостю кулаком или локтем, да так быстро, что тот не успел бы и глазом моргнуть. Но молодой человек, способный на такую прыть, остался в далеком прошлом. Биллингсли все-таки нанес удар, но рыжеволосая женщина в синих шортах и блузе без рукавов успела отпрыгнуть, поэтому кулак ветеринара с раздувшимися от артрита костяшками пальцев рассек воздух.

— Господи, женщина! — воскликнул он.

— Извините, Том. — Миловидное лицо Одри неузнаваемо изменилось. Синяк на левой щеке, распухший нос, запекшаяся на верхней губе и подбородке кровь. — Я хотела что-нибудь сказать, но боялась испугать вас еще больше.

— Что с тобой случилось, Одри?

— Не важно. Где остальные?

— Кто-то в лесополосе, кто-то в соседнем доме. Вро... — Его прервал громкий вой. Красный закат быстро гас, отступая под напором темноты. — Вроде бы тем, кто пошел туда, досталось. Слишком много криков. — Тут Старина Док вспомнил, что он остался в доме не один. — А где Гэри?

Одри отступила в сторону. Гэри лежал на полу. Он отключился, не выпуская руки жены. Крики в лесополосе смолкли, возможно, временно, и теперь Старине Доку было слышно его похрапывание.

— Под покрывалом — Мэриэл? — спросила Одри.

Том кивнул.

— Мы должны соединиться с остальными, Том. До того, как все начнется вновь. До того, как они вернутся.

— Ты знаешь, что здесь творится, Од?

— Едва ли кто-то может точно знать, что здесь творится, но кое-что мне известно. — Она сжала ребрами ладоней виски и закрыла глаза. Сейчас Одри напоминала Тому студентку математического колледжа, решающую сложное уравнение. Затем руки ее упали, она вновь посмотрела на старика. — Нам надо перебраться в соседний дом. Лучше держаться вместе.

Биллингсли указал на храпящего Гэри:

— А как насчет него?

— Мы не сможем нести его, тем более не сможем перекинуть через забор. Нам бы самим перелезть через него.

— Я перелезу. — В голосе Тома звучали нотки обиды. — Не волнуйся за меня, Од, со мной проблем у тебя не будет.

Из лесополосы донесся крик, еще один выстрел, потом предсмертный рев какого-то зверя. И тут же завывли койоты.

— Не следовало им идти туда, — покачала головой Одри. — Я знаю, почему они пошли, но идея эта плохая.

Старина Док кивнул:

— Думаю, они уже знают об этом.

8

Питер добрался до развилки тропы и взгляделся в пустыню, желтовато-белую при свете поднимающейся луны. Потом он посмотрел вниз и увидел мужчину в залатанных штанах цвета хаки, пришпиленного к кактусу.

— Привет... друг, — поздоровался Питер и отодвинул тележку бродяги, чтобы присесть рядом

с ним. Откинувшись на иглы кактуса, чувствуя, как они впиваются ему в спину, Питер услышал крик, выстрел, предсмертный вой зверя. Все это происходило где-то далеко и совершенно его не касалось. Он положил руку на плечо мертвого бродяги. — Привет... друг, — повторил известный исследователь творчества Джеймса Дики.

Питер посмотрел на юг. Зрение его слабело с каждой минутой, но того, что осталось, хватило, чтобы увидеть идеально круглую луну, поднявшуюся меж черных вершин-зубьев. Серебряную, как старинные карманные часы, а с нее ему подмигивал мистер Мун, которого он помнил по детской книжке о Матушке Гусыне.

Только этот мистер Мун почему-то носил ковбойскую шляпу.

— Привет... друг, — шепнул ему Питер, еще сильнее прижимаясь к иглам кактуса. Он не чувствовал, как они пробили легкие, не чувствовал, как из растянутого в улыбке рта потекли первые струйки крови. Он нашел своего друга. Нашел своего друга, и теперь все будет хорошо, они вместе смотрят на мистера Муна-ковбоя, и им очень хорошо.

9

Джонни подумал, что темнеет так же быстро, как в тропиках. Заросли кактусов превратились в две черных стены, но тропу он различал без труда: серая полоса шириной в два фута, изгибающаяся меж черных стен. Если бы не полная луна, им пришлось бы совсем плохо. Утром Джонни слушал прогноз синоптиков и знал, что луна только народилась и до пол-

нолуния еще чуть ли не две недели, но стоило ли, учитывая известные события, обращать внимание на это маленькое противоречие?

По тропе они шли парами, как животные по сходням Ноева ковчега: Кэмми и ее оставшийся в живых сын, потом он и Брэд (с трупом Джима Рида, покачивающимся между ними), последними Синтия и хиппи, которого звали Стив. Девушка подобрала «ремингтон», и, когда койот, такой же кошмарный, как и пума, выступил из-за кактуса по левую сторону тропы, именно девушка свела с ним счеты.

Кактусы отбрасывали в свете луны фантастические тени, и поначалу Джонни подумал, что койот — одна из них. Затем Брэд крикнул: «Эй, берегитесь!» — и девушка тут же выстрелила. Отдача отбросила ее, как кеглю в боулинге, но хиппи успел схватить девушку за пояс джинсов.

Койот взвизгнул и покатился по земле, его задние лапы спазматически подергивались. Света хватило, чтобы Джонни разглядел, что кончаются лапы обрубками, подозрительно смахивающими на фаланги человеческих пальцев, а на шее у койота вместо галстука повязан патронташ. Его собратья подняли дикий вой, то ли скорбели, то ли смеялись.

Разложение началось мгновенно. Лапы с пальцами почернели, грудная клетка провалилась, глаза выкатились, словно камешки. От шкуры пошел зловонный дымок, потекли розовые струйки какой-то гадости.

Джонни и Брэд осторожно опустили на землю тело Джимми Рида. Джонни взял у девушки винтовку и стволом ткнул в койота. К его удивлению (легкому удивлению, поскольку запас эмоций в этот день

сильно истощился), ствол проткнул тушу безо всякого сопротивления.

— Похоже на сконденсированный сигаретный дым, — доложил о результатах исследования Джонни, возвращая винтовку Синтии. — Не думаю, что это живая тварь. Похоже, все они неживые.

Стив подошел к нему, взял за руку и положил ее себе на плечо. Джонни нащупал ряд глубоких царапин, оставленных когтями пумы. Кровь насквозь пропитала материю.

— Сигаретный дым такого бы не сделал.

Джонни уже собрался ответить, но его отвлекло странное дребезжание. Примерно так же колотились кусочки льда в шейкерах, в которых смешивали коктейли в дни его молодости. Тогда, в пятидесятых, в загородном клубе невозможно было набраться без галстука на шее. Станный звук исходил от Дэйва Рида, который застыл рядом с матерью. Стучали его зубы.

— Пошли, — нарушил затягивающуюся паузу Брэд. — Надо побыстрее убраться отсюда, пока не появился кто-то еще. Летучие мыши-кровососы или...

— Пока придется постоять, — оборвала его Синтия. — Вы меня понимаете, не правда ли?

— Извините, — кивнул Брэд. — Кэмми, надо двигаться, вы меня слышите?

— Сама знаю, что надо, — резко бросила она. Ее рука обвивала талию Дэйва. С тем же успехом она могла попытаться сдвинуть железный столб. Юноша дрожал всем телом, зубы его отбивали четку. — Разве вы не видите, что мальчик перепуган до смерти?

В окружающей их тьме были койоты. Вонь от твари, убитой Синтией, становилась невыносимой.

— Да, Кэмми, вижу. — Брэд говорил тихо, мягко. Джонни подумал, что он мог бы заработать кучу денег, выбрав профессию психоаналитика. — Но оставаться здесь нельзя. Или нам придется уйти без вас. Необходимо укрыться в доме. Вы это понимаете, не так ли?

— Только захватите моего второго мальчика, — ответила она. — Не оставляйте его на тропе на рас... Не оставляйте его на тропе!

— Мы его не оставим, — произнес Брэд все тем же мягким, успокаивающим голосом. Он наклонился, подхватил ноги Джима Рида. — Правда, Джон?

— Да, конечно. — Джонни подумал, а что останется к утру от бедного Колли Энтрегьяна... если наступит утро. Мать Колли не требовала, чтобы они взяли с собой его труп.

Как только они подняли с земли тело Джима, Кэмми встала на цыпочки и что-то шепнула в ухо Дэйва. Должно быть, она нашла нужные слова, потому что юноша сдвинулся с места.

Но не прошли они и нескольких шагов, как впереди послышались торопливые шаги, а потом чей-то сдавленный крик боли. Дэйв пронзительно вскрикнул, словно жертва в фильме ужасов. От этого вопля волосы у Джонни встали дыбом. Уголком глаза он заметил, что хиппи опустил вниз ствол винтовки, которую девушка уже успела вскинуть к плечу.

— Не стреляйте! — раздался голос впереди и слева от них. Голос этот Джонни сразу признал. — Мы друзья, нас бояться не надо. Хорошо?

— Док? — спросил Джонни. Он едва не уронил тело Джима Рида, но тут же вцепился в него мертвой

хваткой, несмотря на ноющую боль в руках и плечах. Перед тем как до них донеслись звуки шагов, он думал об одной фразе из «Осквернителя праха». После смерти люди становятся тяжелее, писал Фолкнер. Словно смерть — единственный способ, каким гравитация могла доказать свое существование. — Это вы, Док?

— Да. — Две тени появились из темноты и осторожно направились к ним. — Я наткнулся на какой-то паршивый кактус. Откуда в Огайо взялись кактусы?

— Хороший вопрос. Кто с вами?

— Одри Уайлер, из дома напротив, — ответила женщина. — Можем мы выбраться из этого леса?

Джонни внезапно понял, что до дома Карверов ему тело Джима Рида не донести, и уж тем более они с Брэдом не смогут перекинуть его через забор. Он оглянулся.

— Стив? Не смогли бы вы... — Тут он вспомнил смертельный танец, исполненный Стивом с псевдопумой. — Черт, наверное, не сможете, так?

— О Господи! — Том Биллингсли наконец увидел, кого несут Брэд и Джонни. — Который?

— Джим, — ответил Джонни, а когда Том подошел к нему, добавил: — Вам нельзя, Том, у вас будет инфаркт.

— Я помогу, — вызвалась Одри. — Вперед. Стоять здесь нельзя.

Стив увидел, что старый ветеринар и женщина, которая жила напротив, вышли на тропу в том же самом месте, что и они с Колли Энтрегьяном. Коро-

вий череп, наполовину ушедший в землю, лежал там, где Стив раньше заметил использованную пару батареек. На месте пакетика из-под чипсов оказалась ржавая подкова, а вот обертка от набора фотографий бейсболистов никуда не делась. Стив наклонился, поднял ее и повернул таким образом, чтобы на нее падал лунный свет. Все так. Альберт Белль замахи-вался битой, хищно прищурившись. И тут Стива осе-нило: ведь это же анахронизм. В отличие от какту-сов, коровьего черепа или даже чудища, прятавше-гося в низине и отдаленно напоминавшего пуму. «И мы тоже анахронизм, — подумал он. — Чужаки для этого места и этого времени».

— О чем задумался? — обратилась к нему Синтия.

— Ни о чем.

Обертка вывалилась из его пальцев. На полпути к земле она неожиданно расправилась, словно парус, наполнившийся ветром, и из светло-зеленой стала ослепительно-белой. Стив ахнул. Синтия, которая обернулась, чтобы посмотреть, не идет ли кто сле-дом, тут же бросила на него озабоченный взгляд.

— Что такое?

— Ты видела?

— Нет. Что?

— Вот это. — Он вновь поднял обертку, превра-тившуюся в лист плотной шершавой бумаги. С ли-ста на них смотрела физиономия бородатого банди-та с полуприкрытыми тяжелыми веками глазами. Ниже было написано: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ УБИЙЦА, ГРАБИТЕЛЬ БАНКОВ И ПОЕЗДОВ, ВОР, НАСИЛЬ-НИК, ОТРАВИТЕЛЬ ГОРОДСКИХ КОЛОДЦЕВ, КОНО-КРАД». А еще ниже указывались имя и фамилия пре-ступника: ДЖЕБЕДИЯ МЕРДОК.

— Любопытно, — выдохнула Синтия.

— Ты о чем?

— Это не преступник, а актер. Я видела его по телевизору.

Стив оторвался от листка и увидел, что остальные уходят. Он взял Синтию за руку, и они поспешили вдогонку.

11

Тэк возник в арке между «берлогой» и гостиной, едва касаясь ковра грязными пальцами ног Сета. Глаза горели огнем. Демон часто-часто дышал легкими Сета. Волосы Сета стояли дыбом не только на голове, но и на теле. Когда пушок на теле соприкасался со стеной, раздавалось характерное для электростатического разряда потрескивание. Мышцы тела мальчика напоминали натянутые струны.

Смерть копа вырвала Тэка из телевизионного транса, и в последний момент демон сумел высосать из умирающего его жизненную силу. Поэтому теперь энергия переполняла его, он сокрушил еще один барьер, приблизившись к уникальному нервному центру Сета Гейрина. Приблизившись, но еще не захватив его.

Возрос и радиус его восприятия. Демон увидел юношу с дымящимся револьвером в руке, понял, что случилось, уловил переполняющие его ужас и чувство вины. Не раздумывая (Тэк никогда не раздумывал), он перескочил в мозг Джима Рида. На таком расстоянии демон не мог контролировать тело Джима, но эмоциональная защита юноши на какие-то мгновения рухнула, открыв его мозг для вмешательства извне. Этой секунды или двух хватило Тэку, что-

бы вытолкнуть Джима за предельную черту. Юноша, возможно, покончил бы с собой и без посторонней помощи. Такие мысли у него наверняка были. Но Тэк позаботился о том, чтобы смерть виделась Джиму желанным исходом.

Энергия, высвобожденная самоубийством Джима Рида, тоже стала добычей Тэка. Свежая энергия, энергия молодости, с лихвой компенсировала все те чудовищные затраты, которые пошли на создание замкнутого пространственного кармана. И теперь Тэк завис в арке, готовый закончить начатое.

Но прежде всего надо было поесть. Голод скрутил кишки. Тэк выплыл на середину гостиной и остановился.

— Тетя Одри! — позвал он голосом Сета. Нежным голосом, возможно, потому, что слышался он очень редко. — Тетя Одри, ты здесь?

Нет. Тэк чувствовал, что ее здесь нет. Иногда тетя Одри могла с помощью Сета блокировать свой мозг, но только не постоянный сигнал, свидетельствующий о том, что она вместе со своим мозгом здесь, рядом. А вот теперь сигнал пропал, то есть из дома она убежала, но только из дома. Она, возможно, присоединилась к остальным, потому что больше ей идти некуда. Тополиная улица окружена невадской пустыней... только не настоящей, а воображаемой, какой представлял ее себе Тэк. Разумеется, с помощью Сета. Без Сета у него бы ничего не вышло.

Тэк направился на кухню. Может, это и к лучшему, что тетя Одри сбежала. Сета будет легче контролировать — больше вероятность того, что он не помешает Тэку в критический момент. Не то чтобы малыш теперь мог стать серьезной преградой в на-

чинаниях Тэка. Это поначалу была схватка равных... хотя и не совсем равных. По большому счету сила не могла выстоять перед мастерством, а Тэк оттачивал его добрую тысячу лет. Мало-помалу он брал верх, используя сверхъестественные способности Сета против него же самого, как опытный каратист использует промахи своего сильного, но глупого соперника.

— Сет, — позвал он, приближаясь к холодильнику. — Сет, где ты, партнер?

На мгновение Тэк подумал, что Сет тоже мог уйти... да только не мог он уйти, не мог. Они полностью переплелись, стали сиамскими близнецами со сросшимся позвоночником. Если бы Сет покинул тело, отключились бы все парасимпатические системы — сердце, легкие, пищеварительный тракт, кровеносные органы, спинной мозг. Тэк не мог поддерживать их функционирование, как астронавт не может поддерживать функционирование тысяч систем, которые забрасывают его в космос и обеспечивают поддержание его жизнедеятельности. Сет выполнял роль компьютера, а без компьютера оператору оставалось только умереть. Однако на самоубийство Сет пойти не мог. Тэк удержал бы его от деяния, на которое толкнул Джима Рида. К тому же Тэк чувствовал, что Сет не хочет порывать с этим миром. Часть Сета даже не хотела освободиться от Тэка. Потому что Тэк все изменил. Тэк дал Сету космофургоны, которые перестали быть просто игрушками. Тэк превратил фильмы в реальность. Тэк вышел из Китайской шахты с парой семимильных ковбойских сапог, сшитых как раз по ножке одинокого маленького мальчика. Кто захочет, чтобы его покинул такой чудесный друг? Особенно если после его

ухода ты вновь окажешься закупоренным в каземате собственного черепа?

— Сет, — вновь позвал Тэк. — Сет, где ты, отзовись.

И откуда-то из глубины, из лабиринта пещер, перегородок и тоннелей, который создал мальчик (та его часть, что не терпела Тэка, которую ужасал незнакомец, поселившийся в голове), до Тэка донеслись едва слышные знакомые импульсы.

Сет!

Да, он, больше некому. Спрятавшийся. Уверенный, что Тэк его не услышит и не почует. Все так, но импульсы шли, словно Сет захватил с собой радиомаячок, поэтому при необходимости Тэк мог выследить Сета и вытащить из тайного убежища. Сет, похоже, этого не знал, так что следовало и дальше держать его в неведении. Пусть считает себя в безопасности.

«Да, сэр, — подумал демон, — сейчас тело полностью принадлежит мне. Но тело надо кормить. Поэтому что без пищи оно никуда не годится».

На верхней полке стоял кувшин с шоколадным молоком. Грязными руками Сета Тэк поставил его на стол, заглянул в морозилку. Гамбургер там лежал, но Тэк понятия не имел, как его приготовить: такая информация в памяти Сета отсутствовала. Тэк съел бы гамбургер сырым с удовольствием, собственно, два или три раза он так и поступал, но от этого тело Сета заболело. И тетя Одри говорила, что причина болезни — сырое мясо. Тэк не думал, что тетя Одри врет, хотя полной уверенности у него не было. Последний раз телу досталось особенно сильно: его рвало и поносило всю ночь. Тэк тогда покинул тело Сета, лишь изредка проверяя, все ли в порядке и не

готовят ли ему каких-нибудь сюрпризов. Демон не-навидел необходимость тела справлять естественную нужду, даже когда все системы организма работали нормально, а в ту ночь они просто взбесились.

Значит, гамбургер исключается.

Но имелись еще болонская колбаса и несколько ломтиков сыра, желтого, особенно вкусного. Руками Сета демон перенес колбасу и сыр на стол, а потом использовал сверхъестественный мозговой центр, который он делил с Сетом, чтобы перенести из буфета пластиковый стакан. Пока Тэк делал себе сандвич, накладывая сыр и колбасу на кусок хлеба, намазанного горчицей, кувшин поднялся в воздух, наклонился и наполнил стакан шоколадным молоком.

Тэк ополовинил стакан четырьмя большими глотками, потом выпил остальное. И набросился на сандвич, пока кувшин, движимый командами мозга Тэка-Сета, вновь наполнял стакан молоком. Несколько капель горчицы упало на грязные ноги Сета, но Тэк этого просто не заметил. Он кусал, глотал, пил, рыгал. Урчание в животе постепенно стихало. Просто беда с этим телевизором, особенно если крутится пленка с «Регуляторами» или «Мотокопами 2200». Тэк не мог оторваться, погружался в свои мечты и забывал о кормежке тела Сета. А потом так хотелось есть, что демон не мог думать ни о чем другом. Где уж тут планировать или действовать.

Тэк допил второй стакан молока, держа его надотром, чтобы не пропали последние капли, потом бросил стакан в раковину. «Ничто не может сравниться с мясом, поджаренным на костре, па!» — воскликнул демон голосом Маленького Джо Картрайта и поплыл к двери кухни с остатками сандвича в руке.

Лунный свет заливал гостиную. Тополиная улица исчезла. На ее месте появилась Главная улица города Безнадеги, штат Невада, какой она была в 1858 году, после того как несколько золотоискателей поняли, что синяя глина, которую они считали пустой породой, на самом деле содержит немалый процент серебра... И умирающий городок захлестнула волна авантюристов, слетевшихся с калифорнийских золотых приисков. Другая земля, но тот же побудительный мотив: заработать кучу денег, сняв сливки. Тэк ничего этого не знал и, уж конечно, не мог почерпнуть подобных сведений из «Регуляторов» (там речь шла о Колорадо, а не о Неваде). Информацию эту Сет почерпнул из головы мужчины, которого звали Аллен Саймс, незадолго до встречи с Тэком. Согласно Саймсу, в 1858 году начались работы на шахте Рэттлснейк номер один.

На другой стороне улицы дома Джексонов и Биллингсли превратились в китайскую прачечную Лушана и продуктовый магазин Уоррелла. На месте дома Хобарта стояла окружная лавка Оула, и, хотя Тэк улавливал запах дыма, следов пожара не замечалось.

Тэк повернулся и увидел на полу один из космофургонов, скромно притулившийся у дивана. Тэк поднял его в воздух. Космофургон медленно всплыл на уровень темно-карих глаз Сета. Его колеса неторопливо вращались, пока Тэк смотрел на него, додая сандвич. «Рука справедливости». Иной раз Тэку хотелось, чтобы этот космофургон принадлежал Маленькому Джо Картрайту, а не полковнику Генри. Тогда шериф Стритер из «Регуляторов» мог бы переехать в Виргиния-Сити и сменить лошадь на синюю «Свободу». Стритер и Джеб Мердок, которого толь-

ко ранили, а не убили, подружались бы... с Картрайтами... переехали бы туда и Лукас Маккейн с сыном, не вечно же им торчать в Нью-Мексико... и... ну...

— И я стал бы Па, — прошептал Тэк. — Босс Пондерозы и самый крутой в Неваде. Я.

Улыбаясь, демон приказал космофургону дважды медленно облететь голову Сета Гейрина. А потом выкинул фантазии из головы. Очаровательные фантазии. Может, даже реализуемые, если ему удастся зачерпнуть жизненной силы из людей на другой стороне улицы, зачерпнуть той субстанции, что покидает человека в момент его смерти.

— Пора, — прошептал демон. — Они обложены, деваться им некуда.

Тэк закрыл глаза, вызвал из памяти Сета образы космофургонов... Прежде всего «Мясовозка», которая возглавит атаку. За штурвалом Безлиций, графиня Лили — второй пилот, Джеб Мердок — стрелок. Потому что Мердок — самый жестокий из всех.

С закрытыми глазами, чувствуя, как клокочет в мозгу энергия, Тэк начал собирать войска. Ему требовалось время, на этом этапе достаточно продолжительное.

Но скоро регуляторы возьмутся за дело.

— Готовьтесь к худшему, дамы и господа, — прошептал Тэк. Пальцы Сета сжались в кулаки. — Готовьтесь к худшему, потому что мы собираемся стереть этот город с лица земли.

Аллен Саймс двадцать шесть лет (с 1969-го по конец 1995 года) проработал инженером-геологом в «Дип эс майнинг компани». После выхода на пенсию переехал в Кляуотер, штат Флорида, где и умер от сердечного приступа 19 сентября 1996 года. Этот документ найден его дочерью на письменном столе мистера Саймса. Находился он в запечатанном конверте с надписью: «КАСАТЕЛЬНО СТРАННОГО ПРОИСШЕСТВИЯ НА КИТАЙСКОЙ ШАХТЕ. ВСКРЫТЬ ПОСЛЕ МОЕЙ СМЕРТИ».

Документ приведен без изменений.
Издатель.

27 октября 1995 г.

ВСЕМ, КОГО ЭТО МОЖЕТ ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ!

Я пишу все это по трем причинам. Во-первых, хочу прояснить подробности некоего события, имевшего место пятнадцать месяцев назад, летом 1994 г. Во-вторых, надеюсь успокоить свою совесть, которая вроде бы успокоилась, но проснулась вновь после того, как я получил письмо из Огайо от этой Уайлер и солгал, отвечая на него. Не знаю, может ли человек облегчить свою совесть, зная, что написанное им будет прочитано лишь в будущем, но почему бы не попробовать. Возможно, я даже кому-нибудь покажу эти заметки, к примеру, этой Уайлер, после выхода на пенсию. И в-третьих, я не могу выкинуть из головы улыбку этого маленького мальчика.

Не могу забыть, как он *улыбался*.

Я солгал миссис Уайлер, чтобы защитить репутацию компании, чтобы сохранить свою работу, но в большей степени потому, что мог солгать. 24 июля 1994 г., в воскресенье, карьер пустовал, поэтому, кроме меня, их никто не видел. Да и меня там не было бы, если б не отчетность, которую я порядком запустил. Тот, кто думает, будто работа геолога — ходить по горам и долинам да открывать месторождения полезных ископаемых, жестоко ошибается. Ему бы посмотреть, сколько за эти годы я написал отчетов и докладных!

Так или иначе, я уже заканчивал все дела, когда на стоянку завернул «вольво»-пикап и из него выпала вся семья. Должен сказать, что таких радостных людей мне доводилось видеть только в цирке. Они напоминали героев рекламных роликов, которые млеют от счастья, видя эффект, достигаемый новым стиральным порошком.

Их было пятеро: папа (брат этой женщины из Огайо), мама, старший брат, старшая сестра и маленький братик, который тянул годика на четыре, хотя из письма, полученного от Уайлер (которое она послала в июле этого года), следует, что он был старше, просто выглядел моложе своего возраста.

Я увидел их через окно, у которого стоял мой заваленный бумагами стол. Минуту или две они кружили около своего автомобиля, тыча пальцами в вал к югу от города, взъерошенные, словно цыплята перед грозой, а по-

том маленький мальчик потянул папашу к трейлеру, который мы использовали под контору.

Происходило все это в штаб-квартире отделения нашей компании, которое называлось «Дип эс Невада». Трейлер стоял в двух милях от шоссе номер 50, главной автострады здешних мест, на окраине Безнадеги, города, известного тем, что во времена Гражданской войны здесь добывали серебро. Мы вели работы в так называемой Китайской шахте, добывали медь методом выщелачивания. И хотя «зеленые» упрекают нас в «варварском уничтожении земель», на самом деле ущерб не столь уж велик.

Короче, маленький братец подтащил папашу к лесенке, и я услышал, как он сказал: «Постучи, папа, в доме кто-то есть, я знаю, что есть». На лице папаши отразилось безмерное изумление, хотя я не мог понять почему: все-таки моя машина стояла рядом, у всех на виду. Это потом я узнал, что поразили папашу не сами слова малыша, а его внезапно открывшаяся способность их произносить.

Папаша оглянулся на своих близких и услышал от них то же самое: стучи, стучи, давай стучи в дверь! Им просто не терпелось, чтобы он постучал. Забавно. Признаюсь, их необычное поведение заинтересовало меня. Я разглядел номерные знаки автомобиля и никак не мог взять в толк, каким ветром семью из Огайо занесло в Безнадегу на исходе воскресного дня. Если бы папаша не

собрался с духом и не постучал, я бы сам открыл дверь. Известно, конечно, что любопытство до добра не доводит, а с другой стороны, когда оно считалось пороком?

Но он все-таки постучал, и как только я открыл дверь, маленький братец юркнул мимо меня в трейлер и подбежал к стене, прямо к доске объявлений, на которую Салли повесила письмо миссис Уайлер, когда оно пришло, написав на нем большими красными буквами: «МОЖЕТ КТО-НИБУДЬ ПОМОЧЬ ЭТОЙ ДАМЕ?»

Мальш начал тыкать пальцем в аэрофотографии Китайской шахты, которые мы держали на доске объявлений, тыкать в одну фотографию за другой. Может, вам следовало бы при этом присутствовать, чтобы понять, как странно все это выглядело, но уж поверьте мне на слово. У меня возникло такое ощущение, будто он уже бывал в трейлере дюжину раз.

— Вот она, папа, вот она! — радостно покрикивал он при этом. — Вот она! Вот она! Вот шахта, серебряная шахта!

— Ну, — я не мог не рассмеяться, — на самом деле мы добываем здесь медь, сынок, но, полагаю, ты недалек от истины.

Мистер Гейрин, густо покраснев, повернулся ко мне:

— Извините, что ворвались без спроса. — Тут уж он протиснулся мимо меня и поднял мальша на руки.

Я же стоял и улыбался. Ничего не мог с собой поделать.

Папаша вынес мальчика на лесенку, полагая, что они должны стоять именно там. Приехал он из Огайо, поэтому не мог знать, что мы в Неваде не считаем за преступление появление в доме чужого человека. Малыш не вырывался, не сучил ногами, но взгляд его не отрывался от аэрофотографий. Его глазки ярко блестели над плечом родителя. Вокруг собрались и остальные родственники, все очень возбужденные. Старшие брат и сестра просто не могли устоять на месте, да и мамаша не очень-то от них отличалась.

Отец сказал, что они из Толидо, представился сам, потом представил жену и двух старших детей.

— А это Сет, — закончил он. — Сет — *необычный ребенок*.

— А я думал, дети все необычные. — Я протянул руку. — Давай лапу, Сет, я — Аллен Саймс.

И он тут же пожал мне руку. Остальные застыли как громом пораженные, особенно папаша. Я никак не мог понять почему. Мой отец научил меня рукопожатию в три года, не такая уж это сложная наука, не то что вытаскивать из колоды четыре туза подряд. Но вскоре мне объяснили, что к чему.

— Сет хочет знать, не можем ли мы посмотреть на гору, — говорит мистер Гейрин, указывая на Китайскую шахту. — Я думаю, он имеет в виду шахту...

— Да! — прерывает его малыш. — Шахту! Сет хочет видеть шахту! Сет хочет видеть

серебряную шахту! Маленький Джо! Адам! Хоп Синь!

Я расхохотался. Как давно я не слышал эти имена, а остальные вообще не понимали, о чем речь, и смотрели на маленького мальчика, словно он — Иисус, поучающий старейшин в храме.

— Если ты хочешь взглянуть на ранчо Пондероза, сынок, — отвечаю я, — думаю, это возможно, хотя находится оно довольно далеко к западу. И есть шахты, открытые для экскурсий. В некоторых можно прокатиться на настоящей вагонетке. Я бы порекомендовал «Бетти Карр», в Фэллоне. Но на Китайской шахте экскурсий нет. Это действующее предприятие, и оно не проявляет никакого интереса к заброшенным золотым и серебряным выработкам. А этот вал, который вы принимаете за гору, окаймляет большую дыру в земле.

— Он не понимает многого из того, что вы говорите, мистер Саймс, — подал голос старший брат. — Мальчик он хороший, но соображает не так быстро. — И брат постучал пальцем по виску.

Но малыш все понял, безо всякого сомнения, потому что тут же расплакался. Не громко и капризно, а как ребенок, потерявший что-то очень для себя дорогое. При этом остальные разом приуныли, словно умерла любимая собака. Девочка даже сказала, что Сет раньше никогда не плакал. От этого мое любопытство разгорелось еще больше. Я не мог понять, что у них за отношения в се-

мье, а знать очень уж хотелось. Теперь я сожалею о том, что не поставил на этом точку. Знать бы, где упадешь, подстелил бы соломки.

Мистер Гейрин попросил меня уделить ему минуту или две для личного разговора. Я, конечно же, не отказал. Он передал жене все еще тихонько плачущего малыша, у которого по щекам одна за другой скатывались крупные слезы, и будь я проклят, если у старшей сестры тоже не намокли глаза. Затем Гейрин прошел в трейлер и закрыл за собой дверь.

За минуту или две он мне многое рассказал о маленьком Сете Гейрине, но главное состояло в том, что они все очень любили его. Не то чтобы Гейрин прямо так и сказал (словам я мог бы и не поверить). Это читалось в интонациях голоса, в выражении его лица. Он сказал, что Сет страдает аутизмом, едва умеет произнести слово, которое можно понять, и не проявляет никакого интереса к «обычной жизни». Но, увидев вал, ограждающий Китайскую шахту с севера, он вдруг затараторил как бешеный и все показывал на нее пальцем.

— Поначалу мы пытались отвлечь его, не сбавляя скорости, — продолжал мистер Гейрин. — Обычно Сет ведет себя тихо, но иногда начинает что-то говорить на никому не понятном языке. Джун называет эти монологи проповедями. Но тут, когда он увидел, что останавливаться мы не собираемся, Сет

вдруг заговорил, как все. Не словами, а *предложениями*: «Едем назад, пожалуйста, Сет хочет увидеть шахту, Сет хочет увидеть Хосса, и Адама, и Маленького Джо».

Об аутизме мне кое-что известно. У моего лучшего друга брат в «Сьерра-4», психиатрической клинике в Боулдер-Сити (это рядом с Вегасом) Я несколько раз ездил с ним туда, поэтому видел людей с ярко выраженным аутизмом. Если б я их не видел, то едва ли поверил бы Гейрину. В «Сьерре» многие не только не говорят, но и не двигаются. Некоторые вообще выглядят мертвецами, лежат с остановившимся взглядом, только грудь поднимается и опускается.

— Он любит вестерны и телефильмы, — пояснил мистер Гейрин. — Я лишь могу предположить, что этот вал напомнил ему какой-то эпизод из «Золотого дна».

Я подумал, что малыш действительно мог видеть этот вал в одном из эпизодов «Золотого дна», но вроде бы ничего не сказал об этом Гейрину. Многие старые фильмы сняты на такой вот живописной натуре, а Китайская шахта разрабатывается с 1957 года, так что почему нет?

— Понимаете, для нас его связная речь равносильна чуду, — добавил мистер Гейрин. — Как сегодня, он не говорил никогда.

— Понятно, — кивнул я. — То есть он вернулся в реальный мир, так?

Я думал о тех людях, которых видел в корпусе, где жил брат моего друга. Эти

люди не имели ничего общего с реальным миром. Даже когда они плакали, смеялись или издавали какие-то звуки.

— Именно так, — согласился Гейрин. — У него в мозгу словно вспыхнул яркий свет. Я не знаю, что послужило тому причиной и как долго это будет продолжаться, но... Есть ли хоть какая-то возможность показать ему шахту, мистер Саймс? Я знаю, что вы не имеете на это права, готов спорить, страховая компания устроит скандал, если узнает об этом, но для Сета эта экскурсия, похоже, очень важна. А следовательно, и для всех нас. Денег у нас, конечно, в обрез, но я могу дать вам сорок долларов за потраченное вами время.

— Я бы не сделал этого и за четыреста, — ответил я. — Такое делается или бесплатно, или не делается совсем. Поедем. Возьмем один из наших вездеходов. Ваш старший сын может сесть за руль, если вы не возражаете. Это тоже нарушение инструкции, но, как говорится, семь бед — один ответ.

А тому, кто, читая это, сочтет меня дураком (да еще дураком, навлекающим неприятности на собственную голову), стоило бы увидеть, каким счастьем осветилось в тот момент лицо Билла Гейрина. Я чертовски сожалею о том, что произошло с ним и остальными членами его семьи в Калифорнии, о случившемся я узнал только из письма его сестры, но поверьте мне, в тот день он был счастлив, и я радовался, что приложил к этому руку.

Мы отлично проводили время до того, как пережили «легкий испуг». Гейрин разрешил старшему мальчику, Джеку, отвезти нас к валу, окаймлявшему карьер. Надо ли говорить, в каком он был восторге? Думаю, Джек Гейрин тут же отдал бы мне свой голос, реши я баллотироваться на должность Бога. Хорошая это была семья, и все очень любили маленького мальчугана. Конечно, их потрясло внезапное обретение им дара речи, но как много людей радикально изменили бы из-за этого свои планы? А вот они изменили, и, насколько я могу судить, без единого слова протеста.

Мальш лопотал всю дорогу, что-то я понимал, что-то нет. Говорил он по большей части о персонажах «Золотого дна», о ранчо Пондероза, о преступниках, серебряных шахтах. И еще о каком-то мультфильме. Про каких-то мотокопов. Он показывал мне фигурку, изображающую героиню этого мультфильма, рыжеволосую даму с бластером, который мальш мог вынимать из кобуры и как-то вставлять ей в руку. К тому же он барабанил ручками по борту вездехода и называл его «Рука справедливости». Когда он произнес это впервые, Джека от смеха бросило на руль (ехали мы не быстрее десяти миль в час). Он еще сказал: «Да, а я полковник Генри. Предупреждаю, впереди Силовой коридор!» И все расхохотались. Я тоже, захваченный общим энтузиазмом.

И лишь гораздо позже я вспомнил, что среди прочего маленький Сет не раз упоми-

нал «старую шахту». Если тогда у меня и возникли какие-то ассоциации, то исключительно с «Золотым дном». Мне и в голову не приходило, что он говорит о Рэттлснейк номер один, потому что о ней он знать не мог! Даже жители Безнадеги не знали, что мы открыли во время последней серии взрывов. Черт, именно из-за этого я и сидел в воскресенье за столом: писал докладную в центральную контору о нашем открытии с предложениями, касающимися нашей дальнейшей линии поведения.

Когда же мне в голову пришла мысль о том, что Сет Гейрин говорит о Рэттлснейк номер один, я вспомнил, как он вбежал в трейлер, словно бывал там сотни раз, сразу бросился к фотографиям на доске объявлений. Вот тут у меня по спине пробежал холодок. А от другого воспоминания, о том, что я увидел после отъезда Гейринов в Карсон-Сити, меня уже обдало арктическим холодом. Я еще об этом напишу.

Когда мы добрались до подножия вала, я поменялся с Джеком местами и повел вездеход вверх по грейдерной дороге, отлично укатанной и превосходящей своей шириной многие федеральные автострады (по ней частенько перегоняли тяжелую технику с очень внушительными габаритами). Мы поднялись на гребень и покатали вниз. Как же они охали и ахали. Действительно, перед ними была не просто дыра в земле, а огромный конус карьера глубиной в тысячу футов, прорезающий самые разные слои породы, вплоть до палео-

зоя. Кое-где сверкали вкрапления пурпурного и зеленого кварца. С вершины вала могучие машины, которые могли свернуть горы, казались детскими игрушками. Миссис Гейрин пошутила, что боится высоты и ее может вырвать, но шутка эта недалеко ушла от истины. Многих тошнило, когда они переваливали через гребень и видели перед собой зев карьера!

Потом маленькая девочка (извините, не помню ее имени, кажется, Луиза) вытянула ручку и спросила:

— А что там за дыра, обтянутая желтыми лентами? Она похожа на большой черный глаз.

— Это находка года, — ответил я. — Можно сказать, открытие, поэтому мы держим его в секрете. Я вам расскажу, если вы пообещаете держать рот на замке. Обещаете? Иначе у меня будут неприятности с начальством.

Они пообещали, и я подумал, что мне действительно можно им все рассказать, потому что они не журналисты, а путешественники, и заглянули сюда проездом. Опять же я подумал, что маленький мальчуган захочет услышать мой рассказ, поскольку без ума от «Золотого дна». Как я уже говорил, лишь гораздо позже до меня дошло, что он все это уже знал! Но кто в здравом уме мог такое предположить?

— Это старая шахта Рэттлснейк номер один, — сказал я. — Во всяком случае, мы так думаем. Мы вскрыли ее при взрывных работах. Начальный участок Рэттлснейк заваляло в 1858 году.

Джек Гейрин пожелал узнать, что находится внутри. Я ответил, что нам это неизвестно, никто в старую штольню не заходил, подчиняясь инструкциям ДОТШ*. Миссис Гейрин (Джун) любопытствовала, проведет ли наша компания всестороннее исследование штольни. Я ответил, что это возможно, если мы получим разрешение от соответствующих инстанций. Я им не солгал, но и не сказал всей правды. Мы обнесли вход в штольню лентами с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН», как того требовал ДОТШ, но это не означало, что в ДОТШе в курсе нашей находки. Штольню мы открыли совершенно случайно, после очередного взрыва, ничем не отличающегося от предыдущих (когда пыль осела, мы увидели ее черный зев), и пока у нас не было полной уверенности в том, что нам следует предать нашу находку широкой огласке.

Несомненно, она вызвала бы интерес в средствах массовой информации. Если верить легендам, обвал закупорил в штольне сорок или пятьдесят китайцев. Если так оно и было, китайцы должны были сохраниться в штольне, как мумии в пирамиде. Историки радовались бы как дети, добравшись до их одежды и рабочего инструмента, не говоря уже о самих телах. Конечно, находка вызвала и у нас немалый интерес, но мы не могли войти в штольню без кивка из центральной конторы «Дип эс» в Финиксе, и мало кто

* ДОТШ — Департамент охраны труда шахтеров.

из работавших вместе со мной полагал, что нам такое разрешат. «Дип эс» — организация коммерческая, думаю, это понятно всем, кто будет читать написанный мною документ, а разработка месторождений полезных ископаемых, особенно в наши дни, предприятие очень рискованное. Китайская шахта начала давать прибыль лишь с 1992 года, и люди, которые там работали, вставая утром, еще не знали, позволят ли им начать работу, когда они придут в карьер. Многие зависело от цены фунта меди (выщелачивание — процесс не из дешевых), но еще больше — от законов, охраняющих окружающую среду. В последнее время ситуация улучшилась, опросы общественного мнения показывали, что люди начали внимать голосу разума, но окружной и федеральные суды все еще рассматривали дожину исков, учиненных нашей компанией как отдельными людьми, так и общественными организациями (разумеется, «зелеными»), которые ставили своей целью закрыть шахту. Поэтому многие, включая меня, склонялись к мысли, что руководство компании не захочет создавать себе лишних проблем, крича на весь мир, что мы обнаружили древнюю штольню, возможно, представляющую большую историческую ценность. Ивонн Бейтман, моя коллега-геолог, сказала, узнав о нашей находке: «Я не удивлюсь, если найдутся желающие объявить территорию карьера историческим заповедником. А уж за соответствующим распоряжением федеральных властей или

Невадской комиссии по историческим ценностям дело не станет. Отличный предлог для свертывания всех работ». Возможно, вы сочтете мнение Ивонн эгоистичным, но если человек, к примеру, я, знает, что функционирование шахты обеспечивает работой девяносто или сто рабочих и инженеров, которым иначе не на что кормить свои семьи, поневоле задумаешься и станешь предельно осторожным.

Дочь (Луиза?) сказала, что штольня ее пугает, а я ответил ей, что она пугает и меня. Девочка спросила, рискнул бы я войти в штольню, и я ответил, что никогда. Причина в том, что я боюсь призраков, — поинтересовалась она, и я ответил, что боюсь не призраков, а новых завалов. Штольню прорубили в хрупкой кристаллической породе, прочность которой еще уменьшили многочисленные взрывы при вскрышных работах. Я сказал ей, что не войду в штольню, пока в ней через каждые пять футов не установят стальную крепь. Я понятия не имел, что еще до исхода дня окажусь в штольне. Так глубоко, что не смогу видеть солнечный свет.

Я отвел их в ангар, который служил нам и конторой, и раздевалкой, снабдил всех касками, а потом показал всевозможные машины и механизмы, объясняя назначение каждого. Маленький Сет во время экскурсии почти ничего не говорил, но его глазки ярко блестели.

Вот мы и подошли к «легкому испугу», который стал причиной моих сомнений и кошмарных снов (не говоря уже об угрызениях совести, а это совсем не пустяк для мормона, который воспринимает религиозные аспекты более чем серьезно). В тот момент для всех нас испуг был далеко не «легким», да и теперь, если подумать серьезно, я сильно сомневаюсь в правильности нашей классификации степени испуга. Находясь в Перу (я искал там бокситы, когда письмо Одри Уайлер пришло на адрес отделения «Дип эс» в Безнадеге), я неоднократно возвращался к этому происшествию, а с десятков раз оно мне снилось. Может, из-за жары. В старой штольне было жарко. Мне приходилось бывать в штольнях, обычно в них очень холодно и сыро. Я читал о том, что в шахтах золотых приисков Южной Африки тепло, но сам этого не ощущал. Здесь же стояла жара. Тропическая влажная жара, как в теплице.

Но я забегаю вперед, и напрасно. Потому что хочу рассказать все по порядку и поблагодарить Бога за то, что ничего подобного уже никогда не повторится. В начале августа, через две недели после визита Гейринов, Китайская шахта перестала существовать. Я не знаю почему, но произошло смещение миллионов тонн породы, заваливших чашу карьера. А когда я думаю, на какой короткий срок разошелся обвал с пребыванием семьи Гейринов на дне карьера (не говоря уж о том, что компанию им составлял

мистер Аллен Саймс, знаменитый геолог), меня начинает трясти.

Старший мальчик, Джек, захотел поближе взглянуть на Мо, нашу самую большую бурильную установку. Она на гусеничном ходу и предназначена для проходки шурфов, в которые потом закладывается взрывчатка. В начале семидесятых годов Мо по праву считалась самой большой бурильной установкой, созданной на планете Земля, и до сих пор она вызывает восторг у подростков. Да и у больших дядей тоже! Старшему Гейрину ничуть не меньше Джека хотелось познакомиться с Мо поближе. Я полагал, что и Сет жаждет того же. В этом, правда, я ошибся.

Я показал им лесенку, по которой машинист мог подняться в кабину Мо, расположенную на высоте сто футов. Джек спросил, можно ли подняться по этой лесенке, но я ответил, что это слишком опасно, хотя они могут забраться на гусеницы. Гусеницы Мо тоже поражали своими габаритами. Каждая шириной с городскую улицу и состоит из стальных пластин длиной в добрый ярд. Мистер Гейрин опустил Сета на землю и вместе с Джеком забрался на гусеницу. Я последовал за ними, дабы убедиться, что никто не упадет и ничего не ломает. Если бы такое произошло, мне бы пришлось отвечать по закону. Джун Гейрин отошла назад, чтобы сфотографировать нас на гусенице. Мы, конечно, смеялись и улыбались в объектив, пока девочка не крикнула: «Возвращайся, Сет! Немедленно! Нельзя туда ходить!»

Я не мог его видеть, потому что находился на гусенице и мальчика скрывал корпус бурильной установки, но его мать я увидел. Как и испуг на ее лице, когда она заметила, куда направляется ее сын.

— *Сет!* — завопила она. — *Немедленно вернись!*

Два или три раза она повторила тот же призыв, потом бросила фотоаппарат на землю и кинулась вперед. Тут я все понял: нечасто дорогой «Никон» бросают как использованную одноразовую зажигалку. С гусеницы я слетел в мгновение ока. Просто удивительно, что при этом не упал и не сломал себе шею. Такой же подвиг, кстати, удался и обоим Гейринам. Но тогда я как-то об этом не думал. По правде говоря, я начисто забыл и об отце, и о сыне.

Маленький мальчик уже поднимался по склону к черному зеву старой штольни, который находился лишь в двадцати ярдах от дна карьера. Я это увидел и понял, что мать не успеет перехватить его. А если его не успеют перехватить, то он залезет в штольню, как, видимо, и задумал. Мое сердце хотело уйти в пятки, но я не позволил и вместо этого со всех ног бросился к штольне.

Я догнал миссис Гейрин в тот момент, когда Сет достиг желтых лент, огораживающих штольню. На мгновение мальчуган остановился, и я даже подумал, что дальше он не пойдет. Я решил, что он испугается темноты, а также идущего из штольни запаха золы, сожженного кофе и пережаренного мяса. Но он вошел, не обращая внимания на мои

истощные крики, призывающие его не делать этого.

Я велел матери мальчика не лезть в темноту, сказал, что я сам приведу его, и попросил наказать то же самое мужу и сыну, но, разумеется, Гейрин мне не подчинился. Думаю, в схожей ситуации на его месте я поступил бы так же.

Я поднялся по склону и подлез под желтые ленты. Мальшу наверняка даже не пришлось нагибаться. Я услышал слабый шум, обычно доносящийся из старых выработок, похожий на грохот далекого водопада. Не знаю, что он означает, однако шум этот мне не нравится, никогда не нравился. Голос призраков.

Но в тот день я услышал и другой звук: легкое потрескивание. Вот оно понравилось мне еще меньше. Когда я заглядывал в штольню раньше, после того, как ее обнаружили, звука этого не было, но я знал, что он свидетельствует о динамических процессах, идущих в хрупкой породе, в которой пробита штольня. Этот звук в старину предупреждал шахтеров, что в штольню входить нельзя, так как она может обвалиться в любую минуту. Полагаю, что китайцы, работавшие в Рэттлснейк в 1858 году, или не знали значения этого звука, или им приказали не обращать на него внимания.

На первом же шаге я поскользнулся и упал на одно колено. Увидел, что на земле что-то лежит. Это была маленькая пластмассовая фигурка. Рыжеволосая девушка с бластером.

Должно быть, игрушка выпала из кармана мальчика, прежде чем он вошел в штольню. Не знаю почему, но у меня волосы встали дыбом. Я сунул фигурку в карман и забыл о ней до того момента, как страсти улеглись. Лишь тогда я вернул ее законному владельцу. Потом я описал фигурку своему маленькому племяннику, и он сказал мне, что это Касси Стайлз из мультфильма о мотоциклах, о котором все твердил младший сын Гейринов.

Я услышал за спиной звук скатывающихся по склону камней, тяжелое дыхание, увидел приближающегося Гейрина. Остальные трое остались внизу, сбившись в кучку. Девочка плакала.

— Возвращайтесь вниз! — приказал я. — Штольня может рухнуть в любую минуту! Ей сто тридцать лет! Даже больше!

— Хоть тысяча! — Он приближался. — Это мой сын, и я пойду за ним.

Терять время на споры я не стал. В такие моменты человеку остается только одно: действовать и надеяться на то, что Бог удержит крышу над головой. Так мы и поступили.

За годы работы геологом я не раз попадал в опасные ситуации, когда от страха тряслись поджилки. Но десять минут (может, больше, может, меньше, я полностью потерял чувство времени), проведенные в штольне Рэттлснейк, нагнали на меня ни с чем не сравнимый ужас. Штольня уходила вниз достаточно круто, мы побежали, и двадцать яр-

дов спустя дневной свет померк. Да еще этот запах, как я говорил, смешанный запах золы, сожженного кофе и пережаренного мяса. Он тоже нервировал меня, потому что в старых шахтах обычно стоит «минеральный запах». Землю усыпали куски породы, поэтому нам пришлось сбавить ход, чтобы не споткнуться и не упасть. Деревянную крепь покрывали китайские иероглифы. Частью вырезанные, но в основном нанесенные при помощи свечной копоти. Глядя на иероглифы, я понял, что легенды основаны на действительности: китайцев на самом деле завалило в этой шахте.

Мистер Гейрин звал мальчика, требовал, чтобы он немедленно возвращался, говорил, что здесь небезопасно. Я уж хотел попросить его не кричать. Свод мог рухнуть даже от его крика, как иной раз в горах от крика сходят лавины. Но не стал. Не кричать он не мог. Потому что думал только о своем сыне.

На кольцо для ключей я всегда держу складной ножичек, лупу и пальчиковый фонарик. Его-то я и отцепил, чтобы осветить нам путь. Мы двинулись дальше, вокруг потрескивала порода, в ноздрах стоял необычный запах, и становилось все жарче. Заметно жарче.

А потом начали попадаться кости. Мы, я имею в виду сотрудников «Дип эс», освещали фонарями вход в штольню, но ничего не увидели и поэтому долго спорили о том, завалило китайцев или нет. Ивонн утверждала,

что нет, никто не смог бы работать в такой опасной штольне, даже покорные, согласные на все китайцы. Это, мол, выдумки, не имеющие ничего общего с реальной жизнью. Но, углубившись в штольню на сотню ярдов, я убедился, что Ивонн ошибалась.

Потому что кости лежали везде: черепа, грудные клетки, ноги, руки. Особенно пугали грудные клетки: почему-то они напоминали мне улыбающегося Чеширского кота из «Алисы в стране чудес». Когда мы наступали на кости, они не трескались, а разлетались в пыль. Запах усиливался, я чувствовал, как по лицу катится пот. Я словно попал в парную, а не в штольню. А крепь просто наводила ужас. Китайцы исписали все стойки свечной копотью. Словно после того, как их завалило, они занимались только тем, что писали свидетельские показания и выражали последнюю волю.

Я схватил Гейрина за плечо:

— Мы зашли слишком далеко. Мальчик, должно быть, прижался к стенке или спрятался в нише, и мы в темноте проскочили мимо.

— Я так не думаю, — возразил Гейрин.

— Почему?

— Потому что чувствую: он впереди. — Гейрин вновь сорвался на крик. — *Сет! Пожлуйста, дорогой! Если ты впереди, поверни назад и возвращайся к нам!*

Ответ мы слышали, но такой, что я едва не повернул назад. Из глубины штольни, заваленной костями и черепами, донеслось пение. Не слова, но детский голос, выводящий

мелодию. И достаточно точно, потому что я узнал музыкальную заставку «Золотого дна».

Гейрин посмотрел на меня (глаза у него округлились, и белки ярко блестели в темноте) и спросил, по-прежнему ли я думаю, что мы обогнали мальчика. Я предпочел не отвечать, а двинуться дальше.

Вскоре среди костей нам начали попадаться инструменты: ржавые кирки с очень короткими ручками, маленькие жестяные коробочки с кожаными ремнями, какие я видел в шахтерском музее в Эли. «Керосинки», как называли их шахтеры. Эти примитивные светильники привязывали ко лбу, сунув под низ сложенную в несколько раз бандану, чтобы не сжечь кожу. На стенах появились рисунки, сделанные все той же свечной копотью. Изображали они койотов с головами пауков, пум со скорпионами-наездниками, летучих мышей с головами младенцев. Я до сих пор гадаю, то ли я их на самом деле видел, то ли странный запах штольни вызывал у меня галлюцинации. Потом я не спросил Гейрина, видел ли он эти рисунки. Может, забыл спросить, а может, не решился.

Внезапно Гейрин остановился, наклонился и что-то подобрал. Маленький черный ковбойский сапожок, застрявший меж двух камней. Малыш, похоже, просто выдернул ногу из сапога и побежал дальше. Издали все слышалось пение, поэтому мы знали, что мальчик впереди. Впрочем, голос вроде бы стал громче, но я не тешил себя надеждами: под

землей звук распространяется по особым законам.

Мы шли и шли, уж не знаю сколько, наклон штольни становился круче, воздух — горячее. Костей заметно поубавилось, зато прибавилось кусков породы, отвалившихся от потолка и вывалившихся из стен. Я мог бы поднять луч фонаря и посмотреть на состояние потолка, но побоялся это сделать. Мне не хотелось даже думать о том, как глубоко мы забрались. Скорее всего прошли не меньше четверти мили. Может, и больше. Я уже начал думать, что назад нам не вернуться. Потому что потолок того и гляди обрушится прямо на нас. К счастью, смерть нас ждала быстрая, не то что у китайцев, которые задохнулись или умерли от жажды в этой же штольне. Почему-то мне вспомнились пять или шесть библиотечных книг, оставшихся дома. Вернут ли их за меня в библиотеку или она вычтет стоимость этих книг из моего наследства? Что за глупые мысли приходят человеку в голову, когда он загнан в угол!

Перед тем как луч моего фонарика выхватил из темноты мальчугана, он сменил мелодию. Новую я не признал, но его отец сказал мне (после того как мы поднялись на поверхность), что мелодия эта из мультфильма о мотоциклах. Я упоминаю об этом лишь потому, что на мгновение или два у меня возникло ощущение, что «ла-ла-ла» и «дум-ди-дум» вместе с ним выводил *кто-то еще* и пели они дуэтом. Гейрин тоже это заме-

тил, я увидел его лицо в отсвете фонаря, он был испуган не меньше моего. Пот струился по его лицу, рубашка прилипла к телу.

Потом он вытянул руку и сказал: «Думаю, я вижу его! Я его вижу! Вон он! Сет! Сет!»

Гейрин побежал к сыну, спотыкаясь о куски породы, но каким-то чудом удерживаясь на ногах. Мне оставалось только молить Бога, чтобы он не упал и не сшиб одну из стоек. Она бы рассыпалась в пыль, как и человеческие кости, тонны породы погребли бы нас, и я бы ничего этого не написал.

Тут и я увидел мальчишку в красной рубашке и джинсах. Он стоял у торца штольни, расщепленного трещиной. На мгновение мне показалось, будто он хочет залезть в трещину. Я тут же понял, что он-то пролезет, а вот мы с нашими габаритами — нет. Впрочем, как оказалось, такого желания у мальчика не было. Он спокойно стоял перед трещиной, словно дожидался нас. Двигались только тени, отбрасываемые моим фонариком.

Отец добрался до мальчугана первым и поднял его на руки. Он прижался лицом к груди мальчика, поэтому не смог увидеть того, что увидел я, да и то лишь на секунду. Сет *улыбался*, но у меня не поворачивается язык назвать эту улыбку радостной. Скорее она наводила ужас. Уголки его рта растянулись чуть ли не до ушей, я видел все зубы мальчика. А его глаза едва не вылезали из орбит. Потом отец немного отстранил его от себя, поцеловал, и жуткая ухмылка исчезла. Чему я очень обрадовался.

С этой улыбкой он ничем не напоминал маленького мальчика, с которым я познакомился у трейлера.

— Что это ты придумал? — спрашивал его отец. Он кричал, но едва ли мальчик сильно напугался, потому что каждое слово сопровождалось поцелуем. — Твоя мать перепугалась до смерти! Почему ты это сделал? Почему ты забежал сюда?

Мальчик ответил, и его слова я запомнил очень хорошо, потому что в последний раз слышал, как он говорит.

— Полковник Генри и майор Пайк велели мне прийти сюда. Сказали, что я смогу увидеть Пондерозу. Там. — Он указал на щель в торце штольни. — Но я не смог. Пондерозы нет.

Мальш положил голову на плечо отца и закрыл глаза, словно заснул или потерял сознание.

— Пойдемте назад, — сказал я. — Я буду идти чуть сзади и правее и освещать вам путь. Бежать не надо. И, ради Бога, постарайтесь не свалить стойки, которые держат потолочные балки.

Как только мы догнали мальчика, «шум водопада» заметно усилился. Мне почудилось, будто я слышу, как натужно скрипят деревянные стойки, готовые развалиться под весом породы. Вообще-то я человек не впечатлительный, но тут у меня разыгралось воображение. Я решил, что стойки пытаются заговорить с нами. Советуют нам как можно быстрее выбираться отсюда.

Но я не смог устоять перед тем, чтобы не взглянуть на трещину в торце. Почувствовав ток воздуха, я понял, что трещина сквозная, возможно, ведущая в подземную камеру. Воздух из щели шел раскаленный и очень уж гадостный. Случайно я вдохнул его, и меня едва не вырвало. Я прикинул, откуда могла идти такая гадость, но на ум ничего не приходило. «Дип эс» разрабатывала здесь месторождение меди с 1957 года, но таких глубоких вентиляционных шахт здесь не бурили.

Трещина по форме напоминала зигзаг молнии или стилизованную букву «S». Ничего особенного я не заметил, но понял, что толщина скалы, перегородившей штольню, два или три фута, а на другой стороне вроде бы какая-то полость, из которой и вырывается горячий вонючий воздух. Вроде бы я увидел красные искорки, танцующие над языками пламени, но, возможно, мне это лишь почудилось, потому что искорки исчезли, как только я моргнул.

Я повернулся к Гейрину и сказал, что пора в путь.

— Одну секунду, дайте мне секунду, — ответил он и осторожно натянул сапожок на ногу мальчика. С бесконечной нежностью, ясно показывающей, сколь велика его любовь к ребенку. — Готово. Теперь можем идти.

— Отлично, — ответил я. — Главное — смотрите под ноги.

Мы торопились изо всех сил, но миновала вечность, прежде чем впереди забрезжил

свет. В упомянутых выше кошмарах мне снился луч фонаря, скользящий по черепам. На самом деле их было не так уж много, некоторые рассыпались в пыль, но снились они мне тысячами, черепа напоминали яйца в картонке, и все они улыбались той улыбкой, которую я увидел на лице мальчугана, когда отец подхватил его на руки. А в глазницах мерцали красные искорки, вроде тех, что поднимаются над костром.

Ужасная это была прогулка. Я то и дело поглядывал вперед, надеясь увидеть дневной свет, но видел только тьму. А когда я заметил светящееся пятно (маленький квадратик, который я мог закрыть пальцем), порфирит затрещал на порядок громче, и я уже подумал, что штольня решила прихлопнуть нас на самом выходе. Словно дыра в земле обладала разумом! Но в такой ситуации воображение чего только не нарисует. Слышатся странные звуки. А уж какие появляются идеи, лучше не вспоминать.

Вот и насчет Рэттлснейк номер один кое-какие идеи остаются со мной до сих пор. Я не собираюсь говорить, что там жили призраки, я не написал об этом даже в отчете, который не предназначался для посторонних глаз, но я не готов утверждать, будто призраков там нет вовсе. В конце концов, где еще селиться призракам, как не в штольне, в которой нашли смерть живые люди? Но вот по другую сторону скалы (если я действительно видел красные искорки) обитали отнюдь не призраки.

Последняя сотня футов далась нам особенно тяжело. Мне пришлось сжать волю в кулак, чтобы не рвануться к выходу мимо мистера Гейрина. По его лицу я видел, что и он пытается устоять перед тем же чувством. И мы не побежали, возможно, потому, что не хотели пугать оставшихся снаружи членов семьи. А они наверняка перепугались бы, если б мы выскочили из штольни как угорелые. Мы вышли степенно, как и положено мужчинам, Гейрин с сыном на руках, который крепко спал.

Вот вам и наш «легкий испуг».

Миссис Гейрин и двое старших детей плакали, гладили Сета, целовали, словно никак не могли поверить, что он живой. Сет проснулся, поулыбался им, но ничего связного сказать не смог, лишь что-то лепетал. Мистер Гейрин, волоча ноги, отошел к маленькому металлическому сараю, где мы хранили взрывчатые вещества, и сел, прислонившись к нему спиной. Он положил руки на колени, а потом уткнулся в них лбом. Я понимал, в каком он сейчас состоянии. Жена подошла к нему, спросила, все ли с ним в порядке, он ответил, что да, ему надо только немножко отдохнуть и перевести дух. Я добавил, что мне короткий отдых тоже не помешает, и спросил миссис Гейрин, не сможет ли она отвести детей к вездеходу. Джеку, возможно, захочется показать младшему брату нашу Мисс Мо. Она рассмеялась, как смеются, когда хотят показать, что не находят в шутке ничего забавного.

— Думаю, на сегодня нам достаточно приключений, мистер Саймс. Я надеюсь, вы поймете меня правильно. Сейчас я больше всего хочу уехать отсюда.

Я ответил, что понимаю, а она, в свою очередь, сообразила, что мне надо переговорить с ее мужем наедине. Собственно, на счет отдыха я тоже не солгал. Ноги у меня были как ватные. Я подошел к хранилищу и сел рядом с мистером Гейрином.

— Если мы сообщим о случившемся, будут большие неприятности. И компании, и мне. Надеюсь, меня не уволят, но дело может дойти и до этого.

— Я никому не скажу ни слова. — Гейрин поднял голову, посмотрел мне в глаза. Он плакал, и вряд ли кто-нибудь стал бы его в этом упрекать. Любой отец заплакал бы, пережив такое потрясение. У меня самого на глаза наворачивались слезы. Даже потом, когда я вспоминал, как нежно Гейрин надевал на ребенка сапожок, к горлу подкатывал комок.

— Я был бы вам очень признателен.

— Ерунда, — отмахнулся он. — Не знаю, как мне вас благодарить. Даже не знаю, с чего начать.

Тут я почувствовал закипающее во мне раздражение.

— Перестаньте. Мы оба заварили эту кашу, и слава Богу, что все так хорошо закончилось.

Я помог Гейрину подняться, и мы вместе двинулись к остальным. Уже миновав большую

часть пути, он остановил меня, положив руку на плечо.

— Не следует туда никого пускать. Даже если инженеры укрепят штольню. Что-то там не так.

— Я знаю, — кивнул я. — Почувствовал на собственной шкуре.

В тот момент я думал об ухмылке, застывшей на лице мальчика, ухмылке, от которой много месяцев спустя у меня по спине пробегала дрожь. Я чуть не сказал, что его сын тоже почувствовал затаившееся в штольне зло. Но в последний момент решил промолчать. Какой прок был бы от моих слов?

— Будь моя воля, я бы бросил в штольню заряд динамита, чтобы завалить ее до самого низа. Это могила. Пусть мертвые в ней и покоятся.

— Неплохая идея, — согласился я.

И Господь, похоже, придерживался того же мнения, потому что две недели спустя взрыв таки прогремел. Насколько мне известно, безо всякой на то причины.

Гейрин рассмеялся и покачал головой.

— Мы сейчас уедем, и через два часа я не смогу поверить, что все это произошло наяву.

Я ответил, что, может, это и к лучшему.

— Но одного я забыть не смогу, — продолжил он. — Как говорил сегодня Сет. Не просто произносил слова или даже фразы, которые могли понять близкие родственники. Он по-настоящему говорил. Такого мы еще не

слышали. — Мистер Гейрин помахал рукой жене и детям, которые уже забрались в вездеход. — Если он смог заговорить один раз, значит, заговорит еще.

Я надеялся, что заговорит. Мне бы этого хотелось. Мальчик меня заинтересовал. Когда я отдал ему Касси, он улыбнулся и поцеловал меня в щеку. Нежно поцеловал, но я уловил на его коже запах шахты... запах костра, эдакую смесь запахов золы, кофе и мяса.

Мы распрощались с Китайской шахтой, и я отвез Гейринов к трейлеру, где они оставили свой автомобиль. На нас, я отметил, никто особого внимания не обратил, хотя мы проехали по Главной улице. В жаркий воскресный день, ближе к вечеру, Безнадега превращалась в город-призрак.

Я помню, как стоял у лесенки, ведущей в трейлер, и махал им рукой, когда они направлялись навстречу ужасной трагедии, поставившей точку в их путешествии: сестра Гейрина написала мне, что их расстреляли из проезжавшего мимо автомобиля. Они все помахали мне в ответ... за исключением Сета. Что бы ни таилось в старой штольне, я думаю, нам повезло, что мы выбрались оттуда. Сет — единственный из всей семьи, переживший побоище в Сан-Хосе. Раньше его называли бы «заговоренным».

Как я уже указывал, в Перу мне часто снились черепа, устилавшие пол штольни. Я пытался разобраться, что же произошло в тот день, но ничего у меня не выходило,

пока я не прочитал письмо Одри Уайлер, которое дождалось моего возвращения из Перу. Конверт Салли потеряла, но адрес запомнила: «В горнорудную компанию города Безнадеги». Прочитав письмо, я еще больше укрепился в мысли, что с Сетом что-то случилось, пока он находился под землей, что-то такое, о чем лгать не следует, но я тем не менее солгал. А как мне было не солгать, если я понятия не имел, что могло с ним случиться?

Но вот его улыбка...

Вернее, ухмылка.

Мальчик был хороший, я радовался, что он не погиб в Рэттлснейке (а мог погибнуть, мы все могли) или в Сан-Хосе, но...

Улыбка эта не могла принадлежать этому мальчику. Хотелось бы пояснить это мое утверждение, но нечем.

И вот о чем еще я хочу сказать. Вы помните, я рассказывал, что Сет упоминал о «старой шахте», но тогда я не связывал его слова со штольной Рэттлснейк, потому что о нашей находке не знали даже в городе, не говоря уже о приезжих из Огайо. Так вот, я задумался над его словами, стоя у трейлера и наблюдая, как опускается пыль, поднятая колесами их автомобиля. Вспомнил я и о том, как малыш вбежал в трейлер и сразу бросился к аэрофотографиям Китайской шахты на доске объявлений, словно был здесь тысячу раз. Словно он знал. Тогда у меня возникла идея, от которой все похолодело внутри. Я вошел в трейлер, по-

нимая, что есть только один способ вновь обрести душевное равновесие.

Снимков было шесть. Сделали их весной по заказу компании. Я снял с кольца для ключей увеличительное стекло и начал внимательно разглядывать фотографии одну за другой. Живот скрутило, организм словно подсказывал мне, что я сейчас увижу. Аэрофотосъемка проводилась задолго до того, как очередной взрыв вскрыл штольню Рэттлснейк, поэтому ее на снимках быть не могло. И все же она там была! Помните, я написал, как мальчик стучал пальцем по фотографиям, говоря: «Вот она, вот что я хочу посмотреть, вот шахта»? Мы думали, он говорит о карьере, потому что снимали-то с самолета карьер. Но с помощью увеличительного стекла я смог увидеть отпечатки, которые его пальцы оставили на глянцевой поверхности фотографий. Они все были на южном склоне, именно там, где мы позже нашли штольню. То есть он говорил нам, что хочет посмотреть не карьер, а штольню, которой не было на фотографиях. Я знаю, это похоже на бред, но я нисколько не сомневаюсь в своей правоте. Мальчик знал, где находится штольня. И доказательство тому — отпечатки его пальцев. Не на одной фотографии, а на всех шести. Я понимаю, ни один суд не примет к рассмотрению такую улику, но это не меняет того, что мне известно. Нечто, живущее в штольне, почувствовало, что мальчик едет по автостраде, и позвало его. Из всех мучающих меня вопросов важен на самом деле только

один: нормальный ли ребенок Сет Гейрин? Я мог бы написать Одри Уайлер и спросить об этом, раз или два даже брался за ручку, но потом вспоминал, что солгал, а мне трудно заставить себя признаваться во лжи. К тому же я не уверен, что мне хочется будить спящего пса. А вдруг у него обнаружатся большие зубы? Я, конечно, так не думаю, но...

Я мог бы еще много чего сказать, но не знаю, стоит ли. Потому что в итоге все возвращается к улыбке.

Мне не нравится его улыбка. Не нравится до сих пор, наверное, поэтому я не могу ее забыть.

Я правдиво написал обо всем, что видел. Господи, знать бы, что же это было!

Аллен Саймс.

Глава 11

1

Старина Док первым перебрался через забор, отделявший лесополосу от участка Карверов. Он удивил всех (в том числе и себя) легкостью, с какой вспорхнул на забор: Джонни лишь подсадил его. Док посидел на заборе секунду или две, чтобы поудобнее перехватиться руками. Он напомнил Брэду Джозефсону костлявую мартышку, застывшую в лунном свете. Потом Биллингсли прыгнул вниз, что-то буркнув при приземлении.

— Все в порядке, Док? — спросила Одри.

— Да, — ответил Биллингсли. — Полный порядок. Правда, Сюзи?

— Конечно, — нервно согласилась Сюзи Геллер и добавила: — Миссис Уайлер, это вы? Как вы туда попали?

— Это не важно. Нам надо...

— Что у вас там случилось? Все живы? Мою маму просто трясет.

Все *живы*? На этот вопрос Брэду отвечать не хотелось. Похоже, не хотелось никому.

— Миссис Рид, — тихо обратился к ней Джонни, — сначала Дэвид, потом вы?

Кэмми коротко глянула на него, повернулась к Дэвиду, что-то прошептала ему на ухо и потрепала по волосам. Дэвид выслушал, на лице его отразилась озабоченность, он что-то зашептал матери, громче, чем она, Брэд расслышал лишь одну фразу: «Я не хочу». Кэмми усилила напор. На этот раз в самом конце ее речи Брэд уловил слова «твой брат». Тут Дэвид поднял руки, схватился за верхнюю план-

ку и перемахнул через забор. Брэд успел заметить, что лицо юноши вновь спокойно. Кэмми последовала за ним, ей помогли Одри и Синтия. Когда она оказалась наверху, Дэвид поднял руки. Кэмми упала в его объятия, даже не схватившись для страховки за забор. Брэд подумал, что в тот момент она, возможно, мечтала о падении на землю. Согласилась бы, пожалуй, и на сломанную шею. *Зачем ты послала нас сюда, мама?* Этот вопрос Дэвида намертво впечатался ей в память. Она всегда будет винить себя в смерти сына. А Дэвид ей это позволит, не напомним о том, что именно его и Джима обуяла жажда деятельности, именно им принадлежала идея воспользоваться тропой в лесополосе.

— Брэд? — С какой радостью услышал он этот голос, пусть и наполненный тревогой. — Ты здесь, дорогой?

— Я здесь, Би.

— Как ты?

— Отлично. Слушай внимательно, Би, и держи себя в руках. Джим Рид мертв. Как и Колли Энтрегьян, что жил у магазина.

Кто-то ахнул, потом Сюзи Геллер начала вновь и вновь выкрикивать имя Джима. У Брэда был уже почти исчерпан запас эмоций и физических сил, поэтому крики Сюзи вызывали только раздражение... и страх, что они привлекут внимание очередных чудищ, вроде пумы с оранжевыми клыками и койотов с человеческими пальцами.

— Сюзи? — послышался из дома голос Ким Геллер. Тут и она завопила, словно бритвой прорезая залитый лунным светом воздух. — *Сю-ю-ю-ю-ю-зи-и-и-и-и! Сю-ю-ю-ю-ю-зи-и-и-и-и!*

— *Заткнись!* — крикнул Джонни. — *Господи, Ким, ЗАТКНИСЬ!*

И чудо свершилось: она заткнулась. Лишь девушка продолжала кричать, словно убитая горем Джульетта из пятого акта знаменитой трагедии.

— Святой Боже, — пробормотала Одри. Она зажала уши ладонями и вцепилась пальцами в волосы.

— Би, — обратился к жене Брэд, — угомони этого цыпленка. Все равно как.

— *Джим!* — кричала Сюзи. — *О-О-О-О! БО-ОЖЕ-Е! ДЖИМ! О-О-О, НЕ-Е-Е-Т! О-О...*

Пощечина. И крик как ножом отрезало.

— Не смей бить мою дочь! Не смей бить мою дочь, сука. Мне без разницы, чего ты там добиваешься, но бить ее не смей! Толстая черная сука!

— Когда же это кончится! — Синтия закрывала глаза, как ребенок, который не хочет смотреть испугавший его фильм.

Брэд затаил дыхание, ожидая, что Белинда сейчас взорвется, но она проигнорировала вопли Ким и обратилась к нему:

— Вы хотите передать нам тело, Брэд? — Ровный, уверенный голос, обладательница которого держит себя в руках.

Брэд облегченно выдохнул:

— Да. Ты, Кэмми и Дэйв будете его принимать.

— Хорошо. — В голосе Белинды по-прежнему не было никакой паники.

— Ким! — крикнул из-за забора Брэд. — Миссис Геллер! Почему бы вам не уйти в дом, мэм?

— Действительно! — В тоне Ким чувствовалось облегчение. — Думаю, это хорошая идея. Мы уйдем в дом, правда, Сюзи? Умоемся холодной водой. Нам это только пойдет на пользу.

Удаляющиеся шаги. Хорошо. И приближающийся вой койотов. Плохо. Брэд оглянулся через плечо и заметил в темноте лесополосы движущиеся серебряные точки. Глаза.

— Надо спешить, — нервно бросила Синтия.

— Вы еще и половины не знаете, — вырвалось у Одри.

Этого я и боялся, подумал Брэд. Он поднял плечи Джима и уловил запах лосьона после бритья, которым юноша смазывал лицо утром. Наверное, при этом он думал о девушках. Оглянулся и Джонни, движущиеся огоньки не давали покоя и ему. Джонни подsunул руки под поясницу Джима. Одри и Синтия взяли за ноги.

— Готовы? — спросил Джонни.

Все кивнули.

— Тогда поднимаем на счет три. Раз... два... три!

Они синхронно подняли тело, словно отработывали это движение на многочасовых тренировках. На мгновение Брэд подумал, что спину сейчас сведет судорога, но все обошлось. Тело мертвого юноши легло на верхнюю планку забора. Одна рука бессильно свесилась по эту сторону, вторая — по другую.

Рядом с Брэдом хрипло, прерывисто дышал Джонни. Капля застывающей крови с головы Джима упала Брэду на щеку, почему-то вызвав ассоциации с малиновым желе.

— Помогите нам! — вырвалось у Синтии. — Ради Бога, помогите!

Над забором появились руки, пальцы ухватились за рубашку Джима, за шорты. И когда Брэд почувствовал, что тело ему больше не удержать, оно исчезло (никогда раньше Брэд не понимал значения

словосочетания «мертвый вес»). Из-за забора донесся глухой удар, вдалеке (на крыльце Карверов, догадался Брэд) вскрикнула Сюзи Геллер.

Джонни посмотрел на него, и Брэд мог поклясться, что писатель улыбается.

— Похоже, они его уронили, — прошептал Джонни, рукой стер с лица пот и наклонил голову. Когда он ее поднял, улыбка, если она и была, исчезла.

— Уф, — выдохнул Брэд.

— Да уж. Именно уф.

— Эй, Док! — позвала Синтия. — Держите. Не волнуйтесь, она на предохранителе. — Девушка положила винтовку на забор, прикладом вперед. Для этого ей пришлось приподняться на цыпочки.

— Взял, — откликнулся Док, а потом добавил, понизив голос: — Эта женщина и ее идиотка-дочь наконец-то ушли в дом.

Синтия забралась на забор самостоятельно. Одри пришлось поддержать, но и она с этим справилась. За ними последовал Стив, опершись о переплетенные руки Брэда и Джонни. Несколько секунд он посидел на заборе, ожидая, пока утихнет боль в плечах. С забора Стив не слез, а спрыгнул.

— Мне не перебраться, — заявил Джонни. — Посмотрите, есть ли в гараже лестница.

Ув-ув-УВ-В-В-В-В!

Буквально у них за спиной. Мужчины инстинктивно прижались друг к другу, словно перепуганные дети. Брэд обернулся и увидел надвигающиеся на них тени. Каждая со сверкающей парой глаз.

— Синтия! — крикнул Джонни. — Стреляй!

— Сквозь забор... — В голосе девушки слышались испуг и неуверенность.

— Нет! Нет! В воздух!

Синтия дважды нажала на спусковой крючок. Прогрели выстрелы. Через щели в заборе просочился пороховой дым. Тени замерли. Не подались назад, но замерли.

— Еще не отдышался, Джон? — мягко спросил Брэд.

Джонни смотрел на тени в лесополосе. На его губах играла странная улыбка.

— Нет. Дай мне еще секунду... Что это ты придумал?

— На что это похоже? — Брэд опустился на колени и уперся руками в землю у самого забора. — Скорее, приятель.

Джонни ступил ему на спину.

— Господи, я чувствую себя президентом Южной Африки.

Брэд сначала не понял. А когда до него дошло, начал смеяться. Спина болела, Джонни Маринвилл весил никак не меньше пятисот фунтов, каблуки его туфель сверлили дырки в поясице, но Брэд смеялся и ничего не мог с собой поделать. Белый американец-интеллектуал, писатель, считавшийся одним из лучших, использует черного человека как подставку для ног. Наверное, именно таким либерал и мог представить себе ад. Брэд даже подумал о том, чтобы застонать и крикнуть: «Скорее, масса, вы шас мене раздавите!» Но смех не давал вымолвить ни слова. Брэд уже не смеялся, а хохотал. Из глаз текли слезы. Он барабанил кулаком по земле.

— Брэд, что с тобой? — прошептал сверху Джонни.

— Не важно! — сквозь смех выдавил из себя Брэд. — Скорее слезай с моей спины. Господи, что у тебя за туфли? На шпильках?

И тут ноша, давящая на спину, пропала. Джонни перебросил ногу через забор. Брэд поднялся, подставил плечо под зад Джонни. Еще усилие, и Маринвилл со сдавленным криком полетел вниз.

А Брэд остался один и без подставки.

Он посмотрел на забор, и ему показалось, что тот высотой футов в двадцать. Потом он оглянулся и увидел, что тени вновь пришли в движение, беря его в полукольцо.

Брэд поднял руки и ухватился за верхнюю доску. Тут же за его спиной послышалось злобное рычание. Брэд вновь оглянулся и увидел жуткое существо, скорее отощавшего медведя, чем койота... и опять же похожего на детский рисунок: лапы разной длины оканчиваются какими-то обрубками, не пальцами и не когтями, хвост торчит из середины спины, глаза — серебряные круги. А вот клыки выглядели настоящими, огромные клыки, торчащие из пасти.

Содержание адреналина в крови Брэда резко подскочило, словно Старина Док впрыснул ему лошадиную дозу. Он забыл о боли в спине и подтянул ноги к самой груди, уперевшись коленями в забор. Тут же под ним клацнули зубы и что-то тяжелое ударилось в забор. Джонни ухватил его за одну руку, Дэвид Рид — за другую, и Брэд сумел вскарабкаться выше. Он попытался перекинуть левую ногу, зацепился коленом, потерял равновесие и перевалился через забор. К счастью, приземлился Брэд частично на Джонни, а частично — на свою породную жену, так что обошлось без переломов. Потом, правда, выяснилось, что порвана рубашка, а на ногах и правой руке появились ссадины.

— Нет ли у тебя желания слезть с меня, дорогой? — поинтересовалась дородная дама. — Если это не доставит тебе неудобств, я бы...

Брэд сполз с них обоих, лег на живот, потом перевернулся на спину и посмотрел на неестественно большие звезды. Они зажигались и гасли, словно лампочки на рождественских гирляндах, которыми каждый год украшали главные улицы маленьких городков. Звезды не настоящие, в этом Брэд не сомневался, но они висели над головой, светили с неба. Значит, и небо тоже... того... не настоящее...

Брэд закрыл глаза, чтобы больше не видеть ни звезд, ни неба. И тут перед его мысленным взором возник Кэри Риптон, бросающий ему свернутый в трубочку экземпляр «Покупателя». Брэд увидел свою руку, ту, что не держала шланг. Вот она поднялась и поймала газету. *Отлично, мистер Джозефсон!* В голосе Кэри слышалось искреннее восхищение. Голос этот доносился издали, словно эхо в каньоне. А вот койоты были совсем рядом, в лесополосе за забором. Только лес уступил место пустыне. Вой чередовался с ударами: койоты бились об забор в надежде проломить доски.

Господи!

— Брэд, — услышал он тихий голос Джонни. Судя по звуку, писатель наклонился над ним.

— Что?

— С тобой все в порядке?

— Естественно. — Глаза он не открывал.

— Брэд.

— Что?!

— У меня идея. Для фильма.

— Ты маньяк, Джон. — Глаза Брэда были по-прежнему закрыты. Так проще. — Ну так как будет

называться фильм, героем которого мне суждено стать?

— «*Черные люди не умеют перелезть через заборы!*» — ответил Джонни и загоготал во весь голос. — В режиссеры я приглашу Марио ван Пиблза*. А твою роль предложу исполнить Ларри Фишберну**.

— Конечно. — Брэд сел, морщась от боли, и потер поясницу. — Мне нравится Ларри Фишберн. Отличный актер. Пообещай ему миллион долларов. Кто сможет устоять?

— Правильно, правильно, — согласился Джонни. Он так хохотал, что едва мог говорить... Только по щекам Джонни текли слезы, и Брэд подозревал, что их причина — не смех. Всего лишь десять минут назад Кэмми Рид едва не разнесла Джонни голову, и Брэд сомневался в том, что он об этом забыл. Брэд сомневался, что Джонни вообще что-либо забывал. Возможно, потому-то он и стал писателем.

Брэд поднялся, взял Би за руку и помог ей встать. Удары об забор продолжались, не стихал и вой, изредка прерываемый рычанием: голодные псевдокояоты не оставляли попыток добраться до своих жертв.

— И что ты об этом думаешь? — спросил Джонни, когда Брэд помог подняться и ему. Его шатнуло, но он устоял на ногах и вытер слезящиеся глаза.

— Я думаю, что перебрался через забор только благодаря этим милым зверушкам, которые остались

* Ван Пиблз, Марио (р. 15.01.1957 в Мексике) — сын знаменитого чернокожего режиссера, писателя и продюсера Мелвина ван Пиблза. Выпускник Колумбийского университета, блестящий экономист. Сниматься начал в конце 80-х. В 1991 г. дебютировал как режиссер.

** Фишберн, Лоренс (р. 30.06.1961) — популярный чернокожий актер театра и кино.

по другую его сторону. — Брэд обнял жену за талию, посмотрел на Джонни. — Пошли. На пути к успеху ты впервые переступил через черного человека, поэтому теперь тебе надо расслабиться. Лучшего места, чем дом, здесь для этого не найти.

2

Тварь, проскользнувшая через калитку во двор Тома Биллингсли, напоминала детскую версию ящерицы-ядозуба, которую Джеб Мердок сшиб со скалы, состязаясь с Кэнди в меткости стрельбы в одном из эпизодов фильма «Регуляторы». Голова ящерицы, однако, принадлежала одному из чудовищ «Парка юрского периода».

Тварь поднялась на крыльцо и ткнула мордой в сетчатую дверь. Она открывалась наружу, поэтому не сдвинулась с места. Ящерица начала грызть дверной косяк и сетку, благо зубов хватало. И с тем, и с другим она справилась без труда и через образовавшуюся дырку вползла на кухню Старины Дока.

Гэри Содерсон почувствовал неприятный запах, ударивший ему в нос. Он попытался рукой отогнать этот запах, но тот лишь усиливался. Рука Гэри коснулась чего-то похожего на ботинок из крокодиловой кожи, очень большой ботинок, и он открыл глаза. Увидев стоящее над ним чудище, Гэри испытал скорее любопытство, чем страх, поэтому даже не закричал. На него смотрели ярко-оранжевые глаза.

Ну вот, подумал Гэри, первый серьезный приступ белой горячки. Деваться некуда, теперь ему прямая дорога к «Анонимным алкоголикам».

Гэри закрыл глаза и попытался убедить себя, что не чувствует болотного, гнилостного запаха, не слышит, как скрипит хвост по линолеуму пола. Второй рукой он все еще держал холодную руку жены.

— Никого здесь нет, — произнес он вслух, убеждая себя в собственной правоте. — Никого здесь нет. Никого...

Прежде чем Гэри успел повторить фразу в третий раз (всем известно, что Бог троицу любит), чудовище вонзило зубы ему в горло.

3

Через открытую дверь кладовой Джонни заметил маленькие ножки и заглянул внутрь. Элли и Ральфи, обнявшись, лежали на поролоновом мате. Они крепко спали, выстрелы остались в далеком прошлом, но даже во сне случившееся не отпускало детей: лица их оставались бледными, напряженными, дыхание частым и неровным, а ножки Ральфи подергивались, словно во сне он от кого-то убегал.

Джонни догадался, что Эллен сама нашла мат и принесла в кладовую, чтобы ей и брату было где лечь. Во всяком случае, Ким ей в этом не помогала. Ким и ее дочь заняли свои прежние места у стены, только теперь они сидели не на полу, а на стульях.

— Джим действительно мертв? — спросила Сюзи, взглянув на Джонни влажными от слез глазами, когда он вошел на кухню вместе с Брэдом и Белиндой. — Я просто не могу в это поверить. Мы только что бросались фризби, а вечером собирались в кино...

Тут Джонни сорвался:

— Почему бы тебе не пройти на заднее крыльцо и не убедиться в этом самой?

— Чего вы на нее набросились? — сердито выкрикнула Ким. — Для моей дочери это первое в жизни потрясение. Она в глубоком шоке!

— Не только она, — отрезал Джонни. — И раз уж разговор...

— Успокойтесь, — вмешался Стив Эмес. — Только ссоры нам и не хватает.

Но Джонни не хотел или уже не мог внять голосу разума. Его указующий перст нацелился в грудь Ким, которая злобно уставилась на Джонни.

— Коли уж разговор зашел об этом, если вы еще раз обзовете Белинду черной сукой, я вышибу вам все зубы.

— О Боже, да из вас так и прет дерьмо. — Ким картинно закатила глаза.

— Прекратите, Джон. — Белинда взяла его за руку. — Немедленно. У нас есть дела поважнее...

— Толстая черная сука. — Ким Геллер смотрела на Джонни. Глаза ее по-прежнему горели злобой, но теперь она еще и улыбалась. И он подумал, что более отвратительной улыбки видеть ему еще не доводилось. — Толстая черная сука. Негритоска. — И она указала пальцем на собственные зубы. Сюзи, остолбенев, в ужасе смотрела на мать. — Ясно? Ты меня слышал? Так подходи, выбей мне зубы. Посмотрим, что у тебя получится.

Джонни двинулся к ней, сжимая кулаки. Брэд схватил его за одну руку, Стив — за другую.

— Убирайся отсюда, идиотка, — рявкнул Стари-на Док. Ким вздрогнула от неожиданности и уставилась на него. — Сейчас же убирайся отсюда.

Ким встала, рывком подняв Сюзи. Казалось, что в гостиную они уйдут вместе, но внезапно Сюзи вырвалась. Ким потянулась к ней, но Сюзи отпрыгнула еще дальше.

— Чего ты испугалась? — спросила ее Ким. — Мы же перейдем в гостиную! Нечего нам делать с этими...

— Я не пойду. — Сюзи быстро-быстро замотала головой. — Ты иди. А я остаюсь.

Ким посмотрела на нее, потом на Джонни. Лицо ее перекошилось. На нем читались ненависть и замешательство.

— Уходите отсюда, Ким. — Он еще мог дать ей в зубы, но приступ помешательства прошел, и из голоса практически исчезла дрожь. — Вы не в себе.

— Сюзи, ты пойдешь со мной. Нам надо держаться подальше от этих отвратительных людей.

Сюзи, дрожа всем телом, повернулась к матери спиной. Джонни не собирался менять своего мнения о девушке (пустышка, стрекоза)... но все-таки она не чета своей мамаше.

Медленно, словно заржавевший робот, Дэвид Рид поднял руки и обнял девушку. Кэмми хотела возразить, но потом смирилась.

— Хорошо, — отчеканила Ким. — Когда я вам понадобится, найдете меня в гостиной. — Взгляд ее вернулся к Джонни, в котором она, похоже, видела виновника всех напастей. — А ты...

— Хватит, — осадила ее Одри, да так резко, что взгляды всех, кроме Ким, обратились к ней. А Ким молча ретировалась в темноту гостиной. — У нас нет времени на это дерьмо. Мы еще можем спастись, шанс есть, пусть и очень маленький, но если вы и дальше будете собачиться, мы точно погибнем.

— Кто вы, мэм? — спросил Стив.

— Одри Уайлер.

Высокая, с длинными ногами, в коротких синих шортах, вроде бы сексапильная женщина, но лицо... Бледное, осунувшееся. Лицо напомнило Джонни о детях Карверов, которые, обнявшись, спали в кладовой. Он попытался вспомнить, когда в последний раз видел Одри, общался с ней, и не смог. Она словно выпала из неторопливой, размеренной жизни Тополиной улицы.

Маленький кусачий крошка Смитти, внезапно вспомнилось ему, что же ты кусаешь мамку за титти. Потом Джонни припомнил игрушечные космофургоны, которые стояли на полу в маленькой комнате, примыкающей к гостиной, в доме Уайлеров, когда он провел там какое-то время и просмотрел вместе с Сетом одну из серий «Золотого дна». И вот тут его осенило. Преступники, которые выглядели как киноактеры. Майор Пайк, хороший инопланетянин, сделавшийся плохим. Типичный ландшафт вестерна. Она любит старые вестерны, сказала в тот день Одри, одновременно поднимая с пола игрушки, пытаясь чем-то себя занять. Так ведут себя люди, когда нервничают. «Золотое дно» и «Стрелок» — его фавориты, но он смотрит все, которые показывают по кабельному телевидению. Главное, чтобы были лошади.

— Это ваш племянник, Одри. Не так ли? Все это — проделки Сета.

— Нет. — Она подняла руку и вытерла со лба пот. — Не Сета, а существа, живущего в нем.

— Я расскажу вам все, что могу, но времени у нас в обрез. Скоро вернутся космофургоны.

— А кто в них? — спросил Старина Док. — Вы знаете, Од?

— Регуляторы. Преступники. Полисмены будущего. А место, где мы сейчас находимся, — частично Дикий Запад, каким его показывают по телевизору, а частично — Силовой коридор из мультфильма о двадцать третьем столетии. — Она глубоко вздохнула. — Всего я не знаю, но...

— Ограничимся тем, что вам известно, — вставил Джонни.

Одри посмотрела на часы и скорчила гримаску.

— Остановились.

— Мои тоже, — заметил Стив. — Наверное, стоят все часы.

— Я думаю, время у нас есть, — продолжила Одри. — Я хочу сказать, что пока нам не остается ничего иного, как ждать. Если он вновь напустит на нас регуляторов, нам придется... выдержать и эту атаку.

— Они становятся сильнее? — неожиданно спросила Кэмми. — Эти регуляторы, они становятся сильнее?

— Да, — кивнула Одри. — И если существо, которое это проделывает, подпиталось энергией людей, погибших в лесу, то следующий натиск будет ужасным. Я молюсь, чтобы не подпиталось, но боюсь, что оно успело.

Одри оглядела всех и начала.

— Существо, которое обитает в Сете, зовут Тэк.
 — Это демон, Од? — спросил Старина Док. —
 Какой-то демон?

— Нет. У него... можно сказать, что к религии он не имеет никакого отношения. Если не считать идолом телевизор. Скорее это паразит, разумный и обожающий жестокость и насилие. Он завелся в Сете два года назад. Однажды я слышала историю о женщине из Вермонта, которая нашла в раковине черного паука-ткача. Вероятно, паук попал в дом в пустой картонной коробке, которую ее муж принес из супермаркета, где он работал. Эта коробка с бананами прибыла из Южной Америки. Паука запаковали в коробку вместе с бананами. Думаю, примерно таким же путем оказался на Тополиной улице и Тэк. Только мы имеем дело с говорящим пауком-ткачом. Он позвал Сета, когда мальчик и его семья ехали по пустыне. Почувствовал, что рядом находится человек, которого он может использовать, и позвал.

Одри посмотрела на свои руки, лежащие на коленях со сцепленными пальцами. Ким Геллер уже стояла в дверях, привлеченная историей Одри. Она рассказывала всем, но, подняв голову, остановила взгляд на Джонни.

— Я думаю, сначала Тэк был совсем слабым, но не настолько слабым, чтобы не осознавать, что семья Сета — главная угроза для него. Мне неизвестно, что они знали наверняка, а о чем лишь догадывались, но я могу заявить со всей ответственностью, что в нашем последнем телефонном разговоре мой брат показался мне очень странным. Думаю, Билл

смог бы многое мне рассказать... если бы Тэк ему это позволил.

— Он на такое способен? — спросил Стив. — Может контролировать людей?

Одри указала на свой распухший нос:

— Это сделала моя рука. Но подчинялась она не мне.

— Господи. — Синтия нервно взглянула на ножи, висевшие на магнитных присосках над столиком у стены. — Это плохо. Очень плохо.

— Могло быть и хуже, — ответила Одри. — К счастью, физически Тэк может контролировать только тех, кто находится рядом с ним.

— На каком расстоянии? — спросила Кэмми.

— Двадцать, может, тридцать футов. Потом способность воздействия резко сходит на нет. Так было. Но теперь ситуация изменилась. Потому что никогда раньше Тэк не получал такой энергетической подпитки.

— Пусть расскажет все до конца, не будем ей мешать, — вставил Джонни.

Он буквально чувствовал, как время ускользает от них. То ли он воспринимал какие-то флюиды, идущие от Одри, то ли прислушивался к собственной интуиции. Источник информации значения не имел. Времени оставалось в обрез. Это он знал наверняка. Времени в обрез.

— Мальчик все еще существует. — В тихом голосе Одри слышалась абсолютная уверенность. — Хороший мальчик, необычный мальчик, которого зовут Сет Гейрин. И самое отвратительное состоит в том, чем убивал людей Тэк. Он использовал то, что любит мальчик. Моего брата и его семью расстрелял космофургон «Стрела следопыта», один из космо-

фургонов мотокопov. Случилось это в Калифорнии, куда они приехали из Невады. Не знаю, где Тэк взял столько энергии, чтобы вызвать «Стрелу следопыта» из памяти Сета и материализовать космофургон. Черпать ее он мог только из Сета, но этого ему хватить не могло. На материализацию космофургона требуется много энергии.

— Так он вампир? — спросил Джонни. — Только пьет не кровь, а психическую энергию?

Одри кивнула.

— И энергия, которую использует Тэк, выделяется человеком, когда ему больно. Вот и насчет Билла и его семьи... Может, в округе кто-то умер или получил серьезную травму. Или...

— А может, Тэк заставил кого-то умереть или причинить себе боль, — добавил Стив. — Какого-нибудь подвернувшегося под руку бродягу. Старого алкоголика, толкавшего перед собой тележку, на которой лежали все его пожитки. Кем бы он ни был, готов поспорить, что умер он с улыбкой на лице.

Одри посмотрела на Стива, и глаза ее наполнились болью.

— Вы знаете, — прошептала она.

— Не так уж и много, но то, что я знаю, соотносится с вашим рассказом. Там мы нашли одного парня. — Стив махнул рукой в сторону лесополосы. — Энтрегьян его узнал. Сказал, что этим летом два или три раза видел его на улице. Видимо, этот парень оказался в радиусе действия вашего племянника. Но каким образом?

— Не знаю. — Одри покачала головой. — Я, должно быть, отсутствовала.

— А где вы были? — спросила Синтия. У нее сложилось впечатление, что миссис Уайлер крайне редко покидала дом.

— Не важно. Есть место, куда я могу уходить. Вы не поймете. Речь о том, что Тэк убил моего брата Билла и его семью. Для этого он использовал один из космофургонов.

— Получается, что тогда он мог играть на одном тромбоне, а сейчас в его распоряжении целый оркестр? — спросил Джонни.

Одри отвернулась, покусывая распухшие, воспаленные губы.

— Херб и я взяли Сета к себе, и по большому счету я об этом не жалею. Своих детей у нас не было. Сет был хорошим мальчиком, милым мальчиком...

— Кто-то, наверное, любил и Тифозную Мэри*, — вырвалось у Кэмми Рид.

Одри посмотрела на нее, все еще кусая губы, потом на Джонни, словно моля его понять. Он не хотел понимать, особенно после того, что творилось на Тополиной улице, после того, как на его глазах Джим Рид пустил себе пулю в висок и его голова разлетелась, словно спелый арбуз. Однако Джонни подумал, что все-таки понимает. Хочется ему этого или нет.

— Первые шесть месяцев были самыми лучшими. Хотя и тогда мы уже догадывались: что-то не так.

— Вы водили мальчика к врачу? — спросил Джонни.

* Маллон, Мэри (1870?—1938) — повариха-ирландка, которая, работая во многих американских семьях, заразила брюшным тифом более 50 человек, трое из них умерли. Была бациллоносителем, но сама обладала иммунитетом к болезни.

— Какой смысл? Тэк спрятался бы. Анализы и тесты ничего бы не показали. Я в этом уверена. Но потом... после возвращения домой...

Джонни взглянул на ее разбитые губы и распухший нос.

— Он бы вас наказал.

— Да. Меня и... — Голос Одри дрогнул, и она закончила совсем уж шепотом: — Меня и Херба.

— Херб не покончил с собой? — спросил Том Биллингсли. — Его убил Тэк?

Она вновь кивнула.

— Херб хотел, чтобы мы уехали от него. Тэк это чувствовал. А еще он выяснил, что не может использовать Херба для... для того, что ему хотелось сделать.

— Боже мой, — выдохнул Брэд.

— Тэк убил Херба и подкрепился его энергией. После этого Сет остался единственным заложником Тэка... но и его одного хватало, чтобы держать меня в узде.

— Потому что вы любите его, — добавил Джонни.

— Да, совершенно верно, потому что я люблю его. — В голосе Одри звучал не вызов, а сжигающий стыд. Синтия протянула ей бумажную салфетку, но Одри лишь взяла ее в руку, словно не знала, для чего ее используют. — Наверное, можно сказать, что в какой-то степени моя любовь — причина случившегося. Это ужасно, но так оно и есть. — Одри, по лицу которой катились слезы, повернулась к сидящим на полу Кэмми и Дэйву Рид. Мать обнимала одной рукой единственного оставшегося у нее сына. — Я и представить себе не могла, что все так выйдет. Вы должны мне поверить. Даже после того, как он выгнал Хобартов и убил Херба, я понятия не имела, какая у него сила. И на что он способен.

Кэмми молчала, лицо ее напоминало каменную маску.

— После смерти Херба Сет и я жили тихо, — продолжила Одри. Джонни подумал, что впервые она откровенно лжет, хотя, возможно, и раньше пару раз кое-что недоговаривала. — Сету восемь лет, но со школой я все уладила. Заполнила необходимые формуляры с просьбой разрешить домашнее обучение и раз в месяц посылала необходимые бумаги в Образовательный департамент Огайо. Конечно, Сет ничему не учится. Только смотрит одни и те же фильмы и мультсериалы. В этом и заключается его образование. Он играет в песочнице. Ест гамбургеры и спагетти, пьет только шоколадное молоко. Большую часть времени это был Сет. — Во взгляде, которым она обвела всех, читалась мольба. — Большей частью. За исключением... Но все это время... Тэк находился в нем. Рос. Проникал все глубже и глубже. Захватывал мозг Сета.

— И вы не отдавали себе отчета в происходящем? — спросила так и оставшаяся стоять в дверях Ким. — О, подождите, я забыла. Он же убил вашего мужа. Но вы решили, что это не его вина, не так ли? Списали на несчаст...

— *Вы не понимаете!* — Одри чуть не кричала. — Вы не знаете, каково это было — жить с ним, с тем, кто сидит у него внутри! Внешне он оставался Сетом, а я внезапно начинала колотиться об стены, словно заводная игрушка, которая так надоела мальчишке, что он решил ее расколошматить. Или я била себя по лицу, или шипала за... за кожу...

Теперь она воспользовалась бумажной салфеткой, вытерла слезы и пот со лба.

— Однажды Тэк заставил меня прыгнуть с лестницы. В прошлом году, на Рождество. А я всего лишь попросила его не вытаскивать подарки из-под елки. Я думала, что говорю с Сетом, а Тэк ушел вглубь. Спит или уж не знаю, что он там делает. Потом я увидела, что глаза слишком черные, не такие, как у Сета, но было поздно. Я встала с кресла и поднялась по лестнице. Не могу передать вам, как это ужасно... Такое ощущение, будто едешь в автомобиле, которым управляет маньяк. На верхней площадке перелезла через ограждение и прыгнула вниз. Как с вышки в бассейн. Я ничего не сломала, потому что Тэк затормозил меня у самого пола. А может, это сделал Сет. Просто чудо, что я не сломала тогда руку или ногу.

— Или шею, — добавила Белинда.

— Вот-вот, или шею. Я хочу сказать, что я люблю мальчика, а живущего в нем паразита боюсь до смерти.

— Сет был морковкой, а Тэк — палкой, — кивнул Джонни.

— Совершенно верно. К тому же мне было куда уйти. Когда мне грозило безумие. Сет мне в этом помог, я знаю, что помог. Поэтому время... проходило. Как у больного раком. Ты живешь, потому что другого выхода нет. Привыкаешь к определенному уровню боли и страха, знаешь, что когда-нибудь все это закончится, должно закончиться. Я не подозревала, что он готовит такое. Вы должны мне поверить. В основном мне удавалось защищать от него свои мысли. И я даже подумать не могла о том, что он что-то замышляет втайне от меня. Он затаился, а потом... Наверное, бродяга появился в доме, пока я отсутствовала... навещала свою подругу Джэн... и тогда...

Одри замолчала, пытаясь успокоиться.

— Кошмар, в котором мы находимся, — нечто среднее между «Регуляторами», его любимым вестерном, и «Мотокопами 2200», его любимым мультсериалом. От одного эпизода Сет просто без ума, того, что называется «Силовой коридор». Я видела его многократно. Он записан на трех пленках с разными сериями. Очень, очень страшный эпизод. И впечатляющий. Сета он привел в ужас. Мальчик писал в постель три ночи подряд после того, как увидел «Силовой коридор» в первый раз. Но в то же время этот эпизод доставил Сету безмерное удовольствие. В основном потому, что главные персонажи сериала, плохие и хорошие, объединяются, чтобы уничтожить злобных инопланетян, прячущихся в Силовом коридоре. Находятся эти инопланетяне в коконах, которые полковник Генри поначалу принял за энергетические генераторы. Сцена, где инопланетяне вываливаются из коконов и атакуют мотокопоров, может напугать кого угодно. Только я думаю, что в этой версии «Силового коридора» коконами являются наши дома. А мы...

— Мы — злобные инопланетяне, — закончил за нее Джонни и кивнул сам себе. Действительно, все сходилось. — Я думаю, что идея вынужденного объединения выглядит весьма привлекательно для обеих частей Сета — и хозяина, и паразита. Или ты с нами, или пеняй на себя. Детям нравится эта идея, так как она освобождает их от необходимости судить о том, что хорошо, а что плохо. В этом они как раз и не сильны.

Одри тоже кивнула.

— Да, похоже на то. Вот и персонажи «Регуляторов», хорошие и плохие, всегда уживались с мото-

копами в песочнице Сета. В его играх шериф Стри-тер и Джеб Мердок отлично ладили, хотя по фильму они заклятые враги.

— Так происходящее здесь и сейчас для Сета всего лишь игра? — спросил Джонни. — Вы это хотите нам сказать, Одри?

— Я не совсем уверена. Потому что трудно определить, где заканчивается Тэк и начинается Сет... это можно только почувствовать. Я хочу сказать, с какого-то возраста Сет уже понимает, что к чему, как ребенок в восемь или десять лет перестает верить в Санта-Клауса... Но ведь нам так не хочется отказываться от наших фантазий, не правда ли? В них... — У нее перехватило дыхание, нижняя губа задрожала, но потом Одри совладала с нервами. — Лучшие из них нам просто необходимы, они помогают справляться с трудностями жизни. Тэк позволяет Сету разыгрывать свои фантазии на более широком экране, чем тот, что доступен нам, только и всего.

— Черт, ему бы надо баловаться с ними в виртуальной реальности, — подал голос Стив. — А из ваших слов следует, что в свою виртуальную реальность он ввел живых людей, то есть нас.

— Боюсь, дело в том, что Сет больше не может остановить Тэка, — пояснила Одри. — Возможно, Тэк связал Сета, вставил в рот кляп и бросил в подвал.

— Но если Сет сможет остановить Тэка, он его остановит? — спросил Джонни. — Что вы об этом думаете? Что чувствуете?

— Я уверена, что остановит, — без запинки ответила Одри. — Я уверена, что Сет где-то внутри и он

в ужасе. Как Микки-Маус в «Фантазии», когда щетки вышли из-под контроля.

— Допустим, вы правы. Допустим, Тэк — причина того, что сейчас творится с нами и вокруг нас. Почему он это делает? Чего добивается? В чем его выгода? Для Сета Тополиная улица — Силовой коридор, дома — коконы, мы — прячущиеся в них злобные инопланетяне. Понятно, что нас надо расстрелять. Как в мультфильме. Но Тэк от этого что-нибудь получает?

— Да, — кивнула Одри. — Думаю, фантазии предназначены для Сета, через них Тэк может воспользоваться необычными способностями Сета, которые дополняют его собственные. К тому же, я полагаю, Тэку нравится то, что происходит с нами.

На кухне повисла тяжелая тишина.

— Нравится? — переспросила Белинда. — Что ему нравится?

— Наши страдания. Когда мы страдаем, когда нам больно, мы выделяем какую-то субстанцию, а Тэк слизывает ее, словно мороженое. А еще лучше, если мы умираем. Тогда он может не лизать, а заглатывать все целиком.

— Значит, мы — это обед, — уточнила Синтия. — Вы так это себе представляете, да? Для Сета мы — персонажи видеоигры, а для этого Тэка — обед.

— Даже больше. Что для нас еда? Источник энергии. «Тэк делает, — сказал мне Сет. — Делает и строит». Я не думаю, что пустыня, где Сет подцепил его, является домом Тэка. По-моему, это была его тюрьма. А теперь он пытается восстановить свой дом.

— Если исходить из того, что я уже повидал, у меня никогда не появится желания навестить его, — покачал головой Стив. — Должен сказать...

— Хватит, — оборвала его Кэмми. — Как нам его убить? Вы сказали, что способ есть.

Одри уставилась на нее.

— Вы не убьете Сета. Никто не убьет Сета. Выкиньте эту мысль из головы. Он беззащитный маленький мальчик...

Кэмми вскочила, ее пальцы впились в плечи Одри. Джонни не успел остановить миссис Рид.

— Расскажите это Джимми! — прокричала она в лицо Одри. — Он мертв, мой сын мертв, поэтому не надо говорить мне о том, какой беззащитный мальчик ваш племянник, что он никому не может причинить вреда! Не смейте! Эта тварь живет в нем, как ленточный червь в животе лошади! В нем! И если он не выйдет оттуда...

— Но он выйдет! — ответила Одри. Она уже взяла себя в руки, голос ее звучал куда спокойнее. — Он выйдет!

Кэмми ослабила хватку, но чувствовалось, что если она и поверила Одри, то не до конца.

— Как? Когда?

Ответить Одри не успела.

— Я слышу какое-то гудение, — воскликнула Ким. — Словно работает электрический мотор. — Голос ее задрожал. — Господи, они возвращаются.

Теперь гудение услышал и Джонни. Такое же, как и в прошлый раз, только громче. Более энергичное, более угрожающее. Он взглянул на лестницу, ведущую в подвал, и решил, что перебираться туда уже поздно, они не успеют, особенно с двумя маленькими спящими детьми.

— На пол, — скомандовал он. — Всем лечь на пол.

Джонни увидел, как Синтия взяла Стива за руку и указала на кладовую. Стив кивнул, и они пошли туда, чтобы прикрыть детей своими телами.

Гудение нарастало.

— Молитесь, — внезапно вырвалось у Белинды. — Все молитесь.

Но Джонни молиться побоялся.

Из дневника Одри Уайлер:

7 февраля 1996 г.

Я подметила одну интересную особенность, которая, возможно, позволит в любое время определять, кто хозяин тела, которое они делят между собой. Оба без ума от фигурки Кассандры Стайлз, только любовь у них разная. Если ее ласкает Тэк, то ласки эти чисто сексуальные. Он поглаживает пластмассовую грудь, покусывает пластмассовые ноги. Два дня назад я видела, как он сидел на ступеньках и лизал промежность ее синих шортов, а «игрунчик» у него стоял колом (не заметить это трудно, потому что ходит он исключительно в плавках). И разумеется, от моего внимания не ускользнуло, что он хочет, чтобы я одевалась а-ля Касси, и даже заставил меня выкрасить волосы в этот ужасный рыжий цвет.

С другой стороны, Сет... когда это Сет, просто прижимает фигурку Касси к груди, гладит по волосам, целует в щечку. Он представляет себе, что это его мама. Не могу сказать, откуда я это знаю, но знаю.

Должна поставить точку. Опять плачу.

Глава 12

Безнадега,

Главная улица / Время регуляторов

Как и в прошлый раз, космофургоны появляются неожиданно, только теперь они возникают не из пелены дождя, а из облака пыли, поблескивающей в лунном свете.

Первым катит розовый «Парус мечты». Кэнди за штурвалом, Касси рядом с ним. На крыше мерно вращается сердечко-антенна. Как вывеска на крыше публичного дома, сказал бы Джонни Маринвилл, если б увидел ее. Но он не видит, потому что лежит лицом вниз рядом со Стариной Доком на полу в кухне Карверов. Биллингсли накрыл голову руками и зажмурился, а выражение его лица не оставляет сомнений в том, что с минуты на минуту он ждет начала Армагеддона.

«Парус мечты» не сворачивает на пыльную Главную улицу с Гиацинтовой, так как последней просто нет. Ее место занято уходящей вдаль ровной, как стол, пустыней... а в небе над этой пустыней практически нет звезд. Словно Создатель, нарисовав звезды над кучкой домов, удалился на покой.

Из бортов «Паруса мечты» торчат короткие крылья, колеса наполовину утоплены в корпусе, космофургон плывет в трех футах над разбитой колесами телег улицей. Мерно гудит двигатель. Когда космофургон приближается к расположенному на углу салуну «Леди Дэй», в борту его открывается бойница, из которой выглядывает Лаура Демотт из «Регуляторов». Ее белоснежные ручки сжимают не «дерринджер», а ружье. Двустволку. Однако выстрелы этой

двустволки гремят, как разрывы снарядов. А в следующее мгновение с фасадом салуна приключается беда. Дверцы взлетают в воздух, деревянная обшивка вспыхивает. На мгновение — правда, увидеть это некому — на месте салуна возникает полуразрушенный магазин «Е-зет стоп». Вскоре пылает все здание, и воображаемый салун, и вполне реальный магазин «Е-зет стоп».

За «Парусом мечты» следует «Стрела следопыта», замыкает колонну «Свобода». Тонированное ветровое стекло опущено вниз. Майор Пайк, хороший инопланетянин, ставший плохим, за штурвалом космофургона Баунти, но не в форме конфедератов и без широкополой шляпы (шляпа теперь на Кэнди, у регуляторов приняты такие обмены). Майор вновь одет в переливающийся комбинезон мотокопов, на голове его отлично виден гребень светлых волос. Рядом с майором диковатого вида траппер, сержант Матис, ставший первым помощником Джеба Мердока после избиения и ареста капитана Кэнделла.

Дом Колли Энтрегьяна заменил магазин дамской одежды «Две сестры», где можно найти самые модные модели. Сержант высовывается наружу, упирает двустволку в плечо и нажимает на спусковые крючки. Грохот, вой летящих снарядов.

— *Прекратите это!* — кричит Сюзи. — *Пусть кто-нибудь это прекратит!*

Верхняя половина магазина «Две сестры» разлетается фейерверком досок, гвоздей, осколков стекла, кусков штукатурки. Вновь не более чем на мгновение возникает дом Колли Энтрегьяна, даже велосипед Кэри Риптона и накрытое пленкой тело. Потом дом пропадает и остается только магазин «Две сестры» (именно в этом магазине в «Регуляторах» мы

впервые видим Лауру Демотт, танцовщицу и певичку с золотым сердцем, покупающую отрез материи на платье). Полкрыши снесено, все окна разбиты.

С противоположной стороны Главной улицы (Медвежьей уже нет) появляется серебристый космофургон «Рути-Тути». Рути за штурвалом, его глаза вспыхивают и гаснут, как огни светофора. Маленький Джо Картрайт рядом с ним, по лицу его блуждает улыбка, в руках он сжимает отделанное хромированными пластинами ружье. В затылок ему движется «Рука справедливости», сзади — черная «Мясовозка». За штурвалом Безлицый, рядом с ним графиня Лили, ее глаза ярко блестят. Джеб Мердок над ними, на турели.

Потому что он самый жестокий из всех.

Космофургоны идут в последнюю атаку, три из них врываются в Силовой коридор с севера, три — с юга. Многократно усиленные ружейные выстрелы сотрясают воздух, пули летят со свистом, словно стая баньши. Отель «Скотовод» (прежде дом Содерсонов) буквально срывает с фундамента. Левая часть рушится, превращаясь в груды досок. Соседний дом (в нем Брэд Джозефсон никогда бы не узнал свое жилище, в которое он и Белинда вложили столько труда) взрывается изнутри, доски, стекла, штукатурка, кровельное железо летят во все стороны.

На другой стороне улицы продуктовый магазин Уоррелла (им стал дом Тома Биллингсли) рушится под выстрелами с «Руки справедливости», тела Содерсонов остаются под обломками. Каждый выстрел по громкости не уступает выстрелу мортиры. Полковник Генри за штурвалом, стреляет Чак Коннорс, который более известен под кличкой Стрелок. Его сын, широко улыбаясь, сидит рядом с ним.

— Отличный выстрел, папа! — восклицает он, когда груды обломков охватывает пламя.

— Спасибо, сынок, — отвечает Лукас Маккейн и нацеливает свой стреляющий снарядами «винчестер» на китайскую прачечную Лушана. Прачечная, в другой реальности дом Питера и Мэри Джексон, уже изрядно потрепана выстрелами с «Рути-Тути», но Стрелка это не останавливает. К нему присоединяется и сынишка, паля из маленького револьвера, по грохоту не уступающего базуке.

Над Главной улицей повисает облако порохового дыма. Гасиенда Геллеров, бревенчатый дом Ридов, жилище Джозефсонов полностью разрушены. От отеля осталась половина, так же как и от магазина «Две сестры». Продуктовый магазин Уоррелла в огне, как и окружная лавка Оула, занявшая место дома Хобартов.

На восточной стороне улицы только на одном доме еще никак не отразилось новое появление регуляторов — доме Карверов. В обшивке остались дыры от пуль, стекла выбиты (следы прошлого рейда), но в этот раз по дому не сделано ни одного залпа.

«Парус мечты», «Стрела следопыта», «Свобода» достигают вершины холма, где Тополиная улица пересекалась с Медвежьей. «Рути-Тути», «Рука справедливости» и «Мясовозка» выезжают на пересечение Тополиной и Гиацинтовой улиц. Стрельба стихает, а затем прекращается вовсе. Люди в доме Карверов слышат, как горит соседний дом, «Продуктовый магазин Уоррелла» (они-то думают, что это бунгало Старины Дока), а в остальном так тихо, что болят барабанные перепонки. Пережившие рейд осторожно поднимают головы.

— Все закончилось, как по-твоему? — спрашивает Стив тоном человека, который не хочет напрямую сказать, что все обернулось не так уж плохо в сравнении с тем, чего он ожидал... но думает об этом.

— Мы должны... — начинает Джонни.

— Я снова их слышу! — слышится визг Ким Геллер из гостиной. У остальных нет оснований ей не верить, она ближе всех к улице. — Это ужасное гудение! Его надо остановить! — С выпученными глазами Ким вбегает на кухню. — Надо остановить!

— Сядь, мама! — говорит ей Сюзи, но сама не двигается с места, она лежит рядом с Дэйвом Ридом. Одной рукой он обнимает девушку, и его пальцы (мать Дэйва, естественно, этого не видит) обхватывают грудь Сюзи. Та не возражает. Наоборот, она бы не хотела, чтобы Дэйв убирал руку. Ее ужас и почти материнская забота об оставшемся в живых близнеце в сочетании приводят к тому, что впервые в жизни в девушке просыпается похоть. И ей больше всего хочется оказаться с Дэйвом в таком месте, где они смогут без помех снять штаны.

Ким пропускает слова дочери мимо ушей. Она идет к Одри и хватает ее за волосы, отрывая ее голову от пола.

— *Заставь его это прекратить!* — кричит она в побледневшее лицо Одри. — *Это твой родственник, ты привезла его сюда! А ТЕПЕРЬ ЗАСТАВЬ ЕГО ЭТО ПРЕКРАТИТЬ!*

Белинда Джозефсон действует быстро. Не успевает Брэд и глазом моргнуть, как она вскакивает, пересекает кухню и заламывает свободную руку Ким ей за спину.

— Ой! — вскрикивает Ким, тут же разжимая пальцы, вцепившиеся в волосы Одри. — Отпусти меня! Отпусти меня, черная су...

Белинда считает, что уже достаточно наелась расистского дерьма, и заламывает руку Ким еще выше. Мать Сюзи, которая поддерживает скаутские организации девочек и постоянно посылает пожертвования Обществу по борьбе с раком, кричит от боли. А Белинда разворачивает ее к двери и дает ей под зад коленом. Ким вылетает в гостиную и врежется в противоположную стену. Те гюммельские статуэтки, что еще стояли на полочках, падают на пол.

— Она сама на это напросилась, — будничным тоном поясняет Белинда. — Я не должна терпеть...

— Все правильно, — обрывает ее Джонни. Гудение все громче, словно рядом заработал мощный трансформатор. — Ложись, Белинда. Все ложитесь. Стив, Синтия, прикройте детей. — Он поворачивается к тете Сета Гейрина. В голосе Джонни слышны извиняющиеся нотки. — Ты можешь его остановить, Од?

Она качает головой:

— Это не он. Сейчас это не он. Это Тэк. — Не успев опустить голову, она перехватывает взгляд Кэмми Рид, и взгляд этот пугает ее куда больше, чем крики Ким Геллер. Суровый взгляд. Никакого намека на истерику, лишь неприкрытое желание убить.

Но кого намерена убить Кэмми? Ее? Сета? Обоих? Одри не знает. Знает она другое: она не имеет права рассказать другим о том, что сделала перед тем, как сбежать из дома, о том пустячке, который может так много решить... если... Если откроется временное окно, на что она очень рассчитывает. Если она

сделает все, что нужно, в нужный момент. Она не может сказать остальным, что надежда есть. Ведь если Тэк проникнет в чьи-нибудь мысли, надежда эта рухнет.

Гудение нарастает. На Главной улице космофургоны вновь в движении. «Парус мечты», «Стрела следопыта» и «Свобода» ближе к дому Карверов, чем другая тройка, поэтому они подкатывают первыми и застывают рядом. Красный космофургон «Стрела следопыта» с Охотником Снейком за штурвалом блокирует подъездную дорожку, на которой еще лежит тело хозяина дома. Подкатывают «Рути-Тути», «Рука справедливости» и «Мясовозка». Ряд из шести космофургонов полностью отсекает дом Карверов от остальной улицы.

Дом этот по иронии судьбы из тех, что ставят на ранчо. Из бойницы «Паруса мечты» Лаура Демотт берет на мушку разбитое окно гостиной. Со «Стрелы следопыта» целятся в дом Хосс Картрайт и очень молодой Клинт Иствуд*, в этой реальности Роуди Йетс из «Кнута». Джеб Мердок стоит на турели «Мясовозки» с двумя ружьями. На обоих стволы обрезаны в четырех дюймах от спусковых крючков. Он широко улыбается знакомой многим улыбкой Рори Колхауна.

Откидываются люки на крышах. Ковбои и инопланетяне берут дом на прицел.

— Пап, видно, у нас тут стрельба по мишеням! — пронзительно кричит Марк Маккейн, потом он визгливо смеется.

— Рут-рут-рут!

* Иствуд, Клинт (р. 31.05.1930) — известный актер и режиссер, сыгравший во многих вестернах и полицейских фильмах.

— *ЗАТКНИСЬ, РУТИ!* — вопят все хором и смеются.

Вот этого-то смеха Ким Геллер, психика которой уже дала сбой, не выдерживает. Она поднимается с пола и широким шагом идет к сетчатой двери, за которой все еще лежит тело Дебби Росс. По пути кроссовки Ким отбрасывают в стороны фарфоровые осколки гюммельских статуэток, которые с такой любовью собирала Кирсти Карвер. Мерное гудение электрических двигателей сводит Ким с ума. И все же проще думать об этом, чем о наглой негритоске, которая чуть не сломала ей руку и вышвырнула в другую комнату, словно мешок с грязным бельем.

Остальные даже не подозревают о том, что Ким вышла из дома, пока до них не доносится ее голос: «Убирайтесь отсюда! Прекратите это безобразие и убирайтесь! Полиция уже едет сюда!»

При звуке этого голоса Сюзи напрочь забывает о том, как хорошо ощущать на своей груди пальцы Дэйва Рида и как ей хочется увести его наверх и затрахать до беспамятства, чтобы он забыл о смерти брата.

— Мама! — вскрикивает Сюзи и начинает подниматься.

Но рука Дэйва возвращает ее на пол и обвивается вокруг талии, чтобы больше не дать Сюзи подняться. Он уже потерял брата и полагает, что для одного дня этого более чем достаточно.

Давай же, давай, давай, мысленно твердит Одри... скорее не твердит, а молится. Глаза ее закрыты, руки сжаты в кулаки, остатки ногтей впиваются в ладони. *Давай, работай, сделай то, что надо, уже пора...*

— Действуй. — Она даже не замечает того, что уже шепчет вслух Джонни, который поднял голову,

услышав голос Ким, и теперь смотрит на Одри. — Действуй же. Ради Бога, действуй!

— О чем это вы? — спрашивает Джонни, но Одри не отвечает.

А Ким уже идет по дорожке к космофургонам, которые припарковались у бордюрного камня. Это единственное место на всей бывшей Тополиной улице, где сохранился бордюрный камень.

— Я даю вам последний шанс. — Взгляд Ким переходит с одной странной личности на другую. Некоторые в идиотских масках, а один, тот, что за рулем фургона, в костюме робота. Выглядит как увеличенная копия R2D2 из «Звездных войн». Другие обрядились в ковбоев, надели форму участников Гражданской войны. Некоторые лица выглядят очень знакомыми... но сейчас не время думать о таких глупостях. — Я даю вам последний шанс, — повторяет Ким, останавливаясь как раз в том месте, где бетонная дорожка, проложенная по лужайке Карверов, смыкается с оставшимся куском тротуара. — Убирайтесь отсюда. А не то...

Боковая дверь «Свободы» соскальзывает в сторону, и из космофургона выходит шериф Стритер. В лунном свете поблескивает серебряная звезда, припиленная к его жилетке. Он смотрит на Джеба Мердока, своего давнего врага и нового союзника, стоящего на крыше «Мясовозки».

— Ну, Стритер, — обращается к нему Мердок, — что скажешь?

— Я думаю, тебе надо прикончить эту крикливую сучку, — с улыбкой отвечает шериф, и оба обрезанных ствола ружья Мердока изрыгают белое пламя. Гремят выстрелы. Мгновением раньше Ким Гел-

лер стояла у тротуара, а теперь ее нет. Вернее, остались кроссовки и в них ступни ног, но вот ни самих ног, ни корпуса, ни головы нет.

А долю секунды спустя что-то шмякается об стену дома Карверов. Словно кто-то выплескивает на нее ведро красной жидкости. Еще не стих грохот выстрелов, а шериф Стритер уже орет:

— *Стреляйте! Стреляйте, черт побери! Сотрите их с лица земли!*

— Ложитесь! — вновь командует Джонни, зная, что пользы от этого не будет, дом Карверов просто исчезнет, как исчезает под приливной волной выстроенный ребенком песчаный замок.

Регуляторы начинают стрелять. Такого грохота Джонни не слышал даже во Вьетнаме. Должно быть, думает он, так же гремело в окопах под Ипром или когда-то в Дрездене. Шум стоит невероятный, и, хотя Джонни полагает, что должен оглохнуть, он слышит, как рушится дом: ломаются доски, вылетают окна, бьется посуда. Слышит он и крики людей, пусть и очень тихие. Нос забит пороховым дымом. Что-то невидимое, но большое пролетает через кухню над их головами, и тут же большая часть стены обрушивается на землю.

Да, думает Джонни, это конец. Может, оно и к лучшему.

Однако события принимают неожиданный оборот. Стрельба не прекращается, но грохот выстрелов начинает стихать, словно кто-то поворачивает регулятор громкости. Это относится не только к выстрелам, но и к свисту снарядов, которые проносятся над головами людей. И происходит все очень быстро. Меньше чем через десять секунд (а может, и через пять) после того, как Джонни уловил изменение

уровня шума, наступает тишина. Не слышно и мерного гудения двигателей космофургонов.

Лежащие на кухне люди поднимают головы и смотрят друг на друга. В кладовой Синтия видит, что они со Стивом стали совсем белыми. Синтия подносит руку ко рту и дует. С кожи поднимается белая пыль.

— Мука, — говорит она.

Стив проводит рукой по своим длинным волосам и протягивает ее к Синтии. На его ладони лежат блестящие черные крутяшки.

— Мука — не самое плохое. Мне достались оливки.

Синтия думает, что сейчас засмеется, но не успевает этого сделать. Потому что мгновение спустя ей уже не до смеха.

Место Сета / Время Сета

Из всех тоннелей, которые он прорыл для себя за время правления Тэка, Тэка-Вора, Тэка Жестокого, Тэка-Деспота, этот самый длинный. В определенном смысле Сет воссоздал свой вариант Рэттилснейк номер один. Штольня уходит глубоко в черную землю, которой, как он считает, является его подсознание, а потом поднимается вверх, к самой поверхности, как надежда. В конце штольни окованная железом дверь. Сет не пытается открыть ее, и не из боязни, что дверь заперта. Как раз наоборот. Этой двери он не должен касаться, не завершив подготовку. Выйдя через нее, он не сможет вернуться назад.

Сет догадывается, куда она ведет, и молится о том, чтобы в этом не ошибиться.

Сквозь щели между железными полосами проникает достаточно света, чтобы было видно то место, где он стоит. На стенах фотографии. На одной из них — групповой портрет его семьи, Сет сидит между братом и сестрой. На другой он стоит между тетей Одри и дядей Хербом на лужайке перед домом. Все улыбаются. У Сета, как всегда, отсутствующий вид. Есть еще фотография Аллена Саймса у гусеницы Мисс Мо. Мистер Саймс в каске с надписью «Дип эс», он улыбается. Такой фотографии не существует, но это не важно. Это место Сета, время Сета, мозг Сета, он украшает его чем хочет. Не так давно здесь висели фотографии мотокопцов и персонажей «Регуляторов», не только здесь, но и по всему тоннелю. Теперь не висят. Они ему больше не нравятся.

«Я их перерос, — думает Сет, — в этом все дело. В свои восемь лет я перерос вестерны и субботные мультсериалы». Вот главная причина, которой никогда не понять Тэку: в своем развитии Сет поднялся еще на одну ступеньку. Игрушечная Касси Стайлз у него в кармане (когда ему нужен карман, он его себе представляет, это очень удобно), потому что он ее еще немного любит. А остальных — нет. Вопрос в том, сможет ли он вырваться из этих фантазий, которые так щедро сдобрены ядом?

Наступил момент, когда Сету предстоит это выяснить.

Рядом с фотографией Аллена Саймса на стене висит полочка. Такие Сет видел в прихожей Карверов, и они ему очень понравились. Каждая полочка для одной фарфоровой статуэтки. Такую вот полочку Сет создал в своем подсознании. Света достаточно, чтобы увидеть, что на ней стоит: не гюммельские пастушок или пастушка, а игрушечный телефон.

Сет снимает трубку и набирает на пластмассовом диске цифры два, четыре, восемь. Телефон дома Карверов. В ухе раздаётся гудок... второй... третий... Но слышны ли звонки на другом конце провода? Слышит ли их она? Слышит ли их вообще кто-нибудь?

— Давай, — шепчет Сет. Нетерпение переполняет его. Здесь, в подсознании, аутизма у него не больше, чем у Стива Эмеса, или Белинды Джозефсон, или Джонни Маринвилла... Здесь он гений.

Правда, испуганный гений.

— Давай... пожалуйста, тетя Одри, пожалуйста, услышь... пожалуйста, ответь...

Потому что времени у него очень мало, а его отсчет уже пошел.

Безнадега,

Главная улица / Время регуляторов

В гостиной Карверов звонит телефон, и Джонни Маринвилл впервые в жизни утрачивает уникальную свою способность видеть и расставлять события в хронологической последовательности, словно этот звонок вырубает в его мозгу нервные центры, отличающие Джонни от остальных людей. Все смешивается в кучу, как в калейдоскопе, когда начинаешь вращать трубку, а потом разлетается разноцветными призмами и яркими осколками. Собственно, именно так в момент стресса воспринимают происходящее вокруг обычные люди, думает Джонни, поэтому не приходится удивляться, что в таких ситуациях они принимают наихудшие решения. Ему это не нравится. Похоже на то, что ты лежишь в кровати с высо-

кой температурой и видишь стоящих вокруг шестерых человек. Ты знаешь, что на самом деле их четверо... но кто настоящие, а кто фантомы? Сюзи Геллер плачет, громко зовет свою мать. Дети Карверов проснулись. С Эллен истерика, она кричит во весь голос и бьет по спине Стива, который пытается прижать девочку к себе и успокоить. Неожиданно Ральфи пытается наброситься на сестру.

— Перестань обнимать Маргрит! — кричит он на Стива, в то время как Синтия с трудом удерживает мальчика. — Перестань обнимать Маргрит Придурастую! Она должна была отдать мне целый шоколадный батончик! Если б она мне его отдала, ничего бы этого не произошло!

Брэд хочет пройти в гостиную и снять телефонную трубку, но Одри хватается его за руку.

— Нет, — говорит она и тут же добавляет: — Это меня.

Сюзи уже вскочила и бежит к входной двери, чтобы посмотреть, что случилось с ее матерью (неразумное, по мнению Джонни, решение). Дэйв Рид вновь предпринимает попытку удержать ее, но на сей раз у него ничего не получается, поэтому он следует за Сюзи, выкрикивая ее имя. Джонни полагает, что мать юноши должна удержать его, но Кэмми не мешает сыну выйти из кухни. За забором койоты, которые совсем не похожи на настоящих койотов, воют на луну.

И все это наваливается на Джонни сразу, словно мусор, поднятый смерчем.

Сам того не замечая, он вскакивает на ноги и следом за Брэдом и Белиндой выходит в гостиную. Там словно потоптался слон. Дети все еще вопят

в кладовой, Сюзи рыдает у входной двери. Добро пожаловать в мир стереофонической истерии, думает Джонни.

Одри смотрит на телефонный аппарат. Раньше он стоял на маленьком столике у дивана. Но столик уже не у дивана, а в дальнем углу, он развалился на двое. Телефонный аппарат лежит на полу, среди осколков стекла. Трубка валяется в паре футов от телефонного аппарата, но он тем не менее звонит.

— Не порежьтесь об стекло, Одри, — предупреждает Джонни, когда она делает шаг к телефону.

Том Биллингсли идет к дыре в западной стене, где раньше было окно, по пути переступая через дмящиеся остатки телевизора.

— Их нет. Фургонов. — Пауза. — К сожалению, Тополиной улицы тоже нет. Похоже на Дедвуд, штат Южная Дакота. Каким он был в те времена, когда Джек Макколл выстрелом в спину убил Дикого Билла Хикок*.

Одри поднимает телефонный аппарат. За ее спиной кричит Ральфи:

— Я ненавижу тебя, Маргрит Придурастая! Сделай так, чтобы мама и папа вернулись, а не то я буду вечно ненавидеть тебя! Я ненавижу тебя, Маргрит Придурастая!

Джонни видит, что в прихожей попытки Сюзи вырваться из объятий Дэйва слабеют, его руки осторожно направляют девушку от ужаса к слезам. Учитывая все обстоятельства, Джонни не может не восхититься самообладанием юноши.

* Хикок, Джеймс Батлер (1837—1876) — легендарный герой периода освоения Западных территорий, был разведчиком у северян, сражался с индейцами. Убит за карточной игрой.

— Алло? — говорит Одри, молча слушает, ее лицо еще больше бледнеет. — Да. Да, сделаю. Немедленно. Я... — Она снова слушает, на этот раз ее глаза находят Джонни Маринвилла. — Да, хорошо, только с ним. Сет? Я тебя люблю.

Одри не ставит телефон на пол, он просто вываливается у нее из рук. Почему? Джонни смотрит на шнур, связывающий телефонный аппарат с розеткой, и видит, что он оборван. Шнур оборвался, когда телефон вместе со столиком бросило в угол.

— Пошли, — говорит Одри. — Мы должны перейти на другую сторону улицы, мистер Маринвилл. Мы вдвоем. Остальные остаются здесь.

— Но... — начинает Брэд.

— Не спорьте, времени нет, — обрывает его Одри. — Нам пора. Джонни, вы готовы?

— Мне взять с собой винтовку? Она на кухне.

— Винтовка нам не поможет. Пошли.

Одри протягивает руку. На лице ее написана решимость... но не в глазах. Глаза переполняет ужас, она молит Джонни не оставлять ее одну в том, что предстоит сделать. Джонни шагает к ней, отбрасывая в сторону черепки и осколки, берет Одри за руку. Кожа у нее холодная, костяшки пальцев чуть раздуты. Это рука, которой маленькое чудовище заставляло ее бить себя по лицу, думает Джонни.

Они выходят из гостиной в прихожую, смотрят на юношу и девушку, которые молча обнимают друг друга. Джонни открывает сетчатую дверь, пропускает Одри, она первой переступает через тело Дебби Росс. Фронтон дома, крыльцо, тело девушки забрызганы каплями крови и ошметками плоти Ким Геллер. Впереди, за бетонной дорожкой и примыкающим к ней участком тротуара, широкая, с колеями

от тележных колес, пыльная улица. Джонни думает, что выглядит она совсем как улица в мультфильмах Макса Флейшера, но его это совсем не удивляет. Они ведь там и находятся, не так ли? В каком-то фильме-мультфильме. «Дайте мне рычаг, и я переверну землю», — говорил Архимед. Существо по другую сторону улицы может подписаться под этими словами. Конечно, сил ему хватило только на один квартал Тополиной улицы, но с таким рычагом, как фантазии Сета Гейрина, эта тварь без труда добилась своего.

Что бы ни ждало его впереди, Джонни рад тому, что он выбрался из дома, в котором все так же вопят дети.

Крыльцо дома Уайлеров осталось прежним, но в остальном дом разительно изменился. Он стал длиннее, ниже, сложен из бревен. Вдоль дома тянется коновязь. Из кирпичной трубы поднимается дым, и это несмотря на теплую ночь.

— Похоже на сельский дом, — говорит Джонни. Одри кивает.

— Он перенесся сюда из Пондерозы.

— Почему они ушли, Одри? Регуляторы и полицейские из будущего? Что заставило их уйти?

— По крайней мере в одном Тэк очень похож на великана из сказок братьев Гримм, — отвечает она, ведя его через улицу. Каждый шаг поднимает столбик пыли. Земля твердая как камень. — У него есть ахиллесова пята, найти которую может лишь тот, кто долго жил с ним бок о бок, как я. Тэк терпеть не может пребывать в Сете, когда последний справляет большую нужду. Почему — не знаю, да и знать не хочу. Важен результат.

— А вы в этом уверены? — спрашивает Джонни.

Они уже пересекли широкую Главную улицу. Джонни смотрит направо, потом налево: космофургонов нет. Справа — нагромождение валунов, слева — невероятно ровная пустыня.

— Абсолютно, — мрачно отвечает Одри.

Бетонная дорожка, ведущая к дому номер 247 по Тополиной улице, превратилась в выложенную плитняком тропу. Шагая по ней, Джонни видит поблескивающую в лунном свете сломанную шпору, которая лежит рядом с тропой.

— Мне сказал Сет... Иногда я слышу его голос прямо в голове.

— Телепатия?

— Да, похоже на то. И когда Сет ведет разговор на этом уровне, никаких проблем с общением у него нет. Изъясняется он ясно и четко.

— Но вы уверены, что говорит с вами именно Сет? Даже если в этом ошибки нет, вы уверены, что Тэк позволяет ему говорить правду?

Одри останавливается. Она все еще держит Джонни за руку. Теперь Одри поворачивается к нему лицом и берет Джонни за вторую руку.

— Послушайте, давайте разберемся с этим раз и навсегда, потому что больше для ответов на ваши вопросы времени у меня не будет. Иногда, когда Сет говорит со мной, он позволяет Тэку нас подслушивать... Я думаю, Сет делает это для того, чтобы Тэк пребывал в уверенности, будто он слышит все наши мысленные разговоры. На самом деле это не так. — Она видит, что Джонни хочет заговорить, и крепко сжимает его руки, призывая к молчанию. — И я точно знаю, что Тэк покидает Сета, когда тот садится на горшок. Не забирается в глубь сознания, а выходит из него. Я это видела. Выходит через глаза.

— Через глаза, — зачарованно шепчет Джонни.
— Я говорю вам об этом, чтобы вы знали, что он перед вами, если увидите его. Пляшущие красные точки, как искорки над костром. Понятно?

— Господи, — вырывается у Джонни. — Да, понятно.

— Сет любит шоколадное молоко. — Одри вновь тянет Джонни к крыльцу. — Сами знаете, обычное молоко, смешанное с сиропом «Херши». И Тэк любит то, что любит Сет... на этом он и погорел.

— Вы добавили в молоко слабительного, не так ли? — спрашивает Джонни. — Сдобрили шоколадное молоко слабительным. — Он начинает хохотать. Да уж, жизнь, похоже, никогда не перестанет удивлять. Их шансы выжить в этом кошмаре определяются степенью расстройства желудка Сета.

— Сет сказал мне, что надо сделать, вот я и сделала, — отвечает Одри. — А теперь пошли. Пока он не может оторваться от унитаза. Пока еще есть время. Мы должны схватить его и вынести из дома. Вынести, прежде чем Тэк успеет вернуться в него. Мы можем это сделать. Тэк способен вселиться лишь в того, кто находится рядом с ним, несколько футов — это его максимум. Мы побежим вниз по склону. Понесем Сета. Я готова спорить, что не успеем мы добежать до магазина, как вокруг все начнет меняться. Только помните — действовать надо быстро. Никаких колебаний. Ни шагу назад, только вперед.

Она протягивает руку к двери, но Джонни останавливает ее. В брошенном на него взгляде Одри Джонни видит страх и ярость.

— Я же сказала, что мы должны войти прямо сейчас. Или вы меня не слышали?

— Слышал, но сначала вы ответите еще на один вопрос, Одри.

За ними с тревогой наблюдают с другой стороны улицы. Белинда Джозефсон покидает группу наблюдателей и идет на кухню, чтобы посмотреть, как Стив и Синтия приводят в чувство маленьких детей. Вроде бы у них это получается. Эллен еще всхлипывает, но уже не орет во весь голос. И Ральфи выдохся, как ураган, затихающий над материком. Белинда оглядывает кухню, продолжением которой теперь стал двор, потом поворачивается, чтобы вернуться к входной двери. Она делает шаг и замирает. Брови ее сдвигаются к переносице. Действительно, есть о чем подумать. В прихожую проникает лунный свет, поэтому силуэты она различает без труда. Проще всего узнать Брэда, не зря же они прожили бок о бок двадцать пять лет. Дэйв и Сюзи все обнимаются. А вот силуэта Кэмми Белинда не находит. Не находит, потому что Кэмми в прихожей нет. Нет ее и на кухне. Она поднялась наверх или ушла через двор? Возможно. И...

— Вы, двое! — обращается Белинда к Стиву и Синтии. В ее голосе звучит испуг.

— Что? — нервно отвечает Стив. Они только-только успокоили детей, и у него руки чешутся огреть эту женщину сковородкой по голове, если она будет и дальше кричать.

— Миссис Рид ушла, — добавляет Белинда. — И взяла с собой винтовку. Она разряжена? Ну порауйте меня. Скажите, что разряжена.

— Не думаю, — с неохотой отвечает Стив.

— Только этого нам не хватало, — в сердцах бросает Белинда.

Синтия смотрит на нее поверх головы Ральфи. В ее глазах появляется тревога.

— Могут возникнуть проблемы? — спрашивает она.

— Возможно, — отвечает Белинда.

Место Тэка / Время Тэка

В «берлоге», где он провел столько счастливых часов, используя покоренное воображение Сета, Тэк ждет и слушает. На экране «Зенита» черно-белые ковбои мчатся по пустыне. В полной тишине. Выйдя из Сета, Тэк выключил звук с помощью лучшего пульта дистанционного управления — своего разума.

Мальчик находится в ванной комнате, примыкающей к кухне. Тэк слышит доносящиеся оттуда тихие звуки, те самые, которые ассоциируются у Тэка с процессом дефекации. Для него отвратительны даже звуки, не говоря уж о самом процессе, когда кишки сжимаются и разжимаются, выдавливая из себя... Лучшие уж рвота. Раз, и все вышло через горло.

Теперь Тэк знает, что сделала женщина: подсыпала какую-то гадость в молоко, чтобы растянуть конвульсии кишок во времени. Сколько она насыпала? Лощадиную дозу, судя по тому, что творилось в кишечнике у Сета перед тем, как Тэк выскочил из мальчика. Теперь ему понятно.

Тэк поблескивает искорками в самом темном из верхних углов. Тэк Жестокий, Тэк-Деспот. Искры пульсируют и медленно вращаются вокруг друг друга. Тэк не может слышать тетю Одри и Маринвилла даже с выключенным телевизором, но он знает, где они. У входной двери. Когда они перестанут разговаривать

и войдут, Тэк их убьет, мужчину первым, чтобы пополнить запасы энергии (когда Тэк находится вне мальчика, его энергия тает на глазах), тетю Сета — за то, что она пыталась сделать. Тэк воспользуется и ее энергией, но умирать она будет медленно, от своей же руки.

И мальчик понесет наказание за то, что посмел выступить против Тэка. Он будет лицезреть смерть своей тети.

Однако Сета Тэк уважает. Он был достойным соперником. Только таким может быть сосуд, способный вместить Тэка. С того момента, как вчера к ним в дом заглянул этот алкоголик, Тэк и мальчик разыгрывают партию в покер, совсем как Лаура и Джеб Мердок в «Регуляторах». Теперь все ставки сделаны и осталось только открыть карты. Тэк знает, что он выиграет. Разумеется, выиграет. Его соперник всего лишь ребенок. Пусть с неординарными способностями, но ребенок. А ребенок не может продумать все до конца, где-то обязательно даст промашку. Тэк знал, что Сет хочет заставить его покинуть тело, но ему не было известно, каким образом он попытается это сделать, и мальчик, надо признать, преподнес ему сюрприз, неприятный сюрприз. Но и Тэк знает, чем удивить мальчика.

Сет не верит, что Тэк может войти в него, пока он опорожняет кишечник (как же это отвратительно) в маленькой комнатке, примыкающей к кухне.

Сет ошибается. Тэк может войти. Это неприятно, более того, даже болезненно, но он может. Однако откуда ему знать, что Сет не видит его последнюю карту, как смог увидеть некоторые из тех, которые были у Тэка, хотя он прилагал все усилия, чтобы скрыть их?

Но ведь Сет позвал свою любимую тетушку, чтобы она помогла ему выбраться из дома.

И когда его любимая тетушка наконец перестанет колебаться на крыльце и войдет, она... ну...

Будет отрегулирована.

Полностью отрегулирована.

Красные искорки в углу под потолком начинают вращаться быстрее, вдохновленные этой идеей.

Безнадега,

Главная улица / Время регуляторов

— Я же сказала, что мы должны войти прямо сейчас. Или вы меня не слышали?

Джонни кивает. Ни он, ни Одри не видят, как Кэмми Рид пересекает улицу, двигаясь от церкви, в которую превратилось загородное убежище Джонни Маринвилла, к развалинам, место которых на Тополиной улице занимал дом Брэда и Белинды. Кэмми идет крадучись, пригнувшись, с «ремингтоном» в руке.

— Слышал, но сначала вы ответите еще на один вопрос, Одри.

— Какой? — Она почти кричит. — Ради Бога, какой?

— Может Тэк впрыгнуть в кого-то еще? К примеру, в вас или в меня?

На лице Одри отражается облегчение.

— Нет.

— Откуда такая уверенность? Вам сказал Сет?

Джонни уже думает, что не услышит ответа, но не потому, что Одри спешит добраться до мальчика, пока тот еще на горшке. Джонни кажется, что во-

прос раздражает ее, потом, приглядевшись, он понимает, что ей стыдно.

— Сет мне этого не говорил, — отвечает Одри. — Я знаю об этом, потому что Тэк пытался проникнуть в Херба. Чтобы... вы понимаете... поиметь меня.

— Тэк хотел заняться с вами любовью, — кивает Джонни.

— Любовью? — Она едва сдерживается. — Нет. О нет. Понятие любви Тэку недоступно, он не знает, что такое любовь. Тэк хотел оттрахать меня, ничего больше. Когда же он понял, что не может использовать для этого Херба, Тэк убил моего мужа. — Слезы уже бегут по ее лицу. — Если Тэк чего-то хочет, он не отступает... Что он сотворил с Хербом... Представьте себе, что случилось бы с башмачком Ральфи Карвера, если б вы захотели натянуть его на свою ногу. Если б вы засовывали и засовывали в него ногу, не обращая внимания на боль, не замечая ее, охваченный желанием носить этот башмачок, ходить в нем...

— Понятно. — Джонни смотрит вниз по склону, ожидая увидеть там космофургоны. Потом он бросает взгляд вверх, но не видит ничего особенного. Кэмми спряталась в тени опасно накренившегося отеля. — Смысл я уловил.

— Так мы можем войти? Вы готовы войти? Или вы боитесь?

— Нет, — вздыхает Джонни.

Джонни протягивает руку к железному кольцу на двери, сколоченной из толстых досок, но рука проходит сквозь него. Под кольцом оказывается обычная ручка. Когда Джонни хватается за нее, из-под досок проступает современная дверь, она постепенно замещает ту, которую он поначалу видел. Джон-

ни открывает дверь. В темной комнате стоит затхлый запах грязного белья. Лунный свет проникает в комнату, и глаза Джонни быстро привыкают к полумраку. То, что он видит, напоминает ему изредка появляющиеся в журналах истории о пожилых миллионерах-затворниках, которые последние годы проводят в одной комнате, собирая книги и журналы, разводя кошек или собак, накачиваясь таблетками и питаясь консервами.

— Быстрее, быстрее, — торопит Одри. — Сет в ванной комнате, примыкающей к кухне.

Она протискивается мимо, на ходу берет Джонни за руку и ведет в гостиную. Стопок книг и журналов нет, но ощущение царящего здесь затворничества и безумия нарастает. Пол весь в липких пятнах от пролитых соуса и газировки. На стенах детские рисунки: стрельба, убийства. Они напоминают Джонни о недавно прочитанном романе «Кровавый меридиан».

Уголкем глаза он улавливает движение слева от себя, поворачивается с гулко бьющимся сердцем, но видит не целящихся в него ковбоев или мрачных инопланетян, даже не маленького мальчика, бросающегося на него с ножом, а всего лишь пульсирующее мерцание. От телевизора, решает Джонни, хотя звука нет.

— Нет, — шепчет Одри, — туда не ходите.

Она ведет его к дверному проему, расположенному прямо перед ними. Из него на запятнанный кровью ковер падает прямоугольник света. В тех строениях, что появились на месте Тополиной улицы, электричества еще нет, но в этом доме его в достатке.

Теперь Джонни слышит натужные звуки вкупе с тяжелым дыханием. Звуки эти вполне человеческие, их причина более чем понятна: у человека, сидящего на унитазе, расстройство желудка. И несет его по полной программе.

Когда они входят в кухню, Джонни оглядывается, и тут ему приходит в голову мысль: а не заслужили ли обитатели Тополиной улицы то, что с ними произошло? «Одри жила в таком ужасе Бог знает сколько времени, а мы ничего не знали, — думает он. — Мы — ее соседи, мы все послали ей цветы после того, как ее муж сунул в рот дуло ружья и нажал на спусковой крючок. Большинство из нас пошли на похороны (сам Джонни был в то время в Калифорнии, выступал на конференции детских библиотечкарей), но мы ничего не знали».

На столе коробки, пустые стаканы, банки из-под газировки. Джонни видит высокий кувшин с остатками шоколадного молока, рядом с ним недоеденный сэндвич Тэка. Раковина завалена грязной посудой. За сушилкой лежит пластиковая бутылка с моющей жидкостью, должно быть, купленная еще при жизни Херба Уайлера. У горлышка бутылки застывшее зеленое озерцо. На кухонном столике та же грязная посуда, выдавленный тюбик из-под горчицы, крошки, аэрозольный флакон со взбитыми сливками, две пластиковые бутылки с кетчупом, одна практически пустая, вторая едва начатая, открытые коробки из-под пиццы с валяющимися в них засохшими корками, обертки от печенья, мешок из-под «Доритос», надетый на пустую бутылку пепси, как использованный презерватив. И везде комиксы. По мотивам «Мотокопов 2200». Кукурузные хлопья рас-

сыпаны по обложке, изображающей Касси Стайлз и Охотника Снейка, стоящих по колено в болоте и стреляющих в графиню Лили Марш, которая атакует их на реактивном скутере. В дальнем углу — груда мешков с мусором, ни один не завязан, от них исходит пренеприятный запах. На всех банках улыбающаяся физиономия «Шефа Бойярди». Сковородки на плите измазаны томатным соусом «Шефа». На холодильнике стоит пластмассовая статуэтка Роя Роджерса*, сидящего на верном Триггере. Джонни без труда догадывается (об этом можно и не спрашивать), что статуэтка подарена Сету его дядей. Возможно, он хранил ее с детства в какой-нибудь коробке на чердаке.

За холодильником — полуприкрытая дверь, из зазора на грязный линолеум тоже ложится световой прямоугольник. На двери Джонни читает:

СОТРУДНИКИ,
ВОСПОЛЬЗОВАВШИЕСЯ ТУАЛОТОМ,
ДОЛЖНЫ ОБЯЗАТЕЛЬНО МЫТЬ РУКИ
(ЖЕЛАТЕЛЬНО, ЧТОБЫ ПОСЕТИТЕЛИ
СЛЕДОВАЛИ ИХ ПРИМЕРУ)

— Сет! — шепчет Одри, выпускает руку Джонни и бросается к двери в ванную. Джонни следует за ней.

За их спинами красные точки, пляшущие словно метеоритный рой, вылетают из арки, отделяющей гостиную от «берлоги». Они пролетают через темную гостиную, держа курс на кухню. В этот момент в дом

* Роджерс, Рой (1912–1998) — исполнитель музыки кантри, «поющий ковбой», звезда 30–50-х годов. Много снимался в вестернах.

входит Кэмми Рид. Винтовку она держит обеими руками и, оглядывая гостиную, просовывает указательный палец правой руки в зазор между предохранительной скобой и спусковым крючком, затем прижимает подушечку пальца к спусковому крючку. Что делать дальше, она не знает. Кэмми смотрит на блики, отбрасываемые работающим телевизором, прислушивается к звукам, доносящимся из кухни. Голос в ее голове, тот, что требовал отомстить за Джимми, замолкает, и теперь Кэмми в некоторой растерянности. Глаз ее замечает промелькнувший лучик красного света, но никаких мыслей по этому поводу у нее не возникает. Кэмми ищет ответ только на один вопрос: что ей теперь делать? Маринвилл и Уайлер на кухне, это несомненно, но с ними ли мальчишка-убийца? Кэмми с сомнением смотрит на арку, за которой работает телевизор. Звука нет, но, возможно, детям, страдающим аутизмом, он и не нужен, им достаточно одной «картинки».

Где же мальчишка? Она должна знать наверняка! В магазине винтовки осталась пара патронов, не больше... да и нажать на спусковой крючок ей дадут не больше одного, максимум двух раз. Кэмми очень хочет, чтобы голос заговорил вновь, подсказал ей, что надо делать.

И тут же в ее голове звучит долгожданный голос.

Синтия, которая стоит на бетонной дорожке, идущей от крыльца Карверов к тротуару, видит, как Кэмми входит в дом Уайлеров. Ее глаза округляются. Прежде чем она успевает что-то сказать, Стив резко дергает ее за руку. Синтия поворачивается к нему и видит, что он поднес палец к губам. В другой руке он держит нож, который позаимствовал с кухни Карверов.

— Пошли, — шепчет Стив.

— Ты же не собираешься использовать его, правда?

— Надеюсь, что не придется. Ты идешь?

Синтия кивает и следует за Стивом. Когда они сходят с тротуара на улицу, какой представляет ее Тэк, из дома Уайлеров доносится какофония криков и воплей. «Прочь от него», — вроде бы слышит Синтия, другие слова она разобрать не может. Кричит главным образом Одри Уайлер, хотя вроде бы подает голос и Кэмми Рид («Опусти его»? О чем это она?). Один раз, кажется, вскрикнул и Маринвилл. Потом гремят два выстрела, и вдогонку — крик агонии или ужаса. Синтия точно сказать не может, да это и не важно.

Тем не менее оставшуюся часть пути по Главной улице Безнадеги и лужайке Уайлеров они преодолевают бегом.

Место Сета / Время Сета

Час пробил. Пора.

Сет отворачивается от полки, на которой стоит игрушечный телефон. На другой стороне коридора в стену встроен маленький пульт управления, похожий на те, которыми снабжены космофургоны. Семь рычажков, все подняты вверх, в положение «Включено». Над каждым рычажком в полумраке светится зеленая лампочка. Пульта не было, когда Сет подошел к двери. Тогда стены украшали две семейные фотографии, фотография мистера Саймса и полочка с телефоном. Но это место Сета, время Сета, и он может добавлять что хочет и когда хочет.

Сет тянется к пульту. Рука его чуть дрожит. В кино и мультфильмах персонажи ничего не боятся. Когда Папаше Картрайту надо действовать, чтобы спасти Пондерозу, он всегда знает, что надо делать. Лукас Маккейн, Роуди Йетс, шериф Стритер не понимают, что такое колебания. А вот Сет колеблется. Нет у него полной уверенности в себе. Игра подошла к концу, и Сет в ужасе от того, что может допустить непоправимую ошибку. Ибо он по-прежнему в курсе того, что происходит наверху (там для него мир Тэка). Если он передвинет эти рычажки вниз...

Времени на раздумья нет. Одри уже в ванной. Одри рвется к маленькому мальчику, который сидит на унитазе, спустив вниз грязные плавки, маленькому мальчику, который сейчас не более чем восковая кукла с дышащими легкими, бьющимся сердцем, кукла, покинутая обеими душами. Одри опускается перед мальчиком на колени, обнимает его, покрывает его лицо поцелуями, забыв обо всем: ванной, ситуации, Маринвилле, стоящем у двери.

И теперь Сет чувствует красный рой, это Тэк, летящий через кухню. Час пробил, да, пора.

Рука Сета достигает пульта и начинает один за другим опускать рычажки. Зеленые лампочки над ними гаснут, загораются красные, расположенные внизу. С каждым опущенным рычажком поток информации о том, что творится наверху, мелеет. Сет блокирует органы чувств восковой куклы, которую его тетя все еще покрывает поцелуями.

Наконец не остается ничего, кроме мозга. Этого вполне достаточно. Оставив руки на рычажках, чтобы те не смогли подняться, Сет пытается установить контакт с тетей Одри, надеясь, что он сумеет отыскать ее во тьме.

В то мгновение, когда Одри срывает мальчика с унитаза и заключает в свои объятия, что-то проносится мимо Джонни Маринвилла. Это что-то обжигающее, как жар лихорадки, и одновременно холодное, словно лягушка. В голове у Джонни вспыхивает красный свет. А когда он исчезает, к Джонни возвращается способность все видеть и определять последовательность наложившихся друг на друга событий. Словно нечто, промчавшись мимо, сняло у него в голове какой-то блок.

Когда Одри поднимает Сета на руки (плавки соскальзывают вниз, и теперь он совсем голый), Джонни видит, что красные искры вращаются вокруг головы мальчика, образуя нимб, с каким в древности рисовали младенца Иисуса. Потом, словно рой термитов, искры впиваются в его щеки, уши, слипшиеся от пота волосы. Лезут в открытые глаза, в их свете зубы Сета становятся алыми.

— Нет! — кричит Одри. — Прочь от него! *ПРОЧЬ ОТ НЕГО, мерзавец!*

Она бросается к двери, голова Сета словно в огне. Джонни протягивает руку... К ней? К Сету? К обоим? Он не знает. Да и что может сделать его рука? Одри выскакивает в грязную кухню, истерично вопя и одной рукой разгоняя рой искр, облепивших голову Сета. Но ее рука свободно проходит сквозь искры. Когда Одри проносит мальчика мимо Джонни, голову его наполняет громкое гудение. Джонни вскрикивает и зажимает руками уши. Гудит лишь мгновение, когда расстояние между ним и Одри минимально, но мгновение это кажется Джонни вечностью. *Каково сейчас мальчику под дей-*

ствием этого звука, думает он. Кто вообще может выдержать этот звук?

— Отстань от него! — вопит Одри. — Отстань от него, членосос! Отстань от него!

А в дверном проеме, ведущем из кухни в прихожую, уже стоит Кэмми Рид с винтовкой в руках.

Место Тэка / Время Тэка

Когда Тэк достигает Сета и обнаруживает, что привычные пути блокированы, его уважение к удивительным способностям мальчика впервые с того момента, как он нашупал этот неординарный мозг и воззвал к нему, уступает место другим чувствам. Сначала недоумению, потом злобе.

Тэку приходится признать, что он ошибался: выходит, Сету было известно, что Тэк может войти в него, даже когда он справляет большую нужду. Сет знал об этом и скрывал от Тэка это знание, как ловкий шулер скрывает туза в рукаве. Конечно, все это не так уж и важно. Тэк все равно войдет в Сета. Мальчику его не удержать. Это даже нельзя назвать осадой. Сет Гейрин — это сейчас дом Тэка. И он не потерпит, чтобы его не пускали в дом.

Когда женищина проносит тело мальчика мимо писателя на кухню, Тэк атакует глаза Сета, входные ворота, максимально приближенные к этому чудесному мозгу, и начинает ломиться в них, как дюжий коп ломится в дверь, которую пытается удержать щуплый мужичонка. На мгновение Тэка охватывает паника: поначалу у него ничего не получается, он словно бьется о каменную стену. Но потом кирпичи стано-

вятся мягче, они понемногу поддаются. Тэк торжествует.

Скоро... еще мгновение... максимум два...

Место Сета / Время Сета

Под его рукой два рычажка ползут вверх. Даже когда Сет удваивает усилия, чтобы удержать их внизу, он чувствует, как они напрягаются у него под рукой, словно живые. Еще горят красные лампочки, но скоро они погаснут и вспыхнут зеленые. В одном Тэк прав: если разумом они еще могут потягаться, то в силе Сет Тэку не соперник. Возможно, был соперником. Вначале. Но не теперь. Однако если он прав, сила Тэку не поможет. Если он прав и если ему повезет.

Сет бросает взгляд на игрушечный телефон, который тетя Одри зовет телефоном Тэка — Тэк-фон. Разумеется, телефон ему не нужен, совсем не нужен. Это всего лишь символ, облегчающий телепатический контакт, точно так же, как рычажки и красные и зеленые лампочки помогают Сету концентрировать волю. И не телепатия сейчас заботит Сета. Если телепатия — это все, что есть у них общего, итог будет фатальным.

Под его рукой рычажки упрямо ползут вверх, движимые первобытной силой Тэка, его первобытной волей. На мгновение красные лампочки под ними гаснут, а зеленые загораются. В голове Сета возникает гудение, призванное спутать его мысли, вспыхивает розовый свет.

Сет изо всех сил давит на рычажки. Зеленые лампочки гаснут. Вновь загораются красные. На мгновение.

Пора, в игре осталась только одна неперевернутая карта, и Сет ее переворачивает.

Дом Уайлеров / Время Джонни

Джонни словно вновь попал под обстрел, только на этот раз мимо него проносятся не пули регуляторов, а мысли. Но разве пули регуляторов не те же мысли?

Первая обращена к Кэмми Рид, которая стоит на пороге кухни с винтовкой в руках.

— *Пора! Час пробил!*

Вторая — к Одри Уайлер, которая отшатывается, как от пощечины, и перестает разгонять красных пчел, жалящих голову Сета.

— *Пора, тетя Одри! Час пробил!*

Затем голову Джонни заполняет нечеловеческий рев, заглушающий все остальное:

— **НЕТ, МАЛЕНЬКИЙ УБЛЮДОК! НЕТ, ТЫ НЕ ПОСМЕЕШЬ!**

«Нет, — думает Джонни, — он не посмеет. Никогда не посмел бы». Потом он переводит взгляд на Кэмми Рид. Ее глаза вылезают из орбит, а губы кривятся в жуткой улыбке.

Но она смеет.

Место Тэка / Время Тэка

За те три секунды, когда женщина получила приказ, Тэк понял, что его переиграли. Как его могли пе-

реиграть? Как такое могло случиться после целого тысячелетия, которое он провел в темноте, готовя побег? А когда Тэк начинает понимать, что Сета нет в теле, куда он пытается вернуться, стоящая на пороге женщина открывает огонь.

Дом Уайлеров / Время Джонни

Кэмми Рид уже не уверена, что действует по своей воле, но ее это не волнует: будь ее воля свободна, она поступила бы точно так же. Эта Уайлер держит на руках мальчишку-чудовище. Он голый, свернувшись, словно младенец-переросток, только задница у него измазана не в крови и последе, а в дерьме. Эта женщина держит его, словно щит. От этой мысли Кэмми чуть не расхохоталась.

— Опусти его! — кричит Кэмми, но вместо того, чтобы опустить Сета, Одри поднимает его выше. Все еще улыбаясь, с вылезавшими из орбит глазами (потом Джонни будет убеждать себя, что это оптический обман, что на самом деле ничего такого не было), Кэмми целится в ребенка.

— Нет, Кэмми, нет! — кричит Джонни, и в это мгновение она стреляет. Первая пуля попадает Сету Гейрину, которого все еще сотрясают спазмы кишечника, в висок, и верхняя часть его головы разлетается, облавая бледное лицо Одри кровью, волосами, кусочками кости. Пуля пробивает череп насквозь и входит в левую грудь Одри. Но эта пуля не может причинить серьезного вреда, потому что скорость ее уже невелика. А вот вторая пуля впивается Одри в горло. Женщину отбрасывает назад, ягодицами она

ударяется о кухонный столик. Грязные тарелки летят на пол и разбиваются.

Одри поворачивается к Джонни с окровавленным ребенком на руках, и глазам Джонни предстанет удивительное зрелище: на ее лице — выражение счастья. Когда Одри валится на пол, Кэмми кричит, возможно, торжествуя, возможно, в ужасе от содеянного.

Одри даже после смерти не отпускает Сета. Она падает, а рой красных искр поднимается вверх. Он кружит в воздухе, яркие красные искры вращаются вокруг друг друга, будто электроны.

Джонни и Кэмми Рид смотрят на красный рой. Сколько проходит времени, никто из них не знает, они окаменели. Из оцепенения их выводит крик:

— Черт! О черт, зачем ты это сделала, глупая сука?

Джонни видит, как Стив и Синтия пересекают гостиную, направляясь к кухне. Синтия вырывается вперед, хватая Кэмми за руку и начинает ее трясти.

— Сука! Зачем ты их убила? Или ты думаешь, что теперь твой ребенок оживет? Неужели тебя ничему не научили в школе?

Кэмми, похоже, ее не слышит. Она по-прежнему смотрит на вращающиеся красные искры, не мигая, словно загипнотизированная... А рой, в свою очередь, смотрит на нее. Джонни не знает, как ему это удастся, но рой смотрит, это точно. Потом он внезапно бросается на Кэмми, как комета... или как красная «Стрела следопыта» Охотника Снейка во время атаки космофургонов.

Джонни спрашивал Одри, может ли Тэк проникнуть в кого-то еще. Одри ответила, что нет, она уверена, что не может. А если она ошиблась? Если Тэк одурачил ее? Если он...

— Осторожно! — кричит Джонни, обращаясь к Синтии. — Отойди от нее!

Девушка с двухцветными волосами лишь тарашится на него, не двигаясь с места. Стив вроде бы тоже ничего не понимает, однако паника в голосе Джонни заставляет его схватить Синтию за плечи и отдернуть назад.

Красный рой делится надвое. Теперь он напоминает Джонни вилку, какой берут ломтики лимона. И острия этой вилки направлены в выпученные глаза Кэмми.

Глаза тоже начинают светиться красным, еще больше выпучиваются, а потом взрываются, вываливаясь из орбит. Улыбка Кэмми становится шире, рот так растягивается, что трескаются губы, по подбородку течет кровь. Безглазая Кэмми бросает винтовку на пол, вытягивает руки перед собой и делает шаг вперед. Руки ее хватают воздух. Джонни думает, что никогда в жизни он не видел ничего более отвратительного.

— *Тэк*, — изрекает гортанный голос, не имеющий ничего общего с голосом Кэмми. — *Тэк ах ван! Тэк ах лах! Ми хим ен тоу!* — Пауза, а затем скрипучим, нечеловеческим голосом, который Джонни не забыть до конца жизни (он знает, что теперь будет слышать его в кошмарах), демон, вселившийся в Кэмми, добавляет: — Я знаю вас всех. Я вас всех найду. Я выслежу вас. *Тэк! Ми хим ен тоу!*

Череп Кэмми начинает раздуваться, он становится похож на шляпку гигантского гриба. Глазницы вытягиваются, превращаясь в щелочки, нос выдается вперед, становясь похожим на хобот с длинными ноздрями.

«Да, — думает Джонни, — Одри не ошиблась. Только Сет мог ужиться с Тэком. Сет или кто-то похожий на Сета. Человек необычный. Потому что...»

Закончить эту мысль он не успевает, потому что голова Кэмми Рид лопается, как гнилой арбуз. Горячие ошметки, в которых еще пульсирует жизнь, летят Джонни в лицо.

Крича, на грани безумия, Джонни обеими руками стирает кровавую мерзость. Из далекого далека, как бывает, когда собеседник на другом конце провода опускает телефонную трубку, он слышит крики Стива и Синтии. А потом ослепительный свет наполняет комнату. Джонни поначалу думает, что это еще один взрыв, только беззвучный, который кладет конец их жизням. Но как только его глаза, еще залитые кровью Кэмми, начинают очищаться, Джонни понимает, что это не взрыв, а солнечный свет, сильный, яркий свет второй половины летнего дня. С востока доносятся раскаты грома, совсем уже и не страшные. Гроза прошла. Она спалила дом Хоббаров (в этом Джонни уверен, до него доносится запахи пожарища), а потом отправилась дальше в поисках новых жертв. И тут Джонни слышит те самые звуки, которых все они ждали с таким нетерпением: вой сирен. Полиция, пожарные машины, «Скорая помощь», возможно, даже Национальная гвардия. Какая разница. На текущий момент сирены Джонни до лампочки.

Гроза прошла.

Джонни думает, что закончилось и время регуляторов.

Он тяжело опускается на стул и смотрит на тела Одри и Сета. Они напоминают ему о бессмысленно

погибших в Джонстауне, что в Гайане. Руки Одри все еще обнимают Сета, а его худенькие ручонки обвиваются вокруг ее шеи.

Джонни смахивает со щек кусочки костей, ошметки мозга и плачет.

Из дневника Одри Уайлер:

31 октября 1995 г.*

Снова дневник. Вот уж не думала, что опять возьмусь за него. Наверное, постоянно вести его мне не удастся, но, когда пишешь, сразу успокаиваешься.

Сет подошел ко мне сегодня утром и спросил с помощью слов и жестов, может ли он, как и другие дети, пройти по округе, требуя откупа. Никаких следов Тэка я не обнаружила, а когда он — Сет, я ни в чем не могу ему отказать. Я постоянно помню о том, что виновник происходящего совсем не-Сет. Потому-то все это так ужасно. Мне отрезаны все пути. Некуда бежать. Наверное, вряд ли кто поймет, что я хочу этим сказать. Я не уверена, что понимаю сама. Но я это чувствую. Господи, да никуда я и не бегу.

Я ответила Сету, что нет проблем, мы пойдем требовать откупа, грозить, что заколдуем, и всласть повеселимся. Ковбойский костюм, сказала я, мы можем соорудить из подручных средств, а вот если он хочет вырядиться мотокопом, нам придется зайти в магазин.

Сет замотал головой еще до того, как я закончила. Он не хотел наряжаться ни ковбоем, ни мотокопом. Мне показалось, что я вижу ужас в его глазах. Думаю, ковбои и полицейские из будущего ему надоели.

* 31 октября — канун Дня Всех Святых, один из самых популярных детских праздников, называющийся Хэллоуин. В этот день дети в маскарадных костюмах и страшных масках ходят по домам и со словами «Откупись, а то заколдую!» просят сладости и другие подарки.

Остается только гадать, знает ли об этом Тэк.

Я спросила, кем Сет хочет нарядиться, если не желает становиться ковбоем, Охотником Снейком или майором Пайком. Он замахал одной рукой и запрыгал по комнате. Присмотревшись к его пантомиме, я поняла, что он с кем-то рубится на саблях.

— Ты хочешь нарядиться пиратом? — спрашиваю я, и его лицо освещает счастливейшая из улыбок.

— Пи-ат, — отвечает он, а потом с усилием заставляет себя произнести слово правильно. — Пи-рат!

Я повязала ему голову шелковым платком, на ухо повесила желтую клипсу, из старой пижамы Херба соорудила панталоны. Тушью для глаз нарисовала бороду, помадой — шрам, и с игрушечной саблей (я заняла ее у соседки, Кэмми Рид, кто-то из ее близнецов в детстве тоже наряжался пиратом) Сет превратился в настоящего морского волка. А когда мы вышли с ним на Тополиную улицу, а потом прошлись по Гиацинтовой, он ничем не отличался от остальных гоблинов, ведьм и пиратов. Вернувшись домой, Сет разложил полученные сладости на полу в гостиной (в «берлогу», чтобы посмотреть телевизор, он не заходил весь день, Тэк, должно быть, глубоко спит где-то внутри; как бы я хотела, чтобы Тэк сдох, но на это надежды нет) и любовно перебирал их, словно перед ним лежали настоящие пиратские сокровища. Потом он обнял меня и поцеловал в щеку. Такой счастливый.

Будь ты проклят, Тэк. Будь проклят.

Будь проклят, и я надеюсь, что ты умрешь.

16 марта 1996 г.

Какой же ужасной выдалась последняя неделя. Тэк главенствует, и власть его, похоже, все больше укреп-

ляется. Везде тарелки, стаканы с пленкой шоколадного молока, не дом, а помойка. Появились муравьи! Господи, муравьи в марте! Видно, в этом доме живут лунатики. А может, так оно и есть?

Мои соски горят огнем, столько я их щипала по желанию Тэка. Я, разумеется, знаю почему. Он зол, потому что не может сделать того, что хочет, с его версией Кассандры Стайлз. Я его кормлю, я покупаю ему мотокопovsky игрушки и комиксы, которые потом еще должна читать (Сет читать не умеет), но для другого я не гожусь.

В общем, большую часть недели я провела с Джэн.

А сегодня, когда я хотела немного прибраться (в другие дни у меня на это не было сил), я разбила любимое мамино блюдо. Тэк тут ни при чем. Я взяла блюдо с каминной полки в столовой, где оно всегда стоит, хотела протереть тряпкой, а оно выскользнуло у меня из пальцев, упало на пол и разбилось. Поначалу я подумала, что вместе с ним разбилось и мое сердце. Конечно, дело не в блюде, хотя я очень любила его. Блюдо это олицетворяло всю мою несчастную жизнь. Дешевый символ, как сказал бы наш сосед Питер Джексон. Дешевый и сентиментальный. Наверное, он прав, но, когда нам плохо, откуда взяться богатому воображению?

Я принесла из кухни пластиковый мешок для мусора и, глотая слезы, начала собирать осколки. Я даже не слышала, как выключился телевизор (Тэк и Сет смотрели очередную пленку с мотокопами), но потом на меня легла тень, я подняла голову и увидела его.

Сначала я решила, что это Тэк (на этой неделе Сет куда-то ушел или затаился), но посмотрела ему в глаза и поняла, что передо мной Сет. Они оба используют одну пару глаз, вроде бы глаза меняться не

должны, но они меняются. У Сета глаза светлее, они полны чувств, о существовании которых Тэк даже не догадывается.

— Я разбила мамино блюдо, — сказала я. — Это все, что оставалось у меня от нее, и оно выскользнуло из моих пальцев.

Тут уж мне стало совсем плохо, я подтянула колени к груди, обхватила их руками, положила на них голову и зарыдала. Сет подошел ближе, обнял меня за шею своими ручонками, прижался ко мне. И тут со мной что-то случилось. Что-то удивительное. Точно я объяснить не смогу, но я словно перенеслась в Мохок к Джэн. Тэк может втоптать меня в грязь, показать, что я всего лишь червь в выгребной яме. Он счастлив, когда мне плохо. Когда человеку плохо, тот выделяет какие-то флюиды, которые Тэк слизывает с кожи, как ребенок лизет мороженое. Я знаю, что слизывает.

На этот раз произошло обратное... Слезы прекратились, на место грусти пришла радость... не экстаз, но что-то вроде этого. Уверенность в завтрашнем дне, оптимизм, я точно знала, что в конце концов все образуется. Более того, уже все хорошо, только я не могу этого видеть в силу ограниченности своего мозга. Радость возрастала и возрастала, переполняя меня. Так хорошая еда заполняет желудок голодного человека, вызывая массу положительных эмоций. Я возрождалась.

Это сделал Сет. Сделал, когда обнимал меня. Сделал (я думаю) точно так же, как Тэк наполняет меня плохим настроением и предчувствием беды. Когда Тэк этого хочет, он втоптывает меня в грязь. Но сделать это он может, лишь подпитываясь энергией Сета. И я думаю, Сет сегодня днем снял с меня грусть толь-

ко потому, что смог подпитаться энергией Тэка. Я уверена, что Тэк об этом ничего не знал, иначе он бы остановил Сета.

Вот тут меня и осенило: возможно, Сет сильнее, чем думает Тэк.

Гораздо сильнее.

Глава 13

1

Джонни не знал, как долго он просидел на стуле в кухне, сотрясаясь от рыданий, прежде чем почувствовал, что чья-то мягкая рука коснулась его шеи. Он поднял голову и увидел продавщицу с двухцветными волосами. Стива рядом с ней не было. Джонни посмотрел в окно гостиной, с того места, где он сидел, ему было видно это окно. Стив стоял на лужайке перед домом Уайлеров, повернувшись в сторону магазина. Некоторые сирены стихли (автомобили, на которых они были установлены, прибыли на Тополиную улицу и остановились), другие по-прежнему выли.

— С вами все в порядке, мистер Маринвилл?

— Да. — Он попытался сказать что-то еще, но с губ сорвалось рыдание. Джонни вытер нос тыльной стороной ладони и выдавил из себя некое подобие улыбки. — Синтия, не так ли?

— Да, Синтия.

— А я Джонни. Просто Джонни.

— Хорошо. — Она смотрела на обнявшиеся тела. Голова Одри откинута назад, глаза закрыты, лицо застыло, словно маска. Голенький мальчик был по-прежнему похож на младенца, умершего при родах.

— Посмотрите на них, — прошептала Синтия. — Как он обнимает ее. Должно быть, он очень ее любил.

— Он ее убил, — возразил Джонни.

— Этого не может быть!

Джонни мог ей посочувствовать, это было очередное потрясение, но шок, отразившийся на лице Синтии, не менял того, что он знал.

— Тем не менее это так. Он приказал Кэмми выстрелить в нее.

— Приказал выстрелить? Как он мог ей приказать?

— Мог. Точно так же, как артиллерийский разведчик во Вьетнаме приказывал стрелять по определенному квадрату джунглей. Я слышал его. — И Джонни постучал себе по виску.

— Вы говорите, что Сет приказал Кэмми убить их обоих?

Джонни кивнул.

— А может, это сделал тот, другой? Вы могли слышать его...

Джонни покачал головой:

— Нет. Это был Сет, не Тэк. Я узнал его голос. — Он помолчал, глядя на мертвого ребенка, потом поднял глаза на Синтию. — Даже у меня в голове он говорил в нос.

2

К домам вернулся прежний вид, Стив это видел, однако это не означало, что они стали такими же, как прежде. Всем крепко досталось. Дом Хобартов уже не горел, ливень сбил огонь, но над пожарищем поднимался дымок. Огонь поработал и с бунгало Старины Дока. Языки копоти вырывались из окон и пятнали стены. Стоявший между ними дом Питера и Мэри Джексон превратился в руины.

На улицу уже прибыли две пожарные машины, еще несколько машин спешили следом. По траве змеились коричневые шланги. Хватало и патрульных машин. Три припарковались у дома Энтрегьяна, где

под синей пленкой лежало тело разносчика газет (а неподалеку нашел свою смерть Ганнибал). На крышах машин вспыхивали и гасли «маячки». Еще две патрульные машины застыли на вершине холма, блокировав выезд на Медвежью улицу.

Вряд ли полицейские смогут помешать, если регуляторы вернутся, подумал Стив. Они просто сметут полицейский кордон.

Только вернуться регуляторы не могли. Об этом говорил солнечный свет, на это указывали далекие раскаты грома. Они тут побывали, это правда, доказательства Стив видел перед собой: сожженные и разрушенные дома, но случилось это в другом времени и в другом пространстве, о которых копы ничего не знают и едва ли захотят узнать. Стив посмотрел на часы и не очень-то удивился, увидев, что они вновь ходят. На часах было 17.20. Похоже, его «Таймекс» показывал реальное время.

Стив перевел взгляд на полицейских. Некоторые достали оружие, другие — нет. Никто не представлял себе, что следует делать в такой ситуации. Стив их вполне понимал. Они видели перед собой стрельбище, а в соседних кварталах не слышали ни единого выстрела. Гром — да, но ружейные выстрелы, по грохоту сравнимые с разрывами снарядов? Разумеется, нет.

Полицейские увидели Стива, стоящего на лужайке, и один из них взмахом руки позвал его к себе. Одновременно двое других замахали руками, указывая на дом Уайлеров. Они ничего не понимали, и Стив их за это не винил. Что-то здесь произошло, они это видели, но что?

«Вам потребуется время, чтобы разобраться, что к чему, — думал Стив, — но в конце концов вы най-

дете какое-нибудь удобоваримое объяснение. Вы всегда его находите. Авария летающей тарелки в Розуэлле, штат Нью-Мексико, пустой корабль посреди Атлантического океана, улица respectable пригорода в Огайо, превращенная в тир, вы непременно находите, что сказать. Вы никого не поймаете, готовы спорить на последний доллар, что не поймаете, и не поверите ни единому слову из того, что мы вам расскажем (чем меньше мы будем рассказывать, тем лучше для нас), но в конце концов вы что-нибудь найдете, что-то такое, что позволит вам зачехлить оружие... и спать по ночам. И знаете, что я на это скажу? **НЕТ ПРОБЛЕМ.**

Вот что! **НИКАКИХ... ГРЕБАННЫХ... ПРОБЛЕМ!**»

Один из копов нацелил на него матюгальник. Стив не возражал. Лучше матюгальник, чем ружье.

— **ВЫ ЗАЛОЖНИК?** — полюбопытствовал мистер Матюгальник. — **ИЛИ ВЫ ВЗЯЛИ КОГО-ТО В ЗАЛОЖНИКИ?**

Стив улыбнулся, сложил руки рупором и прокричал в ответ:

— *Я Весы! Дружелюбен с незнакомцами, люблю поболтать!*

Пауза. Мистер Матюгальник посоветовался с коллегами. Потом вновь повернулся к Стиву:

— **МЫ ВАС НЕ ПОНЯЛИ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОВТОРИТЕ!**

Стив не повторил. Большая часть его жизни прошла в шоу-бизнесе, поэтому он знал, как легко запороть хорошую шутку. Копы все прибывали. Целые колонны чернобелых автомобилей с включенными мигалками. Пожарные машины, два автомобиля «Скорой помощи», броневик. Копы пропускали

только пожарных. Стив, правда, полагал, что благодаря грозе огню уже не разгуляться.

На другой стороне улицы Дэйв Рид и Сюзи Геллер вышли из дома Карверов. Обнявшись. Они осторожно переступили через тело девушки на крыльце и направились к тротуару. Следом за ними Белинда и Брэд Джозефсон вывели детей Карверов, расположив их так, чтобы они не увидели мертвого отца, лежащего на подъездной дорожке. Последним появился Том Биллингсли. В руках он держал белую скатерть. Том развернул ее и накрыл тело девушки, не обращая внимания на мужчину у подножия холма, который что-то кричал ему в матюгальник.

— Где моя мама? — крикнул Дэйв Стиву. В глазах его застыли страх и безмерная усталость. — Вы видели мою маму?

И Стив Эмес, который строил жизнь по принципу: *NULLO IMPEDIMENTUM*, не нашелся с ответом.

3

Джонни на цыпочках вышел в гостиную, осторожно огибая лужу крови и ошметков мозга вокруг тела Кэмми. Миновав эту преграду, он прибавил шагу. С нервами Джонни уже совладал, слезы прекратились, и он полагал, что это хорошо. Почему, Джонни не знал, но полагал, что хорошо. Он посмотрел на часы над каминной полкой. 17.23. Похоже на правду.

Синтия схватила его за руку. Джонни повернулся к ней, недовольный задержкой. Через окно он видел, что остальные выжившие собираются в кучку на

мостовой. Пока они игнорировали обращения коп-пов, которые не знали, то ли подниматься по склону, то ли оставаться у подножия холма. И Джонни хотел присоединиться к своим до того, как копы примут какое-то решение.

— Он ушел? — спросила Синтия. — Тэк... этот красный рой... он ушел?

Через раскрытую дверь Джонни посмотрел в кухню. С большой неохотой, но посмотрел. Красного там хватало: на стенах, даже на потолке, не говоря уже про пол, но роя красных искр, который пытался найти тихую гавань в голове Кэмми Рид после того, как она убила его предыдущего хозяина, Джонни не заметил.

— Он умер, когда у Кэмми разорвалась голова? — Девушка с мольбой смотрела на Джонни. — Скажите, что умер, а? Сделайте мне приятное, скажите, что умер.

— Должно быть, умер, — кивнул Джонни. — В противном случае он попытался бы влезть в голову кого-нибудь из нас.

Синтия шумно выдохнула.

— Да. Это логично.

Логика логикой, но Джонни в это не верил. «Я знаю вас всех, — сказала эта тварь. — Я вас всех найду. Я выслежу вас». Может, и выследит. А может, ей будет не до нас. В любом случае сейчас волноваться об этом не имело смысла.

Тэк ах ван! Тэк ах лах! Ми хим ен тоу!

— Что такое? — спросила Синтия. — Что опять не так?

— О чем вы?

— Вы весь дрожите.

Джонни улыбнулся.

— Вспомнил, чего не следовало. — Он взял ее за руку. — Пошли. Поглядим, как идут дела у остальных.

4

Они уже вышли из дома и направились к мостовой, когда Синтия остановилась как вкопанная.

— Боже мой, — вырвалось у нее. — Господи, посмотрите!

Джонни повернулся. Грозовой фронт уходил к западу, от него осталось лишь одно облако. Оно висело над центром Колумбуса, связанное с Огайо полосой дождя, и по форме напоминало ковбоя, мчащегося на сером скакуне. Голова лошади была направлена на восток, к Великим озерам, а хвост тянулся на запад, к прериям и пустыням. Шляпу ковбой держал в одной руке, возможно, он кому-то хотел ею помахать. Джонни раскрыв рот наблюдал, как молнии подсвечивают голову ковбоя.

— Всадник-призрак, — воскликнул Брэд. — Святое дерьмо, призрак скачет по небу. Ты его видишь, Би?

Синтия прижала руку ко рту, заглушая стон, ее глаза вылезли из орбит, голова качалась из стороны в сторону, словно она отказывалась верить своим глазам. Остальные тоже смотрели на небо, но не копы и не пожарные, которых занимало другое, а те из жителей Тополиной улицы, кто пережил набег регуляторов.

Стив взял Синтию за руки и привлек к себе.

— Не бойся. Он не причинит нам вреда. Это всего лишь облако, и бояться его не стоит. Оно уже уходит. Видишь?

Стив говорил правду. В боку лошади появились прорехи, сквозь которые пробивались солнечные лучи. Возвращалось лето, жаркое, солнечное, навещающее мысли об арбузе и «кул-эйде». Стив посмотрел вниз. Одна патрульная машина на самой малой скорости приближалась к ним, перекатываясь через пожарные шланги. Стив повернулся к Джонни:

- Он того?
- Что того?
- Он покончил с собой, этот мальчик?
- Я не знаю, можно ли назвать это по-другому, — ответил Джонни, но он понимал, чем вызван вопрос хиппи: самоубийством тут не пахло.

Патрульная машина остановилась. Из нее вылез мужчина в форме цвета хаки, в избытке расшитой золотом. Его ярко-синие глаза прятались в сетке морщин. В руке мужчина держал большой револьвер. Кого-то он Джонни напоминал, и мгновение спустя Джонни понял, кого именно: Бена Джонсона, который одинаково убедительно изображал как добропорядочных фермеров (дочери которых обычно тянули на победительниц конкурса красоты), так и злобных преступников.

— Кто-нибудь, во имя Иисуса Христа, Спасителя нашего, может мне сказать, что здесь произошло? — спросил мужчина.

Никто не ответил, и мгновение спустя Джонни понял, что все смотрят на него. Он выступил вперед, прочитал надпись на маленькой пластине над нагрудным карманом мужчины.

- Преступники, капитан Ричардсон.
- Простите?
- Преступники. Регуляторы. Бандиты из прерий.
- Мой друг, если вы находите что-то забавное...

— Нет, сэр. Ни в коем разе. Вот там, к примеру, вы не увидите ничего забавного. — Джонни указал на дом Уайлеров и внезапно вспомнил о своей гитаре. Вспомнил с удовольствием, как вспоминают о стакане ледяного чая, когда жарко и хочется пить. Как хорошо, подумал Джонни, сидеть сейчас на крыльце и наигрывать «Балладу о Джесси Джеймсе»*. Ту, что начиналась со слов: «О Джесси, жена скорбит о тебе...» Джонни подумал, что от его гитары могли остаться одни щепки, дом-то потрепало изрядно, вроде бы даже его сдвинуло с фундамента, но, с другой стороны, гитара могла и уцелеть. Уцелели же некоторые из них. Не получили ни единой царапинки.

Джонни смотрел на свой дом, а баллада уже звучала в его ушах: «О Роберт Форд, о Роберт Форд, что у тебя на душе? Ты же спал в кровати Джесси, ел его хлеб, а теперь отправил Джесси в могилу».

— Эй! — воскликнул коп с внешностью Бена Джонсона. — Куда это вы направились?

— Спеть песню о хороших и плохих парнях, — ответил Джонни и пошел дальше, наклонив голову, чувствуя шеей жар летнего солнца.

* Джеймс, Джесси (1847–1882) — знаменитый бандит, герой многочисленных вестернов, баллад и преданий. Грабил банки и поезда, но считался Робин Гудом. Убит в Сент-Луисе Робертом Фордом, бывшим сообщником, ставшим полицейским агентом.

Письмо миссис Патриции Аллен, отправленное Кэтрин Энн Гудлоув, проживающей в Монтпилиере, штат Вермонт:

**МОХОК
МАУНТИН-ХАУЗ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ**

19 июня 1986 г.

Дорогая Кэти!

Мохок — самое прекрасное место в мире, я в этом убеждена. Медовый месяц — девять лучших дней моей жизни. И ночей!!! Меня воспитывали в убеждении, что о некоторых вещах говорить неприлично, однако позволь сказать тебе, что мои страхи оказались абсолютно беспочвенными. Я-то боялась, что напрасно берегла до свадьбы «самое дорогое». Не напрасно. Потому что теперь я чувствую себя ребенком, которому подарили кондитерскую фабрику.

Но хватит об этом. Я пишу тебе не для того, чтобы рассказывать о сексуальной жизни (пусть и превосходной) новоиспеченной миссис Аллен или о красоте Кэтскиллз. Я пишу, потому что Том сейчас внизу, в тире, а я знаю, что ты обожаешь «истории с привидениями». Тем более что мы живем в старом отеле, а ты единственная из моих знакомых, кто зачитал до дыр не один экземпляр «Сияния», а два! Если бы это была всего лишь история,

Озеро Мохок, Нью-Полтц, штат Нью-Йорк
12561

МОХОК
МАУНТИН-ХАУЗ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

я бы, наверное, подождала до нашего возвращения, чтобы мы с Томом рассказали ее тебе при встрече. Но у меня есть шанс приобрести сувениры этой «сказки из прошлого», вот я и взялась за перо в этот прекрасней вечер, когда по безоблачному небу плывет полная луна.

«Мохок маунтин-хауз» открылся в 1869 году, поэтому имеет право считаться старым отелем. И хотя он не чета «Высоте» Стивена Кинга, тут хватает аномальных явлений и населенных привидениями коридоров. Естественно, есть тут и свои страшные истории, но в той, что я хочу тебе пересказать, нет ни одиноких дам начала столетия, ни самоубийц, погоревших на бирже в 1929 году. Эти два призрака, речь идет именно о двух, два по цене одного, появились здесь только четыре года назад. В этом я абсолютно уверена, потому что наводила справки у разных людей, а здешний персонал только поощряет подобные разговоры, полагаю, «охота за призраками» — дополнительная приманка для потенциальных клиентов!

Короче, на территории прилегающего к отелю парка разбросано около сотни симпатичных беседок. Поставлены они с умом, чтобы из каждой открывался красивый вид. Одна расположена на северной границе луга, в трех милях от отеля. На карте у луга

Озеро Мохок, Нью-Полтц, штат Нью-Йорк

12561

МОХОК
МАУНТИН-ХАУЗ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

названия нет (сегодня утром я специально заглянула в нее), но персонал называет его Луг матери и сына,

Призраки этих самых матери и сына впервые были замечены на лугу летом 1982 года. Появлялись они только в этой самой беседке, которая стоит на вершине холма. Луг от беседки сбегает к каменной стене, увитой плющом и заросшей шиповником. Пожалуй, в парке это не самое красивое место, но думаю, именно его я буду вспоминать в будущем, возвращаясь мыслями к своему медовому месяцу. Оно дышит удивительным покоем. Может, все дело в запахе луговых цветов или мерном жужжании пчел. Не знаю. Но оставим цветы, пчел и увитую плющом стену. Если я знаю свою Кэт, она ждет рассказа о призраках. В них нет ничего странного, поэтому не питай на сей счет ложных надежд, но по крайней мере их появление задокументировано. Адриан Гивенс, консьерж, заверил меня, что их видели никак не меньше трех десятков человек. И хотя никто из свидетелей не знал друг друга, то есть о сговоре не может быть и речи, описания призраков на удивление совпадают. Женщине, судя по показаниям свидетелей, тридцать с небольшим лет, она симпатичная, с длинными ногами и каштановыми волосами. Ее сын (некоторые свидетели отмечали их сходство) маленький и худенький,

Озеро Мохок, Нью-Полтц, штат Нью-Йорк

12561

МОХОК
МАУНТИН-ХАУЗ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

лет шести. Волосы каштановые, как и у женщины. Его лицо описывалось как «интеллигентное», «живое» и даже «прекрасное». Хотя их видели разные люди и в разное время, различий в описании одежды нет. Женщина в блузе без рукавов, синих шортах для бега и кроссовках, мальчик в боксерских трусах, футболке и ковбойских сапожках. Именно ковбойские сапожки поразили меня больше всего, Кэт! С чего бы разным людям так странно одевать мальчика, если уж они все это выдумали? Защита безмолвствует.

Несколько человек предположили, что это реальнее люди, возможно, даже сотрудница «Мохока» и ее сын, потому что они оставляют материальные доказательства своего присутствия (тогда как после призраков, насколько мне известно, остается разве что дуновение холодного воздуха или неприятный запах). Все сувениры они оставляли только в одной беседке, о которой я упоминала выше. Хочешь знать какие? Не упали со стула. Тарелки с недоеденными спагетти «Шефа Бойярди»! Да-да! Я понимаю, это звучит дико, но подумай вот о чем. Помимо хот-догов, есть ли у детей более любимое лакомство, чем спагетти «Шефа»?

Оставалось и другое: игрушки, книжка-раскраска, маленькая серебряная пудреница, которая могла принадлежать симпатичной мамочке, но меня больше все-

Озеро Мохок, Нью-Полтн, штат Нью-Йорк

12561

МОХОК
МАУНТИН-ХАУЗ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

го поражают тарелки с недоеденными спагетти! Кто слышал о призраке, улетающем за обе щеки спагетти? И еще сюрприз. Осенью 1984 года в беседке нашли детский пластмассовый проигрыватель. Знаешь, какая на нем стояла пластинка? Битловские «Земляничные поляны». Одно сходится с другим, не так ли?

Адриан, мой приятель-консьерж, только смеется, когда я начинаю убеждать его, что все это подстроено, что призраки не могут оставлять после себя ничего материального (а также топтать траву или оставлять следы в беседке). «Обычные призраки не могут, — соглашается он, — но, возможно, это необычные призраки. К примеру, те, кто их видел, говорят, что они непрозрачные, то есть сквозь них ничего не видно. Возможно, они совсем и не призраки, вы об этом не думали? Может, они люди, живущие в параллельном мире, который пересекается с нашим только в этой беседке?» Конечно, у приезжающих в Мохок на несколько дней или недель таких мыслей возникнуть не может. Для этого надо здесь жить.

По словам Адриана, люди, уверенные, что это розыгрыш, трижды предпринимали попытки поймать мать и сына, и всякий раз они заканчивались провалом (хотя однажды «охотники» принесли с собой очередную тарелку с недоеденными спагетти). К тому же Адри-

Озеро Мохок, Нью-Полтц, штат Нью-Йорк

12561

МОХОК
МАУНТИН-ХАУЗ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

ан говорит (и я нахожу это чрезвычайно интересным), что за четыре года призраки в Мохоке ни на йоту не изменились. Будь они настоящими людьми, мальчик не мог бы остаться шестилетним, не правда ли?

Теперь, разумеется, история подошла к тому моменту, когда пора признаваться, что я сама видела призраков. К сожалению, не видела. Ни теперь, ни раньше, вообще не видела. Но я готова показать под присягой, что в луге этом есть что-то особенное, что-то, только не смейся, святое. Я не видела призраков, но ощутила на себе их присутствие. Я отправилась туда без Тома, чтобы меня ничего не отвлекало, и сразу поняла, что место это очень и очень необычное. И я всем своим существом чувствовала, что за мной кто-то наблюдает.

А потом, когда я вошла в беседку и села лицом к каменной стене, я нашла улики, которые и посылаю тебе. Они настоящие, в них нет ничего призрачного, но очень уж они странные. Или ты так не думаешь?

Наиболее интересна кукла, женщина в синих шортах. Судя по всему, она из тех игрушек, которые делают по мотивам фильмов, как художественных, так и мультипликационных. Достаточно вспомнить «Звездные войны» и тамошних роботов. Я три года проработала в детском саду и думала, что перевида-

Озеро Мохок, Нью-Полтц, штат Нью-Йорк

12561

МОХОК
МАУНТИН-ХАУЗ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

ла все такие игрушки. Но эту увидела впервые. Обычно дети очень дорожат подобными игрушками, даже дерутся из-за них на игровой площадке. А эта валялась в углу, словно ее выбросили. Сбереги ее для меня, Кэт, и осенью я покажу ее в детском саду... но я и сейчас готова спорить, что дети увидят эту игрушку впервые и все захотят с ней поиграть! Я думаю о том, что говорил Адриан, о том, что мать и сын могут жить в параллельном мире, и иной раз (вернее, зачастую) мне представляется, будто мисс Рыжеволоска пришла именно из того, отличного от нашего, мира! От этой мысли у тебя бежут по коже мурашки? У меня бежут.

За окном поднимается ветер, лампы мигают. Пора заканчивать.

И еще рисунок. Я нашла его в той же беседке под столом. Ты же у нас художница, вот я и хочу узнать, что ты думаешь по этому поводу. Это тоже розыгрыш? Выдумка какого-нибудь местного сорванца, подшучивающего над отдыхающими? Или я нашла картину, нарисованную призраком? Интересное предположение, правда?

Ладно, милая, вот тебе и страшная история на ночь. Я укладываю все в маленькую коробочку, купленную в местном магазинчике сувениров, и иду вниз,

Озеро Мохок, Нью-Полтц, штат Нью-Йорк

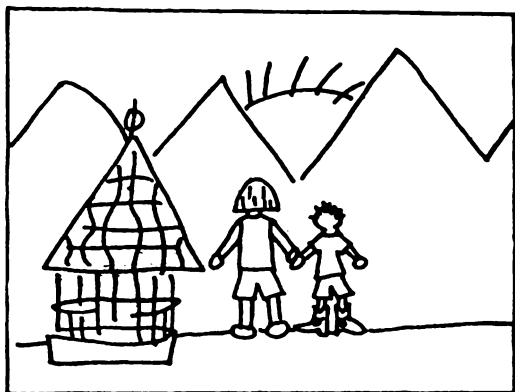
12561

чтобы посмотреть, удастся ли мне оторвать Тома от его теперешнего занятия и уложить в постель. Откровенно говоря, я заранее уверена, что проблем у меня не возникнет.

Я без ума от семейной жизни, и мне нравится Мохок, с призраками или без оных.

Твоя верная поклонница Пэт.

P.S. Пожалуйста, сбереги для меня и рисунок, хорошо? Я хочу оставить его у себя. Розыгрыш это или нет, но я думаю, от него веет любовью. И чувством обретения дома. П.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

**Кинг Стивен
(Бахман Ричард)
РЕГУЛЯТОРЫ**

Роман

Ответственный редактор *А. Батурина*
Технический редактор *Т. Полонская*

Подписано в печать 09.09.2017. Формат 76х100 ¹/₃₂
Усл. печ. л. 19,6. Доп. тираж 3000 экз. Заказ №8710.

ООО «Издательство АСТ»
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 болме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-
талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған
Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-17-101176-5

9 785171 011765 >

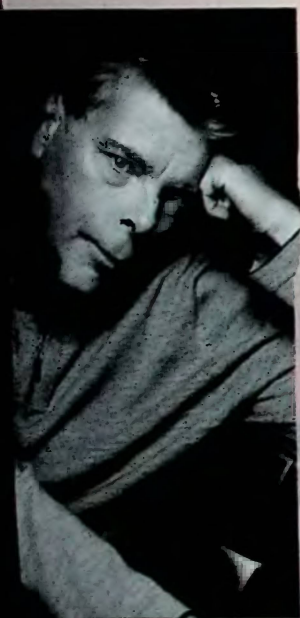

Прекрасный летний денек в маленьком американском городке, и все идет как всегда, но...

Тварь Тьмы, вселившаяся в восьмилетнего мальчика, высасывает из людей силы жизни...

Из ниоткуда возникает машина смерти — и воздух взрывается автоматной очередью, выпущенной по детям...

В одно мгновение привычный мир рушится и становится реальным все самое страшное — то, что можно представить, и то, что даже невозможно вообразить!

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов. Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», жемчужина фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-101176-5

9 785171 011765